

Журнал по психологическим
и когнитивным наукам

Психология.
Историко-критические
обзоры и современные
исследования

Том 13, № 2А, 2024.
С. 1-218.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Journal of Psychology
and Cognitive Science

Psychology.
Historical-critical
Reviews and Current
Researches

February 2024, Volume 13, Issue 2A.

Pages 1-218.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования» Том 13, № 2А, 2024

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Семёнов Игорь Никитович, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, *Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ)* – главный редактор журнала.

Савина Надежда Николаевна, доктор психологических наук (5.3.1), доктор педагогических наук, профессор – заместитель главного редактора.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и когнитивистики. Материалы открывают дискуссии по проблемам общей, возрастной, педагогической, социальной, коррекционной, клинической психологии и смежных наук. Журнал также пропагандирует идеи символизма и коннекционизма и содействует распространению знаний о моделировании когнитивных систем. В статьях формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование психодиагностической и психокоррекционной деятельности.

Авторами статей являются ведущие специалисты в области психологии и когнитивной науки, а также исследователи, работающие над диссертациями по проблемам психологических наук и междисциплинарных исследований мозга и языка.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	И.Н. Семенов, доктор психологических наук (5.3.1)
Зам. главного редактора	Н.Н. Савина, доктор психологических наук (5.3.1), доктор педагогических наук
Научный редактор и переводчик	А.А. Маркова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43674 от 24.01.2011.

ISSN 2223-5477.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».

Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»:

43049 «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования».

Цена договорная. Печ. л. 29,5. Формат 60x90/8.

Дата выхода в свет: 30.12.2024.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7533.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сушецкий вал, 49.

"Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches" February 2024, Volume 13, Issue 2A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Semenov Igor' Nikitovich, Doctor of Psychology (5.3.1), Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; *Moscow City University* – editor-in-chief.

Savina Nadezhda Nikolaeвна – Doctor of Psychology (5.3.1), Doctor of Pedagogy, Professor – deputy editor-in-chief.

The journal publishes the results of theoretical and applied research in the field of psychology and cognitive science. The materials stimulate discussions on the problems of general, developmental, educational, social, correctional, clinical psychology and related sciences. The journal also promotes the ideas of symbolism and connectionism and contributes to the dissemination of the knowledge of cognitive modeling. The articles formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving psychodiagnostic and psychocorrective activities.

The articles are written by leading experts in the field of psychology and cognitive science, as well as researchers working on dissertations devoted to the problems of psychological sciences and interdisciplinary studies of the brain and language.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches" ("*Psikhologiya. Istorikokriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	I.N. Semenov, Doctor of Psychology (5.3.1)
Deputy editor-in-chief	N.N. Savina, Doctor of Psychology (5.3.1), Doctor of Pedagogy
Science editor and translator	A.A. Markova
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012. The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43674 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5477.

Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".

Subscription index of the Catalog of periodicals "Ural-Press":

43049 "Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches".

Contract price. 29.5 printed sheets. Format 60x90/8.

Date of release: 30.12.2024.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7533.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Мазилев Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского.

Савина Надежда Николаевна – заместитель главного редактора, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор.

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук, профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

по направлению: 5.3.2. Психофизиология

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Каменская Валентина Георгиевна – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры психологии, психофизиологии и, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.

Котова Светлана Аркадьевна – кандидат психологических наук, доцент, директор Института Психологии, РГПУ им. А.И. Герцена.

Черноризов Александр Михайлович – доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

по направлению: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Лысаков Николай Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры № 920, Национальный исследовательский университет – Московский авиационный институт.

Моргунов Евгений Борисович – доктор психологических наук, доцент, декан факультета практической психологии, ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук».

Сокольская Марина Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения РФ.

по направлению: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, Тихоокеанский государственный университет.

Зеер Эвальд Фридрихович – доктор психологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры психологии профессионального развития, Российский государственный профессионально-педагогический университет.

Сыманюк Эльвира Эвальдовна – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, директор Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

по направлению: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Клейберг Юрий Александрович – доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, президент АНО «Академия Национального образования и науки», Международная ассоциация девиантологов, лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в области образования.

Козлов Владимир Васильевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.

Миронова Оксана Ивановна – доктор психологических наук, профессор, Деаартамент психологии, Высшая школа экономики.

по направлению: 5.3.6. Клиническая психология

Баранская Людмила Тимофеевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психиатрии, психотерапии и наркологии, Уральский государственный медицинский университет.

Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

Шаповалова Ольга Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционной педагогики, психологии и логопедии, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема.

по направлению: 5.3.7. Возрастная психология

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Волковская Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры логопедии, Институт специального образования и психологии, Московский городской педагогический университет.

Зеер Эвальд Фридрихович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии профессионального развития, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, член-корреспондент Российской академии образования.

Плаксина Любовь Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики и клинических основ дефектологии, Московский государственный педагогический университет.

Плугина Мария Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и специальных дисциплин, Ставропольский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ.

по направлению: 5.3.8. Коррекционная психология и дефектология

Волкова Ирина Павловна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой основ дефектологии и реабилитологии, Институт дефектологического образования и реабилитации, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Волковская Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры логопедии, Институт специального образования и психологии, Московский городской педагогический университет.

Плаксина Любовь Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики и клинических основ дефектологии, Московский государственный педагогический университет.

Шаповалова Ольга Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционной педагогики, психологии и логопедии, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема.

по направлению: 5.12.1. Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, профессор кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор по кафедре философии, заведующий кафедрой Онтологии и теории познания, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор Российской Академии образования.

Лысаков Николай Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры № 920, Национальный исследовательский университет – Московский авиационный институт.

Моргунов Евгений Борисович – доктор психологических наук, доцент, декан факультета практической психологии, ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук».

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

по направлению: 5.12.2. Междисциплинарные исследования мозга

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Ишанов Сергей Александрович – доктор физико-математических наук, доцент, профессор ОНК «Институт высоких технологий», Балтийский Федеральный университет им. И. Канта.

Солодов Александр Александрович – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладной математики и программирования, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина.

Черноризов Александр Михайлович – доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

по направлению: 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, профессор кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

Сердечная Вера Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения, Кубанский государственный университет.

по направлению: 5.12.4. Когнитивное моделирование

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор по кафедре философии, заведующий кафедрой Онтологии и теории познания, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор Российской академии образования.

Ишанов Сергей Александрович – доктор физико-математических наук, доцент, профессор ОНК «Институт высоких технологий», Балтийский Федеральный университет им. И. Канта.

Солодов Александр Александрович – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладной математики и программирования, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина.

по направлению: 3.2.5. Медицинская психология

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Баранская Людмила Тимофеевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психиатрии, психотерапии и наркологии, Уральский государственный медицинский университет.

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Плугина Мария Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и специальных дисциплин, Ставропольский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ.

Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

Editorial board

5.3.1. General psychology, personality psychology, history of psychology

Mazilov Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia).

Savina Nadezhda Nikolaevna – Deputy Chief Editor, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

5.3.2. Psychophysiology

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Kamenskaya Valentina Georgievna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology, Psychophysiology; Bunin Yelets State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Russia).

Chernorizov Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Kotova Svetlana Arkad'yevna – PhD in Psychology, Associate Professor, Director of the Institute of Psychology, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics

Lysakov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department No. 920, Moscow Aviation Institute (Russia).

Morgunov Evgenii Borisovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Practical Psychology, Moscow School of Social and Economic Science (MSEES) (Russia).

Sokol'skaya Marina Vyacheslavovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Social Work, Pirogov Russian National Research Medical University (Pirogov Medical University) (Russia).

5.3.4. Educational psychology, psychodiagnostics of digital educational environments

Borzova Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Pacific National University (Russia).

Zeer Eval'd Fridrikhovich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Professional Development, Russian State Professional Pedagogical University; Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in Education, Corresponding Member of Russian Academy of Education (Russia).

Symanyuk El'vira Eval'dovna – Doctor of Psychology, Professor, Director of the Ural Humanitarian Institute, Ural federal University; Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Russia).

5.3.5. Social psychology, political and economic psychology

Kozlov Vladimir Vasil'evich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social and Political Psychology, Yaroslavl State University (Russia).

Klayberg Yurii Aleksandrovich – Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor, President of Academy of National Education and Science, International Association of Deviantologists, Laureate of the State Prize of the Government of the Russian Federation in Education (Russia).

Mironova Oksana Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology, Higher School of Economics (Russia).

5.3.6. Clinical psychology

Baranskaya Lyudmila Timofeevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychiatry, Psychotherapy and Narcology, Ural State Medical University (Russia).

Fotekova Tat'yana Anatol'evna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of General Professional Disciplines, Khakass State University (Russia).

Shapovalova Ol'ga Evgen'evna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Therapy, Sholem Aleichem Priamursky State University (Russia).

5.3.7. Age psychology

Belov Vasilii Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Volkovskaya Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, at the Department of Speech Therapy, Institute of Special Education and Psychology, Moscow City University (Russia).

Zeer Eval'd Fridrikhovich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Professional Development, Russian State Professional Pedagogical University; Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in Education, Corresponding Member of Russian Academy of Education (Russia).

Plaksina Lyubov' Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Oligophrenopedagogy and Clinical Fundamentals of Defectology, Moscow State Pedagogical University (Russia).

Plugina Mariya Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Psychology and Special Disciplines, Stavropol State Medical University (Russia).

5.3.8. Correctional psychology and defectology

Volkova Irina Pavlovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Fundamentals of Defectology and Rehabilitation, Institute of Defectology Education and Rehabilitation, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

Volkovskaya Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, at the Department of Speech Therapy, Institute of Special Education and Psychology, Moscow City University (Russia).

Plaksina Lyubov' Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Oligophrenopedagogy and Clinical Fundamentals of Defectology, Moscow State Pedagogical University (Russia).

Shapovalova Ol'ga Evgen'evna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Therapy, Sholem Aleichem Priamursky State University (Russia).

5.12.1. Interdisciplinary research on cognitive processes

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University (Russia).

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University; Professor of the Russian Academy of Education (Russia).

Lysakov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department No. 920, Moscow Aviation Institute (Russia).

Morgunov Evgenii Borisovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Practical Psychology, Moscow School of Social and Economic Science (MSSES) (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

5.12.2. Interdisciplinary brain research

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Belov Vasilii Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Ishanov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor, Professor of the Institute of High Technologies, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia).

Solodov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Engineering, Professor, Professor of the Department of Applied Mathematics and Programming, Moscow State University of Design and Technology (Russia).

Chernorizov Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.12.3. Interdisciplinary language studies

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

Serdechnaya Vera Vladimirovna – Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Literature and Comparative Cultural Studies, Kuban State University (Russia).

5.12.4. Cognitive modeling

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University; Professor of the Russian Academy of Education (Russia).

Ishanov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor, Professor of the Institute of High Technologies, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia).

Solodov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Engineering, Professor, Professor of the Department of Applied Mathematics and Programming, Moscow State University of Design and Technology (Russia).

3.2.5. Medical psychology

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Baranskaya Lyudmila Timofeevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychiatry, Psychotherapy and Narcology, Ural State Medical University (Russia).

Belov Vasili Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Plugina Mariya Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Psychology and Special Disciplines, Stavropol State Medical University (Russia).

Fotekova Tat'yana Anatol'evna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of General Professional Disciplines, Khakass State University (Russia).

Содержание

Общая психология, психология личности, история психологии

- Терехова Татьяна Александровна**
Свитюк Светлана Юрьевна
Семантическое ядро Я-концепции билингвальной личности 5
- Шарафитдинов Абдулла**
Устин Павел Николаевич
Роль эмоционального интеллекта в управлении собой 13

Психофизиология

- Дорошева Елена Алексеевна**
Умняшкин Вячеслав Георгиевич
Психофизиологические механизмы влияния практик осознанности (mindfulness) на когнитивные и регуляторные психические процессы и роль индивидуально-личностных predispositions в эффективности применения данных практик 21
- Дорошева Елена Алексеевна**
Бурова Татьяна Сергеевна
Обзор исследований двухфакторной модели алекситимии и ее психофизиологических оснований и валидность измерительного инструментария 33
- Ахматханова Хава Хуважибаудыевна**
Шенбергер Евгения Борисовна
Садовникова Анна Владимировна
Бондарева Ольга Олеговна
Дубинина Ирина Викторовна
Исследование когнитивных функций и мнестической сферы у детей с локальными поражениями мозга в области мозжечка 44

Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

- Абдуллаева Алия Салаватовна**
Горяева Светлана Николаевна
Особенности межличностных отношений у медицинских работников 52
- Занин Дмитрий Сергеевич**
Царева Екатерина Александровна
Особенности мотивации профессиональной деятельности у представителей поколений X, Y, Z в зависимости от уровня их приязаний 61

Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

- Рамазанова Евгения Алексеевна**
Оценка коммуникативной компетентности у детей с ОВЗ методом психолого-педагогического симбиоза 72
- Башкина Ольга Александровна**
Шаповалова Марина Александровна
Абдуллаева Алия Салаватовна
Перфекционизм и уровень стрессового состояния у клинических ординаторов разных специальностей 82
- Богданов Роман Александрович**
Зарипова Мария Юрьевна
Теоретические основы методики обучения критическому мышлению в начальной школе 90
- Бикметов Илья Александрович**
Особенности копинг-стратегии студентов технического колледжа с различной степенью погружения в интернет-среду 98
- Писарчук Татьяна Михайловна**
Адаптация курсантов на начальном и завершающем этапах обучения 107

Шаповалова Ольга Евгеньевна Творческий потенциал студентов, осваивающих профессию дефектолога	113
Тужикова Елена Сергеевна Проявление компьютерной тревожности у студентов разных направлений подготовки	120

Социальная психология, политическая и экономическая психология

Быркианов Андрей Викторович Исследование жизнестойкости как компонента психологической безопасности	131
Лобанова Юлия Игоревна Красильникова Елизавета Игоревна Особенности взаимосвязи эмоций и стиля вождения как фактор аварийности водителя	139
Шилова Елена Вячеславовна Опыт эмпирического исследования социальной ответственности ВИЧ-инфицированных	150
Казберов Павел Николаевич Общие характеристики компетентности психологов в структурной маргинализации осужденных за терроризм	157
Коржова Елена Юрьевна Сидорчук Татьяна Александровна Социально-психологические особенности наставничества в контексте геронтообразования: традиции и вызовы современности	163
Новиков Алексей Валерьевич Социально-психологические характеристики индивида, вовлеченного в непрерывное образование	174
Слабкая Диана Николаевна Психосоциальная работа в уголовно-исполнительной системе	182
Слабкая Диана Николаевна Соотношение психологического благополучия и социально-психологических характеристик личности	189
Карапетьян Сергей Рафикович Миколенко Вячеслав Владимирович Козлов Владимир Васильевич Исследование психологических факторов, определяющих выживание медицинских работников в условиях военных действий	197
Виноградов Алексей Сергеевич Конкурентоспособность в современных социально-психологических условиях	202

Возрастная психология

Голованова Елена Геннадьевна Половозрастные особенности психологического здоровья современных подростков	211
--	-----

Contents

General psychology, personality psychology, history of psychology

- Tat'yana A. Terekhova**
Svetlana Yu. Svityuk
Semantic core of the self-concept of a bilingual personality 5
- Abdulla Sharafitdinov**
Pavel N. Ustin
The role of emotional intelligence in self-management 13

Psychophysiology

- Elena A. Dorosheva**
Vyacheslav G. Umnyashkin
Psychophysiological mechanisms of the influence of mindfulness practices on cognitive and regulatory mental processes and the role of individual-personal predispositions in the effectiveness of their use..... 21
- Elena A. Dorosheva**
Tat'yana S. Burova
Review of studies of the two-factor model of alexithymia and its psychophysiological bases and the validity of measuring instruments 33
- Khava Kh. Akhmatkhanova**
Evgeniya B. Shenberger
Anna V. Sadovnikova
Ol'ga O. Bondareva
Irina V. Dubinina
The study of cognitive functions and the mnestic sphere in children with local brain lesions in the cerebellum 44

Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics

- Aliya S. Abdullaeva**
Svetlana N. Goryaeva
Features of interpersonal relations in medical workers 52
- Dmitrii S. Zanin**
Ekaterina A. Tsareva
Features of motivation for professional activity among representatives of generations X, Y, Z, depending on the level of their aspirations 61

Educational psychology, psychodiagnostics of digital educational environments

- Evgeniya A. Ramazanova**
Assessment of communicative competence in children with limited health capabilities by method of psychological and pedagogical symbiosis 72
- Ol'ga A. Bashkina**
Marina A. Shapovalova
Aliya S. Abdullaeva
Perfectionism and the level of stress among clinical residents of different specialties 82
- Roman A. Bogdanov**
Mariya Yu. Zaripova
Theoretical foundations of the method of teaching critical thinking in primary school..... 90
- Il'ya A. Bikmetov**
Coping aspects of technical college students with varying degrees of internet addiction 98
- Tat'yana M. Pisarchuk**
Adaptation of cadets at the initial and final stages of training 107

Ol'ga E. Shapovalova
Creative potential of students mastering the profession of a defectologist113

Elena S. Tuzhikova
Manifestation of computer anxiety in students of different directions of training120

Social psychology, political and economic psychology

Andrei V. Byrkanov
The study of resilience as a component of psychological security131

Yuliya I. Lobanova
Elizaveta I. Krasil'nikova
Features of the relationship of emotions and driving style as a factor of driver accidents139

Elena V. Shilova
The experience of empirical research on the social responsibility of HIV -infected people150

Pavel N. Kazberov
General characteristics of the competence of psychologists in the structural marginalization of those convicted of terrorism157

Elena Yu. Korzhova
Tat'yana A. Sidorchuk
Socio-psychological features of mentoring in the context of gerontological education: traditions and modern challenges.....163

Aleksei V. Novikov
Socio-psychological characteristics of an individual involved in lifelong education174

Diana N. Slabkaya
Psychosocial work in the penitentiary system.....182

Diana N. Slabkaya
The relationship between psychological well-being and socio-psychological characteristics of the individual.....189

Sergei R. Karapet'yan
Vyacheslav V. Mikolenko
Vladimir V. Kozlov
Study of psychological factors that determine the survival of medical workers in war conditions197

Aleksei S. Vinogradov
Competitiveness in modern socio-psychological conditions202

Age psychology

Elena G. Golovanova
Gender and age characteristics of the psychological health of modern adolescents211

УДК 159.99

Семантическое ядро Я-концепции билингвальной личности

Терехова Татьяна Александровна

Доктор психологических наук, профессор,
Иркутский государственный университет,
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1;
e-mail: terehovata@mail.ru

Свитюк Светлана Юрьевна

Старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2,
Иркутский национальный исследовательский технический университет;
аспирант,
Иркутский государственный университет,
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1;
e-mail: sveta-1984@inbox.ru

Аннотация

В современном глобализованном обществе, где билингвизм становится все более распространенным явлением, исследование семантики Я-концепции билингвальной личности приобретает особую актуальность. Целью данной работы является выявление семантического ядра Я-концепции билингвальной личности. Методы исследования: экспертный опрос, опрос и ранжирование. Семантика Я-концепции билингвальной личности была исследована в два этапа. Первым этапом стал экспертный отбор и ранжирование качеств, необходимых для личности билингва для осуществления успешной межкультурной интеракции. На втором этапе в результате опроса билингвов были выявлены качества, которые, по их мнению, являются значимыми лично для них как для участников успешного межкультурного взаимодействия. Общий объем выборки составил 170 человек, из них 20 человек – эксперты, 150 – билингвы. На основе результатов были выявлены и ранжированы качества, составляющие идеальное Я билингва, а также выявлено ядро идеального билингвального Я. В итоге было определено, что семантическое ядро Я-концепции билингвальной личности составляют такие личностные качества, как толерантность, ценностные ориентации и коммуникативная компетентность.

Для цитирования в научных исследованиях

Терехова Т.А., Свитюк С.Ю. Семантическое ядро Я-концепции билингвальной личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 5-12.

Ключевые слова

Я-концепция, билингвальная личность, семантическое ядро, личностные качества, толерантность, ценностные ориентации, межкультурная коммуникация.

Введение

Исследование семантики Я-концепции билингвальной личности приобретает особую актуальность в современном глобализированном обществе, где билингвизм становится все более распространенным явлением. Понимание семантической структуры Я-концепции личности билингва позволит глубже разобраться в сложном процессе формирования идентичности в условиях взаимодействия двух культурных и языковых систем, выявить особенности представления билингвов о себе в разных культурных и языковых контекстах. Кроме того, представление о семантике идеального билингвального Я поможет определить приоритетность акцента на тех или иных качествах личности билингва в процессе освоения второго языка.

Целью данной работы является выявление семантического ядра Я-концепции билингвальной личности.

Мы предполагаем, что семантическое ядро Я-концепции личности билингва включает в себя качества, являющиеся основой для успешной межкультурной коммуникации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- Рассмотреть понятия «Я-концепции билингвальной личности», «семантическое ядро Я-концепции личности билингва»;
- Подобрать методы для исследования семантического ядра Я-концепции личности билингва;
- Провести исследование, проанализировать и интерпретировать полученные результаты.

Основная часть

Билингвизм, характеризующийся способностью общаться на двух языках, определяется различными учеными по-разному. Согласно Е.М. Верещагину, билингвизм представляет собой когнитивный механизм, позволяющий человеку одновременно использовать два языка в общении [Верещагин, 1969]. А.А. Леонтьев рассматривает билингвизм как способность осуществлять речевое взаимодействие на двух языках, учитывая коммуникативные цели, социальный контекст и возможность выбора языка [Леонтьев, 2005]. Н.Б. Мечковская определяет билингвизм как использование одним человеком нескольких языков в зависимости от коммуникативных задач [Мечковская, 2000]. Билингвальная личность представляет собой многогранный психологический феномен, характеризующийся владением двумя языковыми системами и их средствами. Эти системы активно используются для коммуникации, что предполагает не только знание лексики и грамматики, но и понимание культурных и социальных контекстов обоих языков [Свитюк, 2017].

Я-концепция билингвальной личности является интегративной, системообразующей характеристикой личности в условиях билингвизма [Свитюк, 2023]. Кроме того, свободное владение двумя языками задает структурно-семантические особенности Я-концепции в условиях билингвизма. Необходимым условием успешной интеграции в обществе билингвальной личности является наличие целостного представления о билингвизме, о себе как о билингвальной личности. Поэтому мы считаем, что для более детального исследования Я-концепции билингвальной личности необходимо иметь четкое представление о семантике такой модальности Я-концепции личности билингва, как идеальное билингвальное Я.

Семантическое ядро Я-концепции билингвальной личности понимается нами как неизменная основа ее структуры. Оно включает в себя наиболее важные личностные качества,

которые необходимы билингу для успешного участия в межкультурном взаимодействии.

В работах отечественных и зарубежных ученых были исследованы различные аспекты взаимосвязи семантики и билингвизма. А.Н. Леонтьев отмечал, что индивидуальная система значений является одной из образующих индивидуального сознания [Леонтьев, 1975]. Е.С. Кубрякова в своей работе показала, что семантическое поле билингвальной личности представляет собой сложную и многомерную структуру [Кубрякова, 2006]. В результате психосемантического исследования субъективных представлений билингвов и монолингвов об искусственном билингвизме А.С. Рафикова и А.Н. Воронин установили, что в семантическое пространство билингвов является трехмерным и включает энтузиазм, доброжелательность и скромность [Воронин, 2017]. А. Павленко исследовала влияние билингвизма на семантическую организацию памяти и развитие лексикона. Оказалось, что билингвы обладают более гибкой системой семантической организации памяти в сравнении с монолингвами [Pavlenko, 2009]. Некоторые ученые выделяют определенные подходы к билингвальной семантической памяти: иерархический и концептуальный [McRae, 2013]. В других исследованиях границы между семантической памятью билингвов и эпизодической памятью опускаются [Kroll, 1997]. Как мы видим, к настоящему моменту в психологической литературе практически отсутствуют исследования, изучающие осознаваемые приоритетные (субъективно ценные) характеристики личности в условиях билингвизма в связи с чем возникает необходимость исследования семантики Я-концепции билингвальной личности.

Методы исследования

Семантика Я-концепции билингвальной личности была исследована в два этапа. Первым этапом стал экспертный отбор и ранжирование качеств, необходимых для личности билинга для осуществления успешной межкультурной интеракции. На втором этапе в результате опроса билингвов были выявлены качества, которые, по их мнению, являются значимыми лично для них как для участников успешного межкультурного взаимодействия. На основе результатов были выявлены и ранжированы качества, составляющие идеальное Я билинга, а также выявлено ядро идеального билингвального Я.

На первом этапе исследования был проведен экспертный опрос. Экспертами выступили 20 специалистов – преподаватели ИРНИТУ, работающие в институте БРИКС, ведущие различные дисциплины для студентов-билингвов. Из них – 5 мужчин и 15 женщин в возрасте от 25 до 63 лет. Экспертам предлагалось назвать 10 качеств, необходимых для билингвов для успешного межкультурного взаимодействия.

На втором этапе исследования выявлялись качества, значимые для успешной межкультурной коммуникации, на основе суждений самих билингвов. На этом этапе всего было опрошено 150 студентов-билингвов, обучающихся в институте БРИКС. Общий объем выборки составил 170 человек.

Для исследования были выбраны следующие методы: экспертный опрос, опрос и ранжирование. Метод экспертных оценок (экспертный опрос) был выбран нами потому, как семантика Я-концепции билингвальной личности еще не определена, поэтому для выявления качеств, составляющих Я-концепцию личности билинга в целом и ее семантическое ядро в частности экспертный опрос является адекватным методом исследования. Метод ранговых оценок (ранжирование) был выбран потому, что нам было необходимо не только выявить качества, наиболее значимые для билингвальной личности для осуществления успешного межкультурного взаимодействия, но и определить степень важности каждого из них. Метод

опроса используется тогда, когда источником необходимой информации выступают непосредственные участники изучаемых процессов и явлений. Такими участниками в нашем случае являются студенты-билингвы института БРИКС, поэтому также был выбран метод опроса [Федотова, 2010].

Результаты исследования и их обсуждение

В результате опроса экспертов всего было получено 35 определений, при подведении итогов нами не учитывались определения, упомянутые два раза и менее. В итоге, объединив названия качеств, близких по смыслу, в одно, методу ранговой оценки по частоте упоминания были подвергнуты 14 качеств.

По мнению экспертов наиболее значимыми личностными качествами билингва являются коммуникативная компетентность, толерантность, знание ценностей другой культуры, их назвали все эксперты. Как видно из рисунка 1, далее идут такие качества, как эмпатийность, дружелюбие, открытость, креативность, эрудированность, уверенность в себе, внимательность, вежливость, самоорганизованность, добросовестный, усердный.

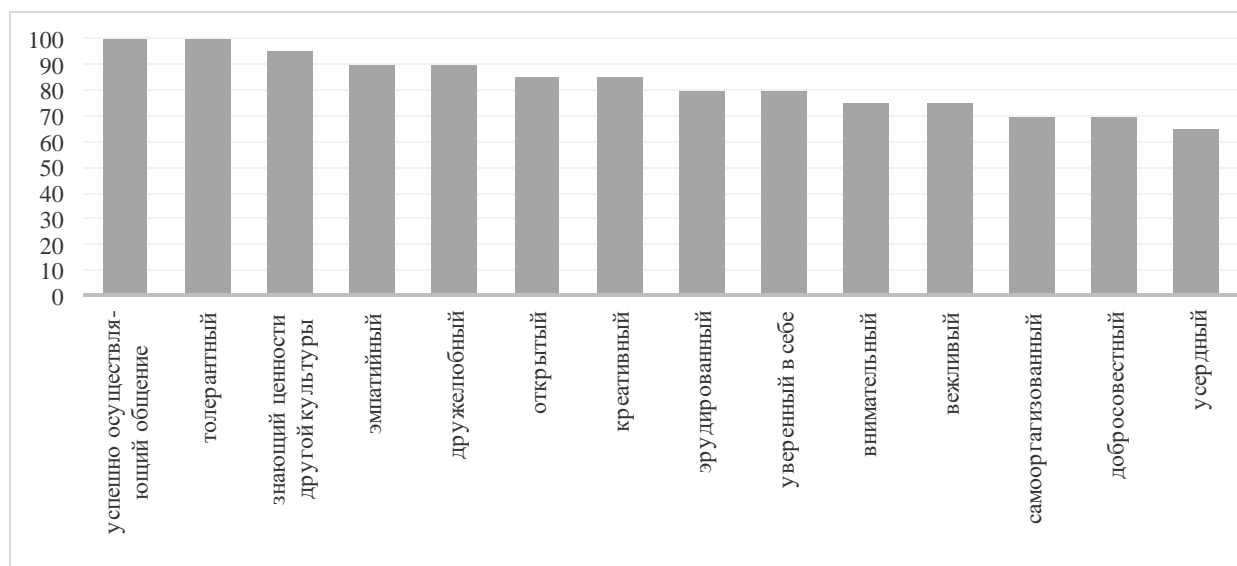

Рисунок 1 - Выбор экспертами качеств, необходимых для билингвов для успешной межкультурной коммуникации (в %)

При обработке результатов опроса билингвов нами было выделено 14 необходимых качеств (рис. 2), которые также были проранжированы в соответствии с количеством упоминаний.

По итогам второго этапа исследования можно увидеть, что по первым трем необходимым личностным качествам в условиях билингвизма мнения экспертов и билингвов совпадают: толерантность, коммуникативная компетентность, знание ценностей другой культуры. Следует отметить, что билингвами были названы и качества, которые экспертами не упоминаются, например, такие как любознательность, увлекаемость, наблюдательность, находящиеся на 10, 11 и 12 местах соответственно. После двух этапов исследования можно заключить, что обе группы опрошенных с высокой степенью равнозначности называют необходимые личностные качества билингва, благодаря чему точно определяется идеальное билингвальное Я. Полученные результаты могут быть представлены в виде схемы (рис. 3).

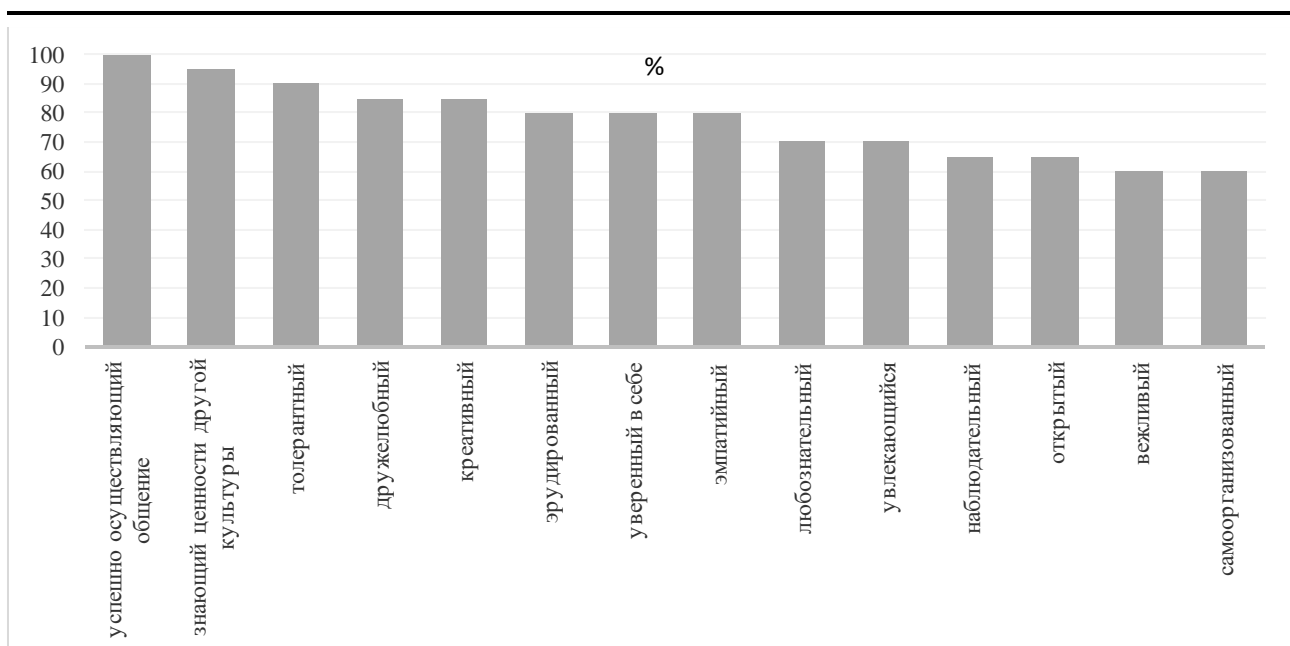

Рисунок 2 - Выбор билингвами качеств, необходимых для билингвов для успешной межкультурной коммуникации (в %)

Рисунок 3 - Семантическое ядро Я-концепции билингвальной личности

Как видно из рисунка 3, семантическое ядро Я-концепции билингвальной личности составляют такие личностные качества, как толерантность, ценностные ориентации и коммуникативная компетентность. Следует подчеркнуть, что перечисленные выше качества составляют основу межкультурной коммуникативной компетентности. Межкультурная коммуникативная компетентность, включающая в себя понимание и уважение культурных различий, а также способность общаться эффективно в межкультурных ситуациях, является ключевым результатом изучения иностранных языков. Она позволяет людям строить отношения и достигать взаимопонимания с представителями других культур, признавая и принимая их уникальные культурные ценности и традиции, образ жизни. Межкультурная коммуникативная компетентность также подразумевает понимание общих человеческих

ценностей и уважение различных ценностных систем, принятых в разных социальных, национальных, религиозных и профессиональных группах. Она включает в себя способность руководствоваться принципами культурного релятивизма и этическими нормами, которые требуют отказа от этноцентризма и признания уникальности и ценности других культур. Кроме того, межкультурная коммуникативная компетентность предполагает владение навыками социокультурной и межкультурной коммуникации, которые обеспечивают эффективное взаимодействие в социальных и профессиональных ситуациях. Межкультурная коммуникативная компетентность позволяет людям эффективно общаться в межкультурных ситуациях, выбирая подходящие языковые и речевые средства в соответствии с социокультурным контекстом. Она также обеспечивает создание дискурса, использование социолингвистических средств и выбор стратегии и тактики общения, которые приемлемы для достижения поставленных целей. Все это повышает эффективность межкультурного взаимодействия и способствует взаимопониманию между людьми из разных культур.

Заключение

Таким образом, согласно результатам исследования, наиболее значимыми личностными качествами для билингва являются толерантность, коммуникативная компетентность, знание ценностей другой культуры, именно они составляют семантическое ядро идеального билингвального Я. В связи с тем, что Я-концепция билингвальной личности базируется на представлении об идеальном билингвальном Я, для изучения особенностей Я-концепции личности в условиях билингвизма в дальнейшем планируется провести сравнительный анализ качеств, составляющих ядро идеального билингвального Я. Сравнительный анализ семантики Я-концепции билингвов и монолингвов позволит выявить универсальные и специфические аспекты самовосприятия, связанные с билингвизмом. Это будет способствовать расширению существующих теорий Я-концепции и углублению понимания того, как язык и культура влияют на наше чувство самости.

Библиография

1. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969. 162 с.
2. Воронин А.Н. Структура субъективных представлений об искусственном билингвизме // Успехи современной науки. 2017. № 4. С. 124-130.
3. Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литература и языки. 2006. Т. 65. № 2. С. 3-13.
4. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: КомКнига, 2005. 306 с.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Издательство политической литературы, 1975. 304 с.
6. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект-Пресс, 2000. 208 с.
7. Свитюк С.Ю. Общие представления о билингвизме в психологии // Психология в экономике и управлении. 2017. Т. 9. № 2. С. 26-32.
8. Свитюк С.Ю. Особенности самоотношения и ценностных ориентаций в структуре Я-концепции билингвальной личности // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. № 2. С. 690-700.
9. Федотова Г.А. Методология и методика психолого-педагогических исследований. Великий Новгород, 2010. 114 с.
10. Kroll J.F. Lexical and conceptual memory in the bilingual: Mapping form to meaning in two languages // Tutorials in bilingualism: Psycholinguistic perspectives. Mahwah: Lawrence Erlbaum Publishers, 1997. P. 169-199.
11. McRae K. Semantic memory. The Oxford handbook of cognitive psychology. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 206-219.
12. Pavlenko A. The Bilingual Mental Lexicon. Interdisciplinary Approaches. Multilingual Matters, 2009. 250 p.

Semantic core of the self-concept of a bilingual personality

Tat'yana A. Terekhova

Doctor of Psychology, Professor,
Irkutsk State University,
664003, 1, Karla Marksa str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: terehovata@mail.ru

Svetlana Yu. Svityuk

Senior Lecturer of Foreign Languages Department № 2,
Irkutsk National Research Technical University;
Postgraduate,
Irkutsk State University,
664003, 1, Karla Marksa str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: sveta-1984@inbox.ru

Abstract

In modern globalized society, where bilingualism is becoming more and more common, the study of the semantics of the self-concept of a bilingual personality is of particular relevance. The purpose of this work is to identify the semantic core of the self-concept of a bilingual personality. Expert survey, survey and ranking were chosen as research methods. The semantics of the self-concept of a bilingual personality was studied in two stages. The first stage was the expert selection and ranking of the qualities necessary for a bilingual person to carry out successful intercultural interaction. At the second stage, as a result of a survey of bilinguals, qualities were identified that, in their opinion, are significant for them personally as participants in successful intercultural interaction. The total sample size was 170 people, of which 20 were experts, 150 were bilingual. Based on the results, the qualities that make up the ideal bilingual self were identified and ranked, and the core of the ideal bilingual self was identified. As a result, it was determined by the authors of the paper that the semantic core of the self-concept of a bilingual personality consists of such personal qualities as tolerance, value orientations and communicative competence.

For citation

Terekhova T.A., Svityuk S.Yu. (2024) Semanticheskoe yadro Ya-kontseptsii bilingval'noi lichnosti [Semantic core of the self-concept of a bilingual personality]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 5-12.

Keywords

Self-concept, bilingual personality, semantic core, personal qualities, tolerance, value orientations, intercultural communication.

References

1. Fedotova G.A. (2010) *Metodologiya i metodika psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniy* [Methodology and techniques of psychological and pedagogical research]. Veliky Novgorod.

2. Kroll J.F. (1997) Lexical and conceptual memory in the bilingual: Mapping form to meaning in two languages. In: *Tutorials in bilingualism: Psycholinguistic perspectives*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Publishers.
3. Kubryakova E.S. (2006) Obrazy mira v soznanii cheloveka i slovoobrazovatel'nye kategorii kak ikh sostavlyayushchie [Images of the world in human consciousness and word-formation categories as their components]. *Izvestiya RAN. Seriya literatura i yazyki* [News of the Russian Academy of Sciences. Series: literature and languages], 65, 2, pp. 3-13.
4. Leont'ev A.A. (2005) *Psikholingvisticheskie edinitsy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya* [Psycholinguistic units and the generation of speech utterances]. Moscow: KomKniga Publ.
5. Leont'ev A.N. (1975) *Deyatel'nost', soznanie, lichnost'* [Activity, consciousness, personality]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ.
6. McRae K. (2013) *Semantic memory*. *The Oxford handbook of cognitive psychology*. Oxford: Oxford University Press.
7. Mechkovskaya N.B. (2000) *Sotsial'naya lingvistika* [Social linguistics]. Moscow: Aspekt-Press Publ.
8. Pavlenko A. (2009) *The Bilingual Mental Lexicon. Interdisciplinary Approaches*. Multilingual Matters.
9. Svityuk S.Yu. (2017) Obshchie predstavleniya o bilingvisme v psikhologii [General ideas about bilingualism in psychology]. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii* [Psychology in economics and management], 9, 2, pp. 26-32.
10. Svityuk S.Yu. (2023) Osobennosti samootnosheniya i tsennostnykh orientatsii v strukture Ya-kontseptsii bilingval'noi lichnosti [Features of self-attitude and value orientations in the structure of the self-concept of a bilingual personality]. *Baikal Research Journal*, 14, 2, pp. 690-700.
11. Vereshchagin E.M. (1969) *Psikhologicheskaya i metodicheskaya kharakteristika dvuyazychiya (bilingvizma)* [Psychological and methodological characteristics of bilingualism (bilingualism)]. Moscow.
12. Voronin A.N. (2017) Struktura sub"ektivnykh predstavlenii ob iskusstvennom bilingvisme [The structure of subjective ideas about artificial bilingualism]. *Uspekhi sovremennoi nauki* [Advances in modern science], 4, pp. 124-130.

УДК 159.923.2:159.942.5:159.016.2

Роль эмоционального интеллекта в управлении собой

Шарафитдинов Абдулла

Ассистент кафедры семейной психологии,
Джизакский филиал Национального университета Узбекистана,
130100, Узбекистан, Джизак, ул. Шароф Рашидова, 259;
e-mail: sharafitdinovabdulla@jbnuu.uz

Устин Павел Николаевич

Кандидат психологических наук, доцент,
завкафедрой общей психологии,
Институт психологии и образования,
Казанский федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: pavust@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается роль эмоционального интеллекта в управлении собой. Эмоциональный интеллект помогает добиться успеха в самосознании, управлении эмоциями, решении проблем и самомотивации. В статье разъясняются важные показатели самоуправления в случае развития эмоционального интеллекта подростков сельской и городской местности, навыков самопонимания и самоуправления, личного и профессионального, объясняется, что это важно для достижения успеха. В статье изучаются эмпирические изменения и показатели эмоционального интеллекта, ведущие к самоуправлению. В нем освещаются важные идеи и исследования в области эмоционального интеллекта и самоуправления. В статье представлена важная информация и идеи о том, как эмоциональный интеллект может повлиять на самоуправление и важен для личного и профессионального успеха. Классифицированы показатели эмоционального интеллекта и самоконтроля и описано их значение. Показана роль эмоционального интеллекта в управлении собой и рекомендована разработка таких показателей, как самопонимание, эмоциональное развитие и решение проблем.

Для цитирования в научных исследованиях

Шарафитдинов А., Устин П.Н. Роль эмоционального интеллекта в управлении собой // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 13-20.

Ключевые слова

Самосознание, эмоциональное управление, решение проблем, ожидания социальной поддержки, саморегуляция, эмоциональная стабильность и нестабильность, надежность и мнительность.

Введение

Эмоциональный интеллект в самоуправлении – это наличие эмоциональных навыков, важных для решения проблем, самопонимания и развития отношений с другими. Эмоциональный интеллект является важным ключевым фактором успеха в самоконтроле. Она помогает подростку управлять собой, своими эмоциями и отношениями, быстрее решать проблемы и выходить из трудностей. Это позволяет подросткам быть очень успешными в анализе, переживании и понимании самих себя. В самоуправлении эмоциональный интеллект обеспечивает подростку уверенность в себе и чувство свободы. Это позволяет ему мотивировать себя, анализировать проблемы и эффективно их решать. Это будет иметь важное значение в социальной поддержке подростков, в самообучении и развитии, в повышении личных и профессиональных успехов. Понимая себя, они получают контроль над проблемами и эффективно решают их.

Материалы и методы исследования

Роль эмоционального интеллекта в самоуправлении является уникальной проблемой для отдельных людей и обществ. Все люди, будь то городские или сельские, могут развить свой эмоциональный интеллект и повысить свои шансы на успех в отношениях и самоуправлении.

Сельские жители также понимали роль и важность эмоционального интеллекта в управлении собой. Сельская жизнь во многом отличается городской, эмоциональный интеллект можно развивать в любой среде, и это имеет большое значение для развития отношений. Поскольку в сельской жизни есть свои возможности, подростки с большей вероятностью достигают успехов в управлении собой, развитии своего эмоционального интеллекта и развитии дружеских отношений. Сельские жители могут использовать свой эмоциональный интеллект, чтобы помочь им построить лучшие отношения с близкими друзьями, членами семьи и членами сообщества, решить проблемы и добиться успеха. По сравнению с городской жизнью отличаются из-за множества людей и этносов разных культур и национальностей, а также изменений в отношениях с друзьями и близкими. Городская жизнь позволяет взаимодействовать с более разнообразными людьми, что помогает городским подросткам развивать эмоциональный интеллект и успешно управлять взаимодействиями [Кучма, Сухарева, Павлович, 2004].

Кроме того, роль и важность эмоционального интеллекта важны для людей в любой среде. Они помогают в самоконтроле, успешном общении и решении проблем. Это также важно для подростков, которые живут в городе или сельской местности. Роль самоконтроля и эмоционального интеллекта помогает сделать жизнь каждого человека успешной и совершенной [Носенко, Коврига, 2003]. На экспериментальном этапе нашей исследовательской работы мы использовали методику Д. Амирхана, модификацию В.М. Ялтонского и Н.А. Сирота «Методика обучения стратегиям преодоления жизненных проблем», опросник Р.Б. Кеттелла «Обучение с помощью 16 факторов личности».

Результаты исследования

Никаких существенных различий не было обнаружено в оценке решения проблемы. ($U=36423000$; $p<0,05$). Мы видим, что и сельские и городские дети демонстрируют одинаковое поведение в плане самостоятельного решения задач. Одной из важных поведенческих

стратегий, формирующихся у подростков в течение жизни, проявляющихся в преодолении трудных жизненных ситуаций, является стратегия решения проблем. Это активная поведенческая стратегия, при которой человек пытается использовать все доступные ему личностные ресурсы для поиска всех возможных методов, позволяющих ему эффективно решать проблемы [Mayer, Barsade, Roberts, 2008].

Таблица 1 - Результаты критерия Манна-Уитни (по регионам). Стратегии обучения преодолению жизненных трудностей (методика Д.Амирхана, модификация В.М.Яльтонского и Н.А.Сирота)

Индикаторы	Территория	Н	Средний показатель	U	p
Решать проблемы	город	300	305,09	36423000	,112
	деревня	276	270,47		
В ожидании социальной поддержки	город	300	330,08	28926000	,000 ***
	деревня	276	243,30		
Как избежать проблем	город	300	274,33	37 147 500	0,033 *
	деревня	276	303,91		

Достоверные различия обнаружены в показателе ожидания социальной поддержки. ($U=28926000$; $p>0,001$). Ожидание социальной поддержки у городских подростков более выражено в их поведении, чем у сельских подростков (Диаграмма 1).

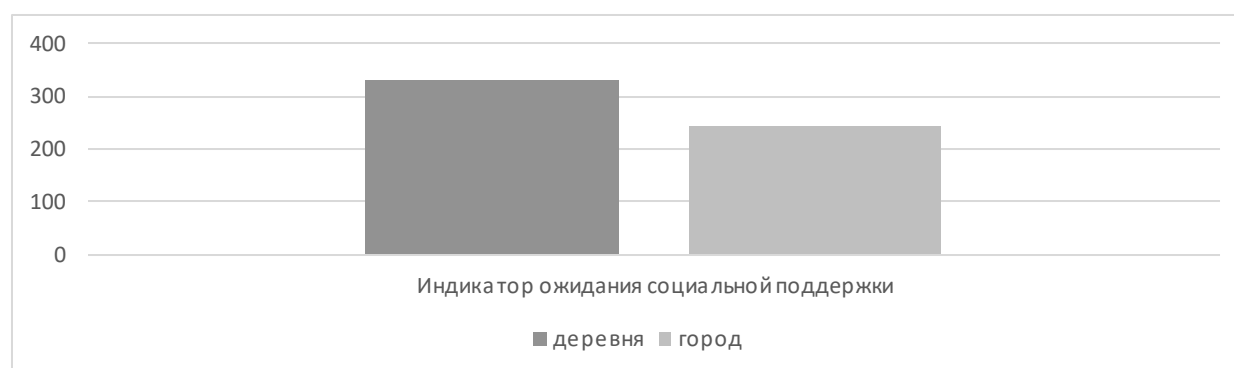

Рисунок 1 – Ожидание социальной поддержки

Стратегия поиска социальной поддержки представляет собой активную поведенческую стратегию, при которой человек обращается за помощью в эффективном решении своих проблем к другим: членам семьи, друзьям, важным для него людям [Bar-On, 2000]. Факторы, влияющие на формирование эмоционального отношения при эмпатической способности, были перечислены выше. Возможно, что эмоциональный интеллект, повышенная чувствительность к проблемным ситуациям, большее стремление облегчить ситуацию и найти решение в таких ситуациях привели к меньшей выраженности этого показателя у сельских подростков.

95-процентные достоверные различия Манна-Уитни также были обнаружены в индексе избегания проблем. ($U=37147,500$; $p>0,05$). Мы видим, что дети, живущие в сельской местности, стараются избегать проблем больше, чем дети, живущие в городах (Диаграмма 2).

Он может просто избегать столкновения с проблемной ситуацией. Подростки с эмоциональным интеллектом обладают способностью хорошо интегрировать свои эмоции и управлять ими с другими в трудных и опасных ситуациях. Они могут иметь высокий уровень мышления и способность принимать решения в своих взаимодействиях.

Рисунок 2 - Избегание проблем

Когда они сталкиваются с проблемой, они могут провести анализ, чтобы найти решение, и использовать эффективные стратегии решения проблем [Carpura, Cervone, 2000]. Поскольку эмоционально интеллектуальные подростки обладают самоконтролем, они лучше находят собственные идеи, мотивируют себя и сохраняют ясность в отношениях, когда сталкиваются с проблемами и трудностями. У них может быть способность к самоуправлению, стремление к совершенству и использование разнообразия для решения проблем. Подростки с эмоциональным интеллектом способны проявлять эмпатию и понимание в общении, несмотря на проблемы и трудности. У них есть способность понимать эмоции других и устанавливать дружеские, понимающие отношения с другими. Это повышает их способность легко и искренне подходить к анализу, показателям, советам и поддержке для решения проблем и задач. Подростки с эмоциональным интеллектом лучше справляются со стрессом и беспокойством при решении проблем. У них повышенная способность противостоять стрессу, поддерживать и развивать навыки, чтобы смотреть на свои проблемы, освобождаться, эффективно управлять взаимодействием и находить взаимное воображение для снижения стресса [Mayer, Salovey, Caruso, 2008].

Также подростки с эмоциональным интеллектом способны развивать саморазвитие в решении проблем, учатся хорошо их анализировать, давать советы, воспитывать в себе совершенство, снижать стресс. Когда их оценка избегания проблем высока, это может указывать на то, что они обладают успешным эмоциональным интеллектом, чтобы анализировать и пытаться решать проблемы эффективным и уверенным в себе образом.

**Таблица 2 - Результаты критерия Манна-Уитни (по регионам).
16-факторный опрос личности Р.Б.Кеттелла**

Индикаторы	Территория	Н	Средний показатель	U	p
Склонность к общению	город	300	279,58	38722 500	,177
	деревня	276	298,20		
Эмоциональный стабильность нестабильность	город	300	302,60	37 170 000	0,033 *
	деревня	276	273,17		
Стремление к смирению подлежит	город	300	299,69	38043000	,090
	деревня	276	276,34		
Социальная зрелость	город	300	291,56	40482000	,643
	деревня	276	285,17		
Социальное мужество — это мужество	город	300	276,50	37800000	,069
	деревня	276	301,54		
Достоверность — это скептицизм	город	300	302,21	37 287 000	0,038 *
	деревня	276	273,60		
Неуверенность в себе	город	300	278,24	38 322 000	,120
	деревня	276	299,65		

Индикаторы	Территория	Н	Средний показатель	U	p
Независимость есть зависимость	город	300	292,06	40333,500	,590
	деревня	276	284,64		
Самоконтроль	город	300	293,89	39784,500	,415
	деревня	276	282,65		
Возбудимость и страх _ _ _	город	300	285,04	40360,500	,764
	деревня	273	289,16		

Достоверные различия выявлены по показателю эмоциональной устойчивости и нестабильности ($U=37170000$; $p>0,05$). По сравнению с сельскими детьми мы видим, что городские дети проявляют более сильную эмоциональную неустойчивость (Диаграмма 3).

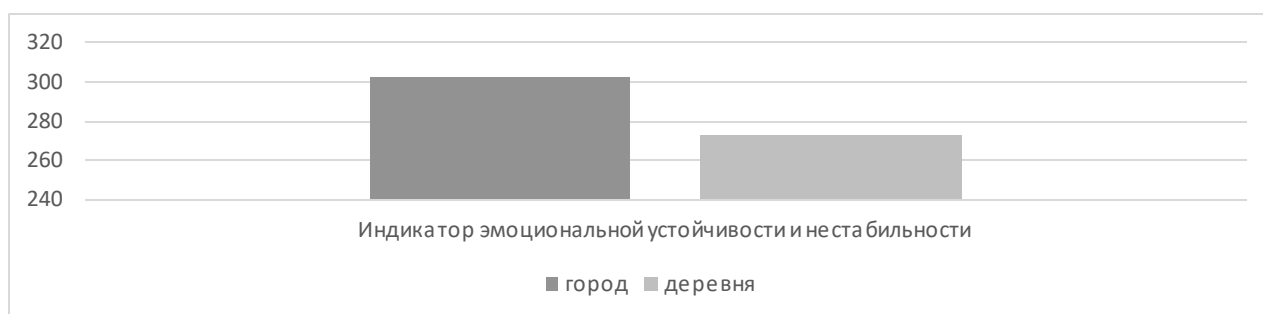

Рисунок 3 – Эмоциональная устойчивость и нестабильность

Мы можем интерпретировать этот показатель так, что городская жизнь динамична, с широкими возможностями, и эти изменения могут усилить эмоциональную неустойчивость у подростков. Скорость, шум и сложная окружающая среда могут изменить сильные эмоциональные переживания городских детей. Города имеют более широкие коммуникационные сети по сравнению с сельскими районами, а городские подростки имеют много взаимодействия, хорошие связи с друзьями и родственниками, а также возможность участвовать в общественных мероприятиях. Это позволяет им иметь обширный опыт общения, доносить свои мысли до других и исследовать свои чувства. Городская жизнь и опыт общения могут быть связаны с широтой среды воспитания и обучения.

Мы можем наблюдать достоверные различия в индексе достоверности подозрительности ($U=37287000$; $p>0,05$). Мы видим, что подростки, живущие в городах, более подозрительны, чем подростки, живущие в сельской местности (Диаграмма 4).

Рисунок 4 – Достоверность и скептицизм

СМИ и глобальные коммуникационные сети важны в городах, и подростки могут быть более связаны с миром через эти сети. Это может улучшить их отношение к миру и их

взаимосвязь в глобальной среде. В то же время тот факт, что в них много дискуссий, с упором на разные мнения и информацию, может привести к усилению подозрительности подростков к другим подросткам.

Заключение

Эмоциональный интеллект играет важную роль в самоконтроле и является важной концепцией для достижения успеха во всех сферах жизни. Важно различать подростков, проживающих в сельской и городской местности. Хотя городская жизнь во многом отличается от сельской, роль эмоционального интеллекта уникальна в каждой среде и предоставляет возможности для достижения успеха. Самообладание и эмоциональный интеллект помогают сделать жизнь каждого человека успешной и совершенной. Роль эмоционального интеллекта важна во всех сферах нашей жизни. Он имеет большое значение и важную роль в успехе для идеального управления собой и нашими отношениями.

Библиография

1. Елагина А.С., Оздамирова Л.М. Концептуальные подходы к формированию когнитивной модели эмоционального интеллекта // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 3А. С. 274-279. DOI: 10.34670/AR.2022.85.75.035
2. Елагина А.С., Смирнова О.О. Development of institutions of psychological support in rural areas: opportunities and restrictions // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6. № 4В. С. 257-265.
3. Елагина А.С., Смирнова О.О. International experience in organizing psychological counseling for rural adolescents // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5В. С. 238-244.
4. Елагина А.С., Смирнова О.О. The impact of the EU political integration process on the psychological and social state of regional rural elites // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5В. С. 257-263.
5. Кучма В.Р., Сухарева Л.М., Павлович К.Е. Детский сад: Физиолого-гигиеническая и психологическая базовая подготовка и воспитание. М., 2004. 280 с.
6. Носенко Е.Л., Коврига Н.В. Эмоциональная структура: феномен концептуализации, основные функции. К., 2003. 126 с.
7. Bar-On R. Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory // The Handbook of Emotional Intelligence. San Francisco: Jossey-Bass, 2000. P. 363-388.
8. Caprara G.V., Cervone D. Personality, Determinants, Dynamics, and Potentials. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 506 p.
9. Mayer J.D., Barsade S.G., Roberts R.D. Human abilities: Emotional intelligence // Annual Review of Psychology. 2008. 59. P. 507-536.
10. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. Emotional intelligence: New ability or eclectic traits? American Psychologist. 2008. 63. P. 503-517.

The role of emotional intelligence in self-management

Abdulla Sharafitdinov

Assistant at the Department of Family Psychology,
Jizzakh Branch of the National University of Uzbekistan,
130100, 259, Sharof Rashidova str., Jizzakh, Uzbekistan;
e-mail: sharafitdinovabdulla@jbnuu.uz

Pavel N. Ustin

PhD in Psychology, Associate Professor,
Head of the Department of General Psychology,
Institute of Psychology and Education,
Kazan Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: pavust@mail.ru

Abstract

This article discusses the role of emotional intelligence in self-management. Emotional intelligence helps you succeed in self-awareness, emotion management, problem solving, and self-motivation. The article explains the important indicators of self-management in the case of the development of emotional intelligence of adolescents in rural and urban areas, self-understanding and self-management skills, personal and professional, it is explained that this is important for success. The article examines empirical changes and measures of emotional intelligence leading to self-management. It highlights important ideas and research in the field of emotional intelligence and self-management. The article provides important information and ideas about how emotional intelligence can affect self-management and is important for personal and professional success. The indicators of emotional intelligence and self-control are classified and their significance is described. The role of emotional intelligence in self-management is shown and the development of such indicators as self-understanding, emotional development and problem solving is recommended. Emotional intelligence plays an important role in self-control and is an important concept for achieving success in all areas of life. It is important to distinguish between adolescents living in rural and urban areas. Although city life differs in many ways from rural life, the role of emotional intelligence is unique in each environment and provides opportunities for success. Self-control and emotional intelligence help make every person's life successful and perfect. The role of emotional intelligence is important in all areas of our lives.

For citation

Sharafitdinov A., Ustin P.N. (2024) Rol' emotsional'nogo intellekta v upravlenii soboi [The role of emotional intelligence in self-management]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 13-20.

Keywords

Self-awareness, emotional management, problem solving, expectations of social support, self-regulation, emotional stability and instability, trustworthiness and suspiciousness.

References

1. Bar-On R. (2000) Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory. In: *The Handbook of Emotional Intelligence*. San Francisco: Jossey-Bass.
2. Caprara G.V., Cervone D. (2000) *Personality, Determinants, Dynamics, and Potentials*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Elagina A.S., Ozdamirova L.M. (2022) Kontseptual'nye podkhody k formirovaniyu kognitivnoi modeli emotsional'nogo intellekta [Conceptual approaches to the formation of a cognitive model of emotional intelligence]. *Psikhologiya*.

- Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (3A), pp. 274-279. DOI: 10.34670/AR.2022.85.75.035
4. Elagina A.S., Smirnova O.O. (2017) Development of institutions of psychological support in rural areas: opportunities and restrictions. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 6 (4B), pp. 257-265.
 5. Elagina A.S., Smirnova O.O. International experience in organizing psychological counseling for rural adolescents // *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5B), pp. 238-244.
 6. Smirnova O.O., Elagina A.S. (2018) The impact of the EU political integration process on the psychological and social state of regional rural elites. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5B), pp. 257-263.
 7. Kuchma V.R., Sukhareva L.M., Pavlovich K.E. (2004) *Detskii sad: Fiziologo-gigienicheskaya i psikhologicheskaya bazovaya podgotovka i vospitanie* [Kindergarten: Physiological-hygienic and psychological basic training and education]. Moscow.
 8. Mayer J.D., Barsade S.G., Roberts R.D. (2008) Human abilities: Emotional intelligence. *Annual Review of Psychology*, 59, pp. 507-536.
 9. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. (2008) Emotional intelligence: New ability or eclectic traits? *American Psychologist*, 63, pp. 503-517.
 10. Nosenko E.L., Kovriga N.V. (2003) *Emotsional'naya struktura: fenomen kontseptualizatsii, osnovnye funktsii* [Emotional structure: the phenomenon of conceptualization, basic functions]. Kiev.

УДК 159.91

Психофизиологические механизмы влияния практик осознанности (*mindfulness*) на когнитивные и регуляторные психические процессы и роль индивидуально-личностных predispositions в эффективности применения данных практик

Дорошева Елена Алексеевна

Кандидат биологических наук,
доцент кафедры сравнительной психологии, кафедры нейронаук,
Институт медицины и психологии В. Зельмана,
Новосибирский государственный университет;
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины,
630117, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Тимакова, 4,
e-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Умняшкин Вячеслав Георгиевич

Аспирант,
Институт медицины и психологии В. Зельмана,
Новосибирский государственный университет,
630090, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Пирогова, 1,
e-mail: v.umnyashkin@gmail.com

Аннотация

В обзорной статье систематизируются данные о влиянии практик осознанности (*mindfulness*) на различные компоненты внимания, памяти, саморегуляционных процессов во взаимосвязи с индивидуально-личностными характеристиками. Описаны предполагаемые психофизиологические механизмы, лежащие в основе улучшения внимания, памяти, саморегуляции, в том числе ее волевого компонента. Описаны взаимосвязи факторов Большой пятерки личностных черт, диспозициональной осознанности, некоторых психофизиологических особенностей с характером и динамикой изменений в результате применения практик осознанности. Значительный интерес может представлять изучение зависимости эффектов практик на основе осознанности от характера уже имеющихся способов саморегуляции. В некоторых источниках прогнозируется перспективность данного направления, однако оно остается практически неизученным. В то же время, можно полагать, что определенные способы саморегуляции (например, связанные с приспособительными эффектами демонстрации собственной беспомощности и получения внешней помощи), могут затруднять формирование навыков осознанности, в то время как другие (например, направленность на решение проблемы) – способствовать ему. Важным представляется также продолжение исследований механизмов формирования осознанности как специфической регуляционной стратегии. Несмотря на то, что эта область существенно более изучена, остается множество вопросов

о мишенях воздействия применяемых технологий – конкретных компонентах внимания, памяти; о взаимосвязи с другими глобальными механизмами регуляции функциональных состояний и поведения.

Для цитирования в научных исследованиях

Дорошева Е.А., Умняшкин В.Г. Психофизиологические механизмы влияния практик осознанности (mindfulness) на когнитивные и регуляторные психические процессы и роль индивидуально-личностных predispositions в эффективности применения данных практик // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 21-32.

Ключевые слова

Практики на основе осознанности, психофизиологические механизмы, внимание, память, саморегуляция, индивидуально-личностные особенности.

Введение

Практики на основе формирования навыков осознанности представляют собой вариации интегративных когнитивно-бихевиоральных методов, направленных на формирование способов саморегуляции в обыденной жизни и ситуациях стресса, усиление процессов внимания и памяти. Согласно теории мониторинга и принятия (*Monitor and Acceptance Theory*) формирование осознанности происходит вследствие двух направленных воздействий. Во-первых, повышение осведомленности о переживаемых ощущениях, эмоциях, мыслях, вырабатываемый навык мониторинга внимания приводит к улучшению результатов когнитивного функционирования, но при этом может увеличить аффективную реактивность. Во-вторых, изменение отношения к переживаемому, принятие его без генерирования вторичных реакций (недоумения, осуждения и т.д.) приводит к снижению эмоционального ответа и затраты ресурсов на дополнительные когнитивные процессы. Таким образом, навыки отслеживания внешних и внутренних событий и принятия их (что подразумевает готовность реагировать на них как на некий факт, который присутствует в настоящий момент и не должен быть как-либо оцениваем или исключаем) совместно объясняют то, как осознанность снижает отрицательные переживания, стресс и усиливает эффективность процессов обработки информации [Jha et al., 2007].

Значительный интерес представляет дифференциальная эффективность практик осознанности, отмечаемая в ряде исследований. Наряду с существованием доказательств общей эффективности формирования навыков осознанности для снижения психопатологических симптомов, расстройств поведения, повышения психологического благополучия, при проведении программ наблюдается эффект отсева участников, по их завершению не все продолжают применять сформированные навыки и вкладываться в их дальнейшее развитие; динамика целевых показателей участников программ, как и следует ожидать, достаточно неоднородна [Осин, Турилина, 2020]. Учет индивидуальных особенностей может иметь значение для формирования рекомендаций для участия в программах подобного рода, а также определять характер программы (методы, продолжительность, интенсивность, групповой или индивидуальный характер и т.д.).

В настоящем обзоре мы кратко рассматриваем обнаруженные в современных исследованиях эффекты практик осознанности в отношении когнитивных (внимание, память) и

саморегуляционных процессов, их предполагаемые механизмы, и систематизируем выявленные в ряде исследований взаимосвязи индивидуально-личностных характеристик участников программ с их эффективностью в контексте предлагаемых факторов воздействия.

Влияние практик осознанности на когнитивные процессы и процессы психической саморегуляции и его возможные психофизиологические механизмы

Предполагаемой мозговой мишенью воздействия практик осознанности являются сети внимания, локализованные в коре больших полушарий. Вслед за М. Posner [Posner, 1990] описываются три корковые нейронные сети, отвечающие за разные компоненты внимания. Фронтопариетальная сеть включает дорзальную сеть внимания (*dorsal attention network, DAN*) и вентральную сеть внимания (*ventral attention network, VAN*). DAN ассоциируется с произвольным избирательным вниманием к значимым характеристикам информации, а VAN – с детектированием новых стимулов и переключением внимания [Corbetta, Shulman, 2002]. Функция сети оперативного покоя (*default mode network, DMN*) состоит в обработке отсроченных стимулов при решении долгосрочных задач (в периоды, когда не требуется реакции на текущие стимулы), также показано ее участие в генерации повторяющихся мыслительных автоматизмов. Реципрокные отношения дорзальной сети внимания и сети оперативного покоя указывают на хорошее функционирование внимания, тогда как их конкуренция ведет к снижению эффективности психической деятельности. Подсистема мониторинга конфликтов, возникающих при обработке поступающей информации при появлении несовместимых ответов, в меньшей степени, но тем не менее вовлекается в улучшение регуляционных процессов при формировании осознанности [Devaney et al., 2021].

В быту гиперактивация сети оперативного покоя, возникающая параллельно с повседневной деятельностью, описывается как рассеянность – отвлечение внимания от текущей задачи на размышления и связанные с ними переживания. Такие переключения характерны как для ситуаций монотонии, когда текущая деятельность не занимает весь объем внимания, так и для ситуаций наличия привычных автоматических мыслей (руминаций).

Данные психофизиологических исследований свидетельствуют о том, что передняя островковая кора демонстрирует синхронизированную активность с работой сети оперативного покоя вне решения актуальных задач, и с областями, контролирующими внешнее внимание, во время наличия интереса, вовлеченности в решение «внешних» задач. При осуществлении субъективно скучной монотонной деятельности активность сети оперативного покоя и островковой коры десинхронизировались, что интерпретируется как рассогласование мотивации текущей деятельности и внутренних потребностей [Danckert, Merrifield, 2018].

Интересно, что островковая кора, помимо регуляции эмоциональных состояний и гомеостаза, вовлечена, в частности, в процессы функционирования сознания, особенно его interoцептивной составляющей. Выдвинуто представляющее интерес предположение о том, что нарушения этого участка вовлечены в формирование синдрома Котара (брета Котара), при котором человек не чувствует себя живым [Циммер, 2022]. Похоже, что структуры, связанные с самовосприятием, играют особую роль в оценке соответствия выполняемой деятельности личностной мотивации.

Возникновение мыслительных автоматизмов, отвлекающих от текущих задач и нагружающих процессы внимания, может быть связано с неэффективностью решения

долгосрочных проблемных ситуаций, достижения масштабных целей в связи с различными факторами – нехваткой когнитивных ресурсов, наличием объективных препятствий к однозначному решению задачи, формирование длительной привычки к автоматизации процессов мышления и т.д. [Watkins, 2016]. Улучшение функционирования внимания при применении практик осознанности в значительной мере связывают со снижением мыслительных автоматизмов [Wolkin, 2015].

Сравнение тех, кто имеет разные уровни диспозициональной осознанности, показало сходные результаты – связь ее высокого уровня с электрофизиологической картиной работы мозга, характерной для меньшей активации DMN и меньшего возникновения отвлечений при решении задач [Aguerre et al., 2023].

Возможность адекватного переключения сетей внимания является одной из характеристик эффективной саморегуляции функционального состояния (в том числе в стрессовых ситуациях) и контроля за исполнительными действиями [Tang, Posner, 2015]. Обзор исследований влияния практик осознанности на показатели биоэлектрической активности мозга, проведенный с 1996 по 2015 гг. на выборках условно-здоровых людей и людей с патопсихологической симптоматикой, показал, что оно состоит главным образом в изменениях показателей альфа и тета-активности, которые становятся более соответствующими состоянию «расслабленной бдительности» (*relaxed alertness*). Под ним понимается восприятия стимулов окружающей среды без фоновых негативных реакций на них и готовность отреагировать на эти стимулы при необходимости [Lomas et al., 2015]. Приближение к «расслабленной бдительности» отражается и в изменениях активности вегетативной нервной системы – после формирования навыков осознанности отмечается фоновое снижение КГР, пульса и других показателей, что говорит об уменьшении текущего напряжения при возможности сохранять ресурсы для реагирования в требующих быстрой мобилизации ситуациях [Kuan et al., 2016; Morais et al., 2022].

Улучшение процессов памяти как результат применения практик осознанности отмечают во многих исследованиях; в меньшей степени изучены их механизмы. В одном из недавних исследований показано, что навыки осознанности оказывают наибольшее влияние на кодирование информации памяти (обработку ее при запоминании) [Lueke, Lueke, 2019]. В другом исследовании описано улучшение процессов воспроизведения информации эпизодической памятью [Nyhus et al., 2019]. По-видимому, вслед за реорганизацией процессов внимания оптимизируются аспекты памяти, которые связаны с обработкой входных или извлекаемых из нее стимулов (увеличивается точность отбора релевантных текущей ситуации или глобальной задаче стимулов).

Несмотря на значительное число исследований, обнаруживающих ожидаемые изменения когнитивных процессов и процессов саморегуляции, высказываются и соображения о существовании плацебо эффектов, особенно характерных для не рандомизированных исследований; отмечается, что в дальнейших работах необходимо осуществлять тщательный контроль с привлечением мотивированных групп сравнения [Prakash et al., 2020].

Индивидуально-личностные черты и эффективность практик осознанности

Несмотря на явную эффективность практик на основе осознанности в решении многих задач, связанных с усилением когнитивных процессов, снижением психопатологических симптомов и повышением стрессоустойчивости у разных групп, существуют лишь

немногочисленные работы, в которых исследовались индивидуальные предикторы эффективности таких практик. Существуют проблемы изначальной мотивации – и мотивации продолжения занятий, требующих систематичности, волевых усилий. Е.Н. Осин и И.И. Турилина [Осин, Турилина, 2020] указывают, что отсеб участников из группы медитаторов может быть связан с недостаточным самоконтролем (волевой саморегуляцией), что не позволяет продолжать занятия. В работе этих авторов показано ожидаемое возрастание самоконтроля у практиков, успешно прошедших курс, однако же этот эффект наблюдался среди тех участников, чей самоконтроль на входе был достаточно высок. Следует отметить, что описанный феномен ярко проявился в ситуации онлайн занятий, когда вовлекающее влияние руководителя и воздействие групповой атмосферы, вероятно, было ниже, чем при очных групповых занятиях.

Роль личностных черт в подверженности эффекту практики показана в отдельных исследованиях. Так, нейротизм, который отражает уровень аффективной нестабильности (легкость возникновения гнева, тревоги, подавленных состояний и других форм негативных эмоций), для групп людей с психопатологическими симптомами зачастую связан с уменьшением ответа на широкий спектр психологических вмешательств [Anderson, 1998]. Рандомизированное контролируемое исследование, сравнивающее эффективность когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) и фармакотерапии, действительно показало, что для пациентов с большим депрессивным расстройством более высокий нейротизм был связан с большим снижением симптомов депрессии после лечения, если вводили фармакотерапию, но не использовали КПТ, чем в случае применения КПТ [Bagby et al., 2008].

Однако такой эффект нейротизма, по-видимому, зависит от специфики изучаемой группы. Для студентов, прошедших восьминедельную недельную практику MBSR (*Mindfulness Based Stress Reduction*), по сравнению со сверстниками из листа ожидания нейротизм оказался одним из положительных модераторов эффектов обучения осознанному реагированию: участники с более высоким уровнем нейротизма демонстрировали большее улучшение субъективного благополучия и более выраженное снижение психологического стресса [de Vibe et al., 2015]. Аналогичным образом, в срезовом исследовании эффектов той же практики, включившем участников с общими жалобами на стресс, у тех, кто демонстрировал до начала занятий более высокий уровень нейротизма, по завершению программы в наибольшей мере снизились симптомы тревоги. Хотя контроль за базовым уровнем тревоги несколько уменьшил этот эффект, он все же значимо проявлялся как непосредственно после завершения практики, так и через три месяца после итогового занятия [Nyklíček, Irmischer, 2017]. Аналогичным образом, при исследовании полицейских, которые прошли либо практику осознанности, либо, в качестве контроля, образовательный курс, также было установлено, что более высокий нейротизм положительно связан с улучшением заботы о себе, а также со снижением негативного аффекта и психологического напряжения через шесть недель по завершению практики [Krick, Felfe, 2019].

Любопытные данные получены в исследовании результатов ежедневной практики осознанности у студентов в сравнении с аналогичными по продолжительности (30 минут) практиками релаксации. Было обнаружено, что более низкие депрессивные тенденции, более низкое состояние утомления и более высокий гнев перед началом занятий предсказывали повышенную творческую эффективность после формирования навыков осознанности [Ding et al., 2015]. Кроме того, наблюдалось взаимодействие эффектов настроения, уровня возбуждения и личностных черт: участники с более низким нейротизмом и экстраверсией демонстрировали

большее улучшение в случаях, когда они также сообщали о лучшем настроении и более высокой активности [там же]. Эти факторы совместно объяснили более половины дисперсии в улучшении креативности, что позволило авторам предположить, что как личностные особенности, так и особенности текущего функционального состояния участников должны учитываться при проведении такого рода программ.

Не исключено, что высокий уровень неадаптивных саморегуляционных стратегий у людей с высоким нейротизмом из условно здоровой популяции ведет к большему относительному улучшению их состояния за счет оперативной наработки новых продуктивных стратегий саморегуляции [Hölzel et al., 2011]. Однако он же может препятствовать вхождению в программы в связи с тем, что они в меньшей мере, чем эмоционально устойчивые люди, ожидают получить хороший результат своих занятий [Anderson, 1998].

Эффекты экстраверсии отмечались при сравнении эффективности разных подходов: общительные люди предпочитают программы, включающие межличностные взаимодействия, тогда как интровертированные – более структурированные и предсказуемые [Talbot et al., 2003]. Дружелюбие также связано с предпочтением подходов, которые включают межличностные взаимодействия [Blüwise et al., 1995; Anderson, 1998], что соответствующим образом сказывается на эффектах практик осознанности группового или индивидуального характера [Tang, Braver, 2020].

В одном из исследований эффекта восьминедельного курса MBSR, которое включило 100 пожилых участников, было показано, что люди с высокой добросовестностью были склонны интенсивнее участвовать в практиках, чем те, у которых была низкая добросовестность; однако они не продолжали в большей степени практиковать самостоятельно после завершения группы [Barkan et al., 2016]. Этот вывод весьма интересен, поскольку он предполагает, что люди с высокой доброжелательностью могут быть более склонны сотрудничать и выполнять инструкции ведущего по завершению ежедневной практики вне занятий, но в меньшей степени будут вовлекаться, когда инструкции после завершения совместной практики не даются [там же].

Открытость для опыта представляет собой чувство любопытства, принятия ранее неизвестного и готовности знакомиться с разнообразными новыми вещами. Показано, что люди с высокой открытостью к опыту склонны искать и применять дополнительные методики оздоровления, такие как йога и основанные на осознанности методики в повседневной жизни [van den Hurk et al., 2011; Thomson et al., 2014]. Было показано, что люди с высокой открытостью опыту, как правило, в большей степени подвержены воздействию различных подходов, направленных на самопознание [Anderson, 1998], им свойственен больший интерес к своим переживаниям [Barkan et al., 2016], что может приводить к вовлеченности в практики осознанности, включающие исследования самого себя.

В одной из работ показано, что люди с высокой открытостью к опыту активнее применяют практики осознанности в своей повседневной жизни как в ходе, так и по завершению восьминедельной программы MBSR. Результаты сохранялись под контролем демографических различий, таких как возраст, уровень образования и пол [там же]. В другом исследовании было показано влияние открытости к опыту на воздействие практики осознанности по отношению к вариабельности сердечного ритма у сотрудников полиции при прохождении шестинедельной программы MBSR: показатель в большей степени оптимизировался у более открытых к опыту участников, что также может быть следствием их большей вовлеченности [Krick, Felfe, 2019].

Добросовестность включает такие качества, как стойкость, самоконтроль, трудолюбие и чувство ответственности, которые облегчают последовательное и целенаправленное поведение

[Sanderson, Clarkin, 1994]. Изучение добросовестности на большой выборке показало, что она положительно связана с приверженностью лечению, потенциально приводя к лучшим последствиям для здоровья [Hill, Roberts, 2011]. Также добросовестность положительно связана с мотивацией к обучению, которая сама по себе коррелирует с эффективностью разных обучающих программ [Colquitt et al., 2000]; респонденты с высокой добросовестностью сообщают, что им приятнее выполнять задания [Komataju, Karau, 2005]. В исследовании тренинга, направленного на улучшение рабочей памяти, высокая добросовестность была положительно связана с общим усилением производительности рабочей памяти в сочетании с высоким удовольствием от обучения, о котором сообщили участники [Studer-Luethi et al., 2012].

Тем не менее, в исследованиях эффективности практик на основе осознанности добросовестность в качестве опосредующего фактора результатов обучения показала противоречивые результаты. Например, Krick и Felfe [Krick, Felfe, 2019] обнаружили, что добросовестность, в отличие от других личностных переменных, не влияет на эффективность практики. Кроме того, добросовестность также не влияла на эффективность в зависимости от времени осуществления практики; одновременно с этим было показано, что эффекты доброжелательности и открытости новому опыту связаны с продолжительностью занятий [Barkan et al., 2016]. В то же время, в одном из ранее упомянутых исследований влияния MBSR на различные психологические показатели люди с высокой добросовестностью показали большее снижение стресса после прохождения практики [de Vibe et al., 2015].

Интересные результаты получены при изучении влияния уровня диспозициональной осознанности на эффекты практики осознанности: высокий начальный уровень усиливал эффекты практики [Shapiro et al., 2011]. Это противоположно результатам, полученным при изучении эффектов нейротизма: люди с невысокой осознанностью, имея более низкий «стартовый» показатель, и дальше отставали в динамике его роста. Возможно, речь идет о конкуренции определенных механизмов саморегуляции либо влиянии других личностных факторов, который связаны с осознанностью как чертой личности (например, волевой саморегуляции).

Особенности регуляции эмоций также рассматривались как потенциальные факторы, опосредующие эффекты практик осознанности. Так, одним из наиболее эффективным способом регуляции эмоций является, согласно модели J. Gross, когнитивная переоценка. Это форма когнитивного процесса, который переосмысливает эмоционально отрицательную ситуацию таким (положительным) образом, что уменьшает ее негативное эмоциональное воздействие [Gross, John, 2003]. Срезовое исследование эффективности 8-недельной практики MBSR показало увеличение когнитивной переоценки (по самоотчетам участников), хотя направленно этот навык не формировался [Garland et al., 2011]. Высказываются предположения о том, что уровень продуктивных и относительно непродуктивных стратегий регуляции эмоций у участников практики может взаимодействовать с процессом обучения и существенно влиять на него, хотя доказательная база этого на данном этапе практически отсутствует [Tang, Braver, 2020].

Заключение

Предполагаемые механизмы формирования навыков осознанности связывают рост показателей внимания, памяти и саморегуляции с высвобождением когнитивных ресурсов, ранее задействованных в неэффективных регулятивных процессах; с реорганизацией когнитивных и регуляционных процессов. Ключевым моментом выступает восстановление

реципрокных отношений сети внимания и уменьшение гиперактивации сети оперативного покоя, связанной с генерацией мыслительных автоматизмов. При изучении имеющихся источников практически не обнаружено исследований, направленных на изучение влияния разных форм снижения памяти и внимания на эффективность обучения навыкам осознанности. Идея высвобождения ресурсов, занятых дополнительными, низко эффективными когнитивными процессами, предполагает, что память и внимание в достаточной степени сохранены, однако используются не оптимально. В частности, данные о различных эффектах начального уровня нейротизма у разных изучаемых групп на эффекты практик осознанности могут косвенно указывать на то, что причина возникновения эмоциональной нестабильности может быть ключевой для результатов практики: органические поражения, возможно, связаны с отсутствием или снижением результатов воздействия, тогда как выученные невротические реакции могут эффективно корректироваться.

Низкий уровень возможности волевой саморегуляции, скорее всего, ведет к снижению достигаемого эффекта, однако, возможно, он может компенсироваться усилением внешнего контроля при проведении практик.

Значительный эффект обсуждаемых практик достигается в случае высокой открытости опыту у их участников, что очевидным образом связано с их высокой и неугасающей мотивацией. Этот аспект приобретает дополнительный интерес в связи с тем, что овладение навыками осознанности направлено, в частности, на обнаружение собственных глубинных мотиваций, познание собственных потребностей. Не исключено, что более быстрое овладение навыками осознанности, показанное для респондентов с изначально более высоким уровнем осознанности как личностной черты, связано с уже имеющейся готовностью знакомиться с новой практикой и интересом к самопознанию. Также описанные закономерности подчеркивают особую роль внешнего мотивирования на первых этапах участников с невысоким уровнем стремления к самопознанию, готовностью принимать новые знания.

Значительный интерес может представлять изучение зависимости эффектов практик на основе осознанности от характера уже имеющихся способов саморегуляции. В некоторых источниках прогнозируется перспективность данного направления, однако оно остается практически неизученным. В то же время, можно полагать, что определенные способы саморегуляции (например, связанные с приспособительными эффектами демонстрации собственной беспомощности и получения внешней помощи), могут затруднять формирование навыков осознанности, в то время как другие (например, направленность на решение проблемы) – способствовать ему.

Важным представляется также продолжение исследований механизмов формирования осознанности как специфической регуляционной стратегии. Несмотря на то, что эта область существенно более изучена, остается множество вопросов о мишенях воздействия применяемых технологий – конкретных компонентах внимания, памяти; о взаимосвязи с другими глобальными механизмами регуляции функциональных состояний и поведения.

Библиография

1. Осин Е.Н., Турилина И.И. Краткосрочные эффекты от онлайн-практики медитации осознанности // Экспериментальная психология. 2020. 1 (13). С. 51-62.
2. Anderson K.W. Utility of the five-factor model of personality in psychotherapy aptitude-treatment interaction research // Psychotherapy Research. 1998. 8. P. 54-70.
3. Agyerre N. et al. Electrophysiological correlates of dispositional mindfulness: A quantitative and complexity EEG study

-
- // *British Journal of Psychology*. 2023. 3 (114). P. 566-579.
4. Bagby R.M. et al. Personality and differential treatment response in major depression: a randomized controlled trial comparing cognitive-behavioural therapy and pharmacotherapy // *Canadian Journal of Psychiatry*. 2008. 6 (53). P. 361-370.
 5. Barkan T. et al. Personality Predicts Utilization of Mindfulness-Based Stress Reduction During and Post-Intervention in a Community Sample of Older Adults // *The Journal of Alternative and Complementary Medicine*. 2016. 5 (22). P. 390-395.
 6. Bliwise D.L. et al. Prediction of outcome in behaviorally based insomnia treatments // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 1995. 26. P. 17-23.
 7. Colquitt J.A., LePine J.A., Noe R.A. Toward an integrative theory of training motivation: a meta-analytic path analysis of 20 years of research // *The Journal of Applied Psychology*. 2000. 5 (85). P. 678-707.
 8. Danckert J., Merrifield C. Boredom, sustained attention and the default mode network // *Experimental Brain Research*. 2018. 9 (236). P. 2507-2518.
 9. Ding X. et al. Mood and personality predict improvement in creativity due to meditation training // *Learning and Individual Differences*. 2015. 37. P. 217-221.
 10. Devaney K.J. et al. Attention and Default Mode Network Assessments of Meditation Experience during Active Cognition and Rest // *Brain Sciences*. 2021. 5 (11). 566.
 11. Jha A.P. et al. Mindfulness training modifies subsystems of attention // *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. 2007. 2 (7). P. 109-119.
 12. Hill P.L., Roberts B.W. The role of adherence in the relationship between conscientiousness and perceived health // *Health Psychology*. 2011. 6 (30). P. 797-804.
 13. Hölzel B.K. et al. Mindfulness practice leads to increases in regional brain gray matter density // *Psychiatry Research*. 2011. 1 (191). P. 36-43.
 14. Komarraju M., Karau S.J. The relationship between the big five personality traits and academic motivation // *Personality and Individual Differences*. 2005. 3 (39). P. 557-567.
 15. Krick A., Felfe J. Who benefits from mindfulness? The moderating role of personality and social norms for the effectiveness on psychological and physiological outcomes among police officers // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2020. 2 (25). P. 99-112.
 16. Kuan G., Morris T., Terry P.C. The use of Galvanic Skin Response (GSR) and Peripheral Temperature (PT) to Monitor Relaxation during Mindfulness Imagery with Relaxing Music // *Aspasp-jpaspexspecial edition*. 2016. 1 (1). P. 15- 21.
 17. Lomas T., Ivtzan I., Fu C.H. A systematic review of the neurophysiology of mindfulness on EEG oscillations // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2015. 57. P. 401-410.
 18. Lueke A., Lueke N. Mindfulness improves verbal learning and memory through enhanced encoding // *Memory & Cognition*. 2019. 47. P. 1531-1545.
 19. Morais J. et al. Global review of human waste-picking and its contribution to poverty alleviation and a circular economy // *Environmental Research Letters*. 2022. 6 (17). Article 063002.
 20. Nyhus E. et al. Increases in Theta Oscillatory Activity During Episodic Memory Retrieval Following Mindfulness Meditation Training // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2019. 13. Article 311.
 21. Nyklíček I., Irmischer M. For Whom Does Mindfulness-Based Stress Reduction Work? Moderating Effects of Personality // *Mindfulness*. 2017. 4 (8). P. 1106-1116.
 22. Prakash R.S. et al. Mindfulness and Attention: Current State-of-Affairs and Future Considerations // *Journal of Cognitive Enhancement*. 2020. 3 (4). P. 340-367.
 23. Posner M.I., Petersen S.E. The attention system of the human brain // *Annual review of neuroscience*. 1990. 13. P. 25-42.
 24. Sanderson C., Clarkin J.F. Use of the NEO-PI personality dimensions in differential treatment planning // *Personality disorders and the five-factor model of personality*. American Psychological Association, 1994. P. 219-235.
 25. Studer-Luethi B. et al. Influence of neuroticism and conscientiousness on working memory training outcome // *Personality and Individual Differences*. 2012. 1 (53). P. 44-49.
 26. Talbot N.L. et al. Personality traits and symptom reduction in a group treatment for women with histories of childhood sexual abuse // *Comprehensive Psychiatry*. 2003. 6 (44). P. 448-453.
 27. Tang R., Braver T.S. Towards an Individual Differences Perspective in Mindfulness Training Research: Theoretical and Empirical Considerations // *Frontiers in Psychology*. 2020. 11. Article 818.
 28. Tang Y.-Y., Posner M.I. Mindfulness and training attention // *Handbook of mindfulness and self-regulation*. Springer, 2015. P. 23-32.
 29. de Vibe M. et al. Does Personality Moderate the Effects of Mindfulness Training for Medical and Psychology Students? // *Mindfulness*. 2015. 2 (6). P. 281-289.
 30. Wolkin J.R. Cultivating multiple aspects of attention through mindfulness meditation accounts for psychological well-being through decreased rumination // *Psychology Research and Behavior Management*. 2015. 8. P. 171-180.
 31. Watkins E.R. *Rumination-focused cognitive-behavioral therapy for depression*. New York: Guilford, 2016. 349 p.
-

Psychophysiological mechanisms of the influence of mindfulness practices on cognitive and regulatory mental processes and the role of individual-personal predispositions in the effectiveness of their use

Elena A. Dorosheva

PhD in Biology,
Associate Professor of the Department of Comparative Psychology
and Neurosciences,
Zelman Institute of Medicine and Psychology,
Novosibirsk State University;
Senior Researcher,
Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine,
630117, 1, Timakova str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Vyacheslav G. Umnyashkin

Postgraduate,
Zelman Institute of Medicine and Psychology,
Novosibirsk State University;
630090, 1, Pirogova str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: v.umnyashkin@gmail.com

Abstract

The review article systematizes data on the impact of mindfulness practices on various components of cognitive and self-regulatory processes in relation to individual-personality characteristics. The alleged psychophysiological mechanisms underlying the improvement of attention, memory, self-regulation, including its volitional component, are described. Putative mechanisms of mindfulness skills formation link improvement of these functions to the release of cognitive resources previously involved in ineffective regulatory processes, as well as with reorganization of cognitive and regulatory processes. The key point is to restore the reciprocal relations of the attention networks, capabilities of their operational switching, and to reduce the hyperactivation of the default mode network associated with the generation of automatic thoughts. Changes in background brain activity are described as a state of "relaxed alertness", i.e. adjusting to the perception of environmental stimuli without background negative reactions to them and willingness to respond to these stimuli if necessary. Following the reorganization of attention processes, it seems that memory aspects related to the processing of input or extracted stimuli are optimized (the accuracy of selecting stimuli relevant to the current situation or global problem increases). Few studies that have investigated the relationships of the effects of mindfulness practices with personality traits show greater adherence to the practices in respondents with high conscientiousness and openness to new experiences, which enhances the impact of training, the positive impact of baseline self-control and dispositional mindfulness. Further prospects of the study of mindfulness mechanisms and its place in a range of self-regulation strategies are being considered.

For citation

Dorosheva E.A., Umnyashkin V.G. (2024) Psikhofiziologicheskie mekhanizmy vliyaniya praktik osoznannosti (mindfulness) na kognitivnye i regulatorynye psikhicheskie protsessy i rol' individual'no-lichnostnykh predispozitsii v effektivnosti primeneniya dannykh praktik [Psychophysiological mechanisms of the influence of mindfulness practices on cognitive and regulatory mental processes and the role of individual-personal predispositions in the effectiveness of their use]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 21-32.

Keywords

Mindfulness-based practices, psychophysiological mechanisms, attention, memory, self-regulation, individual-personal features

References

1. Anderson K.W. (1998) Utility of the five-factor model of personality in psychotherapy aptitude-treatment interaction research. *Psychotherapy Research*, 8, pp. 54-70.
2. Aguerre N. et al. (2023) Electrophysiological correlates of dispositional mindfulness: A quantitative and complexity EEG study. *British Journal of Psychology*, 114 (3), pp. 566-579.
3. Bagby R.M. et al. (2008) Personality and differential treatment response in major depression: a randomized controlled trial comparing cognitive-behavioural therapy and pharmacotherapy. *Canadian Journal of Psychiatry*, 53 (6), pp. 361-370.
4. Barkan T. et al. (2016) Personality Predicts Utilization of Mindfulness-Based Stress Reduction During and Post-Intervention in a Community Sample of Older Adults. *The Journal of Alternative and Complementary Medicine*, 22 (5), pp. 390-395.
5. Bliwise D.L. et al. (1995) Prediction of outcome in behaviorally based insomnia treatments. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*, 26, pp. 17-23.
6. Colquitt J.A., LePine J.A., Noe R.A. (2000) Toward an integrative theory of training motivation: a meta-analytic path analysis of 20 years of research. *The Journal of Applied Psychology*, 85 (5), pp. 678-707.
7. Danckert J., Merrifield C. (2018) Boredom, sustained attention and the default mode network. *Experimental Brain Research*, 236 (9), pp. 2507-2518.
8. Ding X. et al. (2015) Mood and personality predict improvement in creativity due to meditation training. *Learning and Individual Differences*, 37, pp. 217-221.
9. Devaney K.J. et al. (2021) Attention and Default Mode Network Assessments of Meditation Experience during Active Cognition and Rest. *Brain Sciences*, 11 (5), p. 566.
10. Jha A.P., Krompinger J., Baime, M.J. (2007) Mindfulness training modifies subsystems of attention. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*, 7 (2), pp. 109-119.
11. Hill P.L., Roberts B.W. (2011) The role of adherence in the relationship between conscientiousness and perceived health. *Health Psychology*, 30 (6), pp. 797-804.
12. Hölzel B.K. et al. (2011) Mindfulness practice leads to increases in regional brain gray matter density. *Psychiatry Research*, 191 (1), pp. 36-43.
13. Komaraju M., Karau, S.J. (2005) The relationship between the big five personality traits and academic motivation. *Personality and Individual Differences*, 39 (3), pp. 557-567.
14. Krick A., Felfe J. (2020) Who benefits from mindfulness? The moderating role of personality and social norms for the effectiveness on psychological and physiological outcomes among police officers. *Journal of Occupational Health Psychology*, 25 (2), pp. 99-112.
15. Kuan G., Morris T., Terry P.C. (2016) The use of Galvanic Skin Response (GSR) and Peripheral Temperature (PT) to Monitor Relaxation during Mindfulness Imagery with Relaxing Music. *Aspasp-jpaspex special edition*, 1 (1), pp. 15-21.
16. Lomas T., Ivttan I., Fu C.H. (2015) A systematic review of the neurophysiology of mindfulness on EEG oscillations. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 57, pp. 401-410.
17. Lueke A., Lueke N. (2019) Mindfulness improves verbal learning and memory through enhanced encoding. *Memory & Cognition*, 47, pp. 1531-1545.
18. Morais J. et al. (2022) Global review of human waste-picking and its contribution to poverty alleviation and a circular economy. *Environmental Research Letters*, 17 (6), 063002.

19. Nyhus E. et al. (2019) Increases in Theta Oscillatory Activity During Episodic Memory Retrieval Following Mindfulness Meditation Training. *Frontiers in Human Neuroscience*, 13, 311.
20. Nyklíček I., Irmischer M. (2017) For Whom Does Mindfulness-Based Stress Reduction Work? Moderating Effects of Personality. *Mindfulness*, 8 (4), pp. 1106-1116.
21. Osin E.N., Turilina I.I. (2020). Kratkosrochnye efekty ot onlain-praktiki meditatsii osoznannosti [Short-term effects from online practice of mindfulness meditation]. *Ekspierimental'naya psikhologiya* [Experimental psychology], 13 (1), pp. 51-62.
22. Prakash R.S. et al. (2020) Mindfulness and Attention: Current State-of-Affairs and Future Considerations. *Journal of Cognitive Enhancement*, 4 (3), pp. 340-367.
23. Posner M.I., Petersen S.E. (1990) The attention system of the human brain. *Annual review of neuroscience*, 13, pp. 25-42.
24. Sanderson C., Clarkin J.F. (1994) Use of the NEO-PI personality dimensions in differential treatment planning. In: *Personality disorders and the five-factor model of personality*. American Psychological Association.
25. Studer-Luethi B. et al. (2012) Influence of neuroticism and conscientiousness on working memory training outcome. *Personality and Individual Differences*, 53 (1), pp. 44-49.
26. Talbot N.L. et al. (2003) Personality traits and symptom reduction in a group treatment for women with histories of childhood sexual abuse. *Comprehensive Psychiatry*, 44 (6), pp. 448-453.
27. Tang R., Brave, T.S. (2020) Towards an Individual Differences Perspective in Mindfulness Training Research: Theoretical and Empirical Considerations. *Frontiers in Psychology*, 11, p. 818. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00818.
28. Tang Y.-Y., Posner M.I. (2015) Mindfulness and training attention. In: *Handbook of mindfulness and self-regulation*. Springer Science + Business Media.
29. de Vibe M. et al. (2015) Does Personality Moderate the Effects of Mindfulness Training for Medical and Psychology Students? *Mindfulness*, 6 (2), pp. 281-289.
30. Wolkin J.R. (2015) Cultivating multiple aspects of attention through mindfulness meditation accounts for psychological well-being through decreased rumination. *Psychology Research and Behavior Management*, 8, pp. 171-180.
31. Watkins E.R. (2016) *Rumination-focused cognitive-behavioral therapy for depression*. New York: Guilford.

УДК 159.91**Обзор исследований двухфакторной модели алекситимии и ее психофизиологических оснований и валидность измерительного инструментария****Дорошева Елена Алексеевна**

Кандидат биологических наук,
доцент кафедры сравнительной психологии, кафедры нейронаук,
Институт медицины и психологии В. Зельмана,
Новосибирский государственный университет;
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины,
630117, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Тимакова, 4,
e-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Бурова Татьяна Сергеевна

Студент,
Институт медицины и психологии В. Зельмана,
Новосибирский государственный университет;
630090, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Пирогова, 1,
e-mail: burovatiana02@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается двухфакторная модель алекситимии, предполагающая связь этой черты с двумя нейрофизиологическими блоками. Проводится анализ аргументов в пользу выделения когнитивного и аффективного аспектов алекситимии. Проведена проверка психометрических характеристик русскоязычной версии голландского опросника алекситимии Б. Бермонда и Г. Ворста (BVAQ), основанного на данной модели и широко применяемого в зарубежных нейрофизиологических исследованиях алекситимии. Полученные результаты указывают на пригодность ряда психометрических характеристик, однако их определенная противоречивость указывает на необходимость проведения дополнительных исследований для дальнейшей разработки психодиагностического инструментария, который может применяться с целью отбора респондентов при проведении психофизиологических исследований двух компонентов алекситимии. Теоретическое рассмотрение нейрофизиологических оснований двухфакторной модели алекситимии позволяет констатировать наличие убедительных доказательств наличия ее аффективного и когнитивного подфакторов. В то же время эмпирическая проверка психометрических характеристик русскоязычной версии разработанного в соответствии с данной моделью психодиагностического инструмента BVAQ показывает достаточно противоречивые результаты. С одной стороны, опросник демонстрирует хорошие показатели надежности и конвергентной валидности; проверка дивергентной валидности обнаружила разнонаправленные слабые связи двух компонентов алекситимии. В то же время конфирматорный анализ показал низкие показатели

пригодности моделей, построенных на допущении наличия двух факторов алекситимии; также выявлена их слабая взаимосвязь между собой, что противоречит оригинальной модели.

Для цитирования в научных исследованиях

Дорошева Е.А., Бурова Т.С. Обзор исследований двухфакторной модели алекситимии и ее психофизиологических оснований и валидность измерительного инструментария // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 33-43.

Ключевые слова

Алекситимия, когнитивный и аффективный компонент алекситимии, нейрофизиология, голландский опросник алекситимии Бермонда-Ворста, BVAQ, психометрические характеристики, психодиагностика.

Введение. Концепция алекситимии и ее двухфакторная модель

Концепция алекситимии возникла при наблюдении за людьми, страдающими психосоматическими заболеваниями. Исследователи, описывая пациентов с соматическими симптомами, указывали на то, что для части из них характерно специфическая репрезентация собственного эмоционального опыта, характеризующаяся недостаточностью вербальной и символической обработки.

Дословно термин «алекситимия», введенный П. Сифнеосом, означает отсутствие слов для эмоций (от греческого *α* – недостаток, *lexis* – слово, *thymos* – настроение или эмоция) [Sifneos, 1973, 256]. Идея алекситимии, сформулированная П. Сифнеосом, породила широкий интерес в научных кругах относительно вопроса о взаимосвязи алекситимических черт личности и возможной соматизации, решение которого важно для поиска путей психотерапевтической работы с психосоматическими пациентами.

В 1985 году Г. Д. Тейлор, Д. Райан и Р. М. Бэгби сформулировали концепцию алекситимии следующим образом: «Пациенты с алекситимией испытывают трудности с идентификацией и описанием своих чувств, их когнитивный стиль конкретен и основан на реальности, у них бедная внутренняя эмоциональная жизнь и фантазийный мир» [Taylor et al., 1995, 191].

В своих определениях П. Сифнеос, Дж. К. Немия, Г. Д. Тейлор, Д. Райан и Р. М. Бэгби ссылаются на четыре основных компонента алекситимии: снижение или неспособность переживать эмоции; снижение или неспособность выражать эмоции; снижение или неспособность фантазировать; отсутствие склонности размышлять о своих эмоциональных состояниях. Позже к этому списку были добавлены трудности с идентификацией собственных эмоциональных состояний [Vermond et al., 2006].

С момента начала разработки концепции алекситимии были опубликованы шкалы и опросники, направленные на измерение данного феномена (опросник госпиталя Бет Израел, шкала Шеллинга-Сифнеоса, опросник Кристалля и др.). За исключением различных версий торонтской шкалы алекситимии (TAS-26, TAS-20 и TAS-20-R), которая используется как для клинических, так и для научных целей, ни одна из разработанных методик не отвечала в полной мере приемлемым психометрическим требованиям, поэтому не нашла широкого применения в исследовательских работах.

Разработанная Г. Д. Тейлором и коллегами методика TAS-20 сделала возможным

масштабное исследование alexitimии и способствовала привлечению к феномену alexitimии внимания большого количества ученых [Taylor et al., 1995]. Б. Бермонд и Г. Ворст, однако, подвергли критике модель, лежащую в основе методики, поскольку она не охватывает пять описанных выше alexitimических черт. Ими была предложена двухфакторная модель alexitimии, включающая два некоррелирующих между собой компонента – когнитивный компонент обработки эмоций (измеряемый TAS-20) и аффективный компонент (переживания эмоций и фантазирования), и на ее базе разработан инструмент, измеряющий все пять аспектов alexitimии и, предположительно, обладающий хорошими дифференциальными возможностями – Bermond–Vorst Alexithymia Questionnaire (BVAQ) [Bermond, Worst, 1999]. Два измеряемых аспекта – эмоциональность и фантазирование – относятся к аффективным, три других – идентификация, анализ и вербализация своих эмоциональных состояний – к когнитивным аспектам alexitimии.

Идея двухфакторной модели alexitimии, – наличие разных нейробиологических блоков, отвечающих за когнитивные процессы эмоциональной обработки и за собственно эмоциональные процессы. Выдвигаются аргументы в пользу того, что правое полушарие производит глобальную, невербальную обработку и продукцию эмоциональной информации, а левое полушарие отвечает за анализ эмоций и связанные с ними метакогнитивные процессы. Изменения в функционировании правой (в большей степени) и левой орбитофронтальной коры вовлечены в формирование аффективных аспектов alexitimии, особенности активности правой височной коры – в когнитивные аспекты. Активация структур, участвующих в эмоциональном познании, ингибируют активацию в структурах, участвующих в формировании непосредственно эмоций. Было продемонстрировано взаимное ингибирование правого и левого полушариями, субрегионов передней поясной извилины и миндалины и передней префронтальной коры [Bermond et al., 2006]. Высказано предположение о наличии двух полярных когнитивных стилей, связанных с alexitimией, – сильная способность когнитивной оценки эмоциональных состояний, вызывающая подавление эмоций и связанная с преобладанием левополушарной активности, и интенсивная генерация эмоций, связанная с выраженным уменьшением когнитивной обработки эмоций и преобладающей активностью правого полушария [Kolb, Whishaw, 1996]. Приводятся аргументы о высокой пластичности мозговых структур мозга, связанной с поздним онтогенетическим созреванием коры, что, в зависимости от раннего опыта, может формировать устойчивые особенности обработки информации на основе научения [Bermond et al., 2006].

В последующих работах изучался ряд психофизиологических особенностей людей с выраженностью когнитивного либо аффективного блоков alexitimии – как связанных с работой вегетативной нервной системы, так и отражающих функционирование разных областей головного мозга. Идея исследования вегетативных показателей основывается на соображениях о том, что изменения в их работе при регуляции функционального состояния в ответ на действие стрессогенных факторов могут приводить к возникновению психосоматических заболеваний, предрасположенность к которым связана с наличием alexitimических черт [Bermond et al., 2010]. Нейровизуализационные исследования применялись для попытки описания функционального взаимодействия структур мозга при организации процессов, нарушающихся в случае возникновения симптомов alexitimии разного характера. Примером являются исследования с использованием визуальных эмоциональных стимулов, невербальных компонентов речи или генерации конфликтов при обработке визуальных и вербальных стимулов [Goerlich et al., 2012; de Galanet al., 2014]. Сообщается о достаточно противоречивых данных, полученных в различных исследованиях: как согласующихся с предложенной

двухфакторной моделью алекситимии, так и несогласующихся с ней [Goerlich, 2018].

Во всех перечисленных исследованиях основой для формирования выборки служит опросник BVAQ. Переводы опросника BVAQ используются в российских исследованиях, однако проверка психометрических свойств используемых версий не проводилась. Для возможности исследований двух компонентов алекситимии представляется целесообразным апробация русскоязычной версии опросника с проверкой его психометрических характеристик.

Рассматриваемый опросник состоит из двух параллельных форм (А и В), каждая из которых включает по 20 пунктов. Обе параллельные формы формируют расширенную версию методики (форма АВ, 40 элементов). Каждый аспект измеряется четырьмя элементами в форме А и в форме В и восемью элементами в форме АВ. Пять шкал в обеих параллельных формах (А и В) состоят из двух прямых (положительно сформулированных в отношении признака) и двух обратных (отрицательно сформулированных в отношении признака) пунктов (исключением является шкала «Фантазирование»).

Компоненты алекситимии представлены в опроснике следующими шкалами.

Эмоциональность: измерение степени эмоциональной возбудимости человека в различных ситуациях. Примером утверждения в этой шкале является: «Если я вижу, что кто-то рыдает, я остаюсь невозмутимым». К данной шкале относятся пункты опросника 4, 9, 14 (обратный), 19 (обратный), 24, 29 (обратный), 34, 39 (обратный).

Фантазирование: измерение способности человека к фантазированию. Примером пункта этой шкалы является следующее утверждение: «Мне нравится придумывать необычные воображаемые истории». К данной шкале относятся пункты опросника 2 (обратный), 7 (обратный), 12 (обратный), 17, 22, 27 (обратный), 32, 37 (обратный).

Идентификация собственных эмоциональных состояний: измеряется способность человека к определению природы собственных эмоциональных переживаний. Примером пункта данной шкалы является следующее утверждение: «Когда я чувствую себя несчастным, я знаю, боюсь ли я, удручен или грустен». К данной шкале относятся пункты опросника 3 (обратный), 8, 13 (обратный), 18, 23, 28 (обратный), 33, 38 (обратный).

Анализ собственных эмоциональных состояний: измерение способности или стремления человека к анализу и объяснению собственных эмоциональных реакций. Примером пункта данной шкалы является следующее утверждение: «Когда все становится немного непосильным, я обычно понимаю почему». К данной шкале относятся пункты опросника 5, 10 (обратный), 15, 20 (обратный), 25, 30 (обратный), 35, 40 (обратный).

Вербализация собственных эмоциональных состояний: измерение способности или склонности человека к описанию своих эмоциональных состояний, рассказу о них другим. Примером утверждения в этой шкале является: «Я могу словами выразить свои чувства». К данной шкале относятся пункты опросника 1, 6 (обратный), 11, 16 (обратный), 21, 26 (обратный), 31 (обратный), 36.

Авторами оригинальной версии методики были показаны ее удовлетворительные психометрические характеристики. На трех языковых выборках были получены близкие значения коэффициента альфа Кронбаха, отражающие согласованность шкал, среднее значение подшкал около 0,79; общее – 0,85. Анализ главных компонент выявил сопоставимую пятифакторную структуру. Были показаны ожидаемые прямые связи с показателями TAS-20 и с выраженностью психологических проблем респондентов; в то же время не было проведено проверки двухкомпонентной модели алекситимии [Bermond, Worst, 2000].

Более поздние исследования двухкомпонентной модели, которые проводились с помощью конфирматорного (либо смешанного конфирматорного и эксплораторного) анализа данных,

полученных с использованием разных переводов опросника, показывали как преимущества двухфакторного решения с независимыми факторами [например, Vermond et al., 2007], так и пятифакторного решения [например, Bagby et al., 2009]. Вопрос о факторной структуре методики, таким образом, остается открытым. В то же время есть ряд работ, демонстрирующих различия в проявлении предложенных компонентов алекситимии у различных групп. Например, в одной из работ для родственников пациентов, страдающих психозами, было показано существенное усиление проявлений когнитивной алекситимии и отсутствие черт аффективной [van der Velde et al., 2015]. Подобные данные могут свидетельствовать в пользу многофакторности конструкта алекситимии.

В настоящем исследовании изучаются некоторые психометрические показатели русскоязычной версии методики, такие как внутренняя согласованность пунктов опросника, его конструктивная (конвергентная и дискриминативная) валидность, факторная структура.

Материалы и методы эмпирического исследования

Разработка русскоязычной версии опросника

Для создания русскоязычной версии Голландского опросника алекситимии Б. Бермонда и Г. Ворста BVAQ использовали прямой и обратный перевод. При выполнении перевода также стремились к тому, чтобы формулировки вопросов соответствовали привычному разговорному стилю. Пункты опросника приведены в Приложении 1.

В опросном листе расширенной формы опросника испытуемым предлагалось оценить утверждение по 5-балльной шкале: «совершенно неверно», «отчасти неверно», «ни то, ни другое», «отчасти верно», «совершенно верно». Ответам присваивался балл в соответствии со шкалой от 1 до 5 в случае прямых вопросов и от 5 до 1 в случае обратных. Показатель выраженности алекситимических черт рассчитывался суммированием баллов по каждому пункту,

Выборка исследования

Для изучения структуры опросника было привлечено 456 человек, из них 139 мужчин и 317 женщин (средний возраст – 22,5 года). Проверки валидности опросника BVAQ проводилась на выборке из 357 человек (103 мужчины, 254 женщины, средний возраст – 22,6 года), являющейся частью общей выборки.

Методики исследования, использованные для оценки конструктивной валидности опросника BVAQ

Для проверки конвергентной валидности BVAQ применялась торонтская шкала алекситимии TAS-20-R в адаптации Е. Г. Старостиной, Г. Д. Тейлора, Л. К. Квилли, А. Е. Боброва и др. [2010]; Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева [2020], для которой ожидалась обратная корреляционная связь с показателями BVAQ, поскольку ранее показана ассоциация алекситимических черт со снижением психологического благополучия. Для проверки дискриминантной валидности голландского опросника алекситимии BVAQ использовали Шкалу потребности в социальном одобрении Кроуна-Марлоу в адаптации Ю.Л. Ханина [Методика..., 2001].

Статистическая обработка данных

Конфирматорный анализ для проверки соответствия структуры опросника ожидаемой проводили с помощью статистического пакета EQS. Прочие расчеты проводились с использованием статистического пакета Jamovi. Для изучения внутренней согласованности

опросника использовали коэффициент α Кронбаха. При проверке на соответствие данных нормальному распределению распределения данных при помощи теста Шапиро-Уилкоксона было выявлено, отклонение некоторых показателей от него (табл. 1). Поэтому при проведении корреляционного анализа применяли непараметрический коэффициент корреляции Спирмена.

Таблица 1 - Проверка показателей использованных методик на соответствие нормальному распределению, критерий Шапиро-Уилка

Показатель	BVAQ	TAS-20-R	Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера	Шкала потребности в социальном одобрении
W	0.993	0.991	0.989	0.987
p	0.071	0.038	0.007	0.002

Результаты и их обсуждение

Показатель внутренней согласованности α Кронбаха для русскоязычного варианта опросника BVAQ составил 0.913, что соответствует высокому уровню надежности и оригинальным показателям. Также была оценена внутренняя согласованность пунктов внутри каждой из пяти шкал. Показатели α Кронбаха оказались приемлемыми и имеют значения выше 0.76 (таблица 2).

Таблица 2 - Внутренняя согласованность BVAQ

Шкалы	α Кронбаха
BVAQ	0.91
Эмоциональность	0.76
Фантазирование	0.87
Идентификация	0.84
Анализ	0.85
Вербализация	0.83

Конструктивная валидность методики проверялась на основе теоретических представлений об алекситимии. При проведении корреляционного анализа были получены результаты, представленные в таблице 3.

Таблица 3 - Корреляционный анализ по Ч. Спирмену показателей BVAQ и TAS-20-R, шкалы потребности в социальном одобрении и шкалы удовлетворенности жизнью

Показатель BVAQ		TAS-20-R общий	Шкала социальной желательности	Шкала удовлетворенности жизнью
аффективный компонент	r	-0.05	0.18	0.05
	p	0.354	< .001	0.372
когнитивный компонент	r	0.70	-0.17	-0.30
	p	< .001	0.001	< .001
алекситимия (сумма)	r	0.53	-0.04	-0.21
	p	< .001	0.478	< .001

Как и ожидалось, суммарные показатели BVAQ имеют прямую корреляцию ($r = 0.67$) со значениями торонтской школы алекситимии TAS-20-R на уровне значимости 0.001. Также показана прогнозируемая значимая взаимосвязь TAS-20-R и суммой показателей шкал BVAQ,

отвечающими за когнитивный аспект алекситимии («Анализ собственных эмоциональных состояний», «Вербализация собственных эмоциональных состояний», «Идентификация эмоциональных состояний»). Не выявлена взаимосвязь показателей TAS-20-R и суммы шкал, отвечающих за аффективный аспект («Эмоциональность» и «Фантазирование») – это согласуется с тем, что торонтская шкала алекситимии измеряет только ее когнитивные составляющие.

Показатели «Шкалы удовлетворенности жизнью» Э. Динера имеют ожидаемую обратную корреляционную связь с голландским опросником алекситимии BVAQ на уровне значимости 0.001 ($r=-0.24$).

Показатели «Шкалы социальной желательности» Кроуна-Марлоу, которая использовалась для проверки дискриминантной валидности, не имеют значимой корреляции с результатами BVAQ. Однако оба компонента алекситимии показали слабые значимые разнонаправленные связи: когнитивный компонент – отрицательную, а аффективный – положительную. Люди со снижением эмоциональности, не склонные к фантазированию имеют более выраженную потребность в социальном одобрении, тогда как способности понимать, вербализировать, анализировать эмоции связаны с более низкой потребностью. Полученные данные могут свидетельствовать о разной природе компонентов алекситимии. Также стоит отметить, TAS-20-R (как упомянуто выше, измеряющей когнитивный компонент алекситимии) также продемонстрировали значимую обратную связь с показателями «Шкалы социальной желательности» на уровне 0.001 ($r=-0.29$).

Структура методики. На первом этапе рассмотрели корреляции шкал BVAQ и компонентов алекситимии между собой. Результаты корреляционного анализа по Ч. Спирмену приведены в таблице 4. Показатели всех шкал методики и оба компонента алекситимии значимо связаны между собой, что не согласуется с представлениями о независимости когнитивного и аффективного компонентов.

Таблица 4 - Корреляционный анализ по Ч. Спирмену шкал BVAQ и компонентов алекситимии между собой

Показатель	эмоц.	фант.	идент.	анализ	верб.	алекситимия (итог)	когн. комп.
фантаз.	0.33***	—					
идент.	0.15***	0.10*	—				
анализ	0.47***	0.37***	0.54***	—			
вербал.	0.30***	0.10*	0.51***	0.52***	—		
когн. комп.	0.35***	0.21***	0.83***	0.80***	0.82***	0.89***	—
аффект. комп.	0.78***	0.82***	0.13**	0.50***	0.23***	0.69***	0.33**

Примечание. Фант. – фантазирование, идент. – идентификация эмоций, анализ – анализ эмоций, верб – вербализация эмоций, когн. компонент – когнитивный компонент алекситимии, аффект. комп. – аффективный компонент алекситимии, * $p<0.05$, ** $p<0.01$, *** $p<0.001$

На следующем этапе проводили конфирматорный факторный анализ в статистическом пакете EQS 6.3. Проверка адекватности проведения факторного анализа при помощи критерия КМО показала, что использование факторного анализа на выборке исследования возможно. При значимости 0.00 мера адекватности выборки КМО составила 0.91.

Принимая во внимание данные предыдущих исследований и теоретическую структуру опросника, проверялась пригодность семи теоретических моделей:

- модель 1: пятифакторная модель с корреляциями факторов;
- модель 2: пятифакторная модель с двумя группирующими факторами аффективной и когнитивной алекситимии;

- модель 3: пятифакторная модель с двумя группирующими подфакторами и общим группирующим фактором;
- модель 4: двухфакторная модель с коррелирующими факторами;
- модель 5: двухфакторная модель с группирующим фактором;
- модель 6: бифакторная модель с пятью коррелирующими специфическими факторами и общим фактором алекситимии.

Поскольку критерий Шапиро-Уилка показал, что распределение переменных отклоняется от многомерной нормальности ($p < 0.001$), конфирматорный факторный анализ проводился с использованием поправки Саторры-Бентлера. Для оценки пригодности моделей использовали следующие показатели: 1) $RMSEA < 0.06$; 2) $CFI > 0.95$; 4) $IFI > 0.95$. Результаты проверки всех шести моделей представлены в таблице 4.

Таблица 4 - Индексы пригодностей шести факторных моделей BVAQ

Модель	RMSEA (90% CI)	CFI	IFI
Модель 1	0.060 (0.056-0.064)	0.773	0.764
Модель 2	0.082 (0.079-0.085)	0.719	0.721
Модель 3	0.068 (0.064-0.071)	0.778	0.780
Модель 4	0.093 (0.090-0.096)	0.593	0.595
Модель 5	0.091 (0.088-0.094)	0.592	0.594
Модель 6	0.059 (0.056-0.062)	0.840	0.843

Ни одна из представленных моделей не достигает приемлимости по индексам CFI и IFI; наилучшие показатели демонстрирует бифакторная модель с пятью коррелирующими специфическими факторами и общим фактором алекситимии. Согласно этому результату, можно предполагать существование общего фактора алекситимии и частных факторов, представляющих собой относительно самостоятельные конструкторы.

Заключение

Теоретическое рассмотрение нейрофизиологических оснований двухфакторной модели алекситимии позволяет констатировать наличие убедительных доказательств наличия ее аффективного и когнитивного подфакторов. В то же время эмпирическая проверка психометрических характеристик русскоязычной версии разработанного в соответствии с данной моделью психодиагностического инструмента BVAQ показывает достаточно противоречивые результаты. С одной стороны, опросник демонстрирует хорошие показатели надежности и конвергентной валидности; проверка дивергентной валидности обнаружила разнонаправленные слабые связи двух компонентов алекситимии. В то же время конфирматорный анализ показал низкие показатели пригодности моделей, построенных на допущении наличия двух факторов алекситимии; также выявлена их слабая взаимосвязь между собой, что противоречит оригинальной модели. Для дальнейшей разработки психодиагностического инструментария, который может применяться с целью отбора

респондентов при проведении отечественных психофизиологических исследований двух компонентов алекситимии, необходимо проведения дополнительных исследований.

Библиография

1. Методика диагностики самооценки мотивации одобрения (Шкала лжи) Д. Марлоу и Д. Крауна // Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара, 2001. С. 635-636.
2. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг. 2020. 1 (155). С. 117-142.
3. Старостина Е.Г. и др. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. 4. С. 31-38.
4. Bagby R.M. et al. Are there subtypes of alexithymia? // Personality and Individual Differences. 2009. 5 (47). P. 413-418.
5. Bermond B. et al. A cognitive and an affective dimension of alexithymia in six languages and seven populations // Cognition and Emotion. 2007. 21 (5). P. 1125-1136.
6. Bermond B., Vorst H.C.M. Validity and reliability of the Bermond-Vorst Alexithymia Questionnaire // Personality and Individual Differences. 1999. 30 (3). P. 413-434.
7. Bermond B., Vorst H.C., Moormann P.P. Cognitive neuropsychology of alexithymia: implications for personality typology // Cognitive Neuropsychiatry. 2006. 11 (3). P. 332-360.
8. Bermond B. et al. The cognitive and affective alexithymia dimensions in the regulation of sympathetic responses // Int J Psychophysiol. 2010. 75 (3). P. 227-233.
9. Galan de M. et al. Conflict adaptation is predicted by the cognitive, but not the affective alexithymia dimension // Frontiers in Psychology. 2014. 22. 5. Article 758. 1-7.
10. Goerlich K.S., Aleman A., Martens S. The Sound of Feelings: Electrophysiological Responses to Emotional Speech in Alexithymia // PLoS ONE. 2012. 7 (5). Article e36951.
11. Goerlich K.S. The Multifaceted Nature of Alexithymia – A Neuroscientific Perspective // Frontiers in Psychology. 2018. 29. Article 1614. 1-7.
12. Kolb B., Whishaw I.Q. Fundamentals of human neuropsychology. New York: Freeman, 1996. 913 p.
13. Sifneos P.E. The prevalence of 'alexithymic' characteristics in psychosomatic patients // Psychotherapy and Psychosomatics. 1973. 2-6 (22). P. 255-262.
14. Taylor G.J., Ryan D., Bagby R.M. Toward the development of a new self-report alexithymia scale // Psychotherapy and Psychosomatics. 1985. 4 (44). P. 191-199.
15. van der Velde J. et al. Cognitive alexithymia is associated with the degree of risk for psychosis // PLoS One. 2015. 10 (6). Article e0124803.

Review of studies of the two-factor model of alexithymia and its psychophysiological bases and the validity of measuring instruments

Elena A. Dorosheva

PhD in Biology,
Associate Professor of the Department of Comparative Psychology
and Neurosciences,
Zelman Institute of Medicine and Psychology,
Novosibirsk State University;
Senior Researcher,
Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine,
630117, 1, Timakova str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Tat'yana S. Burova

Student,

Zelman Institute of Medicine and Psychology,

Novosibirsk State University;

630090, 1, Pirogova str., Novosibirsk, Russian Federation;

e-mail: burovatiana02@gmail.com

Abstract

The article discusses a two-factor model of alexithymia, which suggests a connection between this trait and two neurophysiological blocks. The arguments in favor of distinguishing the cognitive and affective aspects of alexithymia are analyzed. The psychometric characteristics of the Russian-language version of the Dutch B. Bermond and G. Vorst Alexithymia Questionnaire (BVAQ), based on this model and widely used in foreign neurophysiological studies of alexithymia, were tested. The results obtained indicate the suitability of a number of psychometric characteristics, however, their certain inconsistency indicates the need for additional research to further develop psychodiagnostic tools that can be used to select respondents when conducting psychophysiological studies of the two components of alexithymia. Theoretical consideration of the neurophysiological foundations of the two-factor model of alexithymia allows us to state the presence of convincing evidence of the presence of its affective and cognitive subfactors. At the same time, empirical testing of the psychometric characteristics of the Russian-language version of the BVAQ psychodiagnostic tool developed in accordance with this model shows rather contradictory results. On the one hand, the questionnaire demonstrates good reliability and convergent validity; divergent validity testing revealed multidirectional weak associations between the two components of alexithymia. At the same time, confirmatory analysis showed low rates of suitability of models built on the assumption of the presence of two factors of alexithymia; their weak relationship with each other was also revealed, which contradicts the original model.

For citation

Dorosheva E.A., Burova T.S. (2024) Obzor issledovaniy dvukhfaktornoj modeli aleksitimii i ee psikhofiziologicheskikh osnovanii i validnost' izmeritel'nogo instrumentariya [Review of studies of the two-factor model of alexithymia and its psychophysiological bases and the validity of measuring instruments]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 33-43.

Keywords

Alexithymia, cognitive and affective component of alexithymia, neurophysiology, Bermond-Vorst Dutch Alexithymia Questionnaire, BVAQ, psychometric characteristics, psychodiagnosis.

References

1. Bagby R.M. et al. (2009) Are there subtypes of alexithymia? *Personality and Individual Differences*, 5 (47), pp. 413-418.
2. Bermond B. et al. (2007) A cognitive and an affective dimension of alexithymia in six languages and seven populations. *Cognition and Emotion*, 21(5), pp. 1125-1136.
3. Bermond B. et al. (2010) The cognitive and affective alexithymia dimensions in the regulation of sympathetic responses. *Int J Psychophysiol*, 75 (3), pp. 227-233.

4. Bermond B., Vorst H.C.M. (1999) Validity and reliability of the Bermond-Vorst Alexithymia Questionnaire. *Personality and Individual Differences*, 30 (3), pp. 413-434. DOI: 10.1016/S0191-8869(00)00033-7
5. Bermond B., Vorst H.C., Moormann P.P. (2006) Cognitive neuropsychology of alexithymia: implications for personality typology. *Cognitive Neuropsychiatry*, 11 (3), pp. 332-360. DOI: 10.1080/13546800500368607.
6. Galan de M., Sellaro R., Colzato L.S., Hommel B. (2014) Conflict adaptation is predicted by the cognitive, but not the affective alexithymia dimension. *Frontiers in Psychology*, 22, 5, 758, 1-7.
7. Goerlich K.S., Aleman A., Martens S. (2012) The Sound of Feelings: Electrophysiological Responses to Emotional Speech in Alexithymia. *PLoS ONE*, 7 (5), e36951.
8. Goerlich K.S. (2018) The Multifaceted Nature of Alexithymia – A Neuroscientific Perspective. *Frontiers in Psychology*, 29, 1614, pp. 1-7.
9. Kolb B., Whishaw I.Q. (1996) *Fundamentals of human neuropsychology*. New York: Freeman.
10. (2001) Metodika diagnostiki samootsenki motivatsii odobreniya (Shkala lzhi) D. Marlou i D. Krauna [Scale for the diagnosis of Social Desirability (Scale of lies) by D. Marlowe and D.P. Krauna] In: *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnosics. Methods and tests]. Samara.
11. Sifneos P.E. (1973) The prevalence of 'alexithymic' characteristics in psychosomatic patients. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 2-6 (22), pp. 255-262.
12. Osin E.N., Leont'ev D.A. (2020) Kratkie russkoyazychnye shkaly diagnostiki sub'ektivnogo blagopoluchiua: psikhometricheskie kharakteristiki i sravnitel'nyi analiz [Short Russian-language scales of diagnosis of subjective well-being: psychometric characteristics and comparative analysis]. *Monitoring* [Monitoring], 1 (155), pp. 117-142.
13. Starostina E.G. et al. (2010) Torontskaya shkala aleksitimii (20 punktov): validizatsiya russkoyazychnoi versii na vyborke terapevticheskikh bol'nykh [Toronto Alexithymia Scale (20 points): validation of the Russian version in a sample of therapeutic patients]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya* [Social and clinical psychiatry], 4, pp. 31-38.
14. Taylor G.J., Ryan D., Bagby R.M. (1985) Toward the development of a new self-report alexithymia scale. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 4 (44), pp. 191-199.
15. van der Velde J. et al. (2015) Cognitive alexithymia is associated with the degree of risk for psychosis. *PLoS One*, 10 (6), e0124803.

УДК 159.9**Исследование когнитивных функций и мнестической сферы у детей с локальными поражениями мозга в области мозжечка****Ахматханова Хава Хуважибаудиевна**

Младший научный сотрудник,
Научно-практический центр детской психоневрологии,
119602, Российская Федерация, Москва, Мичуринский пр-т, 74;
Ассистент кафедры,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
364093, Российская Федерация, Грозный, ул. Асланбека Шерипова, 32;
e-mail: eva.a.95@mail.ru

Шенбергер Евгения Борисовна

Медицинский логопед,
Научно-практический центр детской психоневрологии,
119602, Российская Федерация, Москва, Мичуринский пр-т, 74;
e-mail: prostaj2009@rambler.ru

Садовникова Анна Владимировна

Медицинский логопед,
Научно-практический центр детской психоневрологии,
119602, Российская Федерация, Москва, Мичуринский пр-т, 74;
e-mail: sadovnikova.56@list.ru

Бондарева Ольга Олеговна

Учитель-дефектолог,
Научно-практический центр детской психоневрологии,
119602, Российская Федерация, Москва, Мичуринский пр-т, 74;
e-mail: info@npcdp.ru

Дубинина Ирина Викторовна

Медицинский логопед,
Научно-практический центр детской психоневрологии,
119602, Российская Федерация, Москва, Мичуринский пр-т, 74;
e-mail: info@npcdp.ru

Аннотация

В статье представлены частичные результаты исследования выявления специфики воздействия локального поражения мозга в области мозжечка на формирование

когнитивных функций и вербальной памяти, а так же особенности этого воздействия в связи с возрастом и полом детей. По результатам исследования выявлено, что у детей с субтенториальной локализацией опухоли результаты тестирования уровня когнитивных функций ниже как по общему показателю, так и по всем интегральным шкалам, чем у нормативно развивающихся детей того же возраста, что может говорить о снижении когнитивных функций в связи со спецификой заболевания, на фоне этого не обнаружено снижения показателей вербальной памяти детей с локальным поражением мозжечка по сравнению с группой нормативно развивающихся детей.

Для цитирования в научных исследованиях

Ахматханова Х.Х., Шенбергер Е.Б., Садовникова А.В., Бондарева О.О., Дубинина И.В. Исследование когнитивных функций и мнестической сферы у детей с локальными поражениями мозга в области мозжечка // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 44-51.

Ключевые слова

Локальное поражение мозга, память, мышление, нейроонкологическое заболевания, нейропсихологическое обследование.

Введение

Согласно статистическим данным, наибольшее распространение среди детей с нейроонкологическим заболеванием имеет локализация в области структур задней черепной ямки, в частности поражение мозжечка – в 45-50 % случаев внутричерепных образований [Талыпов, 2002]. Это представляет особый интерес, так как, с учетом исследований последних лет, взгляды на роль мозжечка в развитии и поддержании психических процессов были пересмотрены.

Изучение особенностей поражений мозжечка выявило, что при этом в большинстве случаев отмечается недостаточность исполнительных функций [Перез, 2008, нарушение рабочей и вербальной памяти, а также, выделяется связь мозжечка с не-моторными речевыми функциями.

Особенностью нарушений когнитивных функций можно назвать разнообразие проявлений, сопутствующих нарушению. Уровень когнитивного развития у ребенка связан с состоянием функций, его составляющих.

Весомый вклад в состояние когнитивных навыков вносит развитие вербальной памяти. Исследования показывают, что вклад вербальной памяти в уровень когнитивных функций велик [Аткинсон, 1980; Баддли, 2011; Бендас, 2006] и они во многом взаимосвязаны. Л.С. Выготский так же пишет о взаимосвязи памяти и интеллекта, участвующих в развитии мышления [Лассан, 2008]. Нами проведено исследование с целью оценки нейропсихологического статуса детей с нейроонкологическим заболеванием.

Основное содержание

В исследовании приняли участие тридцать детей в возрасте 11- 12 лет: 15 детей с локальными поражениями мозжечка вследствие нейроонкологического заболевания, в контрольную группу входят нормативно развивающихся детей. Все дети из контрольной

группы учатся в общеобразовательной школе, не имеют проблем в обучении, у них не наблюдается нарушений в интеллектуальной сфере.

Представители групп прошли следующие тестирование: батареей для оценки когнитивных способностей для детей К-АВС II (*Kaufman Assessment Battery for Children Second edition, 2004*). Тест избирательной памяти (*Selective Reminding Test*) проходила группа нормативно развивающихся детей и дополнительная группа детей, имеющих локальное поражение мозжечка.

С целью оценки уровня когнитивного развития обеих групп было проведено тестирование батареей Кауфмана для детей.

В качестве показателей учитывались общий показатель когнитивного развития и следующие шкалы: шкала последовательной обработки информации, шкала одновременной обработки информации, шкала обучения и шкала планирования.

На рисунке 1 представлены результаты тестирования детей: средний балл общего уровня когнитивного развития, а так же средние баллы по интегративным шкалам батареи тестов.

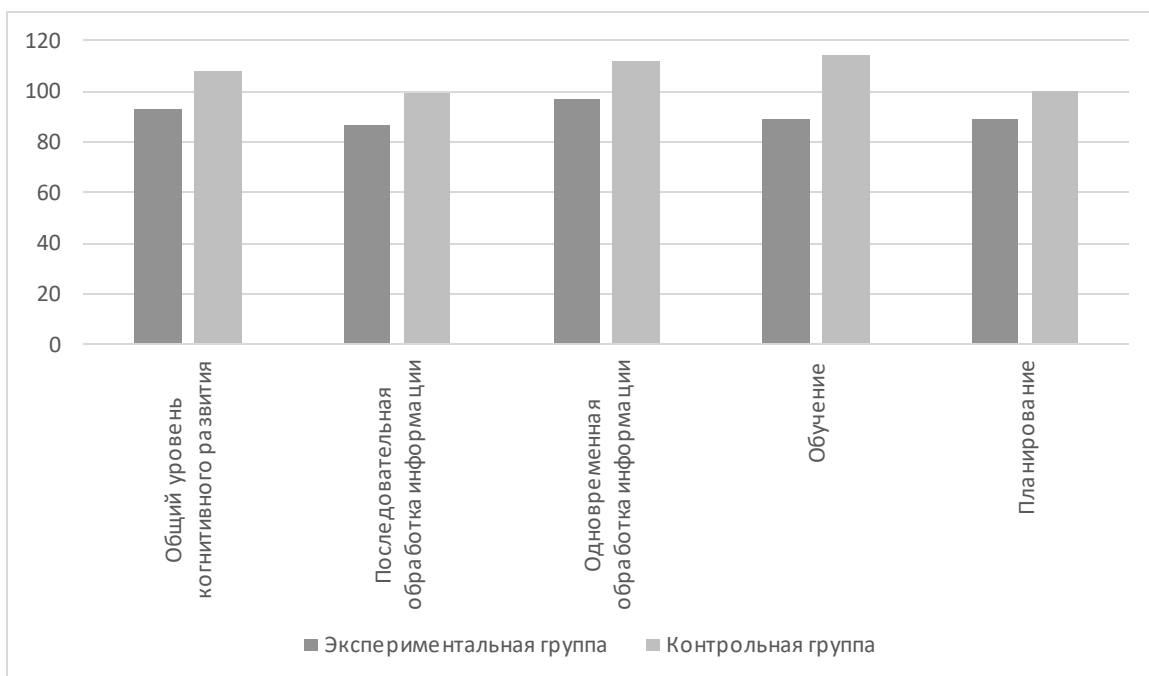

Рисунок 1 - Средние баллы экспериментальной и контрольных групп по общему показателю когнитивного развития и шкалам батареи

Для выявления и оценки различий между группами был проведен дисперсионный анализ результатов тестирования (фактор: наличие локального повреждения мозжечка). Сравнение проводилась по показателю общего уровня когнитивного развития, шкалам батареи Кауфмана.

По результатам дисперсионного анализа можно заключить, что фактор имеет значимое влияние на показатель уровня когнитивного развития ($F(1, 33)=12,372, p=,00129$), и выполнение теста в целом более успешно у группы, не имеющих локальных повреждений мозжечка.

Наличие локального поражения мозжечка оказывает негативное влияние на общее развитие когнитивных функций. Для более детального рассмотрения данного утверждения был проведен дополнительный анализ различий между группами по интегративным шкалам батареи Кауфмана для детей.

Дисперсионный анализ по шкалам батареи Кауфмана (фактор: наличие локального повреждения мозжечка) показывает наличие различий в результатах групп по всем четырем параметрам тестирования:

- в шкале последовательной обработки информации $F(1, 33)=6,2, p=0,02$,
- в шкале одновременной обработки информации $F(1, 33)=9,0, p=0,005$,
- в шкале обучения $F(1, 33)=9,2, p=0,005$ и шкале планирования $F(1, 33)=8,7, p=0,006$.

Дисперсионный анализ показал снижение, как уровня общего когнитивного развития, так и частных когнитивных характеристик у детей с новообразованиями в области задней черепной ямки и мозжечка.

Нами было проведено дополнительное тестирование вербальной памяти тестом избирательного запоминания на группе нормативно развивающихся детей и второй группе детей, имеющих в анамнезе локальное поражение мозжечка (рис. 2).

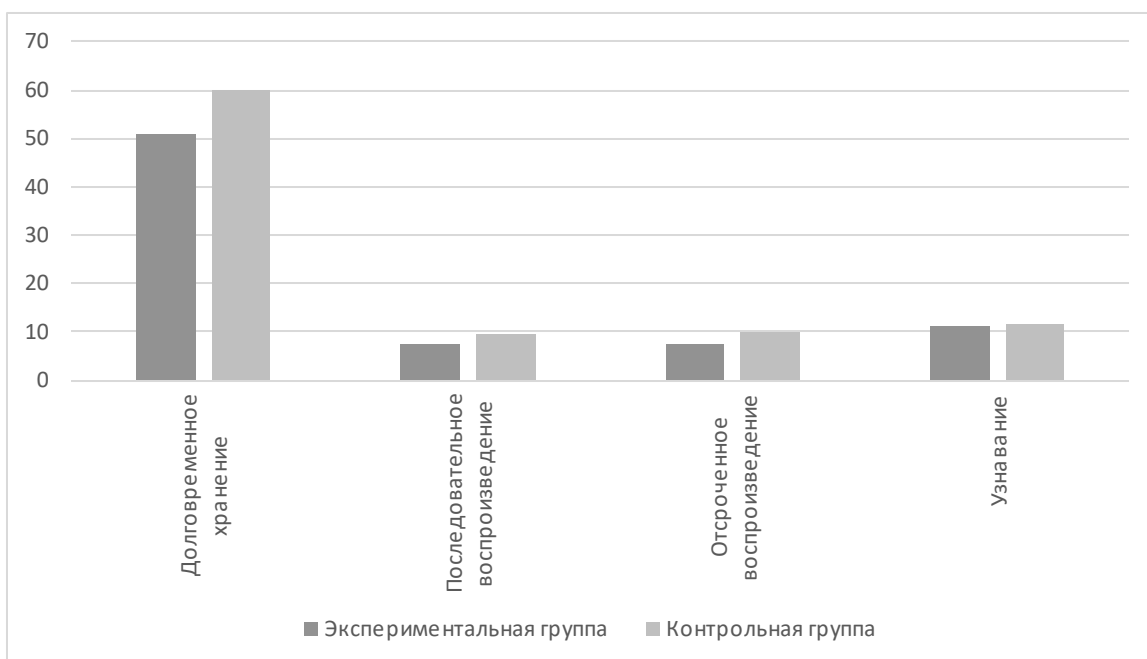

Рисунок 2 - Средние баллы тестирования вербальной памяти экспериментальной и контрольных групп.

Для выявления и оценки различий между группами был проведен дисперсионный анализ результатов тестирования (фактор: наличие локального повреждения мозжечка).

Сравнивались результаты по всем показателям теста избирательного запоминания. Дисперсионный анализ показал отсутствие значимых различий при сравнении показателей долговременного хранения ($p>0.83$), последовательного воспроизведения ($p>0.72$), отсроченного воспроизведения ($p>0.68$) и узнавания ($p>0.38$). Таким образом, наличие в анамнезе нейроонкологического образования в области мозжечка не оказывает влияние на качество вербальной памяти.

Для того чтобы оценить взаимосвязь между показателями вербальной памяти и уровня когнитивного развития, был произведен корреляционный анализ данных обеих групп.

В группе нормативно развивающихся детей была выявлена надежная связь между общим уровнем когнитивного развития и показателем последовательного воспроизведения ($r=0,72, p=$

0,00031), а так же между показателем последовательного воспроизведения и шкалами одновременной ($r=0,52$, $p=0,016$) и последовательной ($r=0,52$, $p=0,017$) обработки информации.

В группе детей, имеющих локальное поражение мозжечка не выявлено никаких взаимосвязей между какими-либо показателями теста избирательного запоминания и общим уровнем когнитивного развития.

По результатам экспериментально-психологического обследования не обнаружено снижения показателей вербальной памяти детей с локальным поражением мозжечка по сравнению с группой нормативно развивающихся детей.

В литературе существуют противоречивые данные о влиянии поражения глубинных отделов головного мозга на изолированные когнитивные функции [Егорова, 1973]. Имеются данные, указывающие, что наличие локального поражения мозжечка в анамнезе оказывают влияние на снижение вербальной памяти [Лубовский, 1978], с другой стороны, в некоторых работах встречаются обратные данные [Лурия, 1962].

Заключение

На фоне изложенного выявлена специфика, оказываемая локальным поражением мозжечка на когнитивную сферу детей, имеющих нейроонкологическое заболевание в анамнезе. У детей с субтенториальной локализацией опухоли (мозжечка, мозгового ствола) результаты тестирования уровня когнитивных функций ниже как по общему показателю, так и по всем интегральным шкалам, чем у нормативно развивающихся детей того же возраста, что может говорить о снижении когнитивных функций в связи со спецификой заболевания.

Результаты подчеркивают необходимость дальнейшего исследования нейropsихологической статуса детей с локальным поражением мозжечка с целью разработки эффективной психокоррекционной программы.

Библиография

1. Аткинсон, Р. Человеческая память и процесс обучения: пер. с англ. / Ричард Аткинсон; под общей ред. Ю.М. Забродина, Б.Ф.Ломова. – Москва: Прогресс, 1980. – 528 с. – (Общественные науки за рубежом. Психология).
2. Баддли, А. Память / Баддли А., Айзенк М., Андерсон М. – Санкт-Петербург: Питер, 2011. – 560 с. – (Мастера психологии).
3. Бендас, Т.В. Гендерная психология: учебное пособие / Т.В. Бендас. – Санкт-Петербург: Питер, 2006 - 431 с.
4. Бурдукова, Ю.А. Влияние химио- и лучевой терапии на когнитивное развитие детей с опухолями различной локализации / Бурдукова Ю. А., Власова Е. Ю., Гнитеева Л.Н., Андреева Е.В., Попов В.Е. // Психологические исследования: электронный журнал. – М., 2015. – Т. 8. – № 41. – URL: <http://psystudy.com/index.php/num/2015v8n41/1135-burdukova41.html>
5. Выготский, Л.С. Проблема развития и распада высших психических функций / Л.С. Выготский // Хрестоматия по нейropsихологии : учебное пособие / ред. Е.Д. Хомская. – М. : Российское психологическое общество, 1999. – С. 436-442. – То же. – URL:http://yanko.lib.ru/books/psycho/vugotskiy-psc_razv_chel-5-problema_razvitiya_i_raspada_vysshih_psih_funkciy.pdf
6. Выготский, Л.С. Память и ее развитие в детском возрасте / Л.С. Выготский // Собрание сочинений : 6 т. – Москва : Педагогика, 1982. – Т. 2: Проблемы общей психологии. – С. 386-395.
7. Григонис, А.В. Преднамеренное и непреднамеренное запоминание учащихся младших классов вспомогательной школы / А.В. Григонис // Дефектология. – 1969. – № 6. – С. 21-23.
8. Джемс, У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления : популярные лекции по философии / Уильям Джемс ; пер. с англ. и заклоч. ст. П.С. Юшкевича. - Изд. 3-е. - Москва : URSS ЛКИ, 2010. – 242 с. - (Из наследия мировой философской мысли: история философии).
9. Егорова, Т.В. Особенности памяти и мышления младших школьников, отстающих в развитии / Т.В. Егорова ; АПН СССР, НИИ дефектологии. - Москва : Педагогика, 1973. - 150 с.
10. Зуева, Ю.В. Нарушение когнитивных функций при изолированных инфарктах мозжечка:

- (нейропсихологическое исследование) / Зуева Ю.В., Корсакова Н.К., Калашникова Л.А. // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 2002. – № 2. – С. 36-48.
11. Корниенко, В.Н. Опухоли головного мозга / В.Н. Корниенко // Вестник Российского онкологического научного центра им. Н.Н. Блохина РАМН. – Т. 15. – № 1/2. – С. 23-30. – То же. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/opuholi-golovnogo-mozga>
 12. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – 3-е изд. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 575 с
 13. Леонтьев, А.Н. Развитие памяти: экспериментальное исследование высших психологических функций / А.Н. Леонтьев ; авт. предисл. Л. Выготский. – Москва; Ленинград : Учпедгиз, 1931. – 278 с.
 14. Лубовский, В.И. Развитие словесной регуляции действий у детей (в норме и патологии) / В.И. Лубовский ; АПН, НИИ дефектологии СССР. – Москва: Педагогика, 1978. – 224 с.
 15. Лассан, Л.П. Влияние латерализации локального поражения головного мозга на психические функции детей школьного возраста // Людмила Павловна Лассан // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – СПб., 2008. – № 52. – С. 31-41. – То же. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-lateralizatsii-lokalnogo-porazheniya-golovnogo-mozga-na-psihicheskie-funktsii-detey-shkolnogo-vozrasta>
 16. Лурия, А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. – 432 с.
 17. Талыпов А.Э. Диагностика и хирургическое лечение повреждений структур задней черепной ямки : дис... канд. мед. наук : спец. 14.00.28 / А.Э. Талыпов – Москва, 2002. – 156 с.

The study of cognitive functions and the mnesic sphere in children with local brain lesions in the cerebellum

Khava Kh. Akhmatkhanova

Junior scientist,
Scientific and Practical Center for Pediatric Psychoneurology,
119602, Michurinsky Ave., 74, Moscow, Russian Federation;
Assistant of chair,
Chechen State University,
364049, 32, Sheripova str., Grozny, Russian Federation;
e-mail: eva.a.95@mail.ru

Evgeniya B. Shenberger

Medical speech therapist,
Scientific and Practical Center for Pediatric Psychoneurology,
119602, Michurinsky Ave., 74, Moscow, Russian Federation;
e-mail: prostaj2009@rambler.ru

Anna V. Sadovnikova

Medical speech therapist,
Scientific and Practical Center for Pediatric Psychoneurology,
119602, Michurinsky Ave., 74, Moscow, Russian Federation;
e-mail: sadovnikova.56@list.ru

Ol'ga O. Bondareva

Teacher-speech pathologist,
Scientific and Practical Center for Pediatric Psychoneurology,
119602, Michurinsky Ave., 74, Moscow, Russian Federation;
e-mail: info@npmdp.ru

Irina V. Dubinina

Medical speech therapist,
Scientific and Practical Center for Pediatric Psychoneurology
119602, Michurinsky Ave., 74, Moscow, Russian Federation
e-mail: info@npmdp.ru

Abstract

The article describes the results of part of the study in order to identify the specifics of the impact of local brain damage in the cerebellum on the formation of cognitive functions and verbal memory, as well as the features of this impact in connection with the age and gender of children. According to the results of the study, it was revealed that in children with subtentorial localization of the tumor, the results of testing the level of cognitive functions are lower both in terms of the general indicator and on all integral scales than in normatively developing children of the same age, which may indicate a decrease in cognitive functions due to the specific characteristics of the tumor diseases. According to the results of an experimental psychological examination, no decrease in verbal memory indicators was found in children with local cerebellar lesions compared to a group of typically developing children.

For citation

Akhmatkhanova Kh.Kh., Shenberger E.B., Sadovnikova A.V., Bondareva O.O., Dubinina I.V. (2024) Issledovanie kognitivnykh funktsii i mnesticheskoi sfery u detei s lokal'nymi porazheniyami mozga v oblasti mozzhechka [The study of cognitive functions and the mnesic sphere in children with local brain lesions in the cerebellum]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 44-51.

Keywords

Local brain damage, memory, thinking, neuro-oncological diseases, neuropsychological examination.

References

1. Atkinson, R. Human memory and the learning process: trans. from English / Richard Atkinson; under general editorship Yu.M. Zabrodina, B.F. Lomova. – Moscow: Progress, 1980. – 528 p. – (Social sciences abroad. Psychology).
2. Badley, A. Memory / Badley A., Eysenck M., Anderson M. - St. Petersburg: Peter, 2011. - 560 p. - (Masters of Psychology).
3. Bendas, T.V. Gender psychology: textbook / T.V. Bendas. – St. Petersburg: Peter, 2006 - 431 p.
4. Burdukova, Yu.A. The influence of chemotherapy and radiation therapy on the cognitive development of children with tumors of various locations / Burdukova Yu. A., Vlasova E. Yu., Gnatieva L.N., Andreeva E.V., Popov V.E. // Psychological research: electronic journal. – M., 2015. – T. 8. – No. 41. – URL:

- <http://psystudy.com/index.php/num/2015v8n41/1135-burdukova41.html>
5. Vygotsky, L.S. The problem of development and decay of higher mental functions / L.S. Vygotsky // Reader on neuropsychology: textbook / ed. E.D. Chomskaya. – M.: Russian Psychological Society, 1999. – P. 436-442. – Same. – URL: http://yanko.lib.ru/books/psycho/vugotskiy-psc_razv_chel-5-problema_razvitiya_i_raspada_vysshih_psih_funkciy.pdf
 6. Vygotsky, L.S. Memory and its development in childhood / L.S. Vygotsky // Collected Works: 6 volumes - Moscow: Pedagogy, 1982. - Volume 2: Problems of general psychology. – pp. 386-395.
 7. Grigonis, A.V. Intentional and unintentional memorization of students in junior classes of a auxiliary school / A.V. Grigonis // Defectology. – 1969. - No. 6. – P. 21-23.
 8. James, W. Pragmatism: a new name for some old methods of thinking: popular lectures on philosophy / William James; lane from English and conclusion Art. P.S. Yushkevich. - Ed. 3rd. - Moscow: URSS LKI, 2010. – 242 p. - (From the heritage of world philosophical thought: history of philosophy).
 9. Egorova, T.V. Peculiarities of memory and thinking of younger schoolchildren who are lagging behind in development / T.V. Egorova; Academy of Pedagogical Sciences of the USSR, Research Institute of Defectology. - Moscow: Pedagogy, 1973. - 150 p.
 10. Zueva, Yu.V. Impairment of cognitive functions in isolated cerebellar infarctions: (neuropsychological study)/ Zueva Yu.V., Korsakova N.K., Kalashnikova L.A. // Bulletin of Moscow University. Ser. 14. Psychology. – 2002. - No. 2. – P. 36-48.
 11. Korniienko, V.N. Brain tumors / V.N. Korniienko // Bulletin of the Russian Oncological Research Center named after. N.N. Blokhin RAMS. – T. 15. - No. 1/2. – P. 23-30. - Same. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/opuholi-golovnogo-mozga>
 12. Leontyev, A.N. Problems of mental development / A.N. Leontyev. – 3rd ed. – Moscow: Publishing house Moscow University, 1972. – 575 p.
 13. Leontyev, A.N. Development of memory: experimental study of higher psychological functions / A.N. Leontyev; auto preface L. Vygotsky. - Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1931. - 278 p.
 14. Lubovsky, V.I. Development of verbal regulation of actions in children (normal and pathological) / V.I. Lubovsky; APN, Research Institute of Defectology of the USSR. – Moscow: Pedagogy, 1978. – 224 p.
 15. Lissan, L.P. The influence of lateralization of local brain damage on the mental functions of school-age children // Lyudmila Pavlovna Lissan // News of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen. – St. Petersburg, 2008. - No. 52. – P. 31-41. - Same. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-lateralizatsii-lokalnogo-porazheniya-golovnogo-mozga-na-psihicheskie-funktsii-detey-shkolnogo-vozrasta>
 16. Luria, A.R. Higher cortical functions of humans and their disorders in local brain lesions / A.R. Luria. – M.: Publishing house Mosk. Univ., 1962.–432 p.
 17. Talypov A.E. Diagnosis and surgical treatment of damage to the structures of the posterior cranial fossa: dis... Cand. honey. Sciences: spec. 14.00.28 / A.E. Talypov - Moscow, 2002. - 156 p.

УДК 159.923.2:316.472.4:614.253

Особенности межличностных отношений у медицинских работников

Абдуллаева Алия Салаватовна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры экономики и здравоохранения
с курсом последипломного образования,
Астраханский государственный медицинский университет,
414024, Российская Федерация, Астрахань, ул. Бакинская, 121;
e-mail: alya_kubekova@mail.ru

Горяева Светлана Николаевна

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук и психологии,
Астраханский государственный технический университет,
414025, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 16;
e-mail: goryaeva@list.ru

Аннотация

Актуальность эмпирического исследования обусловлена необходимостью изучения особенностей межличностных отношений и общения с пациентами у медицинских работников. Внутренние субъективные переживания, внутренняя картина болезни больного различного соматического профиля соприкасаются с личностными свойствами медицинских работников. В профессиональной деятельности медицинского работника огромное влияние на эффективность лечебного взаимодействия оказывает профессиональное общение врача с пациентами, насколько высока его комплаентность. В исследовании приняли участие клинические ординаторы второго года обучения Астраханского государственного медицинского университета специальностей «Травматология-ортопедия» и «Урология». Ординаторы совмещают работу в медицинских учреждениях с обучением в ординатуре. В качестве эмпирических методов исследования был применен метод психодиагностического тестирования. Проведены следующие эмпирические методики: 1) тест межличностных отношений Т. Лири (в рос. адаптации Л.Н. Собчик); 2) опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова). Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью U-критерия Манна-Уитни, методы математической статистики. В статье представлены результаты эмпирического исследования, где показаны проблемы в межличностном общении, личности, стилей саморегуляции поведения в профессиональной деятельности медицинского работника. Авторами разработаны практические рекомендации для психолого-педагогической коррекции и профилактики различных нарушений в процесс коммуникативного взаимодействия, психологически грамотной работы с пациентами. Полученные эмпирические данные могут быть использованы для психологов

образовательных организаций при составлении программ психолого-педагогического сопровождения. Статья предназначена как для слушателей циклов повышения квалификации медицинских работников, так для обучающихся в ординатуре на дисциплине «Педагогика».

Для цитирования в научных исследованиях

Абдуллаева А.С., Горяева С.Н. Особенности межличностных отношений у медицинских работников // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 52-60.

Ключевые слова

Межличностные отношения, стиль саморегуляции поведения, клинические ординаторы, уровень самооценки, психология медицинского работника, доминирование, дружелюбие.

Введение

Актуальность эмпирического исследования обусловлена необходимостью изучения особенностей межличностных отношений и общения с пациентами у медицинских работников. Внутренние субъективные переживания, внутренняя картина болезни, а также повышенный сензитивный статус больного различного соматического профиля сопрягаются с личностными свойствами медицинских работников. В профессиональной деятельности медицинского работника огромное влияние на эффективность лечебного взаимодействия оказывает профессиональное общение врача с пациентами, насколько высока его комплаентность [Алямкина, Яшкова, 2019; Бакунц, 2022]. Важно отметить, что больные с различной соматической патологией представляет собой личность, которая обладает определенным психологическим статусом и психологическими особенностями. Другими словами, в психологии больного человека происходят изменения, которые спровоцированы физическим неблагополучием, болью. Поэтому коммуникативный и эмоциональный контакт медицинского работника и пациента должен происходить с учетом психологических особенностей больного [Давыдов и др., 2016; Мадалиева, Асимов, Ерназарова, 2016]. В исследовании Бузиной Т.С. [Бузина, Бузин, Ланской, 2020] показано, что работа по эффективной коммуникации важна и должна быть проведена не только с больными различного профиля, так и с медицинским персоналом. Причем в исследовании подчеркивается роль психологических служб, оказывающих помощь в здравоохранении, роль которой значительно недооценена, поскольку в настоящее время не принят профессиональный стандарт медицинского психолога, работа психолога финансируется не в достаточной степени. Митупов М.Б., Беляева Л.Н. [Майборода, 2015] установили, что не пользуются уважением у пациентов те медицинские работники и врачи, которые постоянно вступают в конфликтное взаимодействие со своим коллективом. Возникшее и постоянное психоэмоциональное напряжение приводит к возникновению высокой тревожности и беспокойства у пациентов различного профиля. Отсюда следует, что сотрудники среднего и высшего звена должны соблюдать этику взаимоотношений и единую цель в своей профессиональной деятельности. Отмечается, что для достижения максимальной эффективности в своей профессиональной деятельности медицинский работник должен понимать и владеть спецификой процесса общения, а также причины возникновения

барьеров в процессе межличностного взаимодействия [Опросник..., www]. Помимо этого, медицинский работник должен обладать высокими профессионально важными качествами, чтобы осуществлять медицинскую деятельность и врачевание, но также обладать высокой коммуникативной компетентностью для комфортного общения с пациентами [Родермель, Джурбий, 2021; Савункина, Латышев, 2015]. Некоторые исследования отмечают определенные психологические особенности медицинских работников, которые оказывают влияние на коммуникативную компетентность, а именно: коммуникативная толерантность, эмпатия и владение коммуникативными навыкам [Родермель, Джурбий, 2021; Nguyen, 2019; Miller, 2019].

Авторами будут разработаны практические рекомендации для психолого-педагогической коррекции и профилактики различных нарушений в процесс коммуникативного взаимодействия, психологически грамотной работы с пациентами. На наш взгляд, необходимо изучать профессионально-важные качества и психологический статус медицинских работников с целью своевременной коррекции и формирования необходимых личностных свойств для эффективной деятельности. Полученные данные о межличностных коммуникациях и межличностных отношениях могут учитываться при составлении программ профилактики и коррекции для медицинских работников. Статья предназначена как для слушателей циклов повышения квалификации медицинских работников, так для обучающихся в ординатуре на дисциплине «Педагогика».

Цель исследования: выявить особенности межличностных отношений и стилей саморегуляции повеления у медицинских работников, разработать практические рекомендации.

Материалы и методы исследования

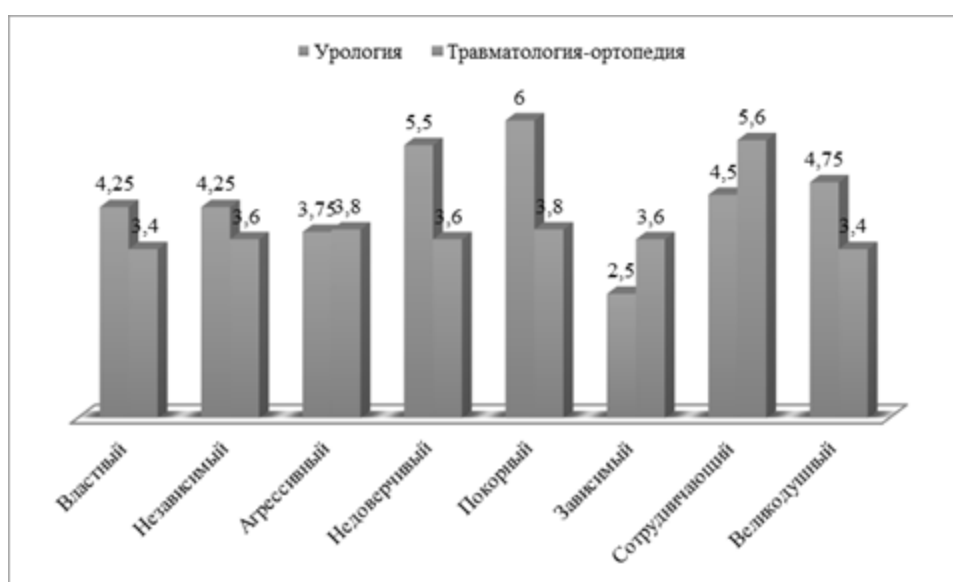
Эмпирическое исследование проведено на базе ФГБОУ ВО «Астраханский государственный медицинский университет» Минздрава России в ноябре 2023 года. В исследовании приняли участие клинические ординаторы второго года обучения Астраханского государственного медицинского университета специальностей «Травматология-ортопедия» (28 человек) и «Урология» (26 человек). Ординаторы совмещают работу в медицинских учреждениях г. Астрахани с обучением в ординатуре. В качестве эмпирических методов исследования был применен метод психодиагностического тестирования. Проведены следующие эмпирические методики: 1) тест межличностных отношений Т. Лири (в рос. адаптации Л.Н. Собчик) [Сайно, Морунов, 2019]. Тест диагностики межличностных отношений (ДМО, Опросник Лири, Опросник интерперсонального диагноза, в оригинале – Interpersonal Adjective Check List, составная часть комплексного теста Interpersonal Diagnosis of Personality) разработан в 1950-х годах в проекте «Kaiser Foundation» под руководством американского психолога Тимоти Лири. Предназначение методики – исследование представлений человека о себе и определение преобладающего типа отношений с окружающими людьми. Для представления результатов была разработана психограмма в виде круга, разделенного на секторы – октанты, каждый из которых отражает определенный тип отношений. При этом горизонтальной и вертикальной осям соответствуют основные ориентации: доминирование/подчинение и дружелюбие/враждебность; 2) опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова) [Митупов, Беляева, 2010]. Цель методики – диагностика развития индивидуальной саморегуляции и ее индивидуального профиля, включающего показатели планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, а также показатели развития регуляторно-личностных свойств – гибкости и самостоятельности.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью U-критерия Манна-Уитни, методы математической статистики. Для статистической обработки данных использовалась программа Статистика 10. Результаты полученных эмпирических данных отражены в рисунках и таблицах.

Результаты исследования и их обсуждение

С целью определения типа отношения к окружающим, а также специфики характера личности, особенностей его взаимоотношений с окружающими людьми был применен тест межличностных отношений Т. Лири (в рос. адаптации Л.Н. Собчик) и представлены результаты на рисунке 1.

В результате тестовой обработки полученных данных у клинических ординаторов второго года обучения специальности «Урология» по методике Лири установлены следующие значения: выраженный показатель по шкале «Покорный» (6,0), что означает повышенное чувство вины, высокую неудовлетворенность собой, впечатлительность, чрезмерное сосредоточение на собственных недостатках, покорность в поведении. Данный результат оказывает негативное влияние на лечебное взаимодействие, поскольку установленные факторы приводят к различным психоэмоциональным нарушениям у медицинского работника. К примеру, чрезмерная впечатлительность, чувствительность может привести к формированию синдрома эмоционального выгорания, стрессовым состояниям и т.д. Кроме того, у клинических ординаторов специальности «Урология» зафиксировано высокое значение по шкале межличностных отношений «Недоверчивый» (5,5). Данный результат означает выраженную склонность к критицизму, повышенную подозрительность к окружающим, недовольство окружающими людьми. Установленная шкала может приводить к конфликтным ситуациям, вызывать повышенную напряженность, повышенную обидчивость в отношении с окружающими людьми. Данные факторы снижают эффективное лечебное взаимодействие.

(составлено авторами по материалам исследования)

Рисунок 1 - Средние значения по тесту межличностных отношений Т. Лири (в рос. адаптации Л.Н. Собчик) у ординаторов

У второй группы клинических ординаторов второго года обучения специальности «Травматология-ортопедия» было высокое значение по тесту межличностных отношений по шкале «Сотрудничающий» (5, 6). Данный установленный фактор означает эффективный стиль межличностных отношений, которые проявляет в тесном сотрудничестве с окружающими людьми. При таком стиле межличностного взаимодействия характерно высокое компромиссное поведение, стремление идти на уступки с целью снизить и минимизировать конфликты, сохранить межличностное взаимодействие и общение. Данный стиль «Сотрудничающий» является наиболее оптимальным при взаимодействии «Врач-пациент», поскольку медицинский работник способен установить эмоциональный и коммуникативный контакт, а, следовательно, повысить приверженность к лечению у пациентов.

Таким образом, результаты эмпирического исследования показали проблемы в межличностном общении и взаимодействии в профессиональной деятельности медицинского работника, в частности, у врачей-ординаторов специальности «Травматология-ортопедия».

Согласно опроснику «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова) было зафиксировано развитие индивидуальной саморегуляции, включающий показатели планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, а также показатели развития регуляторно-личностных свойств – гибкости и самостоятельности (рисунок 2).

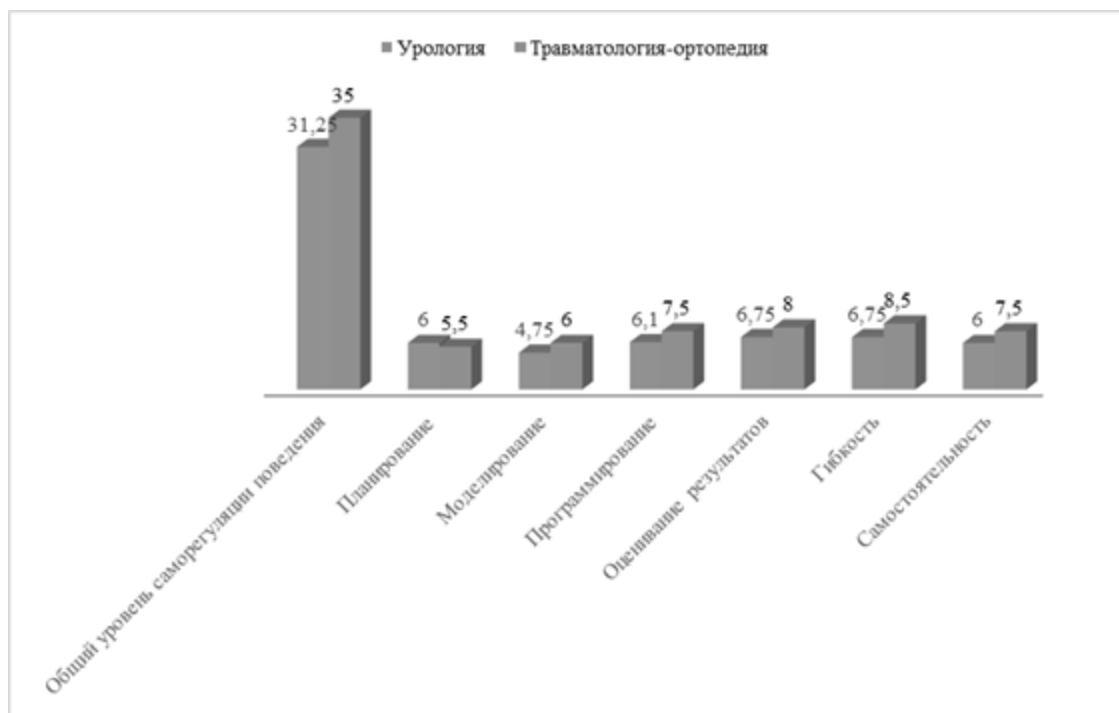
Общий уровень саморегуляции поведения у клинических ординаторов специальности «Урология» выявлен на показателе 31,25. Данный показатель ниже в сравнении с ординаторами специальности «Травматология-ортопедия» – 35,0. В целом, показатели по шкалам у клинических ординаторов специальности «Урология» ниже в сравнении с ординатором второй группы. Данный результат означает, что ординаторам свойственно планирование, определенная очередность действий, однако, упускается главное из виду, соответственно, могут возникнуть трудности в реализации поставленных целей.

У врачей-ординаторов первой группы специальности «Урология» ведущими шкалами являются «Оценивание результатов» (6,75) и «Гибкость» (6,75). Этот результат означает, что врачи-ординаторы имеют индивидуальную развитость и адекватность, как в отношении себя, так и к результатам собственной деятельности, а также поведения. Также они демонстрируют гибкость и пластичность всех регуляторных процессов. У врачей-ординаторов второй группы специальности «Травматология-ортопедия» также демонстрируют высокое значение по шкалам «Оценивание результатов» (8,0) и «Гибкость» (8,5). Данный результат означает, что при возникновении непредвиденных обстоятельств они легко перестраивают планы и программы исполнительских действий и поведения, способны быстро оценить изменение значимых условий и перестроить программу действий.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью U-критерия Манна-Уитни, включая методы математической статистики. С помощью U-критерия Манна-Уитни психологических показателей (субшкал) межличностных отношений и стилей саморегуляции поведения у клинических ординаторов специальностей «Урология» и «Травматология-ортопедия» (таблица 1):

- 1) У ординаторов специальности «Урология» показатель «Недоверчивый» достоверно выше в сравнении со специальностью «Травматология-ортопедия» ($p=0,000$);
- 2) У ординаторов специальности «Урология» показатель эмоционального интеллекта «Покорный» достоверно выше в сравнении со специальностью «Травматология-ортопедия» ($p=0,002$);
- 3) У ординаторов специальности «Травматология-ортопедия» показатель

профессионального выгорания «Гибкость» достоверно выше в сравнении со специальностью «Урология» ($p=0,036$).

(составлено авторами по материалам исследования)

Рисунок 2 - Средние значения по опроснику «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова) у ординаторов

Таблица 1 - Значимые различия психологических показателей у клинических ординаторов специальности «Урология» и «Травматология-ортопедия»

№ п/п	Акцентуации характера	1-я группа «Урология»	2-я группа «Травматология-ортопедия»	P<
1	Недоверчивый (тест Лири)	5,5±0,27	3,6±0,37	0,000
2	Покорный (тест Лири)	6,0±0,36	3,8±0,89	0,002
3	Гибкость (опросник «Стиль саморегуляции поведения»)	6,75±0,54	8,5±0,25	0,036

(составлено авторами по материалам исследования)

Примечания: Достоверные различия при $p \leq 0,05$: * – достоверные различия между показателями двух групп.

Таким образом, были выявлены определенные нарушения в межличностном общении у врачей-ординаторов специальности «Урология», а именно, повышенное чувство вины, высокая неудовлетворенность собой, впечатлительность, чрезмерное сосредоточение на собственных недостатках, покорность в поведении, повышенная напряженность, повышенная обидчивость в отношении с окружающими людьми. Данные факторы снижают эффективное лечебное взаимодействие, мешают в установлении эффективного коммуникативного и эмоционального контакта. Соответственно, данные факторы необходимо корректировать на этапе обучения в ординатуре. Необходимо внедрять программу психолого-педагогического сопровождения на этапе обучения для клинических ординаторов с учетом полученных результатов эмпирического исследования. Программа должна включать психологическую диагностику (тест

межличностных отношений Т. Лири (в рос. адаптации Л.Н. Собчик); опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова)), психолого-педагогическую коррекцию (включает тренинги, направленные на формирование коммуникативной компетентности, на формирование эффективных стилей саморегуляции поведения, формирование навыков неререфлексивного, рефлексивного и эмпатийного слушания), этап повторной психологической диагностики.

Заключение

Таким образом, представлены результаты эмпирического исследования, где показаны проблемы в межличностном общении, личности, стилей саморегуляции поведения в профессиональной деятельности врачей-ординаторов. Авторами разработаны практические рекомендации для психолого-педагогической коррекции и профилактики различных нарушений в процесс коммуникативного взаимодействия, психологически грамотной работы с пациентами. Полученные эмпирические данные могут быть использованы для психологов образовательных организаций при составлении программ психолого-педагогического сопровождения. Статья предназначена как для слушателей циклов повышения квалификации медицинских работников, так для обучающихся в ординатуре на дисциплине «Педагогика».

Библиография

1. Алямкина Т.С., Яшкова А.Н. Особенности межличностных отношений обучающихся на этапе профессионального обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65-4. С. 289-292.
2. Бакунц С.А. Коммуникации врачей и медицинских сестер: работа в команде // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30. № 5. С. 890-896.
3. Бузина Т.С., Бузин В.Н., Ланской И.Л. Врач и пациент: межличностные коммуникации // Медицинская психология в России. 2020. Т. 12. № 4. С. 2.
4. Давыдов Е.Л. и др. Проблемы межличностных взаимоотношений врачей и пациентов старших возрастных групп и их влияние на лечение артериальной гипертензии // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24581>
5. Мадалиева С.Х., Асимов М.А., Ерназарова С.Т. Формирование и развитие коммуникативной компетентности врача // Научное обозрение. Педагогические науки. 2016. № 2. С. 66-73.
6. Майборода С.В. К вопросу о коммуникативной компетенции врача как об условии эффективного общения с пациентом // Молодой ученый. 2015. № 18 (98). С. 523-527.
7. Митупов М.Б., Беляева Л.Н. Профессиональное общение медицинских работников среднего звена // Acta Biomedica Scientifica. 2010. № 2. С. 139-144.
8. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова). URL: <https://psyttests.org/emvol/sspm.html>
9. Родермель Т.А., Джурбий Е.В. Проблемные зоны коммуникативной компетентности у ординаторов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 1А. С. 137-145.
10. Савункина А.А., Латышев В.А. Значение невербальных средств общения в профессиональной деятельности медицинского работника // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 11-6. С. 933-935.
11. Сайно О.В., Морунин О.Е. Психология общения врача и пациента // Лечебное дело. 2019. № 3. С. 54-59.
12. Таджиходжаева Ш.А. К вопросу важности межличностного общения в медицинской практике (на примере медперсонал) // NovaInfo. 2017. № 63 С. 429-435.
13. Тест межличностных отношений Т. Лири (в рос. адаптации Л.Н. Собчик). URL: <https://psyttests.org/classic/leary-run.html>
14. Nguyen J., Smith L., Hunter J. Conventional and Complementary Medicine Health Care Practitioners' Perspectives on Interprofessional Communication: A Qualitative Rapid Review // Medicina. 2019. 55 (10). 650.
15. Miller L.B., Sjoberg H., Mayberry A. The advanced care coordination program: a protocol for improving transitions of care for dual-use veterans from community emergency departments back to the Veterans Health Administration (VA) primary care // BMC Health Serv. Res. 2019. 19. 734.

Features of interpersonal relations in medical workers

Aliya S. Abdullaeva

PhD in Psychology,
Senior Lecturer of Department of Economics and Health Management
with a Postgraduate Course,
Astrakhan State Medical University,
414024, 121, Bakinskaya str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: alya_kubekova@mail.ru

Svetlana N. Goryaeva

PhD in Sociology,
Associate Professor of the Department of Humanities and Psychology,
Astrakhan State Technical University,
414025, 16, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: goryaeva@list.ru

Abstract

The relevance of empirical research is due to the need to study the characteristics of interpersonal relationships and communication with patients among medical workers. Internal subjective experiences, the internal picture of the illness of a patient of various somatic profiles come into contact with the personal properties of medical workers. In the professional activity of a medical worker, the professional communication of the doctor with patients and how high his compliance is have a huge impact on the effectiveness of therapeutic interaction. Clinical residents of the second year of study at the Astrakhan State Medical University, specializing in “Traumatology-Orthopedics” and “Urology”, took part in the study. Residents combine work in medical institutions with residency training. The method of psychodiagnostic testing was used as empirical research methods. The article presents the results of an empirical study, which shows problems in interpersonal communication, personality, and styles of self-regulation of behavior in the professional activities of a medical worker. The authors have developed practical recommendations for psychological and pedagogical correction and prevention of various violations in the process of communicative interaction, psychologically competent work with patients. The obtained empirical data can be used by psychologists in educational organizations when drawing up psychological and pedagogical support programs. The article is intended both for students of advanced training cycles for medical workers, and for residency students in the discipline “Pedagogy”.

For citation

Abdullaeva A.S., Goryaeva S.N. (2024) Osobennosti mezhlchnostnykh otnoshenii u meditsinskikh rabotnikov [Features of interpersonal relations in medical workers]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 52-60.

Keywords

Interpersonal relationships, style of self-regulation of behavior, clinical residents, level of self-esteem, psychology of a medical worker, dominance, friendliness.

References

1. Alyamkina T.S., Yashkova A.N. (2019) Osobennosti mezhlchnostnykh otnoshenii obuchayushchikhsya na etape professional'nogo obucheniya [Features of interpersonal relations of students at the stage of vocational training]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 65-4, pp. 289-292.
2. Bakunts S.A. (2022) Kommunikatsii vrachei i meditsinskikh sester: rabota v komande [Communication between doctors and nurses: team work]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of social hygiene, health care and history of medicine], 30, 5, pp. 890-896.
3. Buzina T.S., Buzin V.N., Lanskoï I.L. (2020) Vrach i patsient: mezhlchnostnye kommunikatsii [Doctor and patient: interpersonal communications]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia], 12, 4, p. 2.
4. Davydov E.L. et al. (2016) Problemy mezhlchnostnykh vzaimootnoshenii vrachei i patsientov starshikh vozrastnykh grupp i ikh vliyanie na lechenie arterial'noi gipertonii [Problems of interpersonal relationships between doctors and patients of older age groups and their influence on the treatment of arterial hypertension]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 3. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24581> [Accessed 02/02/2024]
5. Madalieva S.Kh., Asimov M.A., Ernazarova S.T. (2016) Formirovanie i razvitie kommunikativnoi kompetentnosti vracha [Formation and development of a doctor's communicative competence]. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki* [Scientific review. Pedagogical sciences], 2, pp. 66-73.
6. Maiboroda S.V. (2015) K voprosu o kommunikativnoi kompetentsii vracha kak ob uslovii effektivnogo obshcheniya s patsientom [On the issue of a doctor's communicative competence as a condition for effective communication with a patient]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 18 (98), pp. 523-527.
7. Miller L.B., Sjoberg H., Mayberry A. (2019) The advanced care coordination program: a protocol for improving transitions of care for dual-use veterans from community emergency departments back to the Veterans Health Administration (VA) primary care. *BMC Health Serv. Res.*, 19, 734.
8. Mitupov M.B., Belyaeva L.N. (2010) Professional'noe obshchenie meditsinskikh rabotnikov srednego zvena [Professional communication of mid-level medical workers]. *Acta Biomedica Scientifica*, 2, pp. 139-144.
9. Nguyen J., Smith L., Hunter J. (2019) Conventional and Complementary Medicine Health Care Practitioners' Perspectives on Interprofessional Communication: A Qualitative Rapid Review. *Medicina*, 55 (10), 650.
10. *Oprosnik «Stil' samoregulyatsii povedeniya» (V.I. Morosanova)* [Questionnaire "Style of self-regulation of behavior" (V.I. Morosanova)]. Available at: <https://psytests.org/emvol/sspm.html> [Accessed 02/02/2024]
11. Rodermel' T.A., Dzhurbii E.V. (2021) Problemnye zona kommunikativnoy kompetentnosti u ordinatorov [Problem areas of communication competence in residents]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 10 (1A), pp. 137-145.
12. Saino O.V., Morunov O.E. (2019) Psikhologiya obshcheniya vracha i patsienta [Psychology of communication between doctor and patient]. *Lechebnoe delo* [General Medicine], 3, pp. 54-59.
13. Savunkina A.A., Latyshev V.A. (2015) Znachenie neverbal'nykh sredstv obshcheniya v professional'noi deyatelnosti meditsinskogo rabotnika [The importance of non-verbal means of communication in the professional activity of a medical worker]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], 11-6, pp. 933-935.
14. Tadzikhodzhaeva Sh.A. (2017) K voprosu vazhnosti mezhlchnostnogo obshcheniya v meditsinskoi praktike (na primere medpersonal) [On the issue of the importance of interpersonal communication in medical practice (using the example of medical staff)]. *NovaInfo*, 63, pp. 429-435.
15. *Test mezhlchnostnykh otnoshenii T. Liri (v ros. adaptatsii L.N. Sobchik)* [Test of interpersonal relationships by T. Leary (in Russian adaptation by L.N. Sobchik)]. Available at: <https://psytests.org/classic/leary-run.html> [Accessed 02/02/2024]

УДК 159.9

Особенности мотивации профессиональной деятельности у представителей поколений X, Y, Z в зависимости от уровня их притязаний

Занин Дмитрий Сергеевич

Кандидат педагогических наук, доцент,
руководитель магистерской программы
«Практическая психология и коучинг»,
Московский институт психоанализа,
121170, Российская Федерация, Москва, Кутузовский пр., 34с14;
e-mail: zanin_dm@mail.ru

Царева Екатерина Александровна

Магистрант,
Московский институт психоанализа,
121170, Российская Федерация, Москва, Кутузовский пр., 34с14;
e-mail: katutsareva@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию и анализу взаимосвязи мотивации профессиональной деятельности людей поколений X, Y, Z с их уровнем притязаний, а также результатам апробированной программы повышения мотивации профессиональной деятельности через работу с уровнем притязаний. В ходе эмпирического исследования использованы методика диагностики трудовых мотивов по В.И. Герчикову, опросник В.Г. Гербачевского для исследования уровня притязаний и диагностика личности на мотивацию к успеху и избегание неудач т.Элерса. Анализ результатов показал эффективность разработанной программы повышения мотивации профессиональной деятельности. Анализ типов трудовой мотивации в разных поколениях позволяет сделать выводы о различиях в ценностях, предпочтениях и мотивационных ориентациях их представителей, а результаты исследования показывают, что участие в программах психологического сопровождения с использованием коучинговых технологий, разработанных Царевой Е.А., оказало значительное влияние на уровень мотивации в экспериментальных группах поколений X, Y, Z. На основании этих данных можно сделать общий вывод о том, что программы имеют доказанное положительное влияние на уровень мотивации у разных поколений, их эффективность подтверждена проведенными экспериментами и может быть рекомендована к применению на предприятиях частного и государственного сектора с целью повышения мотивации профессиональной деятельности сотрудников.

Для цитирования в научных исследованиях

Занин Д.С., Царева Е.А. Особенности мотивации профессиональной деятельности у представителей поколений X, Y, Z в зависимости от уровня их притязаний // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 61-71.

Ключевые слова

Мотивация, уровень притязаний, поколение x, поколение y, поколение z, теория поколений, программа повышения мотивации, коучинговые технологии, мотивация достижения успеха, мотивация избегания неудач.

Введение

С усложнением социально-экономических, политических, технических процессов в обществе вопрос мотивации профессиональной деятельности приобретает все большую значимость. От того насколько эффективна мотивация сотрудников во многом зависит производительность и, в конце концов, жизнеспособность предприятий, как государственного, так и частного сектора.

Вместе с тем внутренняя мотивация человека во многом связана с уровнем его притязаний и самооценкой. Низкий уровень притязаний и заниженная самооценка ведут к снижению мотивации человека в целом и мотивации профессиональной деятельности в частности.

Многочисленные исследования говорят о том, что люди разных поколений по-разному мотивированы к профессиональной деятельности. И если ранее у людей «до 30 лет самыми важными факторами, определявшими степень удовлетворенности работой, являлись возможность продвижения по работе и разнообразие труда» [Ильин, 2011, 275], а с возрастом акцент смещался в сторону комфорта, то, например, сейчас проявляется категория молодых людей, не имеющая выраженных потребностей. Они не хотят должности, деньги и т.д., их устраивает наличие заботливого родителя, который решает все проблемы, а цели заменяются недостижимой мечтой. Им сложно фокусироваться – большой поток информации постоянно уводит внимание. Соответственно классические приемы и системы мотивации на них не работают. Вместе с тем это, в перспективе, основные трудовые ресурсы, которые приходят на смену и способность включить их в трудовые процессы или наоборот процессы адаптировать с учетом их особенностей – является важной задачей руководителей в настоящее время.

Учитывая вышеизложенное, особое значение имеет работа с сотрудниками внутри компании. Возникает необходимость в рабочих методиках, рекомендациях, программах, которые позволили бы эффективно решать не только вопросы мотивации профессиональной деятельности людей у разных поколений, но и развивать сотрудников, выявлять внутренний потенциал, поддерживать их в его реализации. А это уже комплексная работа с мотивационной сферой, в том числе с уровнем притязаний.

Основная часть

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы в области управления мотивацией личности (А. Маслоу [Маслоу, 2011], Д. Макклелланда [Макклелланд, 2007], В. Вилюнаса [Вилюнас, 2006], В.И. Герчикова [Герчиков, 2005, 2008], Е.П. Ильина [Ильин, 2011], А.Н. Леонтьева [Леонтьев, 2010], Р.С. Немова [Немов, 1994], теории поколений (К. Маннгейма

[Мангейм, 1998; Mannheim, 1952], Ю.А. Левада [Левада, 2001], Е. Шамис [Шамис, 2020, 2021], Н. Хоува и У. Штрауса [Howe, 2009; Strauss, 1991], уровня притязаний личности (К. Левина [Lewin, 1926], В.Н. Мясищева [Мясищев, 1960], В.Г. Гербачевского [Гербачевский, 1969], Б.В. Зейгарник [Зейгарник, 1972], Е.А. Серебряковой [Серебрякова, 1956], В.П. Маминой [Мамина, 2022], Л.В. Бороздиной [Бороздина, 2000]).

Темы мотивации трудовой деятельности, уровня притязаний по отдельности достаточно хорошо исследованы и описаны, но взаимосвязь уровня притязаний человека и мотивации профессиональной деятельности практически нигде не освещена. Существуют методы разработки систем мотивации, мотивационные тренинги, тренинги личностного роста. Многие из них затрагивают темы самооценки, самомотивации и т.д., но работа с уровнем притязаний людей разных поколений остается «за кадром». Более того зачастую происходит подмена понятий, когда уровень притязаний приравнивается к желаниям человека и именно в этом контексте идет работа. Когда человека пытаются «научить желать» (больше/выше/сильнее) и внутренний конфликт несоответствия желаний оценке человеком своих возможностей становится все больше, а мотивации все меньше.

Также наблюдается недостаточность исследования применения психологических и коучинговых технологий в работе с мотивацией профессиональной деятельности у людей с низким уровнем притязаний. Отсутствуют программы и методики, позволяющие эффективно работать с этим вопросом. Мало исследований на тему - как меняется тип мотивации и уровень притязаний именно в российском менталитете у людей разных поколений. Достаточно много исследований проведено среди школьников и студентов, в контексте формирования самооценки и мотивации учебной деятельности, но по взрослым людям трудового возраста таких исследований практически нет (редко встречаются отраслевые работы или исследования в рамках конкретной организации).

Учитывая вышеизложенное, целью исследования мы определили: изучить взаимосвязь между мотивацией профессиональной деятельности и УП у разных поколений, разработать эффективную программу психологического сопровождения сотрудников для повышения мотивации профессиональной деятельности людей поколений X, Y, Z через работу с УП.

Цели исследования:

- Провести теоретическое исследование мотивации профессиональной деятельности и уровня притязаний в контексте теории поколений и теоретически смоделировать взаимосвязи.
- Выявить наличие и сравнить взаимосвязи между мотивацией и УП у людей поколений X, Y, Z.
- Разработать и апробировать программу повышения мотивации с применением коучинговых технологий.
- Провести повторное исследование с целью анализа изменений мотивационной сферы и уровня притязаний.

Гипотезы исследования сформулированы следующим образом:

- мы предполагаем, что существует взаимосвязь уровня притязаний и особенностей мотивации профессиональной деятельности у людей различных поколений;
- программа психологического сопровождения, ориентированная на особенности мотивации поколений и учитывающая взаимосвязь мотивации и уровня притязаний может обеспечить более высокий уровень мотивации профессиональной деятельности.

Для исследования взаимосвязи мотивации профессиональной деятельности и уровня притязаний людей поколений X, Y, Z нами были использованы следующие методики:

- методика «Диагностика трудовых мотивов» В.И. Герчикова.
- Методика оценки принадлежности к поколению: социально-демографическая анкета.
- Методика оценки уровня притязаний: опросник В. Гербачевского.
- «Методика диагностики личности на мотивацию к успеху» Т. Элерса.
- «Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач» Т. Элерса.

Теоретический анализ исследований взаимосвязи уровня притязаний и мотивации профессиональной деятельности людей различных поколений показал недостаточность исследований в этой области.

На подготовительном этапе исследования были смоделированы теоретические взаимосвязи уровня притязаний и мотивации профессиональной деятельности поколений X, Y, Z, на основании чего были подобраны соответствующие диагностические процедуры и показатели, спроектирована структура эмпирического исследования.

Генеральную совокупность исследования составляют люди, рожденные в период с 1963 по 2009 годы, имеющие опыт работы (профессиональной деятельности) более 1 года.

На первом этапе эмпирического исследования проведено формирование репрезентативной выборки из генеральной совокупности (отобрано случайным образом 100 человек и данные проверены на нормальность распределения при помощи критерия Колмогорова-Смирнова).

На втором этапе (констатирующая часть) – проведено отнесение к поколениям X, Y, Z и первичная диагностика согласно методикам.

По результатам теста В.И. Герчикова «Тип профессиональной мотивации» можно сделать вывод, что в рамках всех поколений доминирующим являются профессиональный и инструментальные типы трудовой мотивации (рис. 1).

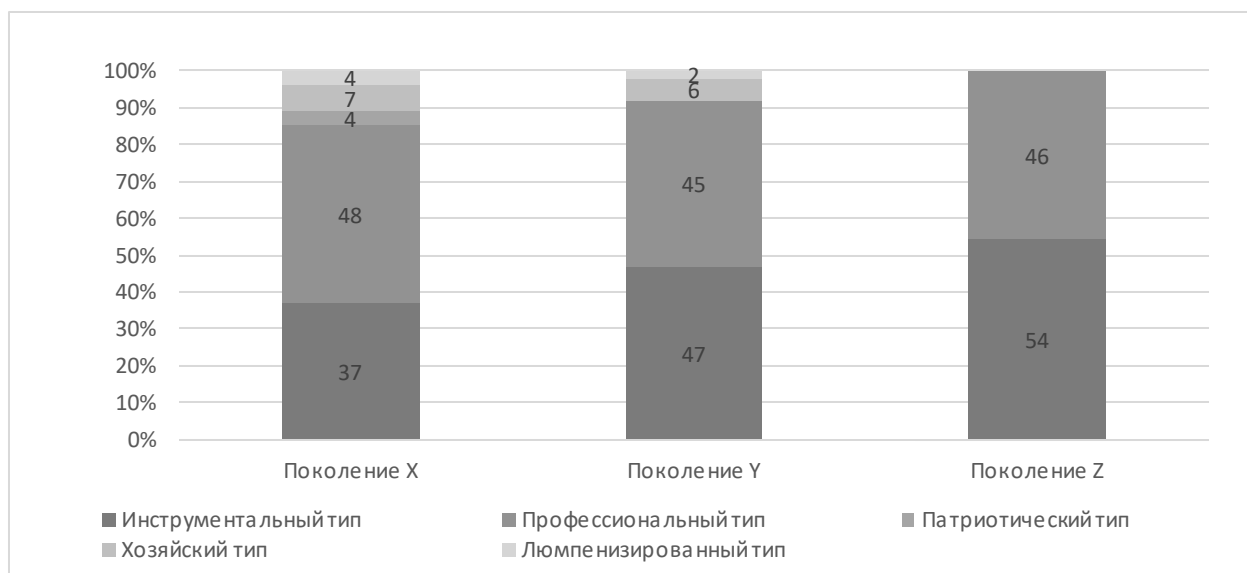

Рисунок 1 - Распределение респондентов по ведущему типу профессиональной мотивации по результатам диагностики по методике В.И. Герчикова «Тип профессиональной мотивации», в %

Обработка результатов с использованием критерия Краскелла-Уоллеса, который позволяет

сравнивать между собой более 2х групп, показала отсутствие между данными выборками статистически значимых различий в типах мотивации между поколениями, попарное сравнение данных групп при помощи критерия Манна-Уитни также не выявило статистически значимых различий.

По результатам изучения мотивационного профиля можно сделать вывод о видимых различиях в мотиве избегания (у поколения Z среднее значение по выборке выше, чем у остальных поколений), аналогичная ситуация с состязательным мотивом и мотивами смены деятельности и самоуважения (рис.2). Статистически значимые отличия между поколениями выявлены в итоге по состязательному мотиву, мотиву самоуважения и по сложности задач. Все поколения между собой при парном сравнении отличаются только по мотиву самоуважения, который и выражает экспериментальную оценку уровня притязаний личности.

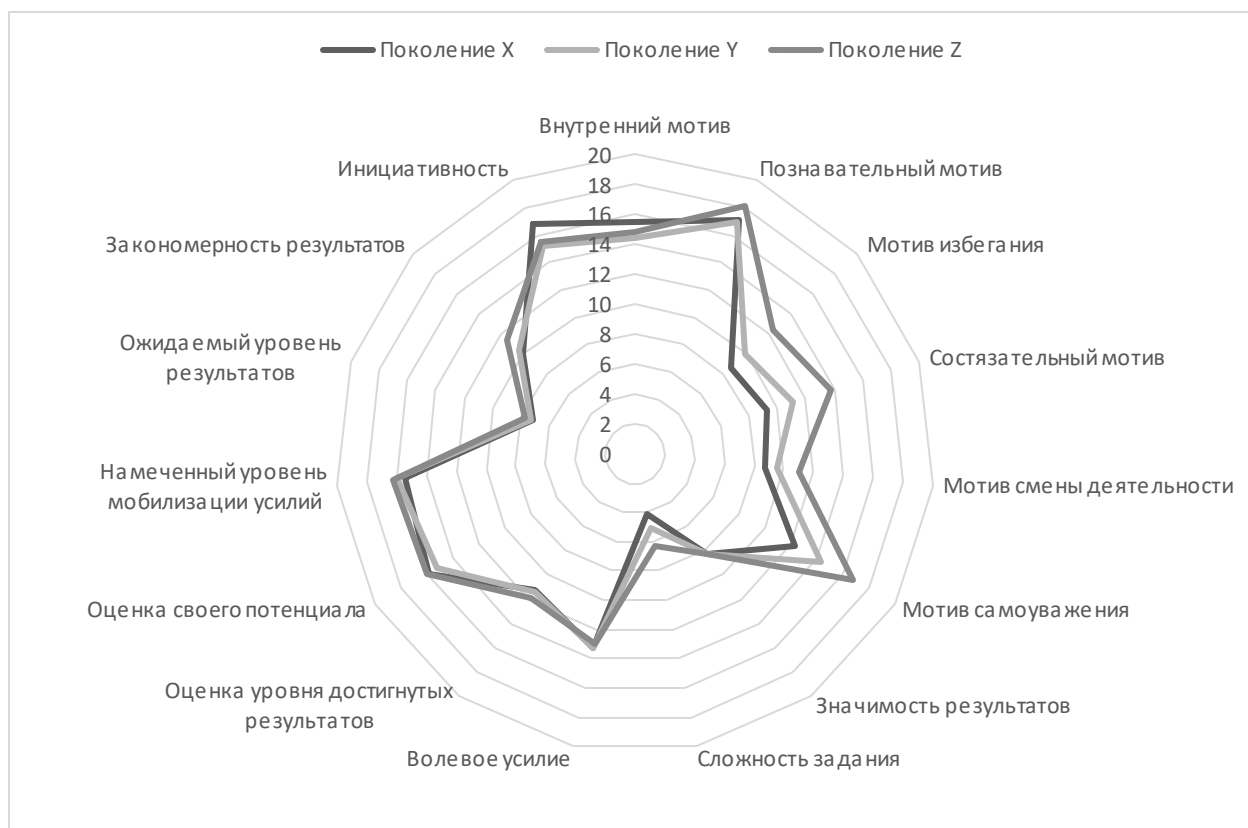

Рисунок 2 - Профиль притязаний у разных поколений, среднее значение в баллах

Выявлены статистически значимые различия между поколением X и поколением Y по уровню притязаний на сложность: у поколения Y он выше. Между поколением Z и поколением Y статистически значимые различия по уровню мотива избегания и состязательного мотива: у поколения Z они выше. Наибольшее количество статистически значимых различий по уровню притязаний обнаружено между поколениями X и Z: статистически значимо больше УП по таким мотивам как: мотив избегания; состязательный мотив; мотив смены деятельности; мотив самоуважения; сложность задания; закономерность результатов.

Также исследование показало, что в поколениях Y и X наблюдается более высокая доля испытуемых с умеренно высоким и высоким уровнем мотивации к успеху по сравнению с поколением Z. В поколении Z нет вовсе респондентов с слишком высоким уровнем мотивации

к успеху. Это может указывать на снижение амбиций и стремления к достижению успеха в более молодых поколениях, что говорит о более умеренном подходе к риску и более реалистичных ожиданиях в отношении достижения целей.

Данные, систематизированные по поколениям, были обработаны при помощи корреляционного анализа (критерий Спирмена). Выявлены взаимосвязи между мотивацией и УП представителей поколений X, Y, Z. Таким образом, гипотеза 1 была доказана.

На третьем этапе сформированы экспериментальная и контрольная выборки (по 15 человек на каждое поколение).

На четвертом этапе разработана и апробирована в экспериментальной группе программа психологического сопровождения с использованием коучинговых технологий, ориентированная на особенности мотивации поколения, учитывающая взаимосвязь мотивации и уровня притязаний, обеспечивающая более высокий уровень мотивации профессиональной деятельности. При разработке был применен дифференцированный подход и программы для каждого из поколений отличались. Каждая программа была апробирована путем эксперимента. Всего проведено 9 (девять) групповых встреч и 15 (пятнадцать) индивидуальных, онлайн в программе ZOOM. Для выполнения упражнений, фиксации рефлексии, выводов, самонаблюдения для каждого поколения в соответствии с программой была разработана и использовалась рабочая тетрадь. Для организации взаимодействия и поддержки участников использованы закрытые группы в Telegram отдельно для каждого поколения.

В основу программы взята коучинговая макромодель GROW. Также применялись фасилитация групповой деятельности, практика группового мозгового штурма, дневники самонаблюдения, модель «Квадрат успеха», SWOT-анализ, модель НЛЮ, модель LIGHT, упражнение «Квадрат самооценки», моторная проба Шварландера, МАК, метод «Нейрографика», 4-х позиционная модель восприятия и другие.

На пятом этапе проведено повторное исследование в экспериментальной и контрольной группах с целью выявления изменений мотивационной сферы и уровня притязаний. Используются методики: тест Герчикова, опросник Гербачевского, опросники Т. Элерса.

На шестом этапе проведены анализ и систематизация полученных в результате повторного исследования данных. Проведена оценка различий в контрольной и экспериментальной группах (критерии U Манна Уитни и T Вилкоксона). При анализе сделан акцент на наличии изменений следующих параметров: вид мотивации респондента до и после программы, уровень притязания респондента до и после программы, какова динамика этих показателей в рамках каждого поколения, как поменялись показатели в контрольной и экспериментальной группах. Сделаны выводы по влиянию Программы на группы разных поколений.

После проведения Программы в экспериментальной группе поколения X статистически значимо стал выше уровень мотива самоуважения, оценки уровня достигнутых результатов, закономерности результатов. Статистически значимо меньше стало проявление мотивации к избеганию неудач и волевого усилия. В контрольной группе поколения X за время эксперимента без участия в программе статистически значимо увеличился только мотив избегания, по другим параметрам сдвигов не произошло.

В экспериментальной группе согласно сравнительному анализу результатов до и после эксперимента (рис.3) выявлены статистически значимые сдвиги в сторону увеличения по таким показателям как: мотив самоуважения, оценка уровня достигнутых результатов, оценка своего потенциала, закономерность результатов, мотивация к достижению цели. Статистически значимо снизились такие показатели как: волевое усилие, мотивация к избеганию неудач.

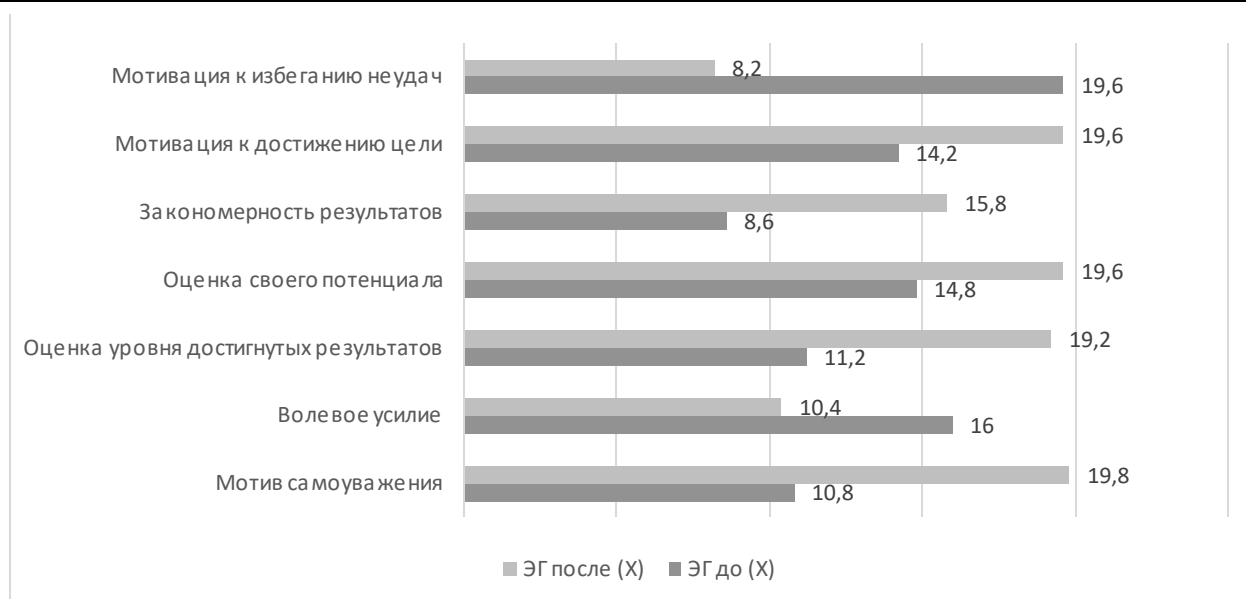

Рисунок 3 - Сравнительный анализ экспериментальной группы поколения X до и после эксперимента (критерий Вилкоксона). Статистически значимые значения

По результатам сравнительного анализа групп в поколении Y до их участия в эксперименте показатели в группах на начало эксперимента не имели статистически значимых отличий. После участия в программе в экспериментальной группе поколения Y статистически значимо стал выше уровень внутреннего мотива, мотива самоуважения, оценки уровня достигнутых результатов, оценки своего потенциала.

Согласно сравнительному анализу результатов до и после эксперимента выявлены статистически значимые сдвиги в сторону увеличения по таким показателям как: мотив самоуважения, оценка уровня достигнутых результатов, оценка своего потенциала (рис. 4).

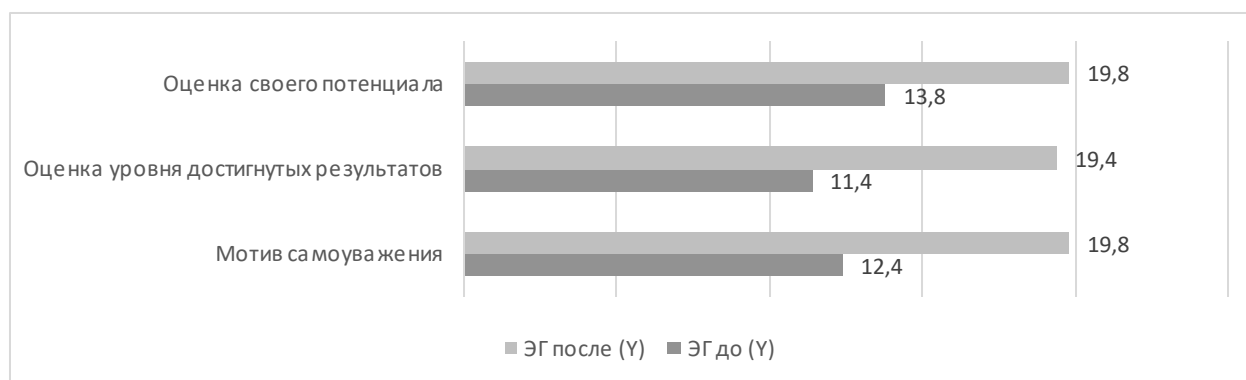

Рисунок 4 - Сравнительный анализ экспериментальной группы поколения Y до и после эксперимента (критерий Вилкоксона). Статистически значимые значения

Согласно сравнительному анализу групп в поколении Z до их участия в эксперименте показатели в группах на начало эксперимента не имели статистически значимых отличий. Согласно результатам эксперимента, после участия в программе в экспериментальной группе поколения Z статистически значимо стал выше уровень внутреннего мотива, оценки уровня достигнутых результатов.

В экспериментальной группе согласно сравнительному анализу результатов до и после эксперимента (рис.5) выявлены статистически значимые сдвиги в сторону увеличения по таким показателям как: внутренний мотив, мотив самоуважения, оценка уровня достигнутых результатов, оценка своего потенциала, намеченный уровень мобилизации усилий, в сторону уменьшения по показателю мотива смены деятельности.

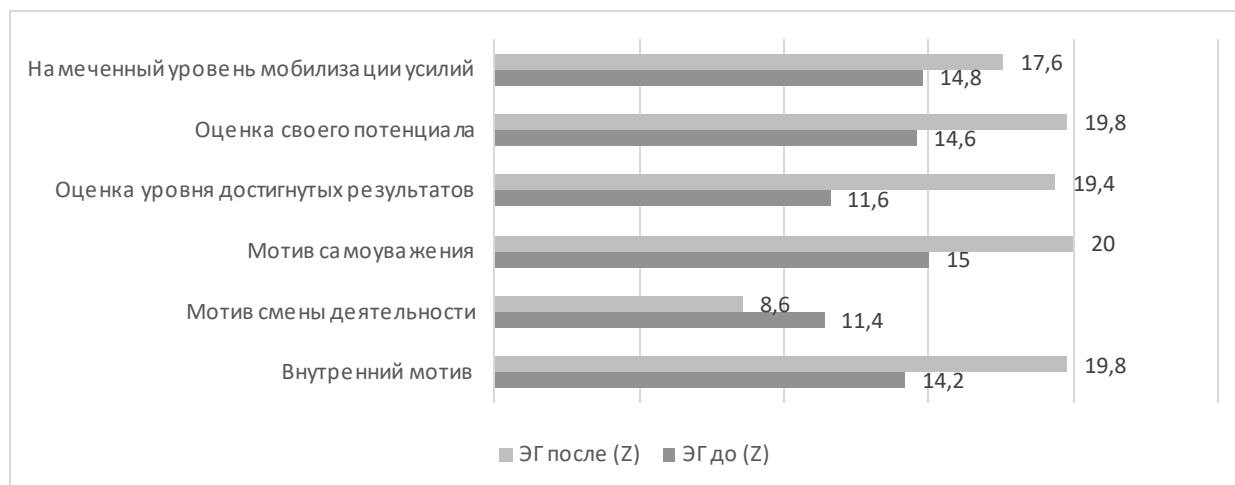

Рисунок 5 - Сравнительный анализ экспериментальной группы поколения Z до и после эксперимента (критерий Вилкоксона). Статистически значимые значения

Заключение

Таким образом, анализ типов трудовой мотивации в разных поколениях позволяет сделать выводы о различиях в ценностях, предпочтениях и мотивационных ориентациях их представителей, а результаты исследования показывают, что участие в программах психологического сопровождения с использованием коучинговых технологий, разработанных Царевой Е.А., оказало значительное влияние на уровень мотивации в экспериментальных группах поколений X, Y, Z. На основании этих данных можно сделать общий вывод о том, что программы имеют доказанное положительное влияние на уровень мотивации у разных поколений, их эффективность подтверждена проведенными экспериментами и может быть рекомендована к применению на предприятиях частного и государственного сектора с целью повышения мотивации профессиональной деятельности сотрудников.

Библиография

1. Бороздина Л.В. Исследование уровня притязаний. М.: Психология, 2000. 181 с.
2. Вилонас В. Психология развития мотивации. СПб.: Речь, 2006. 457 с.
3. Гербачевский В.К. Индивидуальные особенности поведения в ситуации выбора в связи с некоторыми характеристиками интеллекта // Труды Ленинградского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева совместно с факультетом психологии Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. 1969. Т. 2. С. 25-37.
4. Герчиков В.И. Нематериальное стимулирование персонала // Мотивация и оплата труда. 2005. № 1. С. 2-10.
5. Герчиков В.И. Управление персоналом: работник – самый эффективный ресурс компании. М.: ИНФРА-М, 2008. 280 с.
6. Зейгарник Б.В. Исследование уровня притязаний // Практикум по психологии. М., 1972. С. 216-219.
7. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2011. 508 с.

8. Левада Ю.А. Поколение XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 7-14.
9. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2010. 509 с.
10. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007. 669 с.
11. Мамина В.П. Особенности уровня притязаний и фрустрации у студентов разных специальностей // Казанский педагогический журнал. 2022. № 3 (152). С. 225-231.
12. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7-47.
13. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. М.: Питер, 2011. 351 с.
14. Мясищев В.Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека // Психологическая наука в СССР. Часть 2. М., 1960. С. 110-125.
15. Немов Р.С. Психология. М.: ВЛАДОС, 1994. Кн. 1. 688 с.
16. Серебрякова Е.А. Уверенность в себе и условия ее формирования у школьников // Ученые записки Тамбовского педагогического института. 1956. Вып. 10. С. 41-73.
17. Уитмор Д. Коучинг: Основные принципы и практики коучинга и лидерства. М.: Альпина Паблишер, 2018. 319 с.
18. Шамис Е. В семье не без Миллениума. Что делать поколению (1985-2002 г.р.), которое меняет мир. М., 2020. 184 с.
19. Шамис Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс. М., 2020. 192 с.
20. Шамис Е. Теория поколений: Стратегия Беби-бумеров. М., 2021. 268 с.
21. Howe N. Millennials rising: The next great generation. Vintage, 2009. 432 p.
22. Lewin K. Vorsatz, Wille und Bediirfnis. Berlin: Verlag von Julius Springer, 1926. 94 p.
23. Mannheim K. The Problem of Generations' // Essays on the Sociology of Knowledge. London: RKP, 1952. P. 276-322.
24. Strauss W. Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. New York: Quill, 1991. 538 p.

Features of motivation for professional activity among representatives of generations X, Y, Z, depending on the level of their aspirations

Dmitrii S. Zanin

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Head of Practical Psychology and Coaching Master's Program,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
121170, b. 14, 34, Kutuzovskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: zanin_dm@mail.ru

Ekaterina A. Tsareva

Master's Student,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
121170, b. 14, 34, Kutuzovskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: katutsareva@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study and analysis of the relationship between the motivation of professional activity of people of generations X, Y, Z and their level of aspirations, as well as the results of a tested program for increasing the motivation of professional activity through working with the level of aspirations. During the empirical study, the methodology for diagnosing work motives according to V.I. Gerchikov, questionnaire by V.G. Gerbachevsky to study the level of aspirations and personality diagnostics on motivation for success and avoidance of failures by

Comrade Ehlers. Analysis of the results showed the effectiveness of the developed program to increase professional motivation. Analysis of the types of work motivation in different generations allows us to draw conclusions about the differences in values, preferences and motivational orientations of their representatives, and the results of the study show that participation in psychological support programs using coaching technologies developed by E.A. Tsareva had a significant impact on the level of motivation in the experimental groups of generations X, Y, Z. Based on these data, we can draw a general conclusion that the programs have a proven positive impact on the level of motivation among different generations, their effectiveness has been confirmed by experiments and can be recommended for use in private and public sector in order to increase motivation for the professional activities of employees.

For citation

Zanin D.S., Tsareva E.A. (2024) Osobennosti motivatsii professional'noi deyatelnosti u predstavitelei pokolenii X, Y, Z v zavisimosti ot urovnya ikh prityazanii [Features of motivation for professional activity among representatives of generations X, Y, Z, depending on the level of their aspirations]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 61-71.

Keywords

Motivation, level of aspirations, generation x, generation y, generation z, theory of generations, program to increase motivation, coaching technologies, motivation to achieve success, motivation to avoid failure.

References

1. Borozdina L.V. (2000) *Issledovanie urovnya prityazanii* [Study of the level of aspirations]. Moscow: Psikhologiya Publ.
2. Gerbachevskii V.K. (1969) Individualnye osobennosti povedeniya v situatsii vybora v svyazi s nekotorymi kharakteristikami intellekta [Individual characteristics of behavior in a situation of choice in connection with some characteristics of intelligence]. *Trudy Leningradskogo nauchno-issledovatel'skogo psikhonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva sovместno s fakul'tetom psikhologii Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Zhdanova* [Proceedings of the Leningrad Scientific Research Psychoneurological Institute together with the Faculty of Psychology of Leningrad State University], 2, pp. 25-37.
3. Gerchikov V.I. (2005) Nematerial'noe stimulirovanie personala [Non-financial incentives for staff]. *Motivatsiya i oplata truda* [Motivation and remuneration], 1, pp. 2-10.
4. Gerchikov V.I. (2008) *Upravlenie personalom: rabotnik – samyi effektivnyi resurs kompanii* [Human resource management: the employee is the most effective resource of the company]. Moscow: INFRA-M Publ.
5. Howe N. (2009) *Millennials rising: The next great generation*. Vintage.
6. Il'in E.P. (2011) *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg: Piter Publ.
7. Leont'ev A.N. (2010) *Lektsii po obshchei psikhologii* [Lectures on general psychology]. Moscow: Smysl Publ.
8. Levada Yu.A. (2001) Pokolenie XX veka: vozmozhnosti issledovaniya [Generation of the 20th century: research opportunities]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes], 5 (55), pp. 7-14.
9. Lewin K. (1926) *Vorsatz, Wille und Bediirfnis*. Berlin: Verlag von Julius Springer.
10. Mamina V.P. (2022) Osobennosti urovnya prityazanii i frustratsii u studentov raznykh spetsial'nostei [Features of the level of aspirations and frustration among students of different specialties]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 3 (152), pp. 225-231.
11. McClelland D. (2007) *Motivatsiya cheloveka* [Human Motivation]. St. Petersburg: Piter Publ.
12. Mannheim K. (1998) Problema pokolenii [The Problem of Generations]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 2 (30), pp. 7-47.
13. Mannheim K. (1952) The Problem of Generations. In: *Essays on the Sociology of Knowledge*. London: RKP.
14. Maslow A.G. (2011) *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Moscow: Piter Publ.
15. Myasishchev V.N. (1960) Osnovnye problemy i sovremennoe sostoyanie psikhologii otnoshenii cheloveka [Main

-
- problems and current state of psychology of human relations]. In: *Psikhologicheskaya nauka v SSSR. Chast 2* [Psychological science in the USSR. Part 2.]. Moscow.
16. Nemov R.S. (1994) *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: VLADOS Publ. Book 1.
 17. Serebryakova E.A. (1956) Uverennost' v sebe i usloviya ee formirovaniya u shkol'nikov [Self-confidence and the conditions for its formation in schoolchildren]. *Uchenye zapiski Tambovskogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific notes of the Tambov Pedagogical Institute], 10, pp. 41-73.
 18. Shamis E. (2020) *Teoriya pokolenii. Neobyknovennyyi Iks* [Theory of generations. Extraordinary X]. Moscow.
 19. Shamis E. (2021) *Teoriya pokolenii: Strategiya Bebi-bumerov* [Theory of Generations: Strategy of Baby Boomers]. Moscow.
 20. Shamis E. (2020) *V sem'e ne bez Milleniama. Chto delat' pokoleniyu (1985-2002 g.r.), kotoroe menyaet mir* [Not without a Millennial in the family. What should the generation (born 1985-2002) do that is changing the world]. Moscow.
 21. Strauss W. (1991) *Generations: The history of America's future, 1584 to 2069*. New York: Quill.
 22. Whitmore J. (2018) *Kouching: Osnovnye printsipy i praktiki kouchinga i liderstva* [Coaching for Performance: The Principles and Practices of Coaching and Leadership]. Moscow: Al'pina Pabliher Publ.
 23. Vilyunas V. (2006) *Psikhologiya razvitiya motivatsii* [Psychology of motivation development]. St. Petersburg: Rech', 2006. 457 s.
 24. Zeigarnik B.V. (1972) Issledovanie urovnya prityazanii [Study of the level of aspirations]. In: *Praktikum po psikhologii* [Workshop on psychology]. Moscow.

УДК 159.9.072.532

Оценка коммуникативной компетентности у детей с ОВЗ методом психолого-педагогического симбиоза

Рамазанова Евгения Алексеевна

Аспирант,
Новосибирский государственный педагогический университет,
630126, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Виллюйская, 28;
e-mail: yevgeniya0209@gmail.com

Аннотация

Автор статьи обращает внимание читателей на психическое состояние детей с ОВЗ во время занятий, при выполнении самостоятельной работы. Психологические измерения на уроке направлены на наблюдение за учеником и его психическими особенностями. Во время наблюдений учитывается следующее: зависимость проявления в коммуникативной деятельности от психического состояния, производность психического состояния от уровня функционирования психических процессов и уровня развития способностей, способность адаптироваться в коммуникативной ситуации и пребывать в соответствующем состоянии. В статье представлен анализ пассивного наблюдения, его позитивные и негативные элементы. Экспериментальный способ психолого-педагогического сопровождения учеников с ОВЗ делает возможным оценить психическое состояние учеников на данный момент, в заданной коммуникативной ситуации (на уроке английского языка). Оценив психическое состояние учеников, исследователь заменила некоторые компоненты наблюдаемых ранее уроков. Тем самым, было достигнуто позитивное общение с детьми в классе. Исследователь представила результаты экспериментального тестирования по английскому языку, проведенного после продолжительного конструирования комфортной психологической среды. Она демонстрирует нам изменения в эмоциональном восприятии учащихся по отношению к самостоятельной работе на уроке и к урокам английского языка. Автор называет возможные элементы перспективного плана школы, опираясь на результаты проведенного исследования. Психологические измерения учителя направлены на систематическое наблюдение за учащимся и его психическими особенностями, данные измерения анализируются в совокупности с уровнем успеваемости учащегося и качеством его знаний.

Для цитирования в научных исследованиях

Рамазанова Е.А. Оценка коммуникативной компетентности у детей с ОВЗ методом психолого-педагогического симбиоза // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 72-81.

Ключевые слова

Коммуникативная компетентность, психологическая оценка, психические особенности, психологическое наблюдение, психолого-педагогический метод.

Введение

Анализируя процесс трансформации научного видения проблемы коммуникативной компетентности, мы рассматриваем вопрос симбиоза методики психодиагностики и обучения на уроках иностранного (английского) языка. В рамках исследования рассмотрены варианты редуцирования методов психодиагностики, их содержания к частным образовательным приемам.

Согласно рекомендациям Примерной адаптированной основной образовательной программы основного общего образования обучающихся с ОВЗ¹, мы отметили универсальные рекомендации для обучения детей с ограничениями по здоровью [Рамазанова, 2023, 59]. Достижение универсальных учебных целей потребовало систематической работы на уроках по выявлению психических состояний, особенностей личности ученика и измерению уровня функционирования его психических процессов. Психологические измерения на уроке направлены на наблюдение за учеником и его психическими особенностями.

Согласно Прохорову А.О., к качественным характеристикам состояния относятся следующие особенности:

- всякое состояние целостно, т.е. оно есть совокупность характеристик, а не отдельные проявления;
- психическое состояние на некоторое время характеризует всю психическую деятельность и имеет свои специфические проявления;
- в динамическом плане состояние занимает промежуточное положение между психическими процессами и психическими свойствами;
- единица психического состояния – переживание плюс поведение (реакция, действие, поступок), т.е. психическое состояние – единство переживания и поведения;
- продуктивность деятельности зависит от способности субъекта приходить в адекватное для данного вида деятельности состояние [Прохоров, 2011].

Об обусловленности психического состояния психическими процессами «в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности», предшествующим состоянием и психическими свойствами личности выразил свою мысль еще автор понятия «психическое состояние», Левитов Н.Д., в 1955 году. Психическое состояние автор определил как целостную характеристику психической деятельности за определенный период времени, при этом «в психическое состояние включена вся психика», в его состав входят «элементы других, противоположных состояний», оно отличается от других состояний «доминирующим компонентом» [Балин, 2000, 253].

Тогда как Аристотель разделял понятия «психического состояния и психической деятельности, допуская, что психические состояния развиваются под влиянием внешних воздействий. Первоначальное понятие “состояние” представлялось как понятие, отражающее определенный вид качеств объекта, которые могут легко изменяться» [Прохоров, 2011, 10].

Несомненно, учет совокупности психических характеристик в оценке психического состояния, зависимость проявления в коммуникативной деятельности от психического состояния, производность психического состояния от уровня функционирования психических

¹ Примерная адаптированная основная образовательная программа основного общего образования обучающихся с ОВЗ (одобрена решением ФУМО по общему образованию (протокол от 18 марта 2022 г. № 1/22)).

процессов и уровня развития способностей, способность адаптироваться в коммуникативной ситуации и пребывать в соответствующем состоянии, – все это включается в качественных состав наших наблюдений.

Основная часть

Школа, в которой мы работали в течение нескольких недель, является специальной школой для детей с ограниченными возможностями психического развития, расстройствами аутистического спектра, нарушениями опорно-двигательного аппарата.

Планируя нашу работу, мы предварительно провели пассивное наблюдение за учащимися в разных классах. Характеристика каждого учащегося стала руководством для взаимодействия с детьми на экспериментальных уроках английского языка.

Наше первое наблюдение в целевой группе учащихся помогло нам выявить эти компоненты психолого-педагогических характеристик. Элементы характеристик относятся к разным учащимся.

Таблица 1 - Пассивное наблюдение за учениками

Негативные элементы характеристик	Позитивные элементы характеристик
Волнение на уроке, если трудно ответить на вопрос; нежелание выполнять монотонную работу в классе; неспособность контролировать свое поведение на уроке; производство произвольных звуков, таких как стук, шуршание, пение, раскачивание на стуле, восклицания; этот же шум используется для намеренного привлечения одноклассников; отрицание письменной работы при традиционной форме урока; плохое восприятие информации без наглядных примеров; замкнутость, угрюмость; трудности в ассоциациях по теме урока; быстрая утомляемость; пассивное восприятие материала урока, отсутствие обратной связи со стороны ученика.	Отсутствие смущения при неправильном ответе на вопрос; высокая работоспособность; знание норм культуры общения; интерес к общению с преподавателем; активность в общении по заданной теме урока; умение комментировать содержание своих умений и результатов урока, способность к саморефлексии; требование дисциплины со стороны детей в классе; они могут раздражаться, если кто-то из их одноклассников мешает им слушать учителя; интерес к рабочей обстановке в классе; потребность в поощрении и поддержке со стороны учителя; быстрое переключение внимания с посторонних вещей на преподавателя; интерес к людям в классе; запоминание материала предыдущих уроков.

Как мы видим, дети с ограничениями по здоровью могут проявлять способность к обучению, общению в классе.

Итак, после пассивного наблюдения за учащимися на уроках английского языка мы провели серию наблюдений и анализа самооценки учащихся, особенностей их личности, психического состояния и его причин, отношения к школе и семье, жизненных ценностей учащихся, уровня функционирования психических процессов (такие, как внимание, мышление, восприятие, воображение), способность к общению, обучению.

Данные научные наблюдения позволили проследить за изменениями эмоционального отношения учащихся, познавательной активности, личностных качеств благодаря включению

детей с особыми потребностями в коммуникативное событие при работе с автоматизированной адаптивной системой психолого-педагогического сопровождения (далее – ААСППО).

В одной из предыдущих наших публикациях мы подробно рассмотрели возможности цифровой обработки психического отражения учащихся с ОВЗ в процессе становления коммуникативной компетентности [Рамазанова, 2023, 68].

Так, отражение в сознании учеников с ОВЗ учебного процесса, его субъектов проявляется в ответах учащихся при работе с заданиями по методам психодиагностики Соломина И. и Лампена Д. (адаптированная версия Пономаренко Л.). Личное отношение учащихся послужило основой негативной интерпретации объективной реальности, когда внутреннее состояние психики выразилось в темном цвете (например, коричневый цвет для понятия «труд» (эмоциональный или физический дискомфорт), выборе неустойчивого положения изображенных объектов (падающий человек, раскрашенный черным цветом). Ребенок, изучая предложенные ему категории (школа, семья, дом, друзья и пр.) дает эмоциональную невербальную (цвет, графика) и вербальную (пояснение в одном предложении причины характеристики) оценку, эмоционально откликаясь на запрос со стороны ААСППО.

Рисунок 1 - Задания по методам психодиагностики Соломина И. и Лампена Д. (адаптированная версия Пономаренко Л.; иллюстрация методики из печати: Пономаренко Л.П. Психологическая профилактика дезадаптации учащихся в начале обучения и в средней школе. Одесса: Астра-Принт, 1999. 231 с.) в компьютерной версии

Таким образом, мы говорим об оценке психического состояния ученика на данный момент, в заданной коммуникативной ситуации (на уроке английского языка).

Цифровая система позволила нам достичь коммуникативного взаимодействия, онлайн-диалога между учеником и компьютером. Каждая методика психодиагностики в компьютерной версии располагает определенным арсеналом стимульного материала, «оживающего», благодаря компьютерным технологиям. И, как следствие, были получены данные о предпочтениях учащихся с ОВЗ на уроках, их волнении, переживаниях, - все это позволило реконструировать модель урока, адаптированную для работы в специальном классе.

О тенденциях цифрового развития специального образования изложены мысли в статье Т.В. Лисовской: «...на современном этапе, одной из перспективных тенденций его развития мы

считаем разработку и внедрение компьютерных программных продуктов для обучения учащихся с особенностями психофизического развития. По этой причине информатизация образования также имеет отношение к процессу информатизации системы специального образования, которая предполагает создание единого информационного пространства системы образования и внедрения информационных технологий во все виды и формы деятельности структур образования, трансформацию на этой основе существующих и формирование новых образовательных моделей» [Лисовская, 2013, 415].

Полат Е.С. отмечает преимущество цифровых средств обучения: «страх ошибки является одним из самых мощных барьеров на пути становления творческих способностей. Поэтому использование цифровых образовательных ресурсов на уроках английского языка исключает такую возможность: компьютер не ругает ребенка за неудачу и не проявляет негативные эмоции, а исправляет ошибки и хвалит за успешно выполненную работу, тем самым, не нарушая личностного развития ребенка и стимулируя мотивацию изучения английского языка» [Полат, 2008, 25].

Авторы А. М. Ахмедова и Г. Р. Юнусова выделяют ряд преимуществ использования ИКТ в образовании перед традиционным обучением. Применение цвета, графики, звука, всех современных средств видеотехники позволяет воссоздавать реальную обстановку деятельности [Ахмедова, 2012, 12].

Рассуждая о роли психического состояния в оценке личного отношения учащихся к объективной учебной реальности, обратимся к характеристикам, данным учениками в процессе работы с психодиагностическими тестами:

- усталость от принуждения в классе, обида и гнев;
- неудовлетворенность из-за недостижения цели;
- огорчение из-за неудачи;
- безразличие к школьной жизни;
- потребность в эмоциональной разрядке и отдыхе;
- отказ от формального стиля общения с преподавателем;
- снижение успеваемости;
- неудовлетворенность учебной деятельностью;
- беспокойство по поводу отсутствия успехов в учебе.

Вероятно, такое эмоциональное состояние учеников не способствует эффективному взаимодействию между студентами и преподавателем. В конце концов, это уже не только проблема, связанная с ограничениями по здоровью учащихся, их малой интеллектуальной направленностью, сами учащиеся своими эмоциональными переживаниями хотят воспрепятствовать восприятию учебного материала. И тогда мы имеем слабое восприятие, слабое внимание, слабое мышление и, как следствие, слабый уровень коммуникативной компетентности. Так как если ребенок не воспринимает сообщение, у него нет намерения участвовать в вербальной или невербальной устной или письменной коммуникации.

Но эффективное взаимодействие учеников с ОБЗ с учителем и одноклассниками достигается при их позитивном эмоциональном состоянии.

В частности, Глухов В.П. подчеркивает, что установленный с ребенком контакт помогает лучше выявить все качества его личности: интересы, состояние волевой сферы, целенаправленность в действиях, особенности протекания основных психических процессов и т. д. [Глухов, 2017, 63].

Установить позитивный контакт с ребенком, безусловно, достигаем при возможности успешной работы на уроке.

Успех мобилизует силы на достижение новых целей в работе. Неудача в деле, к которому человек относится положительно, обманутые надежды на его успешное выполнение вызывают подавленное состояние [Поликарпов, 2015, 22].

Для достижения успешной коммуникативной ситуации при организации учебной деятельности в рамках эксперимента мы заменили некоторые компоненты урока.

Таблица 2 - Компоненты уроков пассивного наблюдения и экспериментальных уроков

Компоненты уроков пассивного наблюдения	Компоненты экспериментальных уроков
Материал для обычных типичных учеников монотонный стиль обсуждения урока; редкое задействование в работе пассивных учеников; одинаковые требования в отношении формы выполнения заданий урока; активная работа в классе только с учениками с высокой работоспособностью.	Диалог, основанный на поощрении, похвале и поддержке со стороны преподавателя; приглашение инертных учащихся к творческой работе на уроке; наблюдение за рисунками при отвлечении ученика на уроке, последующий анализ данных рисунков (без информирования ученика); выбор письменного или устного языка общения по ситуации на уроке (участие ребенка в письменной работе реализуется при его выполнении тестов для психодиагностики); обратная связь с каждым учеником на уроке при их единовременном электронном тестировании с применением рисуночных тестов, цветовой диагностики и пр.

В результате изменения стратегии урока ученики представили свои достижения в презентациях, цифрового и «бланкового» вариантов, на тему «Хобби».

Один из учеников, который ранее характеризовался как угрюмый и необщительный, представил классу презентацию о своей маме. Отметим, что в знак благодарности за признание и высокую оценку в коллективе класса ученик поклонился.

Другой ученик, ранее проявлявший агрессию на уроке, демонстрировавший отказ от выполнения письменных упражнений, приготовил и представил нам (учителю и ученикам класса) красочную презентацию на бумаге. Текст презентации был напечатан и прочтен на английском языке учеником.

То есть, несмотря на высокий уровень усталости и беспокойства учащихся на занятиях, нам удалось выявить способности учеников к позитивному взаимодействию с одноклассниками и учителем, к общению с коллективом в классе.

Психологические измерения учителя направлены на систематическое наблюдение за учащимся и его психическими особенностями, данные измерения анализируются в совокупности с уровнем успеваемости учащегося и качеством его знаний. Но учитель не становится психологом, он лишь помогает себе в адаптации материала учебной дисциплины, позволяет установить плодотворное взаимодействие с учеником с ОВЗ, достичь взаимопонимания с каждым из учеников класса [Рамазанова, 2023, 60].

Как итог психолого-педагогического симбиоза на уроках иностранного (английского) языка, обновленной формы педагогического сопровождения на уроке, анализ контрольного теста по иностранному (английскому) языку показал, что только у одного ученика, ученика 2, второй результат контрольного тестирования ниже первого.

**Таблица 3 - Результаты предэкспериментального
и экспериментального тестирования**

Ученики	Лексико-грамматический тест 1	Лексико-грамматический тест 2
Ученик 1	3	5,5
Ученик 2	7	5,5
Ученик 3	1	2,5
Ученик 4	8	8
Ученик 5	7	8
Ученик 6	3	5,5
Всего баллов: 10		

Выберите тип задания

Рисунок 2 - Вариант охвата методик для протокола психических данных учащихся

Впоследствии, мы проанализировали эмоциональное восприятие учащимися самостоятельной работы на уроке и отношение к урокам иностранного (английского) языка.

**Таблица 4 - Обзор эмоционального восприятия учениками самостоятельной
работы на уроке и отношения к урокам иностранного языка**

Предэкспериментальный тест	Экспериментальный тест	Отношение к работе на уроке иностранного языка
Нежелание выполнять контрольную работу. Беспокойство во время контрольной работы.	Отсутствие страха перед контрольной работой. Отсутствие стресса.	Проявление интереса и старания на уроке. Физкультура, английский язык отмечаются как наиболее положительные моменты учебной жизни. Преодоление смущения, неуверенности в себе. Желание проявить лидерские качества.

Следует принять во внимание, что стремление учеников продемонстрировать знания английского языка не соответствовало уровню знаний на данный момент. Таким образом, впоследствии требуется повторение материала предыдущих уроков с учетом психических особенностей учеников класса.

Возможные элементы перспективного плана школы, исходя из результатов проведенного исследования:

- применение системы «ААСППО» через смартфон как реализация проекта «Полезные цифровые устройства»;
- совместная психолого-педагогическая характеристика учащихся с ОВЗ;
- самоанализ учебного занятия: анализ причины изменений эмоционального состояния, низкой работоспособности учащихся, снижение/повышение познавательной активности, степени участия в коммуникативном процессе на уроке;
- план оптимизации психолого-педагогического сопровождения в школе с целью формирования коммуникативной компетентности учащихся с ОВЗ;
- рекомендации психолога для педагогов, тьюторов;
- коррекция учебного материала для детей с ОВЗ с учетом психических особенностей учеников класса, согласно рекомендациям психолога школы;
- график проведения психолого-педагогической диагностики на уроках;
- рабочие методические совещания по результатам психолого-педагогической диагностики.

Заключение

Исследуя возможности автоматизированного (в совокупности с традиционным, «бланковым») психолого-педагогического обеспечения на уроках иностранного (английского) языка, мы приходим к выводу, что данный вид поддержки учащегося на уроке производит новый, дополненный, способ коммуникации с ним. Дополнением служат размышления на фоне «ожившей картины» в компьютерной версии об актуальных волнениях, переживаниях, предпочтениях, которые подсказывают учителю способ дальнейшего конструирования урока.

Оценка работы ученика с ОВЗ позволит получить более обширные сведения о его академических возможностях, если мы выявим его скрытые, на первый взгляд, стремления в ученическом коллективе, психологические барьеры ко взаимопониманию со сверстниками в классе, способность к общению, его особые потребности для ощущения психолого-педагогического комфорта.

Библиография

1. Ахмедова А.М. Компьютерные технологии в инновационной и педагогической деятельности. Казань, 2012. 80 с.
2. Балин В.Д. Психическое отражение: элементы теоретической психологии. СПб., 2000. 325 с.
3. Глухов В.П. Дефектология. Специальная педагогика и специальная психология: курс лекций. М., 2017. 312 с.
4. Лисовская Т.В. Электронные учебно-методические комплексы для организации процесса обучения детей с интеллектуальной недостаточностью как новое ресурсное обеспечение инклюзивного образования // Инклюзивное образование: практика, исследования, методология. М., 2013. С. 414-417.
5. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Академия, 2008. 272 с.
6. Поликарпов В.А. Психология личности. Минск, 2015. 162 с.
7. Примерная адаптированная основная образовательная программа основного общего образования обучающихся с ОВЗ (одобрена решением ФУМО по общему образованию (протокол от 18 марта 2022 г. № 1/22)).
8. Прохоров А.О. (ред.) Психология состояний. М.: Когито-Центр, 2011. 624 с.

9. Рамазанова Е.А. Рациональность объединения методов психодиагностики и обучения для становления коммуникативной компетентности у учеников с ОВЗ // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 1А. С. 57-64.
10. Рамазанова Е.А. Цифровая обработка психического отражения учащихся с ограниченными возможностями здоровья в процессе становления коммуникативной компетентности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 12А. С. 64-75.

Assessment of communicative competence in children with limited health capabilities by method of psychological and pedagogical symbiosis

Evgeniya A. Ramazanova

Postgraduate,
Novosibirsk State Pedagogical University,
630126, 28, Vilyuiskaya str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: yevgeniya0209@gmail.com

Abstract

This article has a conclusion based on the analysis of psychological and pedagogical research. Psychological measurements in the lesson are aimed at observing children with health restraints and their personal features. The following is considered during the observations: the dependence of the involvement in communicative activity on the mental state, the derivativeness of the mental state from the level of functioning of mental processes and the level of development of abilities, the ability to adapt to a communicative situation and stay in the appropriate state. The article presents an analysis of passive observation, its positive and negative elements. The author introduces the reader to the results of work on revealing children's self-assessment, communication and learning abilities, attitudes to academic life, etc. After assessing the mental state of the students, the researcher replaced some components of the lessons observed earlier. Thus, positive communication with children was achieved in the classroom. The researcher presented the results of an experimental English language test conducted after a prolonged construction of a comfortable psychological environment. She shows us the changes in the emotional perception of children when working independently as well as to English lessons. The author names the possible elements of the school's long-term plan, based on the results of the conducted research.

For citation

Ramazanova E.A. (2024) Otsenka kommunikativnoi kompetentnosti u detei s OVZ metodom psikhologo-pedagogicheskogo simbioza [Assessment of communicative competence in children with limited health capabilities by method of psychological and pedagogical symbiosis]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 72-81.

Keywords

Communicative competence, psychological assessment, psychological features, psychological observing, psychological-pedagogical method.

References

1. Akhmedova A.M. (2012) *Komp'uternye tekhnologii v innovatsionnoi i pedagogicheskoi deyatel'nosti* [Computer technologies in innovative and pedagogical activities], Kazan.
2. Balin V.D. (2000) *Psikhicheskoe otrazhenie: element teoreticheskoi psikhologii* [Psychological reflection: elements of theoretical psychology]. St. Petersburg.
3. Glukhov V.P. (2017) *Defektologiya. Spetsial'naya pedagogika i spetsial'naya psikhologiya* [Defectology. Special pedagogy and psychology]. Moscow: Moscow Pedagogical State University Publ.
4. Lisovskaya T.V. (2013) Elektronnyye uchebno-metodicheskie komplekxy dlya organizatsii protsessu obucheniya detei s intellektual'noi nedostatochnost'yu kak novoe resursnoe obespechenoe inkluzivnogo obrazovaniya [Electronic educational-methodological complexes for organization of educational process for children with mental insufficiency as a new way of resourcing for inclusive education]. In: *Inklyuzivnoe obrazovanie: praktika, issledovaniya, metodologiya* [Inclusive education: praxis, researches, methodology]. Moscow.
5. Polat E.S. (2008) *Novye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya* [New pedagogical and informational technologies in educational system]. Moscow: Akademiya Publ.
6. Polikarpov V.A. (2015) *Psikhologiya lichnosti* [Psychology of person]. Minsk.
7. *Primernaya adaptirovannaya osnovnaya obrazovatel'naya programma osnovnogo obshchego obrazovaniya obuchayushchikhsyas OVZ (odobrena resheniem FUMO po obshchemu obrazovaniyu (protokol ot 18 marta 2022 g. № 1/22))* [Exemplary adapted basic educational program of basic general education for children with limited health capabilities (2022), 1/22].
8. Prokhorov A.O. (ed.) (2011) *Psikhologiya sostoyanii* [Psychology of states]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ.
9. Ramazanova E.A. (2023) Ratsional'nost' ob"edineniya metodov psikhodiagnostiki obucheniya dlya stanovleniya kommunikativnoi kompetentnosti u uchениkov s OVZ [Rationality of unifying psychodiagnosis and teaching methods for becoming communicative competence by children with limited healthy capabilities]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 12 (1A), pp. 57-64.
10. Ramazanova E.A. (2023) Tsifrovaya obrabotka psikhicheskogo otrazheniya uchashchikhsyas s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorovy'a v protsesse stanovleniya kommunikativnoy kompetentnosti [Digital proces sing of mental reflection of students with limited health capabilities in the process of becoming communicative competence]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 12 (12A), pp. 64-75.

УДК 159.943:159.923:378.648.2

Перфекционизм и уровень стрессового состояния у клинических ординаторов разных специальностей

Башкина Ольга Александровна

Доктор медицинских наук, профессор,
ректор, завкафедрой факультетской педиатрии,
Астраханский государственный медицинский университет,
414024, Российская Федерация, Астрахань, ул. Бакинская, 121;
e-mail: bashkina1@mail.ru

Шаповалова Марина Александровна

Доктор медицинских наук, профессор,
проректор по последипломному образованию,
завкафедрой экономики и управления здравоохранением
с курсом последипломного образования,
Астраханский государственный медицинский университет,
414024, Российская Федерация, Астрахань, ул. Бакинская, 121;
e-mail: mshap67@gmail.com

Абдуллаева Алия Салаватовна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры экономики и здравоохранения
с курсом последипломного образования,
Астраханский государственный медицинский университет,
414024, Российская Федерация, Астрахань, ул. Бакинская, 121;
e-mail: alya_kubekova@mail.ru

Аннотация

В статье показаны результаты проведенного эмпирического исследования оценки уровня перфекционизма и стрессового состояния врачей-ординаторов разных специальностей с целью разработки превентивных мероприятий и своевременной психологической подготовки молодых врачей. В исследовании приняли участие клинические ординаторы второго года обучения в количестве 88 человек по специальностям «Хирургия» и «Терапия» в возрасте от 23 до 30 лет, проходящих обучение в ординатуре в ФГБОУ ВО «Астраханский ГМУ» Минздрава России. Применялись две психодиагностические методики: 1) многомерная шкала перфекционизма (Multidimensional Perfectionism Scale, MPS) Хьюитт П., Флетт Г. (в рос. адаптации Грачева И.И.); 2) Шкала депрессии, тревоги и стресса (Depression Anxiety and Stress Scale, DASS) S. Lovibond, P. Lovibond (в рос. адаптации А.А. Золотарева). Статистическая обработка данных была произведена с помощью U-критерия Манна-Уитни. Все респонденты были

разделены на две группы: с высоким и средним уровнем перфекционизма. Согласно полученным эмпирическим данным, у первой группы ординаторов с высоким уровнем перфекционизма сильнее выражено стрессовое состояние, тревога и депрессия. В третьей группе ординаторов со средним уровнем перфекционизма средние значения стрессового состояния. Возникает необходимость в разработке и организации психолого-педагогических мероприятий, нацеленных на студентов-медиков и ординаторов, чтобы оптимизировать их психологическое благополучие и профессиональную карьеру.

Для цитирования в научных исследованиях

Башкина О.А., Шаповалова М.А., Абдуллаева А.С. Перфекционизм и уровень стрессового состояния у клинических ординаторов разных специальностей // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 82-89.

Ключевые слова

Клинические ординаторы, перфекционизм, стрессовое состояние, тревога, стресс, психологическая подготовка, здоровье врача.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки уровня перфекционизма и стрессового состояния врачей-ординаторов разных специальностей с целью разработки превентивных мероприятий и своевременной психологической подготовки молодых врачей. Под перфекционизмом понимается стремление к безупречности при высоком уровне притязаний. Перфекционизм может быть как нормальным, так и патологическим. Медицинская деятельность является той сферой, где перфекционизм оказывает значительное влияние, поскольку деятельность врачей связана с жизнями пациентов. В исследованиях показано, что контроль уровня перфекционизма в процессе обучения необходим для лучшего понимания взаимосвязь между личностью и темпераментом, факторами окружающей среды [Билецкая, 2023; Гаранян, Андрусенко, Хломов, 2009; Голенков и др., 2020]. В исследовании Горьковой И.А., Билецкой М.В. [Горьковая, Билецкая, 2023] установлено, что у врачей-ординаторов психиатрического и неврологического профилей с разным уровнем общего перфекционизма отличаются когнитивным стилем. Соответственно, для того чтобы избежать ошибок, медицинские работники стремятся к высоким результатам, что напрямую оказывает на них психологическое давление и стресс. У большинства ординаторов с низким и средним уровнем перфекционизма отсутствует депрессия, тревога и стресс. В работе Романовой М.В. [Романова, 2018] определена взаимосвязь между социально-предписанным перфекционизмом и прокрастинацией, а также перфекционизмом, ориентированным на себя и различными уровнями прокрастинации. Зацепина О.А., Батурина Н.В. [Зацепина, Батурина, 2021] установили, что у студентов со средним уровнем выгорания имеется связь деперсонализации с перфекционизмом, что свидетельствует о важности межличностного общения в студенческой среде. Таким образом, исходя из теоретического анализа, можно сделать вывод о том, что перфекционизм приводит к различным психоэмоциональным нарушениям, таким как стресс, повышенный уровень тревожности, эмоциональное выгорание и т.д. Требуется особое внимание психоэмоциональному состоянию и эмоциональной стабильности медицинских работников. Возникает необходимость в разработке и организации психолого-педагогических

мероприятий, нацеленных на студентов-медиков и ординаторов, чтобы оптимизировать их психологическое благополучие и профессиональную карьеру.

Цель исследования: оценка уровня перфекционизма и стрессового состояния врачей-ординаторов хирургического и терапевтического профилей с целью разработки превентивных мероприятий и своевременной психологической подготовки молодых врачей.

Материалы и методы исследования

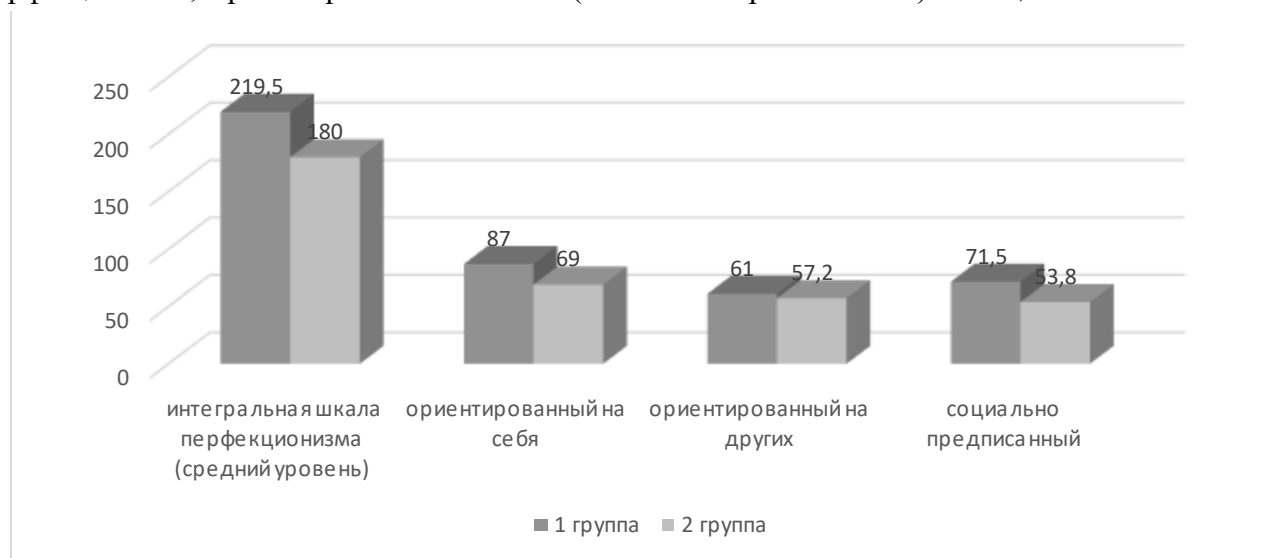
Клиническим ординаторам, обучающимся в ФГБОУ ВО «Астраханский государственный медицинский университет» Минздрава России, было предложено на основании анонимности и добровольности заполнить диагностические опросники. В исследовании приняли участие клинические ординаторы второго года обучения в количестве 88 человек по специальностям «Хирургия» и «Терапия» в возрасте от 23 до 30 лет, проходящих обучение в ординатуре в ФГБОУ ВО «Астраханский ГМУ» Минздрава России. Применялись две психодиагностические методики: 1) многомерная шкала перфекционизма (Multidimensional Perfectionism Scale, MPS) Хьюитт П., Флетт Г. (в рос. адаптации Грачева И.И.) [Грачева, 2006; Многомерная шкала перфекционизма..., www]. Многомерная шкала перфекционизма (Multidimensional Perfectionism Scale, MPS) разработана канадскими психологами П. Хьюиттом и Г. Флеттом для измерения уровня перфекционизма (то есть, стремления быть совершенным, безупречным во всем) и определения характера соотношения его составляющих у испытуемого. 2) Шкала депрессии, тревоги и стресса (Depression Anxiety and Stress Scale, DASS) S. Lovibond, P. Lovibond (в рос. адаптации А.А. Золотарева) [Золотарева, 2021; Шкала депрессии, тревоги и стресса..., www]. Шкала депрессии, тревоги и стресса (Depression Anxiety and Stress Scale, DASS) является одной из наиболее распространенных современных шкал психологического дискомфорта. Методика содержит три шкалы самоотчета, предназначенных для диагностики депрессии, тревоги и стресса. Статистическая обработка данных была произведена с помощью U-критерия Манна-Уитни и компьютерная программа Statistica Standart Version 21.0 [Сидоренко, 2010]. Все респонденты были разделены на две группы: с высоким и средним уровнем перфекционизма. Результаты исследования представлены в рисунках.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате анализа показателей по методике многомерной шкалы перфекционизма (Multidimensional Perfectionism Scale, MPS) Хьюитт П., Флетт Г. (в рос. адаптации Грачева И.И.) респонденты были разделены на две группы: с высоким и средним уровнем перфекционизма (рисунок 1). Ординаторов с низким уровнем перфекционизма установлено не было.

По данным рисунка 1 у 36,6% ординаторов как хирургического, так терапевтического профиля отмечается высокий уровень перфекционизма (первая группа), 64,4% респондентов были отнесены во вторую группу со средним уровнем перфекционизма. В результате интерпретации полученных эмпирических данных по интегральным шкалам перфекционизма, в первой группе ординаторов показатели перфекционизма увеличиваются в сравнении со второй группой респондентов. В первой группе ординаторов с высоким уровнем перфекционизма установлены высокие значения по шкале «Перфекционизм, ориентированный на себя (self oriented perfectionism)» – 87,0%. Данный показатель отражает завышенные и нереалистичные требования, предъявляемые к себе, при высоких значениях такая личность склонна к самокритике, что, в свою очередь, делают невозможным принятие собственных

изъянов, недостатков и неудач. Кроме того, в первой группе установлены высокие значения по интегральной шкале «Социально-предписанный перфекционизм» (socially pre-scripted perfectionism) – 71,5%. Приданной шкале у такой личности присутствует убеждение, что другие предъявляют к субъекту нереалистичные требования, которым трудно, но необходимо соответствовать, чтобы заслужить одобрение и принятие. Во второй группе респондентов со средним уровнем перфекционизма было установлено высокое значение по шкале «Перфекционизм, ориентированный на себя (self oriented perfectionism)» – 69,0%.

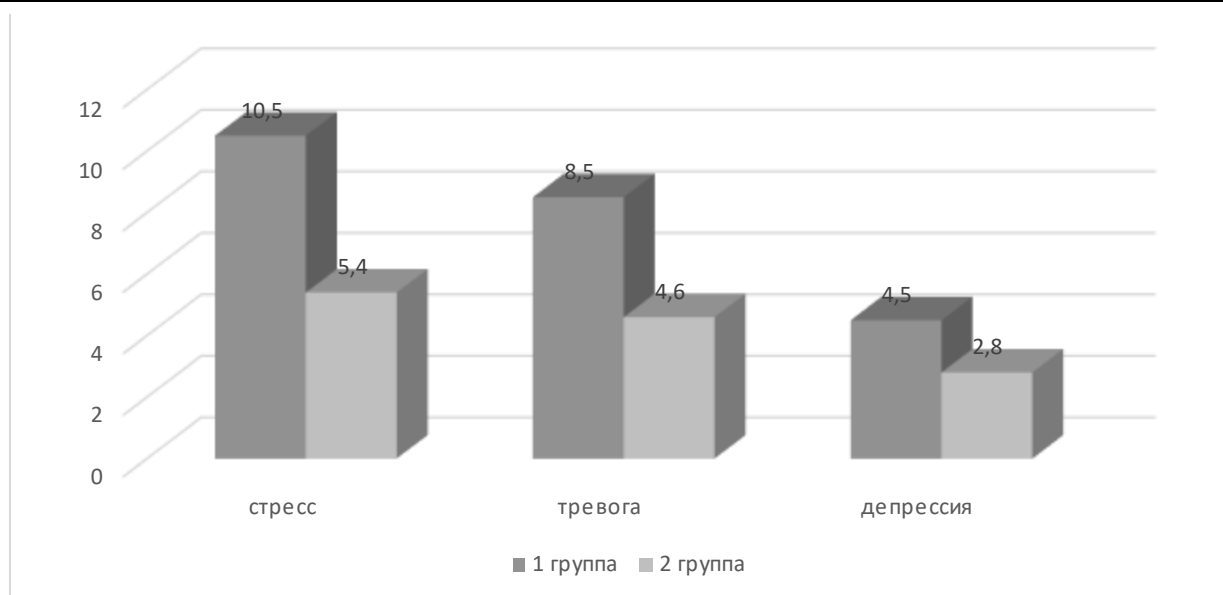
(составлено авторами по материалам исследования)

Рисунок 1 - Средние значения по многомерной шкале перфекционизма (Multidimensional Perfectionism Scale, MPS) Хьюитт П., Флетт Г. (в рос. адаптации Грачева И.И.) у клинических ординаторов

Таким образом, высокий перфекционизм является патологическим и опасным для врачей, поскольку приводит к чрезмерному стрессу и эмоциональному выгоранию. Они могут постоянно беспокоиться о возможных ошибках и их последствиях.

Далее представлено распределение клинических ординаторов в зависимости от выраженности депрессии, тревоги и стресса внутри выделенных групп по методике «Шкала депрессии, тревоги и стресса» (Depression Anxiety and Stress Scale, DASS) S. Lovibond, P. Lovibond (в рос. адаптации А.А. Золотарева) (рисунок 2).

Как видно из рисунка 2, в первой группе ординаторов с высоким уровнем перфекционизма распределение степени выраженности эмоционального состояния выше в сравнении со второй группой ординаторов со средним уровнем перфекционизма. В первой группе шкала стресса была установлена в значении 10,5% (высокое значение), что свидетельствует о чувствительности к хроническому неспецифическому возбуждению и диагностирует трудности с расслаблением, нервное возбуждение и повышенную раздражительность. Шкала тревоги в первой группе ординаторов зафиксировано на высоком значении – 8,5%, что означает вегетативное возбуждение, напряжение скелетных мышц, ситуативную тревогу и субъективный опыт переживания тревожных состояний. Шкала депрессии в первой группе имеет низкое значение – 4,5%. Во второй группе ординаторов со средним уровнем перфекционизма выявлено отсутствие депрессии, тревоги и стресса, 2,8%; 4,6%; 5,4%, соответственно.

(составлено авторами по материалам исследования)

Рисунок 2 - Средние значения по шкале депрессии, тревоги и стресса (Depression Anxiety and Stress Scale, DASS) S. Lovibond, P. Lovibond (в рос. адаптации А.А. Золотарева) у врачей-ординаторов

Таким образом, из результатов проведенного анализа, у врачей-ординаторов с высоким перфекционизмом имеют выраженные значения стресса и тревоги. Другими словами, постоянное стремление к совершенству влияет по высокий уровень стресса и тревогу у медицинских работников. Они могут постоянно беспокоиться о возможных ошибках и их последствиях.

Таблица 1 - Депрессия, тревога и стресс у клинических ординаторов с разным уровнем перфекционизма

№ п/п	психологические показатели	ординаторы первой группы	ординаторы второй группы	P<
1	стресс (шкала депрессии, тревоги и стресса (Depression Anxiety and Stress Scale, DASS) S. Lovibond, P. Lovibond)	10,5±0,29	5,4±0,19	0,000
2	тревога (шкала депрессии, тревоги и стресса (Depression Anxiety and Stress Scale, DASS) S. Lovibond, P. Lovibond)	8,5±0,46	4,6±0,35	0,002

(составлено авторами по материалам исследования)

Примечания: Достоверные различия при $p \leq 0,05$: * - достоверные различия между показателями двух групп

Согласно таблице 1, существуют статистически значимые различия по двум шкалам между группой ординаторов с высоким уровнем перфекционизма и группой со средним уровнем перфекционизма. Показатели стресса и тревоги достоверно выше в первой группе респондентов ($p < 0,05$).

Таким образом, на данном этапе профессиогенеза ординаторы предъявляют высокие требования к себе, высокое стремление к самосовершенствованию в освоении новой профессии, а также склонность к самокритике. Среди практических рекомендаций необходимо выделить

следующее: 1) обучение управлению стрессом: медицинские работники могут изучить методы управления стрессом, такие как медитация, эриксоновский гипноз, глубокое дыхание, чтобы снизить уровень эмоционального напряжения; 2) развитие профессиональной самооценки: медицинские работники могут работать над развитием своей профессиональной самооценки и принятием того факта, что ошибки иногда бывают их неотъемлемой частью.

Заключение

Согласно полученным эмпирическим данным, у первой группы ординаторов с высоким уровнем перфекционизма сильнее выражено стрессовое состояние, тревога и депрессия. Во второй группе ординаторов со средним уровнем перфекционизма средние значения стрессового состояния. Возникает необходимость в разработке и организации психолого-педагогических мероприятий, нацеленных на студентов-медиков и ординаторов, чтобы оптимизировать их психологическое благополучие и профессиональную карьеру.

Библиография

1. Билецкая М.В. Взаимосвязь перфекционизма и эмпатии у врачей-ординаторов психиатрического и неврологического профилей // Педиатр. 2023. Т. 14. № 5. С. 107-114.
2. Гаранян Н.Г., Андрусенко Д.А., Хломов И.Д. Перфекционизм как фактор студенческой дезадаптации // Психологическая наука и образование. 2009. Т. 14. № 1. С. 72-81.
3. Голенков А.В. и др. Перфекционизм и депрессия как факторы риска суицида студентов-медиков // Академический журнал Западной Сибири. 2020. Т. 16. № 3 (86). С. 23-25.
4. Горьковая И.А., Билецкая М.В. Перфекционизм, депрессия, тревога и стресс у врачей-ординаторов психиатрического и неврологического профилей // Вестник психотерапии. 2023. № 88. С. 5-13.
5. Грачева И.И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал. 2006. № 6. С. 73-89.
6. Зацепина О.А., Батурина Н.В. Взаимосвязь характеристик профессионального выгорания и перфекционизма у студентов // Мир педагогики и психологии. 2021. № 07 (60). С. 37-44.
7. Золотарева А.А. Психометрическая оценка русскоязычной версии шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21) // Психологический журнал. 2021. № 5. С. 80-88.
8. Многомерная шкала перфекционизма (Multidimensional Perfectionism Scale, MPS). URL: <https://psytests.org/trait/mps.html>
9. Романова М.В. Связь перфекционизма и прокрастинации у студентов различных направлений подготовки // Russian Journal of Education and Psychology. 2018. Т. 9. № 7. С. 189-200.
10. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2010. 350 с.
11. Шкала депрессии, тревоги и стресса (Depression Anxiety and Stress Scale, DASS) S. Lovibond, P. Lovibond (в пос. адаптации А.А. Золотарева). URL: <https://psytests.org/depr/dass.html>

Perfectionism and the level of stress among clinical residents of different specialties

Ol'ga A. Bashkina

Doctor of Medicine, Professor, University Rector,
Head of the Department of Faculty Pediatrics,
Astrakhan State Medical University,
414024, 121, Bakinskaya str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: bashkina1@mail.ru

Marina A. Shapovalova

Doctor of Medicine, Professor,
Vice-Rector for Postgraduate Education,
Head of Department of Economics and Health Management
with a Postgraduate Course,
Astrakhan State Medical University,
414024, 121, Bakinskaya str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: mshap67@gmail.com

Aliya S. Abdullaeva

PhD in Psychology,
Senior Lecturer of Department of Economics and Health Management
with a Postgraduate Course,
Astrakhan State Medical University,
414024, 121, Bakinskaya str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: alya_kubekova@mail.ru

Abstract

The article shows the results of an empirical study assessing the level of perfectionism and stress state of resident doctors of various specialties with the aim of developing preventive measures and timely psychological training of young doctors. The study involved 88 second-year clinical residents in the specialties of Surgery and Therapy, aged 23 to 30 years, undergoing residency training at the Astrakhan State Medical University of the Russian Ministry of Health. Two psychodiagnostic methods were used: 1) multidimensional perfectionism scale (MPS) Hewitt P., Flett G. (in Russian adaptation by Grachev I.I.); 2) Depression Anxiety and Stress Scale, DASS) S. Lovibond, P. Lovibond (in Russian adaptation by A.A. Zolotarev). Statistical processing of the data was performed using the Mann-Whitney U test. All respondents were divided into two groups: with high and average levels of perfectionism. According to the empirical data obtained, the first group of residents with a high level of perfectionism has a more pronounced state of stress, anxiety and depression. In the third group of residents with an average level of perfectionism, the stress levels were average. There is a need to develop and organize psychological and pedagogical activities aimed at medical students and residents in order to optimize their psychological well-being and professional career.

For citation

Bashkina O.A., Shapovalova M.A., Abdullaeva A.S. (2024) Perfeksionizm i uroven' stressovogo sostoyaniya u klinicheskikh ordinatorov raznykh spetsial'nostei [Perfectionism and the level of stress among clinical residents of different specialties]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 82-89.

Keywords

Clinical residents, perfectionism, stressful state, anxiety, stress, psychological preparation, doctor's health.

References

1. Biletskaya M.V. (2023) Vzaimosvyaz' perfektsionizma i empatii u vrachei-ordinatorov psikiatricheskogo i nevrologicheskogo profilei [The relationship between perfectionism and empathy in psychiatric and neurological residents]. *Pediatr* [Pediatrician], 14, 5, pp. 107-114.
2. Garanyan N.G., Andrusenko D.A., Khlomov I.D. (2009) Perfeksionizm kak faktor studencheskoi dezadaptatsii [Perfectionism as a factor of student maladjustment]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education.], 14, 1, pp. 72-81.
3. Golenkov A.V. et al. (2020) Perfeksionizm i depressiya kak faktory riska suitsida studentov-medikov [Perfectionism and depression as risk factors for suicide of medical students]. *Akademicheskii zhurnal Zapadnoi Sibiri* [Academic Journal of Western Siberia], 16, 3 (86), pp. 23-25.
4. Gor'kovaya I.A., Biletskaya M.V. (2023) Perfeksionizm, depressiya, trevoga i stress u vrachei-ordinatorov psikiatricheskogo i nevrologicheskogo profilei [Perfectionism, depression, anxiety and stress among psychiatric and neurological residents]. *Vestnik psikhoterapii* [Bulletin of Psychotherapy], 88, pp. 5-13.
5. Gracheva I.I. (2006) Adaptatsiya metodiki «Mnogomernaya shkala perfektsionizma» P. Kh'yuita i G. Fletta [Adaptation of the "Multidimensional Perfectionism Scale" method by P. Hewitt and G. Flett]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 6, pp. 73-89.
6. *Mnogomernaya shkala perfektsionizma (Multidimensional Perfectionism Scale, MPS)* [Multidimensional Perfectionism Scale (MPS)]. Available at: <https://psytests.org/trait/mps.html> [Accessed 02/02/2024]
7. Romanova M.V. (2028) Svyaz' perfektsionizma i prokrastinatsii u studentov razlichnykh napravlenii podgotovki [The connection between perfectionism and procrastination among students of various fields of study]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 9, 7, pp. 189-200.
8. *Shkala depressii, trevogi i stressa (Depression Anxiety and Stress Scale, DASS) S. Lovibond, P. Lovibond (v ros. adaptatsii A.A. Zolotareva)* [Depression Anxiety and Stress Scale (DASS) S. Lovibond, P. Lovibond (in Russian adaptation by A.A. Zolotarev)]. Available at: <https://psytests.org/depr/dass.html> [Accessed 02/02/2024]
9. Sidorenko E.V. (2010) *Metody matematicheskoi obrabotki v psikhologii* [Methods of mathematical processing in psychology]. St. Petersburg: Rech' Publ.
10. Zatsepina O.A., Baturina N.V. (2021) Vzaimosvyaz' kharakteristik professional'nogo vygoraniya i perfektsionizma u studentov [The relationship between the characteristics of professional burnout and perfectionism among students]. *Mir pedagogiki i psikhologii* [World of Pedagogy and Psychology], 07 (60), pp. 37-44.
11. Zolotareva A.A. (2021) Psikhometricheskaya otsenka russkoyazychnoi versii shkaly depressii, trevogi i stressa (DASS-21) [Psychometric evaluation of the Russian version of the Depression, Anxiety and Stress Scale (DASS-21)]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 5, pp. 80-88.

УДК 378.14

Теоретические основы методики обучения критическому мышлению в начальной школе

Богданов Роман Александрович

Студент,

Технический институт (филиал) СВФУ в г. Нерюнгри,
Северо-Восточный федеральный университет,
678960, Российская Федерация, Нерюнгри, ул. Кравченко, 16;
e-mail: noone214@mail.ru

Зарипова Мария Юрьевна

Старший преподаватель кафедры математики и информатики,
Технический институт (филиал) СВФУ в г. Нерюнгри,
Северо-Восточный федеральный университет,
678960, Российская Федерация, Нерюнгри, ул. Кравченко, 16;
e-mail: user1605@mail.ru

Аннотация

В данной статье проводится анализ теоретических основ методик обучения критическому мышлению у детей младшего школьного возраста. Рассматриваются различные подходы и определения понятия «критическое мышление», предложенные разными авторами. Особое внимание уделяется изучению и классификации методик и приемов обучения, способствующих развитию критического мышления, таких как кластеризация, чтение с остановками, кроссворды, синквейн и концептуальные таблицы. Статья предлагает подход к структурированию этих приемов с учетом стадий развития критического мышления у детей начальных классов. Цель исследования – выявить наиболее эффективные методики и подходы к обучению критическому мышлению, а также определить возможности их применения в начальной школе. В ходе исследовательской работы была выявлена эффективность применения приемов технологии «Развития критического мышления» в образовательном процессе, особенно на уроках литературного чтения и окружающего мира. Данные приемы способствуют формированию критических навыков чтения, письма и анализа информации через самостоятельное формирование вопросов и поиск ответов. Эти приемы улучшают коммуникативные компетенции, развивают творческий потенциал и активизируют мыслительную деятельность учащихся, повышая их мотивацию к обучению и общему уровню образования по предметам.

Для цитирования в научных исследованиях

Богданов Р.А., Зарипова М.Ю. Теоретические основы методики обучения критическому мышлению в начальной школе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 90-97.

Ключевые слова

Критическое мышление, начальная школа, методики обучения, кластеризация, чтение с остановками, кроссворды, синквейн, концептуальные таблицы, развитие мышления, теоретические основы.

Введение

В условиях стремительных перемен человек часто попадает в ситуацию неопределенности, требующую от него мгновенного правильного решения. Особую значимость в таких случаях приобретает способность человека мыслить критически. Только благодаря навыкам критического мышления человек может ориентироваться в сложившейся ситуации, выявлять логические ошибки и манипуляции, и принимать верные решения. Особую потребность в развитии критического мышления вызывает рост преступлений в сфере мошенничества. В последние годы участились случаи злоупотребления доверием граждан разного возраста, в том числе и детей. Отсутствие навыков критического мышления приводит к тому, что дети становятся легкой добычей для преступников. Развитие этих способностей у детей начальных классов предъявляет учителям требования по разработке и применению новых информационных и педагогических технологий, которые будут основаны не на усвоении знаний, умений и навыков, а на умении самостоятельно формировать оценку с точки зрения логики и достоверности, что обуславливает актуальность исследуемой проблематики.

Целью данной статьи является анализ концептуальных подходов к методикам развития критического мышления у детей младшего школьного возраста. Объектом исследования выступает критическое мышление, предметом исследования – особенности реализации методик развития критического мышления у детей начальных классов.

Литературный обзор

Анализ научной литературы показал, что понятие «критическое мышление» не имеет единой точки зрения. Например, Д. Халперн (2000) характеризует критическое мышление как «целенаправленное мышление», проявляющееся в способности оценивать получаемые свидетельства, строить продуктивные умозаключения, повышающие вероятность достижения желаемого результата [Халперн, 2000]. Иначе говоря, автор определяет критическое мышление как особый вид мышления, преследующий определенную цель и осуществляемый через собственные рациональные умозаключения. В. Н. Брюшинкин (2003) считает, что критическое мышление – это целый ряд последовательных умственных действий, направленных на проверку высказываний на соответствие фактам, нормам и ценностям [Брюшинкин, 2003]. Автор уточняет, что речь идет о логических, методологических, правовых и нравственных нормах, а под ценностями понимает истину, целесообразность, пользу и т.д. Н.А. Калашникова определяет критическое мышление как «способность рефлексировать относительно собственной мыслительной деятельности, умение работать с понятиями, суждениями, умозаключениями, вопросами, развитие способностей к аналитической деятельности, а также к оценке аналогичных возможностей других людей» [Калашникова, 2010]. Весомый вклад в разработку дефиниций исследуемого понятия внесли труды Н.А. Якуниной (2019), которая исследовала составляющие феномена «критическое мышление» с позиции философии, психологии и педагогики и пришла к выводу, что критическое мышление – это сложный

рефлексивный процесс мышления, основанный на ассоциативном восприятии, анализе, синтезе, оценке и саморегуляции. Н. Непряхин (2023) трактует критическое мышление как систему суждений, используемую для анализа, интерпретации, оценки ситуации и последующего составления объективных выводов [Непряхин, www]. Автор утверждает, что данный вид мышления относится к надпрофессиональным навыкам и способствует продуктивному решению задач, общению и сотрудничеству с другими людьми благодаря применению аналитики, наблюдательности и обоснованности своей точки зрения в различных ситуациях.

Таким образом, несмотря на различия в подходах к понятию «критическое мышление», авторы едины во мнении, что это сложный аналитический феномен. Во-первых, он представляет собой особый вид мышления, основанный на умении анализировать ситуацию, то есть фильтровать ее. Во-вторых, он основывается на умении выстраивать логические цепочки в заданной ситуации направлении, что свойственно взрослым людям, то есть определенному уровню психологической зрелости. В-третьих, выстраивание логических цепочек сопряжено с умением соотносить их с социальными нормами (правовыми, культурными, общепринятыми и т.д.), то есть мышление требует наличия определенного уровня интеллектуального развития и компетенций человека. В-четвертых, критическое мышление всегда концентрируется на определенном объекте, предмете, ситуации, факте и т.д., то есть оно преследует определенную цель. В-пятых, исследуемый феномен требует умения формировать аргументированную оценку сложившейся ситуации на основе собственных выводов. Следовательно, критическое мышление – это целенаправленное аналитическое мышление, обусловленное уровнем психологического и интеллектуального развития его носителя, а также уровнем его компетенций в различных сферах деятельности, завершающееся аргументированным умозаключением.

Таким образом, анализ теоретических аспектов методик обучения критическому мышлению в начальной школе мы будем рассматривать через возрастные особенности развития детей 7-11 лет.

Материалы и методы

Анализ научно-методической литературы по развитию критического мышления показал, что фундаментальной основой критического мышления является способность человека мыслить критически, то есть рассматривать все через призму критики, которая предполагает поиск недостатков, ошибок и несоответствия, выдаваемого за действительное. Такие способности относятся к приобретенным качествам, а не врожденным. Умение выявлять недостатки путем сравнения формируется в рамках семейного воспитания, а не заложено в человеке природой.

Следовательно, методология обучения критическому мышлению в раннем возрасте должна основываться на сравнительном анализе. Первый вопрос, не имеющий единого подхода в научной литературе, – возрастной ценз, определяющий начало обучения критическому мышлению. Одни специалисты утверждают, что наиболее подходящим возрастом для начала развития критического мышления у детей является 4-5 лет [Абдурагимова, www]. Другие считают, что начинать работать с критическим мышлением следует уже с 5-6 лет [Казанцева, www]. Третьи пришли к выводу, что наиболее благоприятным возрастом для формирования критического мышления является возраст 7-11 лет [Брушлинский, 1983]. Четвертые убеждены, что развитие критического мышления целесообразно начинать в возрасте 11-13 лет [Кобцева, www]. Однако ни одно из этих утверждений не подкреплено научными доказательствами.

Вместе с тем следует отметить, что критическое мышление имеет две направленности: а) конструктивную, то есть направленную на поиск нового решения, и б) деструктивную, то есть оказывающую разрушительное воздействие. Чрезмерно развитая критика может стать сопутствующим аспектом психического расстройства, а недостаток в развитии критического мышления может привести к череде серьезных проблем. Поэтому вопрос, в каком возрасте начинать обучение критическому мышлению, является достаточно весомым. Но, на наш взгляд, большую актуальность имеет методология обучения критическому мышлению в различных возрастных группах.

Для достижения цели нашего исследования мы проведем анализ существующих методик обучения для учащихся начальных классов.

Результаты

Обзор методической литературы показал, что на сегодняшний день методики обучения критическому мышлению базируются на технологии «Развитие критического мышления» (РКМ), разработанной американскими учеными Чарльзом Ч. Темплом, Дж. Стилом и К. Мередитом в 1990-х годах прошлого столетия. По своему содержанию технология представляет универсальную систему стратегий и методических приемов [Официальный сайт ООО «Знанио», [www](http://www.znaniyo.ru)]. Основа технологического подхода закладывается в трехэтапной схеме структурирования образовательного процесса: Первый этап – «Стимул» (стимулирование заинтересованности в усвоении нового); Второй этап – «Погружение» (активное принятие и усвоение новых сведений); Третий этап – «Осмысление» (глубокая работа по вниканию в суть приобретенных знаний).

Метод РКМ находит применение в широком спектре дисциплин, методов и форм обучения, с акцентом на развитие следующих навыков и способностей: а) способность к эффективному взаимодействию с потоками информации в разнообразных сферах знания; б) уверенность и ясность в устной и письменной форме коммуникации; в) способность к развитию и аргументации собственной позиции на основе разнообразного опыта, идей и концепций; г) навык самостоятельного решения задач, организации собственного образовательного процесса (академическая гибкость), эффективное взаимодействие и сотрудничество в команде, а также построение продуктивных отношений с окружающими.

Большим преимуществом технологии РКМ является многовариативность приемов ее реализации. Рассмотрим некоторые из них в таблице ниже.

Таблица 1 - Приемы технологии «Развития критического мышления» в начальных классах [Роньшина, [www](http://www.ronshina.ru); Соловьева, [www](http://www.solovieva.ru)]

Прием	Характеристика
«Толстые» и «тонкие» вопросы.	Под тонкими вопросами подразумевают простые вопросы, а толстыми вопросами – сравнение, анализ, синтез, и оценку;
Кластер или «грозди»	графический прием систематизации материала. Данный прием предполагает построение логических связей в определенной теме. Ученики выделяют ключевое слово в теме, записывают его на доске, и потом окружают его словами, которые соответствуют заданной теме и соединяют их с ключевым словом.
Чтение с остановками	Данный прием основывается на том, что после прочтения части текста, дети должны предположить дальнейшее развитие событий в тексте.
Кроссворды	Прием используется на стадиях осмысления рефлексии

Прием	Характеристика
Синквейн	В рамках данного приема учащиеся должны написать стихотворение из пяти строк по определенной схеме
Концептуальная таблица	Основывается на линиях сравнения. Например, в таблице необходимо сравнить звезды планеты по форме, размеру, цвету и т.д.
Бортовой журнал	Предполагает заполнение таблицы, состоящей из двух колонок: 1. Что я знаю по данной теме; 2. Что я узнал нового по данной теме.

Большинство авторов склоняются к тому, что каждый прием может быть использован на любой стадии развития критического мышления. С.Н. Соловьева (2019) предлагает разделить их применение по стадиям РКМ [там же]:

1. На этапе вызова интереса, автор предлагает использовать различные методы для стимулирования интереса и обогащения знаний у учеников начальной школы. Среди этих методов находятся: создание кластеров, постановка загадок, проведение мозговых штурмов, использование методики отложенного понимания, составление таблиц с разделением на «толстые» и «тонкие» вопросы, организация театрализованных представлений, игра «да или нет», проведение интеллектуальных разминок, которые могут быть в форме опроса или теста, устройство дискуссий, создание запутанных логических последовательностей, а также поднятие проблемных вопросов для обсуждения.

2. На этапе «Интерпретации» с использованием методик: «Спираль», «Аннотирование текста», «Структура прогнозов», «Расширение кругозора», «Паузы для размышлений», «Матрица глубоких и поверхностных вопросов», Техника «Шесть мыслящих шапок», «Сетка понятий», «Разделенный журнал» и «Логбук»;

3. На этапе размышления целесообразно применять методы такие как: создание синквейна, написание обращения к преподавателю, составление краткого пятиминутного сочинения, а также использование таблицы, разделяющей вопросы на глубокие и поверхностные.

Обсуждение

Мы считаем, что выбор приема в любом случае должен быть обоснован темой урока, его целями и задачами с учетом стадии развития критического мышления в рамках школьной образовательной программы для начальных классов.

Опыт применения РКМ О.И. Роньшиной (2015) показал, что данная методика эффективна при формировании и закреплении у детей критических навыков чтения и письма посредством самостоятельного формирования вопросов и самостоятельного нахождения на них ответов, т.е. лично-ориентированным методом [Роньшина, [www](#)]. Опираясь на личный опыт, автор методики пришла к выводу о том, что формирование у детей речевой и мыслительной деятельности способствует развитию коммуникативных компетенций учащихся, обеспечивающих свободное владение русским литературным языком в разных сферах и ситуациях общения; готовности и способности к речевому взаимодействию и взаимопониманию; потребности в речевом самосовершенствовании.

Практика С.Н. Соловьевой (2019) свидетельствует о том, что использование РКМ на уроках окружающего мира эффективно через решение трех основных задач [Соловьева, [www](#)]: 1. Формирование необходимых компонентов подготовки к жизни в современном информационном пространстве путем использования ТРК на уроках литературного чтения, окружающего мира, русского языка; 2. Создание условий для эффективного использования

приемов технологии ТРКМ в рамках развития творческого потенциала учащихся начальных классов; 3. Развитие навыков навигации по информационным ресурсам, применение разнообразных подходов к чтению, способность корректно интерпретировать тексты, организация данных в зависимости от их важности, отделение менее значимой информации, критический анализ полученных данных, формулирование заключений и обобщений.

Качественный и количественный анализ по исследуемой проблематике, проведенный З.Г. Гиззатуллиной (2023), показал, что приемы технологии РКМ существенно активизируют мыслительную деятельность школьников, что, как следствие, способствует росту уровня мотивации к предмету и росту качества образования по предмету [Гиззатуллина, www]. По результатам ее исследований было установлено, что после применения приемов технологии РКМ высокий уровень сформированности критического мышления в экспериментальной группе составил (58,33%), что почти вдвое больше, чем в контрольной группе (29,17%), в которой не применялись приемы РКМ.

Заключение

Таким образом, обобщая вышеизложенное, мы можем констатировать, что методика развития критического мышления в начальных классах основывается на базовой модели технологии РКМ, состоящей из трех последовательных стадий обучения «вызов-осмысление-рефлексия». Методология применения технологий РКМ обусловлена выбором ее приемов. Опыт российских специалистов в сфере применения приемов технологии «Развития критического мышления» в начальных классах подтверждает их высокий уровень продуктивности.

Библиография

1. Абдурагимова Д.З. Как привить ребенку критическое мышление? URL: https://medaboutme.ru/articles/kak_privit_rebenku_kriticheskoe_myshlenie/
2. Брушлинский А.В. Психология мышления и проблемное обучение. М.: Знание, 1983. 96 с.
3. Брюшинкин В.Н. Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация. Калининград, 2003. 175 с.
4. Гиззатуллина З.Г. Технология развития критического мышления у детей 7-10 лет. URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/obshchepedagogicheskie-tehnologii/2023/04/23/issledovatel'skaya-rabota-tehnologiyav>
5. Казанцева Л. Чтобы не верить во все подряд: 3 шага к развитию критического мышления у ребенка. URL: <https://skysmart.ru/media/texts/growth/kriticheskoe-myshleniye-rebenka>
6. Калашникова Н.А. Методология формирования критического мышления у студентов вузов // Вестник Волгоградского государственного университета. 2010. № 8. С. 25-26.
7. Кобцева Л. В каком возрасте нужно развивать критическое мышление? Почему? URL: <https://yandex.ru/qlearning/12542439937/>
8. Непряхин Н. Что такое критическое мышление? URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e0608ea9a7947fa3c1bcf34>
9. Официальный сайт ООО «Знанио». URL: <https://znanoio.ru/pub/2557>
10. Роньшина О.И. Технология развития критического мышления в начальной школе. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/657887>
11. Соловьева С.Н. Приемы «Технологии развития критического мышления» в начальной школе. URL: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/raznoe/2020/01/27/priyomy-tehnologii-razvitiya-kriticheskogo-myshleniya-v>
12. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
13. Якунина Н.А. Критическое мышление: аналитическое осмысление понятия // Гаудеамус. 2019. № 4 (42). С. 21-26.

Theoretical foundations of the method of teaching critical thinking in primary school

Roman A. Bogdanov

Student,
Technical Institute (Branch) of NEFU in Neryungri,
North-Eastern Federal University,
678960, 16, Kravchenko str., Neryungri, Russian Federation;
e-mail: noone214@mail.ru

Mariya Yu. Zaripova

Senior Lecturer at the Department of Mathematics and Computer Science,
Technical Institute (Branch) of NEFU in Neryungri,
North-Eastern Federal University,
678960, 16, Kravchenko str., Neryungri, Russian Federation;
e-mail: user1605@mail.ru

Abstract

This article analyzes the theoretical foundations of teaching critical thinking to primary school children. The article considers various approaches to and definitions of the concept of «critical thinking» proposed by different authors. Special attention is paid to the study and classification of teaching methods and techniques that facilitate the development of critical thinking, such as clustering, stop-reading, crosswords, cinquain, and concept mapping. The article proposes an approach to structuring these techniques considering the stages of development of critical thinking in primary school children. The purpose of the study is to identify the most effective methods and approaches to teaching critical thinking and to determine the possibilities of their application in primary school. During the research work, the effectiveness of using the techniques of the “Development of Critical Thinking” technology in the educational process, especially in the lessons of literary reading and the surrounding world, was revealed. These techniques help develop critical skills in reading, writing, and analyzing information through independently generating questions and searching for answers. These techniques improve communicative competencies, develop creativity and activate the mental activity of students, increasing their motivation for learning and the general level of education in the subjects.

For citation

Bogdanov R.A., Zaripova M.Yu. (2024) Teoreticheskie osnovy metodiki obucheniya kriticheskomu myshleniyu v nachal'noi shkole [Theoretical foundations of the method of teaching critical thinking in primary school]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 90-97.

Keywords

Critical thinking, primary school, teaching methods, clustering, stop-reading, crosswords, cinquain, concept mapping, development of thinking, theoretical foundations.

References

1. Abduragimova D.Z. *Kak privit' rebenku kriticheskoe myshlenie?* [How to instill critical thinking in a child?]. Available at: https://medaboutme.ru/articles/kak_privit_rebenku_kriticheskoe_myshlenie/ [Accessed 02/02/2024]
2. Brushlinskii A.V. (1983) *Psikhologiya myshleniya i problemnoe obuchenie* [Psychology of thinking and problem-based learning]. Moscow: Znanie Publ.
3. Bryushinkin V.N. (2003) Kriticheskoe myshlenie i argumentatsiya [Critical thinking and argumentation]. In: *Kriticheskoe myshlenie, logika, argumentatsiya* [Critical thinking, logic, argumentation]. Kaliningrad.
4. Gizzatullina Z.G. *Tekhnologiya razvitiya kriticheskogo myshleniya u detei 7-10 let* [Technology for the development of critical thinking in children 7-10 years old]. Available at: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/obshchepedagogicheskie-tehnologii/2023/04/23/issledovatel'skaya-rabota-tehnologiyav> [Accessed 02/02/2024]
5. Halpern D. (2000) *Psikhologiya kriticheskogo myshleniya* [Critical Thinking in Psychology]. St. Petersburg: Piter Publ.
6. Kalashnikova N.A. (2010) Metodologiya formirovaniya kriticheskogo myshleniya u studentov vuzov [Methodology for the formation of critical thinking among university students]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University], 8, pp. 25-26.
7. Kazantseva L. *Chtobyne verit' vo vse podryad: 3 shaga k razvitiyu kriticheskogo myshleniya u rebenka* [In order not to believe in everything: 3 steps to the development of critical thinking in a child]. Available at: <https://skysmart.ru/media/texts/growth/kriticheskoe-myshlenie-D0%B5-rebenka> [Accessed 02/02/2024]
8. Kobtseva L. *V kakom vozraste nuzhno razvivat' kriticheskoe myshlenie? Pochemu?* [At what age do you need to develop critical thinking? And why?]. Available at: <https://yandex.ru/qlearning/12542439937/> [Accessed 02/02/2024]
9. Nepryakhin N. *Chto takoe kriticheskoe myshlenie?* [What is critical thinking?]. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e0608ea9a7947fa3c1bcf34> [Accessed 02/02/2024]
10. *Ofitsial'nyi sait OOO «Znanio»* [Official website of Znanio LLC]. Available at: <https://znanio.ru/pub/2557> [Accessed 02/02/2024]
11. Ron'shina O.I. *Tekhnologiya razvitiya kriticheskogo myshleniya v nachal'noi shkole* [Technology for the development of critical thinking in elementary school]. Available at: <https://urok.1sept.ru/articles/657887> [Accessed 02/02/2024]
12. Solov'eva S.N. *Priemy «Tekhnologii razvitiya kriticheskogo myshleniya» v nachal'noi shkole* [Techniques for the development of critical thinking in elementary school]. Available at: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/raznoe/2020/01/27/priomy-tehnologii-razvitiya-kriticheskogo-myshleniya-v> [Accessed 02/02/2024]
13. Yakunina N.A. (2019) Kriticheskoe myshlenie: analiticheskoe osmyslenie ponyatiya [Critical thinking: analytical understanding of the concept]. *Gaudeamus*, 4 (42), pp. 21-26.

УДК 159.9**Особенности копинг-стратегии студентов технического колледжа с различной степенью погружения в интернет-среду****Бикметов Илья Александрович**

Аспирант,
Институт психологии,
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48;
e-mail: work-zslo@mail.ru

Аннотация

Представлены результаты исследования влияния степени погружения в интернет-среду на копинг-стратегии студентов технического колледжа. В статье представлены современные представления о феномене интернет-зависимости, приводятся наиболее часто используемые термины, описывающие данный феномен. Рассматриваются особенности совладающего поведения подростков, которые ежедневно сталкиваются с различными жизненными ситуациями и трудностями. Описываются виды копинга в соответствии с концепцией известного американского психолога Ричарда Лазаруса. Приводятся примеры неэффективных копинг-стратегий, к которым вынуждены прибегать индивиды, находясь в состоянии психологического дискомфорта или стресса. Анализируется взаимосвязь между высокой степенью погруженности в интернет-среду и использованием индивидами неэффективных копинг-стратегий, которые не приводят к успешному разрешению стрессовой ситуации. Исследование проводилось на базе Санкт-Петербургского государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения с техническим уклоном. В результате полученных данных гипотеза исследования была подтверждена, т.е. индивиды, имеющие высокую степень погружения в интернет-среду склонны прибегать к использованию неэффективных копинг-стратегий. Предлагаются различные меры профилактического характера, которые могут оказать положительное влияние на психологическое состояние индивидов с высокой степенью погружения в интернет-среду и мотивировать их к отказу от использования неэффективных копинг-стратегий.

Для цитирования в научных исследованиях

Бикметов И.А. Особенности копинг-стратегии студентов технического колледжа с различной степенью погружения в интернет-среду // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 98-106.

Ключевые слова

Проблемное использование Интернета, интернет-среда, копинг-стратегии, опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана, конфронтационный копинг, дистанцирование, поиск социальной поддержки, бегство-избегание, шкала интернет-зависимости Чена, аддикт.

Введение

В современном обществе невозможно представить отсутствие использования средств электронной коммуникации, как в повседневной жизни, так и на работе. Двадцать первый век – это информационный век, в котором с каждым годом количество и скорость передачи информации растет значительными темпами. Естественным образом весь этот процесс передачи осуществляется посредством интернет-среды. Каждый современный человек пользуется этим огромным информационным полем для общения через социальные сети, отправки электронных писем, проведения различных онлайн встреч и т.д.

Любой пользователь интернет-среды проводит много часов в данном информационном поле, что может стать серьезной проблемой, т.к. сильная степень погружения в интернет-пространство может привести к формированию так называемой интернет-зависимости.

Основная часть

Определение «интернет-зависимость» («интернет-аддикция») имеет не одно определение. Исследователи этого феномена характеризуют его по-разному. За последние 20 лет смысл данного понятия претерпел значительные изменения. Можно выделить три самых встречающихся термина интернет-зависимости, применяемыми исследователями данного явления:

- «интернет-зависимость» («интернет-аддикция»);
- «проблемное использование Интернета»;
- «чрезмерное использование Интернета».

Также существует множество дополнительных терминов, реже встречающихся в литературе, но при этом являющихся взаимозаменяемыми. Классифицируется это понятие по-разному: от незначительного расстройства до болезни. Все зависит от того, какой фактор является доминирующим в исследовании [Братчикова, 2019, 10-11]. Согласно исследованиям Судаково-Зотовой Ю.А. женщины больше проводят времени в Интернете, по сравнению с мужчинами. Они становятся зависимыми от социальных сетей. Мужчины же проводят много времени за компьютерными играми [Sudakova-Zotova, 2023, 109].

Современные технологии оказывают серьезное влияние на жизнедеятельность человека. Молодежь и подростки в наибольшей степени подвергаются влиянию информационной среды. Многие подростки адекватно встраивают средства массовой информации в свою разностороннюю жизнедеятельность, при этом есть определенно количество индивидов, которые страдают от того фактора, который можно назвать «интернет-зависимостью» [Лежнина, Егошина, 2021, 344].

Довольно сложный и неоднозначный возраст для любого человека – это подростковый возраст. В следствии эмоциональной подвижности, влияния молодежных авторитетов, изменяющихся ценностей, юноши и девушки имеют тенденцию к отстранению, в частности от людей старшего возраста, педагогов и родителей. Малый жизненный опыт, неумение выстраивать эффективную коммуникацию, проблемы с самооценкой становятся причиной возникновения конфликтных ситуаций со сверстниками. В результате это все ведет к тому, что подросток «уходит» в Интернет для удовлетворения базовых потребностей в принятии, общении, получении позитивных эмоций, уделяя этому все свое свободное время,

абстрагируясь от трудностей реального мира: учебы, участия в семейных делах, спорта, чтения, похода в гости, общения с друзьями. А.Е. Воикуновский пишет, что сами адикты упоминают чаще всего именно эти виды деятельности. В результате этого процесса происходит развитие интернет-зависимости [Куприянчук, Ладухина, Лисовцева, 2022, 3]. Проведено много исследований феномена интернет-зависимости зарубежными и российскими учеными. Некоторые исследователи отмечают физиологические предикторы интернет-аддикции, другие базируются на психических отклонениях, а третьи опираются на психологические аспекты и особенности личности аддиктов [Многосмылова, 2020, 3].

При высокой степени погружения в Интернет-среду возникает Интернет-зависимость, а если учесть, что современная молодежь повседневно использует компьютеры и мобильные телефоны для доступа в Интернет, то не удивительно, что им очень трудно заметить появление Интернет-зависимого поведения. Необходимо добавить, что окружающая действительность наполнена непростыми жизненными ситуациями и трудностями, которые могут приводить к стрессу, депрессии. Многие для ухода от сложных жизненных обстоятельств начинают проводить чрезмерное количество времени в Интернет-среде, тем самым абстрагируясь от внешнего мира и погружаясь в Интернет-среду все больше и больше. Таким образом пользователи с высокой степенью погружения в Интернет-среду не просто попадают под влияние Интернет-зависимого поведения, но в результате данной аддикции склонны прибегать к неэффективным копинг-стратегиям.

Впервые термин «копинг» (англ. coping) появился в 1962 году в психологической литературе при изучении процесса преодоления кризисов развития детьми. В книге «Психологический стресс и процесс совладания с ним» (1966) Р. Лазарус описывал копинг как стратегию совладания с тревогой и стрессом: «непрерывно меняющиеся попытки в когнитивной и поведенческой областях справиться со специфическими внешними или внутренними требованиями, которые оцениваются как чрезмерные или превышающие ресурсы человека». Под копинг-стратегиями на сегодняшний день понимаются применяемые осознанно человеком способы совладания с непростыми ситуациями, состояниями, совокупность различных поведенческих стратегий, изменяющиеся попытки в поведенческой и когнитивной сферах справиться с внешними или внутренними требованиями, которые обладают своей спецификой и оцениваются как чрезмерные или превышающие ресурсы человека [Сухова, 2014, 77].

В соответствии с концепцией Р. Лазаруса есть несколько видов копинга. Первый это проблемно-ориентированный копинг. Это обстоятельство, когда индивид анализирует трудную жизненную ситуацию, прорабатывает способы ее корректировки, а также разрабатывает план для ее преодоления. Второй это эмоционально-ориентированный копинг – поиск индивидом состояния внутренней стабильности, психического равновесия. При этом человек не приступает к конкретным действиям по решению сложившейся ситуации. Третий – использование двух вышеприведенных стратегий одновременно, работая над внутренним состоянием и внешней проблемой. Естественно, третий способ является наиболее благоприятным для индивида, совмещая в себе работу с эмоциями и рациональным поведением. Любые сильные переживания и тревога могут вмещать рациональному восприятию окружающей действительности и мышлению, велик риск того, что человек встанет в позицию избегания проблемы, что затруднит или сделает невозможным ее решение. А если тревога и стресс минимизированы, то человек сам станет тяготеть к активным действиям по решению проблемы [Грузова, 2023, 1458]. К копингам можно отнести все феномены, относящиеся к регуляции эмоционального состояния, включая

также неосознаваемые процессы, которые обусловлены отличиями в поведении и типе темперамента [Лебедева, 2022, 587].

Как отмечает Н.В. Образцова, в юношеском возрасте копинги нестабильны и претерпевают изменения. Она указывает на то, что у подростков просто не хватает навыков и жизненного опыта для совладания с трудными ситуациями. Чаще всего подростки используют копинги «самоконтроль» и «бегство-избегание» [Пиркина, 2022, 47]. Ю.А. Рокицкая указывает на то, что в подростковом возрасте активно формируется копинг-поведение. Это имеет важное значение в прогнозировании психологического благополучия у подростков, их здоровья и успешности в жизни. Копинг-поведение, которое способствует развитию адаптации к окружающей действительности, определяется совокупностью копинг-стратегий [Попова, Красникова, 2024, 98].

Если учесть тот факт, что нахождение в Интернет-пространстве может предоставить пользователю практически весь спектр эмоций через перцепцию различного контента глобальной сети, то нет ничего удивительного в том, что высокая степень погружения в Интернет-среду редуцирует проблемно-ориентируемый копинг в связи с тем, что потребление информации развлекательного характера отвлекает человека от анализа проблем реального мира. Вдобавок к этому, за счет получаемых эмоций из сети, пользователю кажется, что он обретает некий внутренний покой, чувствуя себя вовлеченным в некий процесс, сообщество или виртуальную вселенную (например, сетевые онлайн игры). Тем самым создается ситуация некоего виртуального эмоционально-ориентируемого копинга, который далеко не всегда является копингом, как таковым. В итоге, те проблемы, которые беспокоят человека в реальной жизни не находят адекватного решения. Индивид с высокой степенью погружения в Интернет-пространство и сформировавшейся в следствии этого Интернет-зависимостью склонен прибегать к использованию неэффективных копинг-стратегий: дистанцированию, конфронтации, бегству от проблем и т.д. Нельзя не упомянуть также, что в последнее время ряд зарубежных авторов указывают на положительные эффекты умеренного онлайн-копинга, для отвлечения от ситуации и поиска необходимой поддержки [Регуш и др., 2022, 478].

Особенно острой проблема использования неэффективных копинг-стратегий проявляется в молодежной и студенческой среде, т.к. для современной молодежи виртуальное пространство – это естественная среда, как получения различной информации, так и межличностного общения.

В настоящей статье представлены результаты исследования копинг-стратегий студентов технического колледжа Санкт-Петербурга с различной степенью погруженности в интернет-среду.

Данное исследование проводилось с целью подтвердить или опровергнуть гипотезу о том, что индивид с высокой степенью погружения в Интернет-среду склонен прибегать к неэффективным копинг-стратегиям, а также нуждается в поддержке и помощи со стороны окружающих.

Исследование проводилось на базе технического колледжа. Общая выборка составила 348 человек, из них 226 юношей и 122 девушки, которые являются студентами первого и второго курсов. Возрастной диапазон составил от 15 до 19 лет (средний возраст 17 лет).

Для исследования копинг-стратегий студентов технического колледжа использовался опросник «Способы совладающего поведения» (Ways of Coping Questionnaire, WCQ) Р. Лазаруса и С. Фолкмана в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой [Зиборова, Данилова, 2022, 88].

Шкала Чена (CIAS) была взята для исследования степени погруженности в интернет-среду. В 2003 году китайский исследователь С.-Х. Чено (Chen S.-H.) разработал и опубликовал шкалу – Chen Internet Addiction Scale (CIAS). В Интернете можно найти сведения о методике и ее адаптации российскими исследователями. В.Л. Малыгин, К.А. Феклисов, А.Б. Искандирова, А.А. Антоненко, указывают на то, что объективными показателями интернет-аддиктивного поведения могут быть реальная продолжительность проводимого в интернет-среде времени, проблемы с успеваемостью, специфика личной и социальной жизни, уход от некоторых аспектов жизнедеятельности – хобби и увлечений, межличностного общения, взаимодействия с друзьями [Сахарова, Шелковских, 2015, 541]. На сегодняшний день эта методика является довольно популярной среди отечественных исследователей для работы с различными выборками [Трусова, Шумская, Кибитов, 2021, 35]. Также использовалась авторская методика – опросник погруженности в интернет-среду. Опросник состоит из 16 вопросов, с помощью данной методики можно оценить показатели, которые непосредственно влияют на степень погружения в Интернет-среду: количество используемых социальных сетей, продолжительность нахождения в онлайн-игре, максимальное количество часов, проводимых в интернете.

По итогам тестирования респондентов по методике Шкала Чена (общий CIAS-балл) выборка из 348 человек была разделена на 3 группы. В первую группу вошли респонденты с минимальной степенью погружения в Интернет-среду – 132 человека; во вторую группу были включены студенты со средней степенью погружения в Интернет-среду – 167 человек; в группу с самой высокой степенью погружения в Интернет-среду и высоким риском сформировавшейся Интернет-зависимости вошли 49 респондентов.

Для изучения достоверности различий показателей авторской анкеты у студентов с разной степенью погружения в Интернет-среду был использован непараметрический критерий Краскела-Уоллиса [Куприянов, Коломийченко, 2016, 110].

Таблица 1 - Достоверные различия показателей авторской методики у групп с разной выраженностью погружения в интернет-среду по методике С. Чена

Показатели авторской методики	Общий CIAS-балл			Критерий Краскела-Уоллиса	
	Минимальный N=132	Средний N=167	Высокий N=49	H	P
	Средний ранг				
Количество используемых социальных сетей	3,144	3,647	4,163	5,829	0,003
Продолжительность нахождения в онлайн-игре	1,758	2,186	2,184	4,511	0,012
Максимальное количество часов, проводимых в Интернете	4,136	4,240	4,551	3,274	0,039

Исходя из табл. 1 видно, что большему CIAS-баллу соответствуют большие показатели авторской методики соответственно. Это говорит достоверной о прямой корреляции показателей авторской методики к общему CIAS-баллу методики шкалы Чена. При этом необходимо отметить тот факт, что по показателю продолжительность нахождения в онлайн-игре значительное различие наблюдается только у респондентов с минимальным CIAS-баллом по сравнению с респондентами со средним и высоким общим CIAS-баллом. Соответственно респонденты из группы со средним CIAS-баллом, но с высоким показателем

продолжительности нахождения в онлайн-игре также могут быть подвержены риску формирования Интернет-зависимости, как и респонденты из группы со высоким CIAS-баллом.

Непараметрический критерий Краскела-Уоллиса был также использован для исследования влияния степени погружения в Интернет-среду на используемые респондентами копинг-стратегии.

Таблица 2 - Достоверные различия показателей копинг-стратегий у студентов с разной степенью погружения в интернет-среду

Показатели копинг-стратегий	Общий CIAS-балл			Критерий Краскела-Уоллиса	
	Минимальная N=132	Средняя N=167	Высокая N=49	H	P
	Средний ранг				
Конфронтационный копинг	8,379	9,341	10,755	10,601	0,000
Дистанцирование	6,636	8,240	10,020	22,709	0,000
Поиск социальной поддержки	8,068	8,263	9,571	5,054	0,007
Бегство-избегание	10,030	13,060	15,204	32,382	0,000

Исходя из данных табл. 2 можно сделать следующие выводы:

Респонденты с минимальной степенью погружения в Интернет-среду получили минимальные баллы по показателям: конфронтационный копинг, дистанцирование, поиск социальной поддержки и бегство-избегание. Это означает, что данные респонденты менее конфликтны, более социально-адаптируемы, самостоятельны в своих действиях и не «убегают» от своих проблем и жизненных вызовов.

Респонденты со средней степенью погружения в Интернет-среду набрали средние баллы по показателям: конфронтационный копинг, дистанцирование, поиск социальной поддержки и бегство-избегание. Эти респонденты могут попасть в группу риска использования неэффективных копинг-стратегий решения жизненных задач.

Респонденты с максимальной степенью погружения в Интернет-среду набрали наибольшие баллы по показателям: конфронтационный копинг, дистанцирование, поиск социальной поддержки и бегство-избегание. Данные респонденты избегают жизненные трудности, чаще вступают в конфликты. Им необходимо одобрение окружающих, они менее самостоятельны. Они склонны к дистанцированию от окружающего мира и людей, более подвержены интроверсии и стрессу.

Заключение

В ходе анализа полученных данных была подтверждена гипотеза о том, что индивид с высокой степенью погружения в Интернет-среду склонен прибегать к неэффективным копинг-стратегиям, а также нуждается в поддержке и помощи со стороны окружающих.

Особенно необходима помощь респондентам с максимальной степенью погружения в Интернет-среду. Непосредственное сокращение проводимого времени в виртуальном пространстве уже может сказаться положительным образом на психологическом состоянии данных респондентов. В добавок к этому, необходимы меры профилактического характера,

которые направлены на смещение фокуса внимания и интересов данных индивидов за пределы виртуального пространства. Например, это могут быть занятия в различных кружках, спортивных секциях и т.д. Тем самым у респондентов с высокой степенью погружения в Интернет-среду будут формироваться положительные эмоции из-за более насыщенной событийности происходящего вокруг. Более того, развития навыка общения и социализации в реальном мире будут способствовать к применению более эффективных копинг-стратегий.

Находясь в интерактивном взаимодействии с Интернетом, подростки подвержены опасности, так как они являются наименее защищенной аудиторией, поскольку по сравнению со взрослыми, они в наименьшей степени могут отфильтровывать огромный поток информации, поступающей из Интернета [Шабашева, 2022, 277-278]. Поэтому абсолютно необходимо принимать вышеописанные меры профилактического характера, а также отслеживать уровень интернет-зависимого поведения у подростков в образовательных учреждениях.

Библиография

1. Братчикова Н.Н. Интернет-зависимость или зависимость от интернета? // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2019. № 23-3 (47) С. 10-13.
2. Грузова К.А. Понятие Эффективные и неэффективные копинг-стратегии в совладании со стрессовой ситуации // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2023. Магнитогорск, 2023. С. 1457-1461.
3. Зиборова А.В., Данилова М.В. Формирование совладающего поведения подростков в ситуации стресса // International journal of medicine and psychology. 2022. Том 5. № 3. С. 88-92.
4. Куприянов И.В., Коломийченко Е.В. Применение методов непараметрической статистики в психологических исследованиях на примере изучения особенностей самооотношения у студентов, занимающихся спортом на профессиональной и непрофессиональной основе // Известия южного федерального университета. педагогические науки. 2016. № 4. С. 109-116.
5. Куприянчук Е.В., Ладухина М.В., Лисовцева В.М. Индивидуально-психологические особенности подростков с интернет-зависимостью // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/01PSMN422.pdf>
6. Лебедева В.В. Взаимосвязь копинг-стратегий с некоторыми особенностями личности // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 6. С. 587-591.
7. Лежнина Л.В., Егошина Е.Д. Интернет-зависимость и депрессия у студентов // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 342-349.
8. Многосмылова А.А. Взаимосвязь копинг-стратегий и интернет-зависимости человека // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/20PSMN120.pdf>
9. Пиркина В.Г. К вопросу об особенностях копинг-механизмов современных подростков // Развитие образования. 2022. Т. 5. № 4. С. 46-50.
10. Попова С.Р., Красникова Т.В. Социально-педагогическая коррекция непродуктивных копинг-стратегий у подростков // Проблемы развития современного общества. Курск, 2024. С. 98-102.
11. Регуш Л.А. и др. Особенности онлайн-совладания с психологическими проблемами у подростков и молодежи // Психология человека в образовании. 2022. Т. 4. № 4. С. 475-488.
12. Сахарова В.Г., Шелковских А.И. Опыт применения опросника с.-х. Чена в исследовании образа мира у интернет-зависимых юношей // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2015. № 5. С. 539-549
13. Сухова Е.В. Понятие «копинг-стратегии» и пример асоциальных копинг-стратегий // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 76-83.
14. Трусова А.В., Шумская Д.С., Кибитов А.О. Психометрические свойства и валидизация русскоязычной версии шкалы интернет-зависимости cias в выборке молодых взрослых // Вопросы наркологии. 2021. № 7 (202). С. 34-35.
15. Шабашева И.В., Шабашева А.И. Профилактика интернет-зависимости среди подростков // Социально-психологические проблемы современного общества: пути решения (памяти профессора А.П. Орловой). Витебск, 2022. С. 273-278.
16. Sudakova-Zotova I.A. Relationship between personality traits and the severity of internet addiction in adults (in English) // Высшее образование сегодня. 2023. № 1. С. 108-111.

Coping aspects of technical college students with varying degrees of internet addiction

Il'ya A. Bikmetov

Postgraduate,
Institute of Psychology,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moika emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: work-zslo@mail.ru

Abstract

The results of a study of the influence of the degree of immersion in the Internet environment on the coping strategies of technical college students are presented. The article presents modern ideas about the phenomenon of Internet addiction and provides the most commonly used terms that describe this phenomenon. The features of coping behavior of adolescents who daily face various life situations and difficulties are considered. The types of coping are described in accordance with the concept of the famous American psychologist Richard Lazarus. Examples are given of ineffective coping strategies that individuals are forced to resort to when in a state of psychological discomfort or stress. The relationship between a high degree of immersion in the Internet environment and the use of ineffective coping strategies by individuals that do not lead to a successful resolution of a stressful situation is analyzed. The study was conducted on the basis of the St. Petersburg state budgetary vocational educational institution with a technical focus. As a result of the data obtained, the research hypothesis was confirmed, i.e. individuals who have a high degree of immersion in the Internet environment tend to resort to the use of ineffective coping strategies. Various preventive measures are proposed that can have a positive impact on the psychological state of individuals with a high degree of immersion in the Internet environment and motivate them to abandon the use of ineffective coping strategies.

For citation

Bikmetov I.A. (2024) Osobennosti koping-strategii studentov tekhnicheskogo kolledzha s razlichnoi stepen'yu pogruzheniya v internet-sredu [Coping aspects of technical college students with varying degrees of internet addiction]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 98-106.

Keywords

Problematic use of the Internet, Internet environment, coping strategies, questionnaire “Methods of coping behavior” by R. Lazarus and S. Folkman, confrontational coping, distancing, seeking social support, escape-avoidance, Chen’s Internet addiction scale, addict.

References

1. Bratchikova N.N. (2019) Internet-zavisimost' ili zavisimost' ot interneta? [Internet addiction or internet addiction?]. *COLLOQUIUM-JOURNAL*, 23-3 (47), pp. 10-13.
2. Gruzova K.A. (2023) Ponyatie Effektivnye i neeffektivnye koping-strategii v sovladanii so stressovoi situatsie [The concept of effective and ineffective coping strategies in coping with a stressful situation]. In: *Student i nauka (gumanitarnyi tsikl) – 2023* [Student and Science (humanitarian cycle) 2023]. Magnitogorsk.

3. Kupriyanchuk E.V., Ladukhina M.V., Lisovtseva V.M. (2022) Individual'no-psikhologicheskie osobennosti podrostkov s internet-zavisimost'yu [Individual psychological characteristics of adolescents with Internet addiction]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology], 10, 4. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/01PSMN422.pdf> [Accessed 02/02/2024]
4. Kupriyanov I.V., Kolomiichenko E.V. (2016) Primenenie metodov neparаметricheskoi statistiki v psikhologicheskikh issledovaniyakh na primere izucheniya osobennosti samootnosheniya u studentov, zanimayushchikhsya sport om na professional'noi i neprofessional'noi osnove [Application of nonparametric statistics methods in psychological research using the example of studying the characteristics of self-attitude among students involved in sports on a professional and non-professional basis]. *Izvestiya yuzhnogo federal'nogo universiteta. pedagogicheskie nauki* [News of the Southern Federal University. Pedagogical science], 4, pp. 109-116.
5. Lebedeva V.V. (2022) Vzaimosvyaz' koping-strategii s nekotorymi osobennostyami lichnosti [The relationship of coping strategies with some personality characteristics]. *Voprosy ustoychivogo razvitiya obshchestva* [Issues of sustainable development of society], 6, pp. 587-591.
6. Lezhnina L.V., Egoshina E.D. (2021) Internet-zavisimost' i depressiya u studentov [Internet addiction and depression among students]. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii* [Herzen Readings: Psychological Research in Education], 4, pp. 342-349.
7. Mnogosmyslova A.A. (2020) Vzaimosvyaz' koping-strategii i internet-zavisimosti cheloveka [The relationship between coping strategies and human Internet addiction]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology], 1. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/20PSMN120.pdf> [Accessed 02/02/2024]
8. Pirkina V.G. (2022) K voprosu ob osobennostyakh koping-mekhanizmov sovremennykh podrostkov [On the issue of the peculiarities of coping mechanisms of modern adolescents]. *Razvitie obrazovaniya* [Development of education], 5, 4, pp. 46-50.
9. Popova S.R., Krasnikova T.V. (2024) Sotsial'no-pedagogicheskaya korektsiya neproduktivnykh koping-strategii u podrostkov [Social and pedagogical correction of unproductive coping strategies in adolescents]. In: *Problemy razvitiya sovremennogo obshchestva* [Problems of development of modern society]. Kursk.
10. Regush L.A. et al. (2022) Osobennosti onlain-sovladaniya s psikhologicheskimi problemami u podrostkov i molodezhi [Features of online coping with psychological problems among adolescents and youth]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii* [Human Psychology in Education], 4, 4, pp. 475-488.
11. Sakharova V.G., Shelkovskikh A.I. (2015) Opyt primeneniya oprosnika s.-kh. Chena v issledovanii obraza mira u internet-zavisimyykh yunoshei [Experience in using the agricultural questionnaire Chen in the study of the image of the world among Internet-addicted young men]. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti* [Personality in extreme conditions and crisis situations of life], 5, pp. 539-549
12. Shabasheva I.V., Shabasheva A.I. (2022) Profilaktika internet-zavisimosti sredi podrostkov [Prevention of Internet addiction among teenagers]. In: *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy sovremennogo obshchestva: puti resheniya (pamyati professora A.P. Orlovoi)* [Socio-psychological problems of modern society: solutions (in memory of Professor A.P. Orlova)]. Vitebsk.
13. Sudakova-Zotova I.A. (2023) Relationship between personality traits and the severity of internet addiction in adults (in English). *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher education today], 1, pp. 108-111.
14. Sukhova E.V. (2014) Ponyatie «koping-strategii» i primer asotsial'nykh koping-strategii [The concept of “coping strategies” and an example of asocial coping strategies]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology], 1, pp. 76-83.
15. Trusova A.V., Shumskaya D.S., Kibitov A.O. (2021) Psikhometricheskie svoystva i validizatsiya russkoyazychnoi versii shkaly internet-zavisimosti cias v vyborke molodykh vzroslykh [Psychometric properties and validation of the Russian version of the cias Internet addiction scale in a sample of young adults]. *Voprosy narkologii* [Questions of Narcology], 7 (202), pp. 34-35.
16. Ziborova A.V., Danilova M.V. (2022) Formirovanie sovladayushchego povedeniya podrostkov v situatsii stressa [Formation of coping behavior of adolescents in situations of stress]. *International journal of medicine and psychology*, 5, 3, pp. 88-92.

УДК 37.013**Адаптация курсантов на начальном и завершающем этапах обучения****Писарчук Татьяна Михайловна**

Аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7-9;
e-mail: st103116@student.spbu.ru

Аннотация

В статье рассмотрены результаты исследования о проблемах адаптации курсантов учебной деятельности. В статье рассматривается возникновение негативных психических реакций в процессе адаптации. Отмечается особенность первокурсников – противоречие между объемом и сложностью учебного материала и их способностями и желанием самостоятельно обучаться. Влияние на формирование личности курсантов оказывает специальная дисциплина. Ежедневные построения, подъем флага, а также ношение военной формы способствуют укреплению духа курсантов и усилению их эмоциональных переживаний. Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы: 1) Адаптация к различным аспектам обучения в вузе проходит неравномерно: более быстрая и легкая адаптация происходит к воинскому коллективу, а также к условиям жизни в казарме и воинской дисциплине. Наибольшие трудности возникают в адаптации к учебной деятельности и учебной нагрузке. 2) Адаптация курсантов продолжается даже после двух лет обучения, что указывает на длительный и постоянный характер процесса адаптации. 3) От 6 до 20% курсантов в первые два года обучения требуют психологической помощи или психологического сопровождения, что подчеркивает важность психологической поддержки для успешной адаптации в учебной и профессиональной среде.

Для цитирования в научных исследованиях

Писарчук Т.М. Адаптация курсантов на начальном и завершающем этапах обучения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 107-112.

Ключевые слова

Адаптация, курсант, обучение, воспитание, военное учебное заведение.

Введение

Система обучения и воспитания в университете гражданской авиации направлена на подготовку авиационных техников двух видов направленности: двигателей и специалистов по авиационному оборудованию, а также летчиков. Несмотря на проведение профессионального психологического отбора кандидатов, многие курсанты сталкиваются с проблемами длительной профессиональной адаптации.

Адаптация – это процесс социально-психологической природы, который, при благоприятном развитии, приводит личность к состоянию уравновешенности и социального комфорта [Бушурова, 1985]. Механизмы психологической защиты и стратегии совладающего поведения являются образцами такой адаптации. Каждое из этих психологических явлений имеет за цель преодоление тревоги, однако реализуются они по-разному: защитные механизмы действуют на бессознательном или полусознательном уровне, тогда как стратегии совладания активизируются на осознанном уровне [Карпов, Орел, Тернопол, 2003].

Психологическая защита направлена на преодоление тревоги на неосознаваемом или полусознаваемом уровне. В рамках этого процесса может происходить блокировка тревожной информации, допуск только приемлемых аспектов этой информации или переработка искаженной информации перед осознанием. Известно множество механизмов психологической защиты, таких как вытеснение, отрицание, регрессия, проекция и другие [Чикина, 2014].

Целью психологии совладания является изучение способов, с помощью которых человек регулирует свои эмоции и поведение для оптимального взаимодействия с жизненными обстоятельствами или их изменения. Выбор конкретных стратегий совладания зависит как от внешних факторов, таких как среда, так и от внутренних характеристик личности, включая темперамент, уровень тревожности, тип мышления и т.д. [Ронгинская, 1987]. Отмечается, что личность может демонстрировать определенные стратегии совладания и механизмы защиты, но также способна изменять свою мотивацию, черты характера и поведение в зависимости от конкретной ситуации.

Основная часть

Интенсивная учебная деятельность и адаптация курсантов младших курсов проходят в условиях, часто экстремальных для неподготовленного человека. Это включает высокие требования к усвоению фундаментальных знаний, необходимых для авиационных техников, дисциплину, а также наряды и работы, сокращающие время, доступное на подготовку к занятиям. Основное напряжение в процессе психической адаптации к новым условиям обучения испытывают познавательные психические процессы курсантов, а также их психофизиологические и личностные качества, необходимые для поддержания высокой работоспособности в экстремальных условиях. В связи с этим проблема адаптации к новым условиям жизни и учебы курсантов становится ключевой, а ее адекватная оценка в динамике является одним из основных показателей прогноза успешности дальнейшего обучения в вузе и профессиональной деятельности [Кузьмишкин и др., 2014].

В процессе становления личности будущего специалиста значительную роль играет начальный этап обучения в университете. Этот период характеризуется не только освоением новых знаний и навыков, но и переосмыслением ценностно-познавательных ориентаций, а также формированием межличностных связей и отношений.

Студенчество отличается эмоциональной незрелостью, открытостью для нового, процессами самоидентификации. На первом курсе молодые люди формируют свое отношение к учебе и будущей профессиональной деятельности, продолжая искать свое место в мире. Некоторые студенты, даже успешно закончившие школу, могут столкнуться с неуверенностью и разочарованием после первых неудач.

Эффективная адаптация к университетской жизни играет ключевую роль в формировании психологического комфорта, учебной мотивации и характера учебной деятельности на последующих курсах.

Особенности адаптации студентов, особенно будущих военных специалистов, вызывают интерес исследователей. Они отмечают, что этот процесс начинается еще на стадии поступления, когда абитуриенты только начинают формировать межличностные отношения и адаптироваться к новым условиям жизни.

Новые требования и условия обучения, типичные для военных учебных заведений, могут вызвать дискомфорт у курсантов. Они могут испытывать трудности со сном из-за новых условий проживания и режима, а также испытывать недостаток личностных принципов, необходимых для успешного прохождения военной службы.

Все эти факторы влияют на социальную и профессиональную адаптацию студентов, приводя к снижению познавательных процессов и потере интереса к выбранной профессии.

Результаты

Нами проведено исследование самооценки адаптации курсантов. Исследование было анонимным для респондентов. Нашими респондентами были курсанты на начальном и завершающем этапах обучения. Содержание вопросов анкеты позволяло изучить и сравнить адаптацию в следующих аспектах: 1) к профессии; 2) к условиям жизни и быта; 3) к учебному коллективу; 4) к учебной деятельности и учебной нагрузке.

Основные результаты обследования, включая 150 курсанта в возрасте 15–22 лет, представлены в таблице.

Таблица 1 - Динамика адаптации курсантов по результатам самооценки, %

Объекты адаптации	1 курс	4 курс
Профессиональная деятельность	15	56
Условия жизни	5.6	19
Учебный коллектив	3	15
Учебная деятельность	2.5	91

Анализ состояния и динамики адаптации к условиям жизни и быта показал, что в течение первого года обучения большинство курсантов быстро привыкали к этим условиям. Тем не менее, примерно треть курсантов испытывали определенные трудности с адаптацией к быту, причем уровень адаптации у них был низким или средним.

Заключение

Вывод: Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы:

1) Адаптация к различным аспектам обучения в вузе проходит неравномерно: более быстрая и легкая адаптация происходит к воинскому коллективу, а также к условиям жизни в казарме и

воинской дисциплине. Наибольшие трудности возникают в адаптации к учебной деятельности и учебной нагрузке.

2) Адаптация курсантов продолжается даже после двух лет обучения, что указывает на длительный и постоянный характер процесса адаптации.

3) От 6 до 20% курсантов в первые два года обучения требуют психологической помощи или психологического сопровождения, что подчеркивает важность психологической поддержки для успешной адаптации в учебной и профессиональной среде.

Библиография

1. Бушурова В.Г. Психологическая адаптация курсантов к условиям вуза // Вестник Ленинградского университета. Серия 6. 1985. № 27. С. 45-54.
2. Гришанов Л.К., Цуркан В.Д. Социологические проблемы адаптации студентов младших курсов // Психолого-педагогические аспекты адаптации студентов к учебному процессу в вузе. Кишинев, 1990. 115 с.
3. Дьяков В.В., Константинов В.В. Социально-психологическая адаптация личности в контексте связи социальной фрустрированности и персональной идентификации // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 11 (19). С. 45.
4. Зеленский В.В. Словарь аналитической психологии. М.: Высшая школа, 2000. 120 с.
5. Карпов А.В., Орел В.Е., Тернопол В.Я. Психология профессиональной адаптации. Ярославль, 2003. 161 с.
6. Кузьмишкин А.А. и др. Адаптации студентов первого курса в вузе // Молодой ученый. 2014. № 3. С. 933-935.
7. Некрасов С.Д. (ред.) Личность курсанта: психологические особенности бытия. Краснодар, 2012. 275 с.
8. Мацкевич А.Л. Специфические характеристики субъекта общения в процессе профессиональной адаптации будущего молодого специалиста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1987. 16 с.
9. Мороз А.Г. Адаптация молодого учителя. Киев, 1990. 52 с.
10. Пергаменщик Л.А. Психологические механизмы адаптации учащихся к новым условиям жизни и деятельности. М., 2008. 131 с.
11. Просецкий П.А. Активная творческая адаптация студентов нового приема к условиям высшей школы // Психологические проблемы формирования социально активной личности учителя. М., 1982. С. 3-17.
12. Реан А.А. и др. Психология адаптации личности. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. 479 с.
13. Ронгинская Т.И. Изменение системы личностных характеристик в процессе адаптации студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1987. 16 с.
14. Сиомичев А.В. Психологические особенности адаптации студентов в сфере познания и общения в вузе: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1985. 17 с.
15. Чикина Т.Е. Адаптивное обучение первокурсников // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 7. URL: vovr.ru/upload/6-09.pdf

Adaptation of cadets at the initial and final stages of training

Tat'yana M. Pisarchuk

Postgraduate,
Saint Petersburg State University,
199034, 7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation,
e-mail: st103116@student.spbu.ru

Abstract

The article discusses the results of a study on the problems of adaptation of cadets to educational activities. The research made by the author examines the emergence of negative mental reactions in the process of adaptation. A peculiarity of first-year students is noted, which is the contradiction between the volume and complexity of educational material and their abilities and desire to learn

independently. A special discipline influences the formation of cadets' personality. Daily formations, raising the flag, and wearing military uniforms help strengthen the spirit of cadets and intensify their emotional experiences. Summarizing the study, we can draw the following conclusions: 1) Adaptation to various aspects of studying at a university is uneven: faster and easier adaptation occurs to the military team, as well as to living conditions in the barracks and military discipline. The greatest difficulties arise in adapting to educational activities and academic load. 2) cadets' adaptation continues even after two years of training, which indicates the long-term and permanent nature of the adaptation process. 3) From 6 to 20% of cadets in the first two years of training require psychological assistance or psychological support, which emphasizes the importance of psychological support for successful adaptation in the educational and professional environment.

For citation

Pisarchuk T.M. (2024) Adaptatsiya kursantov na nachal'nom i zavershayushchem etapakh obucheniya [Adaptation of cadets at the initial and final stages of training]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 107-112.

Keywords

Adaptation, cadet, training, education, educational institution.

References

1. Bushurova V.G. (1985) Psikhologicheskaya adaptatsiya kursantov k usloviyam vuza [Psychological adaptation of cadets to the conditions of the university]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya 6* [Bulletin of Leningrad University. Series 6], 27, pp. 45-54.
2. Chikina T.E. (2014) Adaptivnoe obuchenie pervokursnikov [Adaptive training for freshmen]. *Vestnik KGU im. H.A. Nekrasova* [Bulletin of KSU], 7. Available at: vovr.ru/upload/6-09.pdf [Accessed 04/04/2024]
3. D'yakov V.V., Konstantinov V.V. (2012) Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya lichnosti v kontekste svyazi sotsial'noi frustrirovannosti i personal'noi identifikatsii [Socio-psychological adaptation of personality in the context of the connection between social frustration and personal identification]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern studies of social problems], 11 (19), p. 45.
4. Grishanov L.K., Tsurkan V.D. (1990) Sotsiologicheskie problemy adaptatsii studentov mladshikh kursov [Sociological problems of adaptation of junior year students]. In: *Psikhologo-pedagogicheskie aspekty adaptatsii studentov k uchebnomu protsessu v vuze* [Psychological and pedagogical aspects of adaptation of students to the educational process at a university]. Chisinau.
5. Karpov A.V., Orel V.E., Temopol V.Ya. (2003) *Psikhologiya professional'noi adaptatsii* [Psychology of professional adaptation]. Yaroslavl.
6. Kuz'mishkin A.A. et al. (2014) Adaptatsii studentov pervogo kursa v vuze [Adaptation of first-year students at university]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 3, pp. 933-935.
7. Matskevich A.L. (1987) *Spetsificheskie kharakteristiki sub"ekta obshcheniya v protsesse professional'noi adaptatsii budushchego molodogo spetsialista. Doct. Dis.* [Specific characteristics of the subject of communication in the process of professional adaptation of a future young specialist. Doct. Dis.]. Leningrad.
8. Moroz A.G. (1990) *Adaptatsiya molodogo uchitelya* [Adaptation of a young teacher]. Kiev.
9. Nekrasov S.D. (ed.) (2012) *Lichnost' kursanta: psikhologicheskie osobennosti bytiya* [Cadet personality: psychological features of existence]. Krasnodar.
10. Pergamenshchik L.A. (2008) *Psikhologicheskie mekhanizmy adaptatsii uchashchikhsya k novym usloviyam zhizni i deyatel'nosti* [Psychological mechanisms of adaptation of students to new conditions of life and activity]. Moscow.
11. Prosetskii P.A. (1982) Aktivnaya tvorcheskaya adaptatsiya studentov novogo priema k usloviyam vysshei shkoly [Active creative adaptation of new admission students to the conditions of higher education]. In: *Psikhologicheskie problemy formirovaniya sotsial'no aktivnoi lichnosti uchitelya* [Psychological problems of the formation of a socially active personality of a teacher]. Moscow.
12. Rean A.A. et al. (2006) *Psikhologiya adaptatsii lichnosti* [Psychology of personality adaptation]. St. Petersburg: Praim-

Evroznak Publ.

13. Ronginskaya T.I. (1987) *Izmenenie sistemy lichnostnykh kharakteristik v protsesse adaptatsii studentov*. *Doct. Dis.* [Changing the system of personal characteristics in the process of adaptation of students. *Doct. Dis.*]. Leningrad.
14. Siomichev A.V. (1985) *Psikhologicheskie osobennosti adaptatsii studentov v sfere poznaniya i obshcheniya v vuze*. *Doct. Dis.* [Psychological features of adaptation of students in the field of cognition and communication at a university. *Doct. Dis.*]. Leningrad.
15. Zelenskii V.V. (2000) *Slovar' analiticheskoi psikhologii* [Dictionary of analytical psychology]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.

УДК 159

Творческий потенциал студентов, осваивающих профессию дефектолога

Шаповалова Ольга Евгеньевна

Доктор психологических наук, профессор,
завкафедрой коррекционной педагогики, психологии и логопедии,
Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема,
679015, Российская Федерация, Биробиджан, Широкая ул., 70-а;
e-mail: olya.shapovalova.1962@mail.ru

Аннотация

Высокие требования, предъявляемые к профессиональной подготовке дефектологов, обуславливают актуальность данного исследования, посвященного изучению творческого потенциала студентов, осваивающих эту благородную профессию. Творческий потенциал мы рассматриваем как важную составляющую педагогического мастерства, объединяющую особенности и возможности личности, которые способствуют успешной профессиональной деятельности и делают педагога востребованным на рынке труда. Полученные нами данные могут быть полезны при уточнении направления работы по повышению качества профессиональной подготовки будущих бакалавров специального (дефектологического) образования. В заключении работы показано, что студенты, осваивающие профессию педагога дефектолога на базе Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема, также относят творческий потенциал к профессионально значимым качествам личности. И хотя сами они довольно высоко оценивают это качество в структуре собственной личности, как выяснилось, над развитием своих творческих способностей им еще предстоит немало поработать. В сфере специального и инклюзивного образования детей с ОВЗ педагогическое творчество давно переместилось из области идеала в повседневную практику, поэтому проблема, рассматриваемая в нашем исследовании, остается актуальной и требует дальнейшей, более глубокой разработки.

Для цитирования в научных исследованиях

Шаповалова О.Е. Творческий потенциал студентов, осваивающих профессию дефектолога // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 113-119.

Ключевые слова

Творческий потенциал, профессиональная подготовка, студенты, будущие дефектологи.

Введение

Среди людей творческих профессий принято называть артистов, художников, писателей, музыкантов. То есть, тех, кто задействован в сфере искусства или культуры. И далеко не все имеют внятное представление о творческой сущности профессии учителя. А именно творческая составляющая педагогической профессии подчеркивается в работах В.Н.Введенского [Введенский, 2015], А.К.Марковой [Маркова, 2016], Э.Р. Сайтбаевой и Н.С. Граборевой [Сайтбаева, Граборева, 2018], В.И. Слободчикова [Слободчиков, 2003] и других специалистов. Авторы отмечают, что только творческая личность способна изменить настоящее и оказать позитивное влияние на будущее, извлекая ценный опыт из прошлого. Чтобы работа педагога была эффективной, он должен быть готовым к саморазвитию, глубоко уважать свою профессию и постоянно обогащать её творческими инновациями.

Профессиональная деятельность педагога дефектолога осуществляется в условиях повышенной сложности, поскольку она связана с реализацией образовательных и социальных потребностей детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), которым свойственны трудности в обучении, проблемы интеллектуального, речевого, физического или личностного развития, снижение работоспособности и темпа психической деятельности. Поэтому творческая составляющая педагогического мастерства имеет для дефектолога особое значение.

Так Н.М. Назарова сравнивает работу педагога дефектолога с деяниями библейских чудотворцев-целителей, возвращающих к нормальной жизни парализованных, глухих, немых и слепых. Автор подчеркивает, что эта профессия не ограничивается выполнением должностных обязанностей и требует особого, творческого склада души, высокой толерантности и милосердия. А людям, не обладающим этими качествами, следует выбрать для себя любую другую профессию [Назарова, 2000].

По мнению Г.С. Родионовой и О.Е. Шаповаловой [Родионова, Шаповалова, 2015], И.М. Яковлевой [Яковлева, 2019], инициатива и новаторство составляют основу психологической культуры педагога дефектолога и являются залогом его успешной работы, обеспечивая социально приемлемое качество планирования и осуществления коррекционно-образовательного процесса, а также вполне реалистичное прогнозирование его результатов. Творческое начало делает личность более адаптивной, помогает успешно преодолевать трудности, стимулирует саморазвитие и способствует профессиональному самоопределению.

Н.В. Шкляр и О.В. Карынбаева также отмечают, что творческое начало педагога дефектолога во многом определяет успешность его работы, связанной с реализацией образовательных прав и потребностей детей с ОВЗ. Подчеркивая социальную значимость этой профессии, авторы отмечают, что овладеть ею может лишь инициативный, энергичный, позитивно настроенный и тактичный человек. Кроме того, он должен понимать чувства детей и уметь мягко воздействовать на них, что по силам лишь творческой личности [Шкляр, Карынбаева, 2016].

Итак, психолого-педагогическое сопровождение детей с ОВЗ требует не только глубоких знаний, но и максимальной концентрации, самоотдачи, вдохновения и творчества. А роль педагога дефектолога в развитии личности таких детей и его персональную ответственность за их будущую судьбу невозможно переоценить. Поэтому в ходе подготовки дефектологов следует уделять особое внимание профессиональным компетенциям, связанным с научно-педагогическим творчеством. Что подчеркивает высокую актуальность рассматриваемой в данной статье проблемы изучения творческого потенциала студентов, осваивающих профессию педагога дефектолога.

Основное содержание

Повышение качества профессиональной подготовки педагогов дефектологов является одной из важнейших научно-практических задач, на решение которых направлена работа профессорско-преподавательского состава кафедры коррекционной педагогики, психологии и логопедии Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема [Karunbaeva et al., 2019], [Sharovalova et al., 2021].

В ходе организации учебной и научно-исследовательской работы студентов мы развиваем их базовые компетенции и профессионально значимые качества личности, среди которых не последнее место отводится творческому потенциалу, под которым мы понимаем комплекс особенностей и возможностей личности, способствующих саморазвитию, успешному поиску нестандартных решений и обогащению профессиональной деятельности творческими инновациями.

Изучению этой важной составляющей педагогического мастерства и посвящено данное исследование, в котором приняли участие 20 девушек, будущих бакалавров специального (дефектологического) образования (по 10 студентов 3 и 4 курсов).

Сначала мы просили испытуемых охарактеризовать свой творческий потенциал, письменно оценив уровень развития таких его компонентов, как инициативность, находчивость и творческое воображение.

Как выяснилось, все они уверены в том, что эти качества у них представлены на высоком уровне. Из 60 полученных ответов, только 9 отражали средний уровень развития того или иного качества. Но такой результат довольно слабо соотносится с особенностями проявления студентами этих качеств в учебной и научно-исследовательской деятельности, а также в ходе прохождения практик и участия в различных мероприятиях студенческой жизни.

Преподаватели, работающие с нашими испытуемыми, отмечают, что не все занятия в их группах проходят на высоком, по-настоящему творческом уровне. Нередко сообщения студентов на семинарах оказываются всего лишь репродуктивными, более-менее точно воспроизводящими текст лекции либо учебного пособия. Задания творческого характера, которые мы обязательно включаем в учебные программы, многие девушки тоже выполняют с переменными успехами и для этого им требуется помощь преподавателя.

Инициативу к участию в научно-практических и иных мероприятиях университета проявляют лишь отдельные студенты. Все это подводит нас к выводу о некоторой переоценке испытуемыми своего творческого потенциала, о недостаточном осознании ими необходимости целенаправленной работы над его составляющими.

Одним из основных компонентов творческого потенциала является воображение, или процесс создания новых образов на основе переработки имеющихся представлений и впечатлений. Для его изучения мы предложили девушкам (на индивидуальном бланке) поработать со словесными стимулами (терилья, жертус, кесуфе, тизлина, гемкур, рыдумер, тибеш, гувеза, тьюзгру, вумпи).

Им поясняли, что это ничего не обозначающие слова, пустая звуковая оболочка. Просили придумать, что именно можно было бы назвать тем или иным словом и в графе «примечания» пояснить свое решение. Мы оценивали творческое воображение студентов по двум критериям: яркость и оригинальность созданных образов. По каждому критерию они могли получить по 10 баллов, в сумме до 20 баллов.

Как выяснилось, всего 6 девушек справились с заданием на высоком уровне (13 и более баллов), у 13-ти испытуемых это важное качество представлено на среднем уровне (7 – 12,5

баллов), а одна студентка, к сожалению, показала низкий уровень развития воображения. Её работа была оценена в 5.5. баллов.

В рамках выполнения данного задания испытуемыми было создано 200 образов. Их яркость и выразительность мы оценивали по эмоциональной и информационной насыщенности. По-настоящему ярких, подробно и детально описанных образов, отражающих достаточно высокий уровень выразительности, было всего 82 (41 %). Такие образы мы оценивали в 1 балл. Например:

- терилья - аппетитное блюдо мексиканской кухни с особым острым соусом, едят ломтиками лепёшки; предмет кухонной утвари, похожий на трезубец, но с шестью зубцами;
- гемкур - могучий ураган разрушительной силы, сметает с лица земли целые острова; название бурной горной реки, которая иногда бывает очень опасной для смельчаков
- тибеш - название маленького города счастья, который с удовольствием посещают влюбленные; дверное украшение, занавес из висюлек, которые все время негромко шуршат.

Ещё 78 (39 %) образов показывали средний уровень яркости и выразительности. Они были описаны кратко, без детализации и оценивались в 0,5 балла. Например:

- гувеза - женщина восточного типа; лакомство из карамели и орехов;
- вумпи - игрушечный клоун; маленькая птичка; мягкая подушка;
- кесуфе - название конфет; красивая табакерка.

Остальные 40 образов (20 %) мы не оценивали (0 баллов). Они были созданы на низком уровне выразительности и являлись следствием случайных ассоциаций, связанных со звуковой оболочкой слова. Например:

- жертус - жерло вулкана; жердь; жертва тусовки (спившийся, опустившийся человек); трус;
- тизлина - ругательство, похожее на «скотина»; кислица; сорт малины;
- рыдумер - измерительный прибор; землемер; плакса, много рыдает;
- тьюзгру - кенгуру; тьютор; грумер.

В качестве показателя оригинальности мы рассматривали разнообразие создаваемых образов, отсутствие повторяемости. Отметкой в 1 балл оценивался каждый неповторяющийся образ, но если, например, в той или иной работе несколько образов относились к одной категории объектов (еда, посуда, мебель, географические названия и др.), то всего в 1 балл оценивались они все. Отметим, что почти все наши испытуемые показали невысокие результаты по данному критерию (4 – 6 баллов), и только у двух девушек оценка за оригинальность была достаточно высокой - 8 баллов.

Заключение

Таким образом, творческой составляющей профессионального мастерства педагога дефектолога на современном этапе развития системы народного образования уделяется самое серьезное внимание.

Подчеркивая творческую сущность этой нелегкой профессии, ведущие отечественные специалисты отмечают, что человек, не обладающий достаточно высоким творческим потенциалом, не может успешно решать задачи, связанные с сопровождением детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательном процессе.

Наше исследование показало, что студенты, осваивающие профессию педагога дефектолога на базе Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема, также относят

творческий потенциал к профессионально значимым качествам личности. И хотя сами они довольно высоко оценивают это качество в структуре собственной личности, как выяснилось, над развитием своих творческих способностей им еще предстоит немало поработать.

В сфере специального и инклюзивного образования детей с ОВЗ педагогическое творчество давно переместилось из области идеала в повседневную практику, поэтому проблема, рассматриваемая в нашем исследовании, остается актуальной и требует дальнейшей, более глубокой разработки.

Библиография

1. Введенский В.Н. Моделирование профессиональной компетентности педагога // Педагогика, 2015. № 10. С. 51–55.
2. Маркова А.К. Психологические критерии и ступени профессионализма учителя // Педагогика. 2016. № 6. С. 55–59.
3. Назарова Н.М. Профессиональная деятельность и личность педагога системы специального образования / Специальная педагогика. Москва: Академия, 2000. С. 157-162.
4. Родионова Г.С., Шаповалова О.Е. Организация творческой деятельности студентов в образовательном процессе // Высшее образование в России. 2015. № 3. С. 133 – 140.
5. Сайтбаева Э.Р., Граборева Н.С. Развитие профессиональной компетентности молодых специалистов в условиях модернизации регионального образования // Вопросы дополнительного профессионального образования педагога. 2018. № 2 (10). С. 27–34.
6. Слободчиков В.И. Профессиональное развитие педагога как научная проблема // Инновации в образовании. 2003. №5. С. 5 –11.
7. Шкляр Н.В., Карынбаева О.В. Профессия педагога-дефектолога и ее социальная значимость // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Т.11 № 3. 2016. С.201-206.
8. Яковлева И.М. Современные тенденции подготовки педагогов к инклюзивному обучению детей с ограниченными возможностями здоровья // Региональное образование: Современные тенденции. 2019. №3 (39). С. 126-130.
9. Karynbaeva O.V., Shapovalova O.E., Shklyar N.V., Emelyanova I.A. Borisova E.A. Motivational-personal readiness of teachers to model an inclusive educational environment // Ad Alta: journal of interdisciplinary research. 2019. Volume 9. I. 1 (special issue 6). P. 23-26.
10. Shapovalova O.E., Emelyanova I.A., Karynbaeva O.V., Borisova E.A., Levkova T.V. Professional Identity Of Future Masters Of Special (Speech Pathology) Education // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (AmurCon 2020). 2021. Volume 111. P. 853–858. <https://www.europeanproceedings.com/proceedings/EpSBS/volumes/vol111-amurcon-2020> .

Creative potential of students mastering the profession of a defectologist

Ol'ga E. Shapovalova

Doctor of psychology, Professor,
head of the department of correctional pedagogy, psychology and speech therapy,
Sholom-Aleichev Priamursky state University,
679015, 70a, Shirokaya str., Birobidzhan, Russian Federation;
e-mail: olya.shapovalova.1962@mail.ru

Abstract

The high demands placed on the professional training of defectologists determine the relevance of this study devoted to the study of the creative potential of students mastering this noble profession. We consider creative potential as an important component of pedagogical skill, combining the

characteristics and capabilities of the individual, which contribute to successful professional activity and make the teacher in demand in the labor market.

The leading method of research is an experiment. We used an original author's methodology aimed at studying the creative imagination of future teachers of speech pathologists. The participants of the study were 2nd and 3rd year students mastering the bachelor's degree program in the field of Special (defectological) education. The article presents the results of their work, evaluated taking into account the brightness, expressiveness and originality of the created images. The materials and results of this study can be useful and successfully used in clarifying the direction of work to improve the quality of professional training of future bachelors of special (defectological) education. In conclusion, it is shown that students who master the profession of a defectologist teacher on the basis of the Amur State University named after Sholom Aleichem also attribute creative potential to professionally significant personality qualities. And although they themselves appreciate this quality quite highly in the structure of their own personality, as it turned out, they still have a lot of work to do on developing their creative abilities. In the field of special and inclusive education of children with disabilities, pedagogical creativity has long moved from the field of ideal to everyday practice, therefore, the problem considered in our study remains relevant and requires further, deeper development.

For citation

Shapovalova O.E. (2024) *Tvorcheskii potentsial studentov, osvayayushchikh professiyu defektologa* [Creative potential of students mastering the profession of a defectologist]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 113-119.

Keywords

Creative potential, professional training, students, future speech pathologists

References

1. Vvedenskij V.N. (2015) Modelirovanie professional'noj kompetentnosti pedagoga [Modeling of professional competence of a teacher]. In: *Pedagogika* [Pedagogy]. No 10. pp. 51–55.
2. Markova A.K. (2016) Psihologicheskie kriterii i stupeni professionalizma uchitelya [Psychological criteria and stages of teacher professionalism]. In: *Pedagogika* [Pedagogy]. No 6. pp. 55–59.
3. Nazarova N.M. (2000) Professional'naya deyatel'nost' ilichnost' pedagoga sistemy special'nogo obrazovaniya [Professional activity and personality of a special education teacher]. In: *Special'naya pedagogika* [Special Pedagogy]. Moscow: Akademiya, pp.157-162.
4. Rodionova G.S., Shapovalova O.E. (2015) Organizaciya tvorcheskoj deyatel'nosti studentov v obrazovatel'nom processe [Organization of creative activity of students in the educational process]. In: *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. No3. pp. 133–140.
5. Saitbaeva E.R., Graboreva N.S. (2018). Razvitie professional'noj kompetentnosti molodyh specialistov v usloviyah modernizacii regional'nogo obrazovaniya [Development of professional competence of young specialists in the conditions of modernization of regional education]. In: *Voprosy dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya pedagoga* [Questions of additional professional education of a teacher]. No2 (10). pp. 27–34.
6. Slobodchikov V.I. (2003) Professional'noe razvitie pedagoga kak nauchnaya problema [Professional development of a teacher as a scientific problem]. In: *Innovacii v obrazovanii* [Innovations in education]. No 5. pp. 5 –11.
7. Shklyar N.V., Karynbaeva O.V. (2016) Professiya pedagoga-defektologa i ee social'naya znachimost' [The profession of a teacher-defectologist and its social significance]. In: *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Trans-Baikal State University]. V.11. No3. pp. 201 –206.
8. Yakovleva I.M. (2019) Sovremennye tendencii podgotovki pedagogov k inklyuzivnomu obucheniyu detej s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [Modern trends in the training of teachers for inclusive education of children with disabilities]. In: *Regional'noe obrazovanie: Sovremennye tendencii* [Modern trends in the training of

-
- teachers for inclusive education of children with disabilities]. No 3 (39). pp. 126-130.
9. Karynbaeva O.V., Shapovalova O.E. Shklyar N.V., Emelyanova I.A. Borisova E.A. (2019). Motivational-personal readiness of teachers to model an inclusive educational environment. *Ad Alta: journal of interdisciplinary research*, Vol.9 (issue 1, special issue 6), 23-26.
 10. Shapovalova O.E., Emelyanova I.A., Karynbaeva O.V., Borisova E.A., Levkova T.V. (2021) Professional Identity Of Future Masters Of Special (Speech Pathology) Education // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (AmurCon 2020)*. Vol. 111. pp. 853–858. <https://www.europeanproceedings.com/proceedings/EpSBS/volumes/vol111-amurcon-2020>

УДК 159.9**Проявление компьютерной тревожности у студентов разных направлений подготовки****Тужикова Елена Сергеевна**

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии профессиональной деятельности и информационных технологий в образовании института психологии,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48;
e-mail: tuzhikova@live.ru

Аннотация

Статья посвящена эмпирическому исследованию проявлению компьютерной тревожности и ее взаимосвязи с компьютерной зависимостью у студентов разных направлений подготовки. Дается сравнительный анализ степени выраженности проявлений компьютерной тревожности у студентов разных групп. В исследовании были использованы методика Спилберга Ханина, методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей Г.В. Лозовой, модифицированный вариант методики незаконченные предложения и анкета, всего приняли участие 289 студентов высших учебных заведений Санкт Петербурга. Проанализированы аспекты тревожности к цифровым устройствам и технологиям и их использования в профессиональном обучении у студентов. В заключении показано, что в ходе анализа результатов исследования были выявлены значимые взаимосвязи между показателями компьютерной тревожности и компьютерной зависимости в каждой из групп. В частности, в группах студентов медиков и экономистов отсутствует компьютерная зависимость, а также разрозненную структуру взаимосвязей показателей компьютерной тревожности и компьютерной зависимости у студентов различных направлений подготовки, как в рамках одного явления, так и при анализе взаимосвязей между ними.

Для цитирования в научных исследованиях

Тужикова Е.С. Проявление компьютерной тревожности у студентов разных направлений подготовки // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 120-130.

Ключевые слова

Компьютерная тревожность, компьютерная зависимость, отношение к компьютеру, негативные переживания, взаимодействие человек-компьютер.

Введение

Изучение компьютерной тревожности в профессиональном обучении представляет собой важное значение в психологическом знании о современном мире, где компьютеры и Интернет стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни [Прончев, 2022, 50]. Это представляется актуальным из-за роста цифровой активности в современном мире и безопасность данных вызывает тревожность даже у самых продвинутых пользователей [Прончев, Сушко, 2022, 52]. Современный мир диктует условия цифровизации, где многие аспекты жизни переносятся в онлайн пространство и возможность чувствовать себя в безопасности является базовой потребностью личности [8, 54]. Кроме того, цифровые трансформации, происходящие в профессиональной деятельности, задают динамику профессионального роста и эффективности, все больше и больше используя новые цифровые технологии и автоматизированные процессы [Бузин, 2010, 25]. В ходе профессионального обучения, обучающиеся получают знания основ профессиональных программ, знакомятся с цифровыми технологиями и получают компетенции по информационным и коммуникативным навыкам работы, что является преимуществом в построении карьеры [Сорокина, 2023, 270; Уланова, Сорокина, 2019, 154]. Таким образом, изучение компьютерной тревожности в профессиональном обучении является необходимым для успешной адаптации к современным технологиям и обеспечения психологической безопасности в цифровом мире [Шмелев, Резапова, 2013, 10; Khasawneh, 2018, 95].

Вопросами компьютерной тревожности и психологическими дисфункциями рассматриваются в научной литературе начиная с 80 гг. прошлого столетия, как боязнь компьютеров, техно стресс, компьютерная технофобия и другие. Бейкер и Смит предложили шестифакторную модель компьютерной тревожности, в основу которой вошли компьютерная грамотность, самоэффективность, физическое возбуждение и эмоции. Дискомфорт использования компьютеров в повседневной жизни сопровождается негативными переживаниями на эмоциональном и физическом уровне. О.В. Доронина отмечает, что компьютерная тревожность представляет собой негативное переживание, выражающееся в отвержении ситуации взаимодействия с компьютером, поскольку это рассогласуется с установками, ценностями и целями личности [Доронина, 1993, 70]. Таким образом, компьютерная тревожность представляет собой состояние характеризуется чувством беспокойства, напряженности и стресса, возникающими в связи с использованием компьютеров и других цифровых устройств. Чрезмерное погружение личности в цифровое пространство может приводить к возникновению компьютерной зависимости.

Причинами компьютерной тревожности исследователи отмечают «клиповость» мышления, высокую скорость переключения внимания, необходимость обрабатывать большое количество информационных потоков и общения в мессенджерах. Для молодых людей, в процессе профессионального обучения можно отметить сложность восприятия научных текстов с профессиональной терминологией ее обработки и запоминания, внедрение в учебный процесс тестовых материалов и электронных образовательных ресурсов. Кроме того, появление такой установки человека на недоверие к техническим устройствам из-за потери персональных данных, страх, что современные технологии смогут заменить личность на рабочем месте, отношения личности к новым нанотехнологиям, биологическим, информационным, социальным технологиям все это приводит к тревожности и страхам, которые в свою очередь формируют устойчивое деструктивное восприятие личности до техно-паранойи [Karr, 2015, с. 36; 4, 52].

Панов В.И. предлагает рассматривать два ключевых вектора для психологического анализа рискогенности социальных взаимодействий «добровольность - вынужденность (необходимость)» и «безопасность – рискогенность» при использовании цифровых ресурсов, а характер взаимодействия в цифровой среде определяется социально-средовыми, организационно-средовыми и субъект-средовыми группами факторов [Панов, Патраков, Батурина, Коман, Фрогери, 2021, 12]. Данный подход раскрывает возможность применять комплексные меры психопрофилактики компьютерной тревожности у обучающихся из-за постоянного присутствия в их жизни онлайн-среды. Молодые люди проводят много времени за компьютерами, выполняя учебные задания, общаясь в социальных сетях и развлекаясь онлайн, что приводит к перегрузке информацией, постоянному чувству нехватки времени и стрессу из-за необходимости быть всегда на связи [Тужикова, 2023, 564]. Постоянный стресс и беспокойство могут привести к ухудшению академических успехов, социальной изоляции, а также к развитию психологических деструкций.

Компьютерная зависимость предполагает зависимость от всех видов деятельности, связанных с цифровыми устройствами в аддиктивной форме, которая может проявляться у обучающихся из-за постоянного стремления к самосовершенствованию. В исследовании Т.Спиркиной было обнаружено, что к компьютерной зависимости склонны эмоционально неустойчивые обучающиеся, интровертированные и имеющие высокий уровень тревожности [Спиркина, 2008, 477]. Сбалансированное отношение к цифровым устройствам и компьютерным технологиям, во многом определяют эффективность опосредованной деятельности человека и компьютера и такой подход позволяет увидеть индивидуальность личности и способствовать расширению представлений об отношении человека к цифровым устройствам [Тужикова, 2018, 62].

Целью исследования было – сравнить степень выраженности проявлений компьютерной тревожности у студентов разных направлений подготовки, а также определить взаимосвязь тревожности с компьютерной зависимостью.

Основная часть

Для изучения исследования проявления тревожности был тест Спилберга-Ханина – STAI. Для определения компьютерной зависимости использовалась методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей Г.В. Лозовой. Для определения компьютерной тревожности применялся модифицированный вариант методики незаконченных предложений и авторская анкета. Незаконченные предложения были разбиты на блоки, в соответствии с теоретическими предпосылками, описанными выше. Блок «Эмоциональное отношение к компьютеру», включали предложения: «При работе на компьютере у меня часто...», «Компьютер у меня вызывает ...», «Мой компьютер для меня...». Блок «Тревожность» объединил в себе предложения «Тревога в моей жизни занимает...», «Я переживаю из-за того, что...», «Для меня компьютерная тревожность это ...», «Я беспокоюсь, что в интернете ...». В блок «Зависимость» вошли следующие предложения: «Мне кажется, что компьютерная зависимость это...», «В моей жизни есть склонность к ...», «Мое экранное время не превышает...», «Люди без каких-либо слабостей...». И последним блоком в данной методике был «Субъективное отношение к компьютерным технологиям...», в который вошли ответы на предложения «Мне не нравится, что компьютеры...», «Благодаря компьютеру я...», «Самое ужасное в компьютере это...», «Хорошо, что компьютеры...». Таким образом, в модифицированный вариант методики незаконченных предложений вошли блоки,

диагностирующие эмоциональное отношение к персональным компьютерам, субъективную оценку тревожности, предложения с возможностью дать оценку склонности к зависимому поведению и предложения, направленные на отношение к компьютерным технологиям.

Процедура проведения исследования предполагала онлайн-тестирование при помощи платформы Яндекс формы и проходила в 2023 г.

В исследовании приняли участие 289 студентов 3 и 4 курса очного отделения, высших учебных заведений Санкт-Петербурга (Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова и Санкт-Петербургского государственного университета) трех направлений подготовки психологическое образование, экономическое образование и лечебное дело. В выборку вошли 126 мужчин и 163 женщины, средний возраст респондентов составил 24 года, опыт использования компьютерными технологиями не менее 10 лет.

Результаты средние групповых значений по методике Спилберга-Ханина в группах студентов разных направлений подготовки представлено в таблице 1 и показало, что у всех трех групп студентов доминирующим является уровень личностной тревожности. Кроме того, распределение по уровням выраженности личностной и ситуативной тревожности в трех группах в процентном соотношении является высоким.

Таблица 1 - Средние значения по результатам методики STAI Спилберга-Ханина в группах студентов различных направлений подготовки

Показатели	Средние значения		
	Группа студентов психологов (1)	Группа студентов экономистов (2)	Группа студентов медиков (3)
Ситуативная тревожность	44,1	44,9	45,9
Личностная тревожность	46,9	48,9	50,0

Сравнительный анализ при помощи t-критерия Стьюдента для независимых выборок не выявил значимых различий между группами по показателям ситуативной и личностной тревожности. Далее обратимся к результатам контент анализа незаконченных предложений и ответов анкеты, представленных в таблице 2 и 3. Как оказалось, субъективная оценка уровня тревожности в группах студентов разной направленности показала, в группе психологов 29,8 % отмечают низкий уровень тревожности, в группе студентов экономистов 33,5% и 45,6% в группе студентов медиков, что соотносится с показателями методики Спилберга-Ханина и свидетельствует о корректности восприятия своей тревожности в жизни. Кроме того, вопрос о том, как предстоящая работа на компьютере оказывает влияние на ее выполнение, ответы распределились следующим образом. Откладывание работы на компьютере отмечают 16,3% студентов психологов, 20,1% студентов экономистов и 12,3% студентов медиков.

Таблица 2 - Субъективная оценка тревожности у студентов разных направлений подготовки (%)

Вопросы методики «Анкета»	Группа студентов психологов (1)	Группа студентов экономистов (2)	Группа студентов медиков (3)
Я могу назвать себя человеком с низким уровнем тревоги			
Абсолютно не согласен	21.6%	26.6%	24.2%
Не согласен	27%	16.6%	15.1%
Скорее не согласен	21.6%	23.3%	15.1%

Вопросы методики «Анкета»	Группа студентов психологов (1)	Группа студентов экономистов (2)	Группа студентов медиков (3)
Скорее согласен	8%	16.6%	21.2%
Согласен	13.5%	10.3%	6.4%
Абсолютно согласен	8,3%	6.6%	18%
Если я знаю, что сегодня мне предстоит работа с компьютером я всячески откладываю этот момент			
Абсолютно не согласен	32.4%	33.3%	54.5%
Не согласен	35.1%	30%	24.2%
Скорее не согласен	16.2%	16.6%	9%
Скорее согласен	10.8%	13.3%	6%
Согласен	5.5%	6.6%	0,3%
Абсолютно согласен	0%	0,2%	6%

Структура ответов на незаконченные предложения в трех группах студентов представлена в таблице 3. Тревога в жизни студентов медиков и психологов занимает больше всего, тогда как в группе студентов экономистов тревога распределилась равномерно по диапазону, много места 36,6%, мало места 36, 6%, средне 16,6%. Данный факт свидетельствует об опознавании тревожности как личностной характеристики, которое может ухудшать качество жизни личности.

Таблица 3 - Контент-анализ результатов методики незаконченных предложений в группах студентов разных направлений подготовки (%)

Ответы методики «Незаконченные предложения»	Группа студентов психологов (1)	Группа студентов экономистов (2)	Группа студентов медиков (3)
Тревога в моей жизни занимает			
много места	62%	36,6%	51,5%
мало места	5,4%	36,6%	36,3%
средне	21%	6,6%	9%
нет тревоги	10,8%	16,6%	0%
нет ответа	0%	3,3%	3%
Для меня компьютерная тревожность это			
– есть/близка мне	27%	16,6%	39,3%
вызывает опасность	2,7%	0%	0%
путают с компьютерной зависимостью	21,6%	26,6%	9%
не ощущается	45,9%	50%	48,4%
нет ответа	2,7%	6,6%	3%
Я переживаю из-за того, что....			
Ответы без переживаний	10,8%	16,6%	9%
Незначительные переживания	5,4%	6,6%	6%
Сложности использования компьютерных технологий	35,1%	13,3%	24%
Переживания из-за проблем	43,2%	50%	45,4%
Нет ответа	5,4%	13,3%	15,1%
Я тревожусь, что в интернете ...			
Взлом	32,4%	30%	30,3%
Буллинг	19%	13,3%	18,1%
Дезинформация	35,1%	30%	30,3%
Нет тревоги	8,1%	10%	15,1%
Нет ответа	5,4%	16,6%	6%

Ответы на предложение «Для меня компьютерная тревожность это ...» распределились следующим образом, до 50% в трех группах отметили ее отсутствие, для 27% в группе психологов отмечают ее наличие, в группе студентов экономистов этот показатель составил 16,6% самый наименьший из трех групп, а самый наибольший показатель отметили студенты медики 39,3%. Кроме того, минимальный процент ответов получил ответ о возможной опасности из-за компьютерной тревожности, а также было выявлено сходство ответов студентов о компьютерной зависимости, которая очень близка к пониманию компьютерной тревожности. Так для студентов экономистов этот показатель составил 26,6%, для студентов психологов 21,6%, а студенты медики 9%, что показало самый маленький процент из трех групп, следовательно студенты медики лучше всего идентифицируют компьютерную тревожность и компьютерную зависимость.

Следующим по анализу была оценка ответов на предложение о переживаниях, как оказалось самые высокие проценты в группах студентов получили ответы, связанные с переживаниями проблем в жизни студентов, не относящихся к компьютерной тревожности, что свидетельствует о сложностях, с которыми сталкиваются молодые люди в этот период и как к ним относятся и как их проживают. Интересным представляются результаты ответов в группе студентов экономистов 13,3% указали на трудности использования компьютерных программ и технологий, тогда как в группах студентов психологов этот показатель составил 35,1%, а в группе студентов медиков 24%. Скорее всего, это связано, меньшей готовностью применения компьютерных технологий в будущей профессиональной деятельности медиков и психологов в практической сфере реализации себя в профессии, поскольку научная деятельность в этих профессиях предполагает хорошие навыки работы со статистическими программными пакетами и их частое использование.

Результаты контент анализа также показали, что больше всего студентов беспокоит в интернете возможность взлома 30%, возможность получить дезинформацию от 30% в группах студентов экономистов и студентов медиков, а студенты психологи больше беспокоятся поскольку их результаты достигают 35%, на третьем месте вызывает обеспокоенность возможность попасть в ситуацию преследования и буллинга, так для 19% студентов психологов, 18,1% для студентов медиков и 13,3% для студентов экономистов.

Таким образом, высокий уровень тревожности студентов в группах с разных направлений подготовки является высоким и по методике Спилбергера-Ханина полученные данные согласуются с их субъективной оценкой. Кроме того, особенности проявления и структура ответов по методике незаконченных предложений показала, что трудности и проблемы, с которыми сталкиваются студенты трех групп вызывают у них больше тревожности, чем компьютерная тревожность. Структура ответов о переживаниях, связанных с деятельностью в интернет среде большей степени связана с опасностью взлома и потери личных данных, дезинформации и опасений преследования, буллинга и травли.

Далее был проведен корреляционный анализ, с целью выявления взаимосвязи показателей тревожности и ответов на незаконченные предложения. В группе студентов психологов была выявлена прямая положительная взаимосвязь показателя компьютерной тревожности по анкете с показателями ситуативной (0,35; $p \geq 0,5$) и личностной тревожности (0,36; $p \geq 0,5$), где ситуативная тревожность напрямую положительно связана с абстрактными переживаниями (0,39; $p \geq 0,5$), тогда как личностная тревожность напрямую связана с общим уровнем тревоги (0,38; $p \geq 0,5$) в жизни. В группе студентов экономистов была также обнаружена прямая положительная взаимосвязь компьютерной тревожности с показателями личностной (0,37;

$p \geq 0,5$) и ситуативной тревожности (0,36; $p \geq 0,5$) по методике Спилберга Ханина. Кроме того, аналогичную картину корреляционных связей была обнаружена и в группе студентов медиков.

Результаты средних значений по методике Г.В. Лозовой для проверки гипотезы о выявлении компьютерной зависимости у студентов разных направлений подготовки представлены в таблице 4.

Таблица 4 - Результаты среднегруппных значений по методике диагностики к различным видам зависимостям Г.В. Лозовой в группах студентов разных направлений подготовки

Вид зависимости	Средние значения			Т-критерий		
	Группа студентов психологов (1)	Группа студентов экономистов (2)	Группа студентов медиков (3)	1 и 2	2 и 3	1 и 3
Алкогольная	9,73	10,83	10,76	1	0,1	1
ТВ	8	8,93	8,48	1	0,4	0,5
Любовная	14,43	14,77	14,12	0,3	0,5	0,3
Игровая	8	8	7,27	0	0,9	0,9
Межполовая	9,97	9,3	8,79	0,7	0,6	1,4
Пищевая	14,7	13,83	15,15	0,8	1,2	0,5
Религиозная	6,57	7,07	6,03	0,7	1,5	0,9
Трудовая	11,49	12	12,48	0,6	0,5	1
Лекарственная	10,19	9,9	11,73	0,2	1,4	1,2
Социальные сети и компьютер	10,62	9,6	11,36	1	1,6	0,7
Курение	7,7	10,9	8,61	2,2*	1,5	0,7
ЗОЖ	13,78	12,8	16,85	1	3,3**	2,9**
Наркотическая	8,3	6,87	6,12	1,5	1	2,5
Общая склонность	12,84	12,97	14,7	0,2	2,2*	2,4*

Примечание: * значимые значения $p \leq 0,05$; ** значимые значения $p \leq 0,01$.

Показатель общей склонности к различным видам зависимости в группах студентов психологов и в группе экономистов находятся на одинаковом уровне, тогда как у студентов группы студентов медиков имеют результат выше, чем у всех остальных, что подтверждается и результатами сравнительного анализа при помощи Т-критерия Стьюдента для независимых выборок. Кроме того, предрасположенность к курению была обнаружена выше у студентов экономистов, по сравнению с группами студентов медиков и студентов психологов. Предрасположенность к зависимости от «здорового образа жизни» у студентов медиков выше, чем у студентов других групп, что дает основание полагать, что студенты медики больше других внимательно относятся к своему здоровью и имеют более ценное отношение к нему. Как видно из таблицы 4, значимых различий у студентов по показателю «социальные сети и компьютер» не было обнаружено, следовательно для студентов различных направлений подготовки нет статистически значимых различий и показатели находятся в одном диапазоне оценок.

Кроме того, контент анализ незаконченных предложений о том, что является главной зависимости у студентов в группах различных направлений подготовки представлен в таблице 5.

**Таблица 5 - Частота встречаемости ответов на вопросы методики
«Незаконченные предложения» в блоке «Склонность к зависимости»
в группах студентов разных направлений подготовки**

Единицы контент-анализа ответов на незаконченные предложения	Группа студентов психологов	Группа студентов медиков	Группа студентов экономистов
В моей жизни главная зависимость это...			
Сон/еда	29,7%	51,5%	50%
Межличностные отношения	24,3%	15,2%	23,3%
Информация	21,6%	3,0%	6,7%
Компьютер, интернет	2,7%	24,2%	10%
Нет зависимости	21,6%	6,1%	10%

Как видно по частоте встречаемости для студентов групп медиков и экономистов приоритетными остаются зависимость от еды и сна, как возможности удовлетворения базовых потребностей личности. На втором месте по приоритету расположилась зависимость привязанность в межличностных отношениях в группах студентов психологов и экономистов, тогда как для студентов медиков на второе место вышло привязанность к компьютеру и к сети интернет. Таким образом, субъективная оценка предрасположенности к аддиктивному поведению в группе студентов психологов равномерно распределена, тогда как в группе студентов медиков и студентов экономистов существует предрасположенность к удовлетворению базовых потребностей сна/еды, что скорее всего связано с возрастными особенностями и особенностями жизнедеятельности в период профессионального обучения [Тужикова, 2004, 185].

Заключение

Полученные результаты исследования о степени выраженности проявлений компьютерной тревожности у групп студентов психологов, медиков и экономистов показал, что студенты психологи переживают из-за сложностей в использовании компьютеров и чаще описывают уровень присутствия тревоги в своей жизни как высокий. Студенты медики показывают наиболее низкий уровень компьютерной тревожности, при этом демонстрируют высокую зависимость как от базовых потребностей (сон/еда), так и от компьютера. Студенты экономисты характеризуются наиболее низким уровнем тревожности и более простым отношением к своим зависимостям, по сравнению со студентами других направлений подготовки. Данные психологического исследования отношения к искусственному интеллекту, особенностям тревоги и открытость опыту М.И. Ясина очень схожи, где было установлено, что тревожность свойственна людям с высокой общей тревожностью [Ясин, 2022, с. 452].

Сравнительный анализ не выявил значимых различий между студентами различных направлений по показателям компьютерной тревожности. Компьютерная тревожность для студентов находится на одном уровне для всех групп.

Однако были обнаружены значимые различия по нескольким показателям зависимости (включая курение, ЗОЖ и общая склонность к зависимости), а также по общему показателю склонности к аддикциям по методике Г.В. Лозовой. Можно предположить, что уровень склонности к зависимому поведению взаимосвязана с уровнем тревожности, но не с компьютерной тревожностью.

В ходе анализа результатов исследования были выявлены значимые взаимосвязи между

показателями компьютерной тревожности и компьютерной зависимости в каждой из групп. В частности, в группах студентов медиков и экономистов отсутствует компьютерная зависимость, а также разрозненную структуру взаимосвязей показателей компьютерной тревожности и компьютерной зависимости у студентов различных направлений подготовки, как в рамках одного явления, так и при анализе взаимосвязей между ними.

Следует отметить, что проведенное исследование раскрывает возможности снижения факторов компьютерной тревожности в профессиональном обучении и в использовании комплексного подхода в расширении навыков саморегуляции, организации рабочего времени, нахождении баланса между использованием цифровых устройств и заботой о психологическом благополучии.

Библиография

1. Бузин В.Н. Социальное пространство в социологическом дискурсе // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4 (17). – С. 23-34.
2. Гуткевич Е.В., Семке А.В. Семейные механизмы адаптации при шизофренических расстройствах (на примере популяции сибирского региона) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2012. № 3 (72). С. 12 – 17.
3. Даниленко И.А., Васильев Н.В. Соблюдение конституционных прав личности на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений при осмотре мобильного устройства (российский и зарубежный опыт) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10 (74). С. 150 – 157.
4. Доронина О.В. Страх перед компьютером: природа, профилактика, преодоление // Вопросы психологии. 1993. № 1. – С. 68-78.
5. Завьялова Н. А. Коммуникативные универсалии как средство интеллектуального воздействия // Теория и практика общественного развития. – 2015. № 6. С. 121 – 125.
6. Карр Н. Стеклоклетка. Автоматизация и мы / пер. с англ. – М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2015. – 256 с.
7. Нестик Т.А. Социально-психологические аспекты отношения человека к новым технологиям // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / Под ред. А.А. Обознова, А.Л. Журавлева. – М.: Институт психологии РАН, 2018. – С. 50-73.
8. Панов В.И., Патраков Э.В., Батурина Л.И., Коман К., Фрогери Р.Ф. Социальные представления студентов о рисках во взаимодействии с Интернетом: кросс-культурный аспект (Россия, Бразилия, Румыния) // Перспективы науки и образования. 2021. № 3 (51). – С. 10-25.
9. Портнова И.В. Специфика и значение научных анималистических изображений в отечественном искусстве первой половины XX века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 35. С. 128 – 133.
10. Прончев Г.Б. Становление электронно-цифровой цивилизации: ключевые понятия. Ч. 1 // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 6. – С. 47-57.
11. Прончев Г.Б. Становление электронно-цифровой цивилизации: ключевые понятия. Ч. 2 // Теория и практика общественного развития. 2022. № 7. – С. 47-56.
12. Прончев Г.Б., Сушко В.А. Эпоха глобальных идентичностей и социальных перемен в социологическом измерении // Теория и практика общественного развития. 2022. № 6. – С. 52-57.
13. Сорокина С.Г. Искусственный интеллект в контексте междисциплинарных исследований языка // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7. № 3 (27). – С. 267-280.
14. Спиркина Т.С. Личностные особенности пользователей сети Интернет, склонных к Интернет-зависимости // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2008. № 60. – С. 473-478.
15. Тужикова Е.С. Образ будущей работы студентов-первокурсников. В сборнике: Психология образования: проблемы и перспективы: Материалы Первой международной научно-практической конференции. Председатель ред. совета Рубцов В.В. – М.: Смысл, 2004. – С. 185-186.
16. Тужикова Е.С. Предикторы академического выгорания // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2023. № 6. – С. 556-565.
17. Тужикова Е.С. Профессиональная идентичность и уровень притязаний молодых специалистов // Письма в Эмиссия. Оффлайн = The Emissia. Offline Letters . 2022. № 12. Art. 3199. – URL: <http://www.emissia.org> (дата обращения: 12.01.2024).
18. Тужикова Е.С. Профессиональная направленность студентов в интернет среде // Образовательная динамика сетевой личности. Материалы I Международной научно-практической конференции. Российский

- государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Институт педагогики. 30 января 2018 г. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2018. – С. 60-64.
19. Уланова К.Л., Сорокина С.Г. Особенности применения кейс-технологии в процессе развития профессиональной коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей // Современное педагогическое образование. 2019. № 3. – С. 152-156.
 20. Шмелев Л.Г., Резапова Д.Б. Компьютерная тревожность как фактор успешности прохождения студентами компьютерного экзаменационного тестирования // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 29. – С. 10.
 21. Ясин М.И. Отношение к искусственному интеллекту, тревога и открытость опыту // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. Вып. 4. – С. 449-453.
 22. Beckers J.J., Schmidt H.G. The structure of computer anxiety: A six-factor model // Computers in Human Behavior. 2001. Vol. 17. – P. 35-49.
 23. Khasawneh O.Y. Technophobia: Examining its hidden factors and defining it // Technology in Society. 2018. V. 54. – P. 93-100.
 24. Zavyalova N. Dataset for an analysis of communicative aspects of finance // Data in Brief. 2017. Vol. 11. P. 197 – 203.

Manifestation of computer anxiety in students of different directions of training

Elena S. Tuzhikova

PhD in Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Psychology of Professional
Activity and Information Technology in Education, Institute of Psychology,
 Herzen State Pedagogical University of Russia,
 191186, 48, Moika emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
 e-mail: tuzhikova@live.ru

Abstract

The article is devoted to an empirical study of the manifestation of computer anxiety and its relationship with computer addiction in students of different fields of study. A comparative analysis of the severity of computer anxiety manifestations in students of different groups is given. The study used the method of Spielberg Khanin, the method of diagnosing propensity to 13 types of addictions by G.V. Lozova, a modified version of the method unfinished sentences and a questionnaire, a total of 289 students of higher educational institutions of St. Petersburg took part. The aspects of anxiety towards digital devices and technologies and their use in professional education among students are analyzed. In conclusion, it is shown that during the analysis of the study results, significant relationships were identified between indicators of computer anxiety and computer addiction in each of the groups. In particular, in groups of medical and economics students there is no computer addiction, as well as a disjointed structure of relationships between indicators of computer anxiety and computer addiction among students of different areas of training, both within the same phenomenon and when analyzing the relationships between them.

For citation

Tuzhikova E.S. (2024) *Proyavlenie komp'yuternoï trevozhnosti u studentov raznykh napravlenii podgotovki [Manifestation of computer anxiety in students of different directions of training]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches]*, 13 (2A), pp. 120-130.

Keywords

Computer anxiety, computer addiction, attitude to computer, negative experiences, human-computer interaction.

References

1. Buzin V.N. Social space in sociological discourse // *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2010. No. 4 (17). pp. 23-34.
2. Gutkevich E.V., Semke A.V. Family mechanisms of adaptation during schizophrenic disorders (using the example of a Siberian population region) // *Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology*. 2012. No. 3 (72). pp. 12 – 17.
3. Danilenko I.A., Vasiliev N.V. Respect for constitutional rights individuals to privacy, personal and family secrecy, secrecy of correspondence, postal, telegraph and other messages with inspection of a mobile device (Russian and foreign experience) // *Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSAL)*. 2020. No. 10 (74). pp. 150 – 157.
4. Doronina O.V. Fear of the computer: nature, prevention, overcoming // *Questions of psychology*. 1993. No. 1. – P. 68-78.
5. Zavyalova N. A. Communicative universals as a means intellectual influence // *Theory and practice of social development*. – 2015. No. 6. P. 121 – 125.
6. Carr N. Glass cage. Automation and us / trans. from English – M.: KoLibri: Azbuka-Atticus, 2015. – 256 p.
7. Nestik T.A. Socio-psychological aspects of a person's attitude to new technologies // *Current problems of labor psychology, engineering psychology and ergonomics* / Ed. A.A. Oboznova, A.L. Zhuravleva. – M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2018. – P. 50-73.
8. Panov V.I., Patrakov E.V., Baturina L.I., Koman K., Frogery R.F. Social perceptions of students about risks in interaction with the Internet: cross-cultural aspect (Russia, Brazil, Romania) // *Perspectives of science and education*. 2021. No. 3 (51). – P. 10-25.
9. Portnova I.V. Specificity and significance of scientific animalistic images in Russian art of the first half of the 20th century // *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and arts* 2016. No. 35. pp. 128 – 133.
10. Pronchev G.B. The formation of electronic-digital civilization: key concepts. Part 1 // *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2022. No. 6. – pp. 47-57.
11. Pronchev G.B. The formation of electronic-digital civilization: key concepts. Part 2 // *Theory and practice of social development*. 2022. No. 7. – pp. 47-56.
12. Pronchev G.B., Sushko V.A. The era of global identities and social changes in the sociological dimension // *Theory and practice of social development*. 2022. No. 6. – P. 52-57.
13. Sorokina S.G. Artificial intelligence in the context of interdisciplinary language research // *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and social sciences*. 2023. T. 7. No. 3 (27). – pp. 267-280.
14. Spirikina T.S. Personal characteristics of Internet users prone to Internet addiction // *Izvestia of the Russian State University. ped. University named after A.I. Herzen*. 2008. No. 60. – P. 473-478.
15. Tuzhikova E.S. Image of the future work of first-year students. In the collection: *Psychology of Education: Problems and Prospects: Proceedings of the First International Scientific and Practical Conference*. Chairman of the Editorial Board Council Rubtsov V.V. – M.: Smysl, 2004. – P. 185-186.
16. Tuzhikova E.S. Predictors of academic burnout // *Herzen Readings: Psychological Research in Education*. 2023. No. 6. – P. 556-565.
17. Tuzhikova E.S. Professional identity and level of aspirations of young specialists // *Letters to Issue. Offline = The Emission. Offline Letters*. 2022. No. 12. Art. 3199. – URL: <http://www.emissia.org> (access date: 01/12/2024).
18. Tuzhikova E.S. Professional orientation of students in the Internet environment // *Educational dynamics of network personality. Materials of the I International Scientific and Practical Conference*. Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen, Institute of Pedagogy. January 30, 2018 – St. Petersburg: Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen, 2018. – pp. 60-64.
19. Ulanova K.L., Sorokina S.G. Features of the use of case technology in the process of developing professional communicative competence of students of non-linguistic specialties // *Modern pedagogical education*. 2019. No. 3. – P. 152-156.
20. Shmelev L.G., Rezapova D.B. Computer anxiety as a factor in the success of students passing computer examination testing // *Psychological Research*. 2013. T. 6. No. 29. – P. 10.
21. Yasin M.I. Attitude to artificial intelligence, anxiety and openness to experience // *News of Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2022. T. 22. Issue. 4. – pp. 449-453.
22. Beckers J.J., Schmidt H.G. The structure of computer anxiety: A six-factor model // *Computers in Human Behavior*. 2001. Vol. 17. – P. 35-49.
23. Khasawneh O.Y. Technophobia: Examining its hidden factors and defining it // *Technology in Society*. 2018. V. 54. – P. 93-100.
24. Zavyalova N. Dataset for an analysis of communicative aspects of finance // *Data in Brief*. 2017. Vol. 11. P. 197 – 203.

УДК 316.6

Исследование жизнестойкости как компонента психологической безопасности

Быркканов Андрей Викторович

Соискатель,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Астраханская, 83;
e-mail: chessteaguitar@gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию жизнестойкости как важного компонента психологической безопасности. В статье рассматривается понятие жизнестойкости, его основные компоненты: вовлеченность, контроль и принятие риска, а также их влияние на психологическое благополучие человека. На основе теста жизнестойкости С. Мадди приводится анализ взаимосвязи между уровнем жизнестойкости и способностью человека эффективно справляться с жизненными вызовами, стрессом, адаптироваться к изменениям и принимать конструктивные решения. В статье также представлены результаты эмпирических исследований, подтверждающих важность развития жизнестойкости для обеспечения психологической устойчивости и благополучия. Подчеркивается актуальность изучения и формирования жизнестойкости у студентов как компонента психологической безопасности личности, а также приводятся рекомендации для проведения коррекционной или консультативной, профилактической, работы, направленной на формирование новых образцов поведения и укрепление здоровых стратегий преодоления трудностей. Результаты данного исследования могут быть использованы в высших образовательных учреждениях для проведения коррекционной или консультативной, профилактической, работы, направленной на формирование новых образцов поведения. Изучение жизнестойкости в большей мере поможет развить навыки и компетенции, которые необходимы для сложных и экстремальных условий, так как жизнестойкость – это ценное личностное качество, отвечающее за преодоление стресса, поддержку высокой работоспособности и внутреннюю гармонию.

Для цитирования в научных исследованиях

Быркканов А.В. Исследование жизнестойкости как компонента психологической безопасности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 131-138.

Ключевые слова

Жизнестойкость, психологическая безопасность личности, акцентуации характера, механизмы психологической защиты, стратегии преодолевающего поведения.

Введение

Психологическая безопасность и жизнестойкость являются важными аспектами психологического благополучия. Жизнестойкость играет ключевую роль в способности человека преодолевать трудности и стрессовые ситуации, что, в свою очередь, способствует формированию психологической устойчивости, а также выступает внутриличностным ресурсом, имеющим огромное практическое значение, поскольку жизнестойкость оберегает личность от дезинтеграции и психологических расстройств, обеспечивает полноценное здоровье, высокую трудоспособность и создает основу для внутренней гармонии.

Исследованием этой темы занимались С. Мадди, С.В. Книжникова, Шадриков В.Д. Утверждения данных авторов сводятся к тому, что психологическая выживаемость человека выступает показателем его психического здоровья и психологического благополучия.

Целью данного исследования является утверждение, что личность с высоким уровнем жизнестойкости обладает компонентом психологической безопасности, то есть осознает наличие различных источников опасности, однако понимает, что существуют предпосылки для их предотвращения и преодоления. Она принимает активную роль в этом процессе и уверена, что помимо внешних условий безопасности, внутренняя готовность и целенаправленные действия с учетом стратегии безопасного поведения способны предотвратить опасность.

Основная часть

Шадриков В.Д. считает, что жизнестойкость относится к особому классу способностей, известных как «духовные», которые влияют на поведение человека, его восприятие смысла жизни, следование религиозным принципам, проявление оптимизма, добродетельность, а также любовь [Шадриков, 2009].

Л.И. Анцыферова дополняет, что личность перерабатывает события, выбирая определенный вид поведения на основе своего внутреннего мира, стремясь сделать его понятным, предсказуемым и упорядоченным. Когда человек сталкивается с жизненными трудностями, его активность направлена на изменение внешних обстоятельств и на самосовершенствование [Анцыферова, 1994].

С.В. Книжникова (2005) определяет жизнестойкость в качестве интегральной личностной характеристики, которая основана на коммуникативных способностях, высоком уровне социальной компетентности, развитых волевых качествах, самооценке. Также автор заключает, что жизнестойкость развитие компонентов жизнестойкости может протекать через образование и воспитание [Книжникова, 2010, 70].

Жизнестойкий индивид позитивно воспринимает себя и окружение. При этом человек демонстрирует нацеленность и активность, что позволяет ему участвовать в жизненных вопросах, прикладывает усилия для контролирования ситуации и заботиться о своем здоровье. Жизнестойкий индивид характеризуется высоким эмоциональным интеллектом, способностью эффективно справляться со своими эмоциями и понимать эмоции других людей. Исследования показывают взаимосвязь между жизнестойкостью и флексибельностью мышления, социально-психологической адаптивностью, креативностью и общим психологическим благополучием человека [Крюкова, 2016].

Американский автор Сальваторе Мадди сформулировал понятие «жизнестойкости» (hardiness) как психологическую выживаемость и расширенную эффективность человека, а

также выступает показателем его психического здоровья и психологического благополучия. Понятие «hardiness» (анг. крепость, выносливость) или жизнестойкость используется в русле проблематики совладания со стрессовыми состояниями.

Согласно теории С. Мадди, жизнестойкость (hardiness) состоит из 3 сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска. Сила и качество проявления данных компонентов жизнестойкости способствует совладанию со внутренним напряжением в стрессовых ситуациях и позволяет не акцентировать на них внимание [там же].

Жизнестойкость можно структурировать согласно трем достаточно обособленным составляющим следующим образом:

1. включенность – это убежденность каждого индивидуума в том, что вовлеченность в реальность принесет ему интерес, нечто важное для дальнейшей жизни, обеспечивает потенциал и мотивирует человека к самореализации, лидерским качествам, ответственности, желанию быть счастливым и оптимистически настроенным. Человек благодаря включенности может ощущать себя значимым. У него появляются силы, которые помогают ему справляться со всеми трудностями, возникающими в жизни. В решение проблем он погружается полностью. Включенность определяет, как человек относится к себе, к окружающим и какой между ними характер взаимодействия [Шарипова, 2017].

2. контроль (control) выступает способом мотивации личности к поиску путей воздействия на ситуации с целью ее изменения и избегания попадания в состояние пассивности и беспомощности. Это также вера в трансформацию жизненной ситуации и в то, что она будет согласовываться с жизненными планами и приведет к положительному результату.

3. принятие риска («challenge») – это убежденность человека в том, все происходящее с ним принесет опыт, отрицательный или положительный, который необходим для его развития. Человек, рассматривающий жизнь как способ приобретения опыта, на свой страх и риск, готов действовать, даже если отсутствуют гарантии успеха, стремясь к безопасности и комфорту.

Таким образом, мы видим, что особо важна степень развитости каждого из данных компонентов жизнестойкости для активности в стрессогенных ситуациях, психологического здоровья, а также сохранения оптимальной работоспособности.

Способы реагирования индивида при выраженных стрессовых показателях:

- при повышенном уровне включенности индивид склонен к проявлению большого интереса и энтузиазма к окружающему миру, способности находить смысл и радость в том, что делает, и проявлять высокий уровень мотивации к достижению своих целей. Такой человек будет достаточно часто испытывать положительные эмоции и удовлетворение от своей деятельности.
- при повышенном чувстве контроля индивид будет стремиться к саморазвитию и самоусовершенствованию. Он будет проявлять склонность к принятию ответственности за свои действия и результаты, а также искать способы улучшения ситуации в случае неудач. Чувство настойчивости и уверенности в собственных силах будут сопровождать его в сложных жизненных обстоятельствах.
- в случае принятие риска человек будет открыт к новым возможностям и получению нового опыта. Он будет способен принимать решения, несмотря на возможные риски, и быть готовым к возможным неудачам. Такой человек будет отличаться открытостью к переменам и гибкостью в приспособлении к новым ситуациям.

В целом, человек с высоким уровнем этих компонентов жизнестойкости будет проявлять большую уверенность в себе, мотивацию к достижению целей, готовность к саморазвитию и

гибкость в общении с окружающим миром.

Целью исследования выступает исследование механизмов психологической защиты, личностных особенностей (копинг-стратегий, акцентуаций характера) у студентов с разным уровнем развитости жизнестойкости.

В данном исследовании приняло участие 94 студента в возрасте от 18 до 25 лет. В эмпирическом исследовании использовались такие методы как тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева).

Для выявления двух типов студентов по уровню выраженности жизнестойкости был проведен кластерный анализ данных, в результате которого были получены два кластера, или два эмпирических типа студентов. В первую группу вошли студенты с высоким уровнем вовлеченности (7,4), высоким уровнем контроля (8,4) и средним принятием риска (7,6).

У данных студентов присутствуют качества, которые помогают им справляться с трудностями и стрессом более эффективно. У них имеется уверенность и воля для преодоления сложных жизненных обстоятельств, способность видеть положительные аспекты даже в неоднозначных ситуациях и находить способы решения проблем и сосредоточиться на задачах. Они обладают целеустремленностью и инициативностью в различных ситуациях, стремясь к постоянному улучшению, а также ощущают сильное чувство ответственности за свою работу. Условно группу студентов, вошедших в первый кластер, мы назвали «студенты с высоким уровнем жизнестойкости».

Во вторую группу вошли студенты с низким уровнем контроля (4,0) средним уровнем вовлеченности (5,7) и низким принятием риска (4,0). Студенты данной группы имеют качества, которые могут затруднять их успех в учебе и в других сферах жизни: непонимание установления четких целей и стратегий достижения успеха, недостаток внутренней мотивации для учебы и саморазвития, избегание принятия рисков из-за боязни неудачи, управление своим временем, эмоциями и поведением, а также недостаток инициативы. Они испытывают трудности с адаптацией к изменениям в учебной среде и в жизни в целом из-за страха перед неизвестным. Условно студентов, вошедших во вторую группу, мы назвали «студенты с низким уровнем жизнестойкости».

Исследование Виктора Флориана, Марио Микулинчера и Орита Таубмана (1995) позволило проанализировать глубже конструкты жизнестойкости. Например, включенность повышает уровень умственного здоровья, снижает оценку угрозы и использование эмоционально сфокусированных стратегий преодоления, а также увеличивает значение переоценки событий. С другой стороны, высокий уровень контроля положительно влияет на психическое здоровье, способствует переоценке событий уменьшает оценку угрозы события, и стимулирует использование копинг стратегий, направленных на поиск поддержки и решение проблем.

Сравнительный анализ личностных особенностей студентов с разным уровнем жизнестойкости был проведен с помощью t-критерия Стьюдента. В результате данного анализа мы обнаружили, что студенты 1 курса обладают низким уровнем выраженности жизнестойкости в отличие от студентов 4 курса, с высоким уровнем жизнестойкости на уровне значимости $p < 0,05$ более выражены следующие черты характера: уверенность и умение справляться с трудностями; оптимизм, адаптивность, то есть гибкость и способность адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, что помогает им эффективно преодолевать препятствия; стойкость, то есть переносить стресс и трудности, не теряя боевого духа и мотивации, а также саморегуляция. Стоит упомянуть еще и социальную поддержку, данные студенты часто имеют сильные социальные связи и поддержку, которая помогает им в трудные

моменты.

Студентам с низким уровнем жизнестойкости свойственно испытывать эмоциональную впечатлительность, переживания и опасения, ригидность, ориентацию на неудачи, упрямство и отстаивание своего мнения, сложности с концентрацией и переключением внимания при внезапно меняющихся ситуациях, и переменчивость настроений и неустойчивый характер. В период подъема подобные студенты могут быть активными и искать общения, в то время как в период подавленности они могут стремиться к одиночеству, недооценивать себя и свои достижения, чувствовать болезненность при критике и испытывать разочарование.

В научных исследованиях категория «психологическая безопасность» определяется как мобилизатор ресурсов человеческой психики в экстремальных ситуациях, в условиях неопределенности и нестабильности [Никитина, 2018].

В работах Ф.Д. Гордова, В.И. Лебедева, Е.А. Милерян, В.В. Суворова, П.Б. Зильберман психологическая безопасность представлена как эмоционально-волевая устойчивость личности по отношению к внешним факторам к окружающей действительности.

И.Г. Медведев придерживается той точки зрения, что психологическая безопасность выступает как физиологическая и психологическая устойчивость психики человека при воздействии стрессовых и экстремальных факторов.

Г.А. Кузьмина и Е.Л. Трофимова рассматривают психологическую безопасность как целостную систему, которая включает в себя как внешние, так и внутренние составляющие жизнедеятельности индивида. Под внешними компонентами авторы понимают окружающую среду, природные катаклизмы, социальные и политические условия, географические особенности и само общество, а под внутренними подразумевают психофизиологические особенности индивида. Таким образом, авторы подводят к тому, что при высоком уровне психологической саморегуляции, человек наименее подвержен состоянию психологической, физической, информационной незащищенности, эмоциональным переживаниям, повышенной тревожности, неврозу и многим другим негативным факторам [Кефели, 2010].

К числу характерных особенностей психологической безопасности личности М.Н. Шарипов, Е.Л. Горшенина и Е.Э. Савченкова относят эмоциональную устойчивость, высокая социально-психологическая адаптация, устойчивость к фрустрации, способность человека к поддержанию психоэмоциональной стабильности, развитая эмоционально-волевая сфера, ощущение собственной значимости, автономности, целостности, а также ощущать внутреннюю свободу и свое предназначение, структурированно смотреть и воспринимать себя, реальность, свое место в данной реальности и социуме, сознательно и разумно воспринимать различные жизненные ситуации, даже которые могут угрожать безопасности.

Многочисленными отечественными и зарубежными учеными психологическая безопасность интерпретируется как защищенность индивида с учетом внешних и внутренних условий безопасности. Опираясь на работы Е.Н. Каменской можно подытожить, что элементами психологической безопасности выступают жизненный опыт индивида, способность уклоняться от разного рода опасностей и угроз социальному, психологическому, физическому и ментальному здоровью, готовность идентифицировать, осмыслять, прогнозировать последствия тех или иных решений, обеспечивать безопасность в различных кризисных и чрезвычайных условиях жизни [Ефимова, 2013].

Данное чувство следует отнести к базовым ощущениям человека. Само чувство безопасности представляют собой основу, то есть ядро внутреннего мира личности, это и вера в справедливость мироздания и в ценность себя как человека, достойного того, чтобы с ним

происходило хорошее (уверенность контроля своей судьбы).

Механизмы психологической безопасности личности зависят от субъективного понимания конкретной ситуации, от умения адаптации к конкретной ситуации и способности установления причинно-следственной связи между ситуацией и ее последствиями, во-вторых, от жизнестойкости человека, нацеленного на быстрое восстановление от негативных эмоциональных переживаний и флексебельное поведение в различных переменчивых обстоятельствах.

То есть психологическая безопасность личности определяется как состояние защищенности или незащищенности в конкретной жизненной ситуации и в социальном пространстве. Поэтому чем выше жизнестойкость, тем выше уровень безопасности. Высокий уровень жизнестойкости, в соответствии, с исследованиями Л.А. Александровой способствует успешной адаптации личности, помогают справиться с повышенной тревожностью и возникновением напряжения в адаптационный период. Ко всему прочему, жизнестойкость не взаимосвязана с депрессивностью, использованием неадаптивных копинг механизмов.

Заключение

Таким образом, следует заключить, что жизнестойкость является интегративным личностным качеством, обеспечивающим успешное преодоление стрессовых ситуаций, при этом сохраняя внутренний баланс и поддерживая оптимальную работоспособность. Новый опыт и возможности стимулируют человека к личностному развитию, благодаря ориентации на будущее и сокрытой в ней активности.

Именно три компонента жизнестойкости: вовлеченность, контроль и принятие риска обеспечивают личности психологическую безопасность. Вовлеченность отвечает за удовольствие от выполняемой деятельности; контроль, позволяет человеку выбирать свой жизненный путь, брать ответственность и поддерживать активную жизненную позицию; принятия риска помогает пользоваться полученным опытом и оптимистично смотреть в будущее.

Результаты данного исследования подтвердили гипотезу о том, разный уровень жизнестойкости у студентов существуют различия в механизмах психологической защиты, акцентуациях характера и стратегиях преодоления трудностей.

Эмпирическое исследование показало, тесную взаимосвязь жизнестойкости с общей самооффективностью. Психологическое благополучие, адаптация и жизнестворчество также взаимосвязаны с жизнестойкостью, образуя корреляцию со стратегиями совладания.

Студенты с низким уровнем жизнестойкости обладают высоким уровнем фрустрированности, пессимизмом, акцентом на негативных сторонах жизни, что, в свою очередь, делает их более восприимчивыми к экстремальным и стрессовым ситуациям, тяжелым жизненным обстоятельствам.

Результаты данного исследования могут быть использованы в высших образовательных учреждениях для проведения коррекционной или консультативной, профилактической, работы, направленной на формирование новых образцов поведения. Изучение жизнестойкости в большей мере поможет развить навыки и компетенции, которые необходимы для сложных и экстремальных условий, так как жизнестойкость – это ценное личностное качество, отвечающее за преодоление стресса, поддержку высокой работоспособности и внутреннюю гармонию.

Библиография

1. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. № 1. С. 3-16.
2. Богомаз С.А., Баланев Д.Ю. Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека // Сибирский психологический журнал. 2009. № 32. С. 23-28.
3. Вербина Г.Г. Психологическая безопасность личности. Чебоксары, 2006. 157 с.
4. Ефимова Н.С. Психология безопасности человека. М., 2013. 191 с.
5. Кефели И.Ф. (ред.) Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. СПб., 2017. 300 с.
6. Книжникова С.В. Структурно-функциональное описание жизнестойкости в аспекте суицидальной превенции // Феноменология и профилактика девиантного поведения. Краснодар, 2010. С. 67-70.
7. Крюкова Т.Л. (ред.) Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие. Кострома, 2016. Т. 2. 340 с.
8. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. 680 с.
9. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ. СПб.: Речь, 2002. 542 с.
10. Михайлов Л.А. и др. Психологическая безопасность. М.: Дрофа, 2008. 292 с.
11. Никитина Е.В. Феномен жизнестойкости: концепция, современные взгляды и исследования // Academy. 2017. № 4 (19). С. 100-103.
12. Хачатурова М.Р. Жизнестойкость и ее роль в совладающем поведении личности в ситуации межличностного конфликта // Альманах современной науки и образования. 2010. № 12 (43). С. 166-170.
13. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека. М.: Логос, 1996. 320 с.
14. Шарипова М.Н. Психология безопасности. Оренбург, 2017. 137 с.

The study of resilience as a component of psychological security

Andrei V. Byrkanov

Applicant,

Saratov State University,

410012, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, Russian Federation;

e-mail: chessteaguitar@gmail.com

Abstract

This article is devoted to the study of resilience as an important component of psychological security. The article examines the concept of resilience, its main components: engagement, control and risk-taking, as well as their impact on human psychological well-being. Based on the S. Muddy resilience test, an analysis of the relationship between the level of resilience and a person's ability to effectively cope with life challenges, stress, adapt to changes and make constructive decisions is provided. The article also presents the results of empirical studies confirming the importance of developing resilience to ensure psychological stability and well-being. The relevance of studying and forming students' resilience as a component of psychological security of personality is emphasized, and recommendations are also given for correctional or advisory, preventive work aimed at forming new patterns of behavior and strengthening healthy strategies for overcoming difficulties. The results of this study can be used in higher educational institutions to carry out correctional or advisory, preventive work aimed at developing new patterns of behavior. Studying resilience will greatly help develop the skills and competencies that are necessary for complex and extreme conditions, since resilience is a valuable personal quality responsible for overcoming stress, maintaining high performance and internal harmony.

For citation

Byrkanov A.V. (2024) Issledovanie zhiznestoikosti kak komponenta psikhologicheskoi bezopasnosti [The study of resilience as a component of psychological security]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 131-138.

Keywords

Resilience, psychological security of personality, character accentuation, mechanisms of psychological protection, strategies of overcoming behavior.

References

1. Antsyferova L.I. (1994) Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslivanie, preobrazovanie situatsii i psikhologicheskaya zashchita [Personality in difficult life conditions: rethinking, transformation of situations and psychological protection]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 1, pp. 3-16.
2. Bogomaz S.A., Balanov D.Yu. (2009) Zhiznestoikost' kak komponent innovatsionnogo potentsiala cheloveka [Vitality as a component of a person's innovative potential]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Psychological Journal], 32, pp. 23-28.
3. Efimova N.S. (2013) *Psikhologiya bezopasnosti cheloveka* [Psychology of human security]. Moscow.
4. Kefeli I.F. (ed.) (2017) *Informatsionno-psikhologicheskaya i kognitivnaya bezopasnost'* [Information-psychological and cognitive security]. St. Petersburg.
5. Khachaturova M.R. (2010) Zhiznestoikost' i ee rol' v sovladayushchem povedenii lichnosti v situatsii mezlichnostnogo konflikta [Vitality and its role in the coping behavior of an individual in a situation of interpersonal conflict]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 12 (43), pp. 166-170.
6. Knizhnikova S.V. (2010) Strukturno-funktsional'noe opisanie zhiznestoikosti v aspekte suitsidal'noi preventsii [Structural and functional description of resilience in the aspect of suicide prevention]. In: *Fenomenologiya i profilaktika deviantnogo povedeniya* [Phenomenology and prevention of deviant behavior]. Krasnodar.
7. Kryukova T.L. (ed.) (2016) *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: resursy, zdorov'e, razvitie* [Psychology of stress and coping behavior: resources, health, development]. Kostroma. Vol. 2.
8. Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. (2011) Zhiznestoikost' kak sostavlyayushchaya lichnostnogo potentsiala [Vitality as a component of personal potential]. In: *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnostics]. Moscow: Smysl Publ.
9. Maddi S. (2002) *Teorii lichnosti: sravnitel'nyi analiz* [Personality Theories: A Comparative Analysis]. St. Petersburg: Rech' Publ.
10. Mikhailov L.A. et al. (2008) *Psikhologicheskaya bezopasnost'* [Psychological safety]. Moscow: Drofa Publ.
11. Nikitina E.V. (2017) Fenomen zhiznestoikosti: kontseptsiya, sovremennye vzglyady i issledovaniya [The phenomenon of resilience: concept, modern views and research]. *Academy*, 4 (19), pp. 100-103.
12. Shadrikov V.D. (1996) *Psikhologiya deyatelnosti i sposobnosti cheloveka* [Psychology of human activity and abilities]. Moscow: Logos Publ.
13. Sharipova M.N. (2017) *Psikhologiya bezopasnosti* [Psychology of safety]. Orenburg.
14. Verbina G.G. (2006) *Psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti* [Psychological safety of the individual]. Cheboksary.

УДК 159.9

Особенности взаимосвязи эмоций и стиля вождения как фактор аварийности водителя

Лобанова Юлия Игоревна

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии,
Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет,
190005, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
2-я Красноармейская ул., 4;
e-mail: gretta25@list.ru

Красильникова Елизавета Игоревна

Студент,
Международный банковский институт им. А.А. Собчака,
191011, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Невский пр., 60;
e-mail: Zzz12217@mail.ru

Аннотация

В статье критически анализируются отдельные особенности подготовки водителей в автошколах. Обосновывается значимость переживаемых эмоций как для собственно процесса обучения, так и для становления стиля вождения, необходимого для адаптации в деятельности. Указывается на недостаточную изученность взаимосвязи между стилем вождения и образом переживаемого в процессе вождения эмоционального фона. Дается описание методик, используемых для проведения эмпирического исследования. Представляются данные рангового корреляционного анализа. Выявлены специфические особенности взаимосвязей между стилем вождения и образом эмоционального фона у водителей с разным уровнем надежности деятельности: у безаварийных есть корреляции между изменениями характеристик стиля вождения и переживанием удовольствия в процессе вождения, причем со временем эта корреляция становится более сильной. У водителей с низким уровнем надежности (аварийных) такой связи не выявляется ни в один из анализируемых периодов, но при этом выявляется связь с переживанием гнева (не проявляющаяся у безаварийных). В работе делается вывод о возможности поиска методов для профилактики аварийности водителей посредством перестройки не способствующих безопасному поведению на дороге взаимосвязей между эмоциями и стилем вождения, в том числе с опорой на коучинговые практики, а также на анализ мотивационных возможностей эмоций.

Для цитирования в научных исследованиях

Лобанова Ю.И., Красильникова Е.И. Особенности взаимосвязи эмоций и стиля вождения как фактор аварийности водителя // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 139-149.

Ключевые слова

Стиль деятельности, стиль вождения, эмоции, образ эмоционального фона, аварийность, удовольствие, функции эмоций.

Введение

Подготовка водителей в автошколе, несомненно, представляет собой процесс обучения. Однако этот процесс имеет свои особенности, обусловленные тем, что водителя готовят как человека-оператора для работы в условиях системы водитель-автомобиль-дорога-среда [Лобанова, 2016, 2014]. При таком подходе особое значение для успешности адаптации обучаемого и к обучению автовождению (особенно при неполном соответствии требованиям деятельности), и к самостоятельному автовождению имеет становление у субъекта гармоничного стиля деятельности, обеспечивающего (в том числе) компенсацию недостаточно развитых профессионально важных качеств [Лобанова, 2016] – отнюдь не все обучаемые автошкол полностью соответствуют требованиям водительской деятельности к уровню развития профессионально важных качеств.

Однако формирование стиля деятельности (если исходить из рабочих программ, по которым ведется обучение) не является целью обучения в автошколе. И субъект вынужден самостоятельно искать основу своего стиля деятельности. На что он может опираться в своих поисках?

Литературный обзор

В модели стиля деятельности, предложенной В.А. Толочком [Толочек, 2013], впервые в привязке к формированию стиля упоминаются эмоции, хотя в описании модели именно им уделяется меньше всего внимания. Приведем цитату из монографии В.А. Толочка: «Под субъективно удобными условиями» (СУУД) мы понимаем сплав осознанного и неосознанного, одну из первых структур и в последующем один из первичных факторов формирования стиля как целостной и завершенной системы адаптации человека к среде, детерминирующей его последующие «этажи» (уровни, характеристики). СУУД есть эмоциональная память, своего рода «прошлое» субъекта, его «зоны комфорта», эмоциональные оценки успешности, играющие заметную роль в адаптации субъекта к требованиям деятельности и направляющие эту адаптацию на определенную часть ее условий и требований» [Толочек, 2018, 278-279].

Детального исследования того, какие именно эмоции, в какие моменты времени, в каких условиях и каким именно образом отражаются в выборе способов и средств или, например, их смене (в связи с динамикой или напротив отсутствия положительной динамики результатов деятельности – не проводилось. Отметим, что в зарубежной психологии исследователи периодически обращаются к исследованию стиля. В российской психологии за исключением нескольких авторов [Лобанова, 2023; Толочек, Машкова, 2020; Толочек, 2013, 2018; Taubman – Ben-Ari, 2012] как исследованием собственно стилей, так и связей между ними и эмоциями практически не занимаются.

И это не удивительно, поскольку формирование стиля (как уже было сказано) не является образовательной целью, а в традициях советского и постсоветского образования – фокусировка исключительно на результатах обучения (в современных терминах, на уровне сформированности отдельных компетенций и компетентности обучаемых в целом) – в отличие

от зарубежного подхода в организации образования, ориентированного на процесс не в меньшей степени, чем на результат. Обоснованием «процессуального» подхода к обучению для зарубежных специалистов являются эффективно работающие коучинговые практики. Так, в работе Тимоти Голви «Работа как внутренняя игра» [Голви, 2018] представлен знаменитый треугольник эффективности, связывающий между собой обучение, развитие – удовольствие – результаты. Модель Т.Голви подразумевает, что результат обучения (или профессиональной деятельности) зависит от того, каким, собственно, будет сам процесс, причем в том числе в эмоциональном плане. Иными словами, путь имеет не меньшее значение, чем достигнутый результат и само достижение результата определяется особенностями продвижения субъекта в его направлении.

Чтобы прояснить роль эмоций для адаптации в водительской деятельности, было решено обратиться к исследованию эмоционального фона, на котором осуществляется процесс вождения (реализуется водительская деятельность) и соотнести процесс, эмоциональный фон деятельности и достигаемые результаты.

Обращаясь к работам В.А. Толочка, в которых исследуются стили деятельности, формирующиеся в спорте [Толочек, 2013, 2018], приходится отметить, что результаты эмпирических исследований скорее указывают на наличие взаимосвязи по типу: разное сочетание способов и средств деятельности – одинаковые результаты (особые достижения) – одинаковые (при этом положительные) эмоции. Однако в спорте (тем более высших достижений) стремление к проигрышу (пусть и бессознательное) не позволило бы спортсмену успешно конкурировать. Повторение проигрышей (пусть даже с положительными эмоциями) неизбежно привело бы спортсмена к выходу из спорта (как бы по независящим от него обстоятельствам).

В других же сферах (любительских или допускающих ситуации периодического проигрыша – например, в конкретных типах обстоятельств, например, в сфере продаж) соотношение между способами, результатами и эмоциями вполне может оказаться более многообразным. И особенно это вероятно в такой сфере как автовождение – где профессионалы соседствуют с любителями, в участие в дорожное движение включена вся популяция, а дорожная среда по умолчанию социокультурная и ориентирована под возможности человека (причем не на высший уровень проявления требуемых качеств, а на средний – и даже ниже) [Лобанова, 2023].

Рабочая модель взаимосвязи между стилем вождения и эмоциями, возникающими в процессе вождения (статичной, односрезовой) и результатами деятельности была все же построена на предположении, что при сочетании безопасных характеристик стиля с положительным образом эмоционального фона уровень надежности будет постоянно высоким, тогда как при сочетании небезопасных характеристик с негативными (или амбивалентными) эмоциями уровень надежности будет оставаться низким. При этом ставилась цель проанализировать динамику взаимосвязей между образом эмоционального фона и стилем вождения (при изменении параметров стажа и надежности деятельности).

Собственно, стиль вождения комбинирует в себе особенности дорожного поведения (проявляющиеся в отношении к разным объектам внутри дорожной среды), способы и средства осуществления водительской деятельности и устойчивые эмоциональные переживания, на фоне которых первые и вторые реализуются. Стиль вождения рассматривается в рамках данного исследования как «типичные, устоявшиеся (привычно своеобразные) особенности дорожного поведения водителя, а также система способов и средств осуществления им деятельности, типичные для водителя эмоциональные переживания и взаимодействия с другими участниками

дорожного движения, предопределяющие уровень безопасности (аварийности) водителя (с одной стороны) и определяемые рядом устойчивых и переменных факторов (с другой)» [Лобанова, 2016]. При том что в работе мы опираемся на данное определение стиля, тем не менее аспект эмоциональных переживаний дифференцируется, изучается отдельно и соотносится с характеристиками стиля вождения.

Материалы и методы исследования

В работе изучаются две группы водителей со стажем более десяти лет – аварийные (имеющие в опыте ДТП по собственной вине или по обоюдной) и безаварийные (не имеющие таковых).

Предметом исследования являются взаимосвязи между характеристиками стиля вождения и образом переживаемого эмоционального фона в третий год стажа и в десятый.

Для сбора эмпирических данных используются:

- Методика шкалирования «Самооценка стиля вождения» (авторская), направленная на оценку респондентами выраженности отдельных характеристик стиля вождения при разных параметрах стажа управления транспортным средством (проводится с опорой на ретроспективную рефлекссию)
- Методика шкалирования «Образ переживаемого эмоционального фона» (авторская), направленная на оценку отдельных эмоций, входящих в образ эмоционального фона в процессе вождения при разных параметрах управления транспортным средством (проводится с опорой на ретроспективную рефлекссию)

Методика шкалирования «Самооценка стиля вождения» (авторская), используемая для изучения характеристик стиля вождения в динамике (в ретроспективе), была сконструирована с ориентацией на современную методологию изучения стилей деятельности [Толочек, 2013] и с опорой на модель стиля вождения Ю.И. Лобановой, включающую в себя 5 характеристик [Козлов, 2012; Лобанова, 2014], а также с учетом обоснования В.А. Толочком возможности использования самооценок как самодостаточных эмпирических данных [Толочек, Машкова, 2020].

Методика шкалирования «Образ переживаемого эмоционального фона» (авторская) создавалась на основе обозначенных ниже положений:

- 1) В работе возможно обращение к изучению отраженного и сохраненного (вероятно, частично) следа эмоций в памяти в разные моменты стажа вождения.
- 2) Существует вероятность, что при обращении испытуемых к воспоминаниям, будет прежде всего извлекаться информация о тех эмоциях, которые многократно повторились, «прокручивались» в процессе автовождения, стали типично своеобразными для водителя.
- 3) Набор эмоций, который был включен в анкеты, обусловлен теоретическим анализом работ зарубежных исследователей, а также рядом эмпирических исследований, проведенных автором данной статьи.

В выборку эмпирического исследования вошли 113 водителей со стажем не менее 5-ти лет, из них 57 – с высоким уровнем надежности деятельности (безаварийные) и 56 – с низким уровнем надежности деятельности (имеющие в опыте дорожно-транспортные происшествия, случившиеся по их собственной или по обоюдной вине). Среди них 79,6% составляют мужчины и 20,4% женщины. Средний возраст выборки 33,2 года. Средний стаж вождения 12,3 лет.

Результаты исследования

В исследовании был проведен ранговый корреляционный анализ между отдельными характеристиками стиля вождения и частотой переживания водителями отдельных эмоций, входящих в образ эмоционального фона. Анализировались и сопоставлялись три этапа водительской биографии: 2-3-й годы автовождения, 4-5-й годы и 5-10-й.

Результаты проведенного корреляционного анализа представлены в таблицах 1-6.

Таблица 1 - Корреляционные связи между отдельными характеристиками стиля вождения и эмоциями, входящими в образ эмоционального фона (безаварийные водители) – третий год стажа вождения

Характеристики стиля вождения			Радость 3	Гнев 3	Тревога 3	Спокойст. 3	Удоволь. 3
Ро Спирма на	безопас- ность-риск 3	Коэффициент корреляции	0,225	-0,180	0,215	0,058	-0,052
		Знач. (2-х сторонняя)	0,092	0,181	0,108	0,666	0,701
	планиро- вание- импульс. 3	Коэффициент корреляции	0,150	-0,042	0,138	-0,052	-0,074
		Знач. (2-х сторонняя)	0,266	0,754	0,305	0,701	0,587
	отношен. к средств-вам безоп. 3	Коэффициент корреляции	0,086	-0,193	-0,061	0,116	-0,043
		Знач. (2-х сторонняя)	0,524	0,150	0,654	0,391	0,752
	культура вождения 3	Коэффициент корреляции	0,320*	-0,098	-0,095	0,150	0,197
		Знач. (2-х сторонняя)	0,015	0,471	0,484	0,267	0,142
	уверенность при парковке 3	Коэффициент корреляции	0,075	0,049	-0,370**	0,515**	0,214
		Знач. (2-х сторонняя)	0,578	0,717	0,005	0,000	0,109
		N	57	57	57	57	57

Таблица 2 - Корреляционные связи между отдельными характеристиками стиля вождения и эмоциями, входящими в образ эмоционального фона (безаварийные водители) – пятый год стажа вождения

Характеристики стиля вождения			Радость 5	Гнев 5	Тревога 5	Спокойст. 5	Удоволь. 5
Ро Спирмана	безопасн. - риск 5	Коэффициент корреляции	0,209	-0,208	-0,237	0,233	-0,005
		Знач. (2-х сторонняя)	0,118	0,120	0,076	0,081	0,968
	планир- импульс. 5	Коэффициент корреляции	0,292*	0,081	0,108	0,231	0,268*
		Знач. (2-х сторонняя)	0,028	0,551	0,422	0,084	0,044

Характеристики стиля вождения			Радость 5	Гнев 5	Тревога 5	Спокойст. 5	Удовольс. 5
	отношен. к средст. Безоп. 5	Коэффициент корреляции	0,132	-0,216	-0,169	0,186	0,124
		Знач. (2-х сторонняя)	0,326	0,107	0,210	0,165	0,357
	культура вождения 5	Коэффициент корреляции	0,338*	-0,280*	-0,175	0,171	0,297*
		Знач. (2-х сторонняя)	0,010	0,035	0,193	0,203	0,025
	уверен. при парковке 5	Коэффициент корреляции	0,010	0,003	-0,415**	0,363**	0,167
		Знач. (2-х сторонняя)	0,940	0,980	0,001	0,005	0,214

Таблица 3 - Корреляционные связи между отдельными характеристиками стиля вождения и эмоциями, входящими в образ эмоционального фона (водители с низким уровнем надежности деятельности) – десятый год стажа вождения

Характеристики стиля вождения			Радость 10	Гнев 10	Тревога 10	Спокойст. 10	Удовольст. 10
Ро Спирман а	безопасность-риск 10	Коэффициент корреляции	0,139	0,004	-0,205	0,350**	-0,142
		Знач. (2-х сторонняя)	0,303	0,974	0,126	0,008	0,291
	планир. - импульс. 10	Коэффициент корреляции	0,493**	-0,218	-0,012	0,352**	0,519**
		Знач. (2-х сторонняя)	0,000	0,103	0,927	0,007	0,000
	отношен. К средствам безопасн. 10	Коэффициент корреляции	0,091	-0,138	-0,254	0,318*	0,193
		Знач. (2-х сторонняя)	0,501	0,304	0,057	0,016	0,150
	культура вожден. 10	Коэффициент корреляции	0,417**	-0,146	-0,225	0,334*	0,494**
		Знач. (2-х сторонняя)	0,001	0,278	0,092	0,011	0,000
	уверен. При парковке 10	Коэффициент корреляции	0,075	0,144	-0,458**	0,336*	0,012
		Знач. (2-х сторонняя)	0,577	0,286	0,000	0,011	0,930
		N	57	57	57	57	57

Таблица 4 - Корреляционные связи между отдельными характеристиками стиля вождения и эмоциями, входящими в образ эмоционального фона (водители с низким уровнем надежности деятельности) – третий год стажа вождения

Характеристики стиля вождения			Радость 3	Гнев 3	Тревога 3	Спокой- ствие 3	Удоволь- ствие 3
Ро Спирмана	Безоп.-риск 3	Коэффициент корреляции	0,084	-0,342**	0,129	-0,075	-0,027
		Знач. (2-х сторонняя)	0,540	0,010	0,342	0,584	0,842
	Планир. - импульс.3	Коэффициент корреляции	-0,065	-0,201	0,118	-0,226	0,173
		Знач. (2-х сторонняя)	0,634	0,138	0,387	0,094	0,203
	Отношен. к средствам безоп. б3	Коэффициент корреляции	0,063	-0,222	-0,052	0,059	-0,029
		Знач. (2-х сторонняя)	0,645	0,100	0,705	0,665	0,831
	Культура вожд. 3	Коэффициент корреляции	0,141	-0,106	-0,062	0,114	0,019
		Знач. (2-х сторонняя)	0,301	0,438	0,649	0,401	0,892
	Увер. при парковке 3	Коэффициент корреляции	0,174	0,025	-0,201	0,314*	0,037
		Знач. (2-х сторонняя)	0,199	0,856	0,137	0,019	0,785
		N	56	56	56	56	56

Таблица 5 - Корреляционные связи между отдельными характеристиками стиля вождения и эмоциями, входящими в образ эмоционального фона (водители с низким уровнем надежности деятельности) – пятый год стажа вождения

Характеристики стиля вождения			Радость5	Гнев 5	Тревога5	Спокойс.5	Удоволь.5
Ро Спирмана	безоп. - риск 10	Коэффициент корреляции	0,175	-0,240	-0,093	0,111	-0,060
		Знач. (2-х сторонняя)	0,198	0,075	0,497	0,416	0,663
	планир.- импульс. 10	Коэффициент корреляции	-0,076	-0,136	-0,041	-0,044	0,066
		Знач. (2-х сторонняя)	0,579	0,319	0,766	0,750	0,631
	отношен. к средствам безоп. 10	Коэффициент корреляции	0,217	-0,247	-0,070	0,168	0,069
		Знач. (2-х сторонняя)	0,108	0,067	0,608	0,215	0,613
	культура вождения 10	Коэффициент корреляции	0,216	-0,121	-0,265*	0,290*	0,061
		Знач. (2-х сторонняя)	0,110	0,376	0,048	0,030	0,653
	уверен. при парковке 10	Коэффициент корреляции	0,122	-0,005	-0,243	0,397**	0,099
		Знач. (2-х сторонняя)	0,372	0,969	0,072	0,002	0,469
		N	56	56	56	56	56

Таблица 6 - Корреляционные связи между отдельными характеристиками стиля вождения и эмоциями, входящими в образ эмоционального фона (водители с низким уровнем надежности деятельности) – десятый год стажа вождения

Характеристики стиля вождения			Радость 10	Гнев 10	Тревога 10	Спокойствие 10	Удовольств. 10
Ро Спирмана	Безоп. -риск 10	Кoeffиц. корреляции	0,193	-0,147	-0,055	0,033	0,059
		Знач. (2-х сторонняя)	0,154	0,278	0,689	0,807	0,667
	Планир. - импульс. 10	Кoeffиц. корреляции	0,008	-0,126	-0,175	0,070	0,140
		Знач. (2-х сторонняя)	0,951	0,356	0,196	0,608	0,302
	Отношение к средствам безоп. 10	Кoeffиц. корреляции	0,136	-0,061	-0,108	0,172	0,258
		Знач. (2-х сторонняя)	0,316	0,653	0,430	0,206	0,055
	Культура вожд. 10	Кoeffиц. корреляции	0,320*	-0,071	-0,257	0,493**	0,259
		Знач. (2-х сторонняя)	0,016	0,602	0,056	0,000	0,054
	уп10	Кoeffициент корреляции	0,103	-0,040	-0,199	0,471**	0,037
		Знач. (2-х сторонняя)	0,451	0,769	0,142	0,000	0,789
		N	56	56	56	56	56

Обсуждение результатов

Анализ данных приложений позволяет отметить, что в группе безаварийных водителей связи между характеристиками стиля вождения и переживанием удовольствия, а также радости появляются еще в начале водительского стажа (...). С ростом стажа вождения корреляции только усиливаются – то есть (вероятно) в данной группе отбор методов и средств деятельности вполне укладывается в модель, предложенную В.А. Толочком, а эмоции (в данном случае переживание удовольствия в первую очередь) выполняют регулирующую функцию в отношении поведения. На этой основе у данной группы водителей (вероятно) и формируется истинный (гармоничный их индивидуальности) стиль деятельности (а в дальнейшем при необходимости корректируется), что и способствует сохранению надежности деятельности на протяжении всей водительской биографии.

В группе же аварийных водителей не выявлено корреляций между частотой переживания удовольствия и анализируемыми характеристиками стиля (ни в один из анализируемых периодов времени), ни с переживанием радости. Иными словами, переживание удовольствия или неудовольствия, а также наличие или отсутствие радости в процессе автовождения никак не связано с изменением дорожного поведения у данной группы водителей. При этом само переживание удовольствия возникает, но на изменении характеристик стиля как будто не отражается. При этом у водителей безаварийных корреляции между характеристиками стиля вождения и переживанием удовольствия наблюдаются во все наблюдаемые периоды стажа.

У аварийных водителей обнаруживаются корреляции с частотой переживания тревоги и спокойствия, но складывается впечатление, что балансирование между этими переживаниями в меньшей степени способно повлиять на отбор водителями более подходящих ему методов и средств осуществления деятельности и в меньшей степени способно изменить его дорожное поведение.

У безаварийных водителей не выявлено корреляций между частотой проявления гнева и отдельными характеристиками стиля, в то время как у аварийных, напротив, именно частота проявления гнева во все анализируемые периоды оказывается связанной со стилем вождения.

Удивительно, что, испытывая негативные эмоции на регулярной основе (и имея сомнительную социальную успешность в этой сфере) водители из аварийной группы не отказываются от водительской деятельности.

Заключение

Проведенный анализ позволяет в определенной степени подтвердить работоспособность модели стиля деятельности В.А. Толочка в отношении водителей с высоким уровнем надежности деятельности), но заставляет усомниться в ее работоспособности в отношении водителей аварийных, что неудивительно, учитывая, что модель исследователя не настроена на так называемые «псевдостили», то есть стили, не способствующие социальной успешности. Полученные результаты также заставляют задуматься о расширении представлений о функциях эмоций [Вилюнас, 2004; Пырьев, 2012] в становлении и динамике стилей деятельности и в поведении в целом.

Отсутствие связей между характеристиками стиля вождения и таким эмоциональным переживанием как удовольствие с получением на выходе в деятельности низкого уровня надежности и высокой аварийности вполне укладывается в модель Т. Голви. По всей видимости, и поиск методов для профилактики аварийности водителей следует искать в возможности перестройки не способствующих безопасному поведению на дороге взаимосвязей между эмоциями и стилем вождения, в том числе с опорой на коучинговые практики, а также на анализ мотивационных возможностей эмоций.

Библиография

1. Вилюнас В.К. Эмоции и деятельность // Психология эмоций. СПб.: Питер, 2004. С. 285-302.
2. Глазков В.Ф. и др. Основы подготовки водителей автотранспортных средств. Ч. 1. СПб.: Петрополис, 2015. 450 с.
3. Голви Т. Работа как внутренняя игра. Раскрытие личного потенциала. М., 2018. 304 с.
4. Козлов Е.В. Психофизиологическое обоснование необходимости совершенствования системы подготовки водителей: дис. ... канд. мед. наук. М., 2012. 126 с.
5. Лобанова Ю.И. Особенности стиля вождения «аварийных» и «безаварийных» водителей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2016. Т. 9. № 3. С. 87-94.
6. Лобанова Ю.И. Очерки рефлексивной психологии стилей (на примере стилей вождения). СПб., 2023. 312 с.
7. Лобанова Ю.И. Психология безопасного автовождения. СПб., 2016. 326 с.
8. Лобанова Ю.И. Стиль вождения: структурный подход к диагностике. оценка отдельных характеристик // Вестник гражданских инженеров. 2014. № 6 (47). С. 284-292.
9. Лобанова Ю.И. Типичные эмоции, стиль вождения и профилактика аварийности водителя // European Social Science Journal. 2017. № 1. С. 396-406.
10. Пырьев Е.А. Мотивационные возможности эмоций и потребностей: сравнительный анализ // Вестник ОГУ. 2012. № 9 (145). С. 35-42.
11. Толочек В.А., Машкова А.С. Компетенции: методы исследования, результаты, сущностные свойства психологических объектов: взаимосвязи и взаимоограничения // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 4. С. 252-270.

12. Толочек В.А. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М., 2013. 320 с.
13. Толочек В.А. Профессионально важные качества и компетенции субъекта деятельности (к вопросу эволюции феномена) // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности. М., 2018. С. 1352-1357.
14. Taubman – Ben-Ari O. Driving styles and their associations with personality and motivation // Accident Analysis & Prevention. 2012. Vol. 45. P. 416-422.

Features of the relationship of emotions and driving style as a factor of driver accidents

Yuliya I. Lobanova

PhD in Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
190005, 4, 2nd Krasnoarmeiskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: gretta25@list.ru

Elizaveta I. Krasil'nikova

Student,
Sobchak International Banking Institute,
191011, 60, Nevskii ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: Zzz12217@mail.ru

Abstract

The article critically analyzes certain features of driver training in driving schools. The importance of the emotions experienced is substantiated both for the actual learning process and for the formation of the driving style necessary for adaptation in activity. It is pointed out that there is insufficient knowledge of the relationship between driving style and the image of the emotional background experienced during driving. The methods used for conducting empirical research are described. The data of the rank correlation analysis are presented. The specific features of the interrelationships between driving style and the image of the emotional background of drivers with different levels of reliability of activity are revealed: accident-free drivers have correlations between changes in driving style characteristics and experiencing pleasure while driving, and this correlation becomes stronger over time. For drivers with a low level of reliability (emergency), such a connection is not detected in any of the analyzed periods. The paper concludes that it is possible to search for methods to prevent driver accidents by restructuring the relationships between emotions and driving style that do not contribute to safe behavior on the road, including relying on coaching practices, as well as analyzing the motivational possibilities of emotions.

For citation

Lobanova Yu.I., Krasil'nikova E.I. (2024) Osobennosti vzaimosvyazi emotsii i stilya vozhdeniya kak faktor avariinosti voditelya [Features of the relationship of emotions and driving style as a factor of driver accidents]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 139-149.

Keywords

Activity style, driving style, emotions, image of an emotional background, accident rate, pleasure, functions of emotions.

References

1. Glazkov V.F. et al. (2015) *Osnovy podgotovki voditelei avtotransportnykh sredstv. Ch. 1* [Fundamentals of training vehicle drivers. Part 1]. St. Petersburg: Petropolis Publ.
2. Gallwey T. (2018) *Rabota kak vnutrennyaya igra. Raskrytie lichnogo potentsiala* [The Inner Game of Work: Focus, Learning, Pleasure, and Mobility in the Workplace]. Moscow.
3. Kozlov E.V. (2012) *Psikhofiziologicheskoe obosnovanie neobkhodimosti sovershenstvovaniya sistemy podgotovki voditelei. Doct. Dis.* [Psychophysiological substantiation of the need to improve the driver training system. Doct. Dis.]. Moscow.
4. Lobanova Yu.I. (2023) *Ocherki refleksivnoi psikhologii stilei (na primere stilei vozhdeniya)* [Essays on the reflexive psychology of styles (using the example of driving styles)]. St. Petersburg.
5. Lobanova Yu.I. (2016) Osobennosti stilya vozhdeniya «avariinykh» i «bezavariinykh» voditelei [Features of the driving style of “accident” and “accident-free” drivers]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology], 9, 3, pp. 87-94.
6. Lobanova Yu.I. (2016) *Psikhologiya bezopasnogo avtovozhdeniya* [Psychology of safe driving]. St. Petersburg.
7. Lobanova Yu.I. (2014) Stil' vozhdeniya: strukturnyi podkhod k diagnostike. otsenka otde'lnykh kharakteristik [Driving style: a structural approach to diagnosis. assessment of individual characteristics]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov* [Bulletin of Civil Engineers], 6 (47), pp. 284-292.
8. Lobanova Yu.I. (2017) Tipichnye emotsii, stil' vozhdeniya i profilaktika avariinosti voditelya [Typical emotions, driving style and driver accident prevention]. *European Social Science Journal*, 1, pp. 396-406.
9. Pyrev E.A. (2012) Motivatsionnye vozmozhnosti emotsii i potrebnosti: sravnitel'nyi analiz [Motivational possibilities of emotions and needs: comparative analysis]. *Vestnik OGU* [OSU Herald], 9 (145), pp. 35-42.
10. Taubman – Ben-Ari O. (2012) Driving styles and their associations with personality and motivation. *Accident Analysis & Prevention*, 45, pp. 416-422.
11. Tolochek V.A. (2013) *Problema stilei v psikhologii: istoriko-teoreticheskii analiz* [The problem of styles in psychology: historical and theoretical analysis]. Moscow.
12. Tolochek V.A. (2018) Professional'no vazhnye kachestva i kompetentsii sub"ekta deyatel'nosti (k voprosu evolyutsii fenomena) [Professionally important qualities and competencies of the subject of activity (on the issue of the evolution of the phenomenon)]. In: *Psikhologiya cheloveka kak sub"ekta poznaniya, obshcheniya i deyatel'nosti* [Human psychology as a subject of cognition, communication and activity]. Moscow.
13. Tolochek V.A., Mashkova A.S. (2020) Kompetentsii: metody issledovaniya, rezul'taty, sushchnostnye svo istva psikhologicheskikh ob"ektov: vzaimosvyazi i vzaimoogranicheniya [Competencies: research methods, results, essential properties of psychological objects: relationships and mutual limitations]. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational psychology], 10, 4, pp. 252-270.
14. Vilyunas V.K. (2004) Emotsii i deyatel'nost' [Emotions and activity]. In: *Psikhologiya emotsii* [Psychology of emotions]. St. Petersburg: Piter Publ.

УДК 316.6; 159.9**Опыт эмпирического исследования социальной ответственности
ВИЧ-инфицированных****Шилова Елена Вячеславовна**

Медицинский психолог,
Московский научно-практический центр наркологии
Департамента здравоохранения города Москвы;
Российский государственный социальный университет,
129226, Российская Федерация, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4;
e-mail: 266alena@mail.ru

Аннотация

Социальная ответственность, проявляемая индивидом во всех сферах жизни, является критерием оценки его взаимоотношений и взаимодействий с другими членами общества, а также последствий его деятельности для общества и важным фактором при оценке того, как его действия влияют на других. Цель работы: проанализировать проблемы эмпирического исследования социальной ответственности вич-инфицированных. Методология проведения работы: был проведен поиск среди научных работ в базах данных Cochrane Library, Science Direct, PubMed, Elibrary по ключевым словам. В исследовании использовались методы анализа, синтеза, аналогий и сравнений. Результаты работы: сосредоточение внимания на социальной ответственности вич-инфицированных. Область применения результатов: выявленные результаты позволяют предоставить психологам научную информацию о проблемах и возможностях социальной ответственности вич-инфицированных. Научная новизна исследования заключается в том, что раскрыты основы социальной ответственности и рискованного поведения ВИЧ-инфицированных лиц. Выводы: 1) Фундаментальная характеристика социально-психологической модели поведения, без которой основные начала внутренней детерминации и самоопределения не могут выглядеть завершенными. 2) Существующие проблемы психологической идентификации социальной ответственности ВИЧ-инфицированных являются многогранными и требуют дальнейшего глубокого изучения.

Для цитирования в научных исследованиях

Шилова Е.В. Опыт эмпирического исследования социальной ответственности ВИЧ-инфицированных // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 150-156.

Ключевые слова

ВИЧ, поведение, социальная ответственность, психологическая идентификация, самоопределение.

Введение

Ответственность, проявляемая индивидом во всех сферах жизни, является критерием оценки его взаимоотношений и взаимодействий с другими членами общества, а также последствий его деятельности для общества. Другими словами, уровень ответственности, который проявляет индивид, является важным фактором при оценке его влияния на общество и того, как его действия влияют на других.

Эта идея может быть применена к различным аспектам жизни, включая профессиональную работу, социальные отношения и личное поведение. Принятие ответственности за свои действия является неотъемлемой характеристикой ответственного и этичного человека, который осознает их влияние на других и окружающую среду. Это также важный фактор в установлении здоровых и позитивных отношений с окружающими [Лекторский и др., 2020].

Феномен социальной ответственности ВИЧ-инфицированных в социальной психологии и медицине существует в доктринальной системе знаний уже более 20 лет, однако до сих пор не выработана единая концепция о природе явления социальной ответственности и рискованного поведения в контексте поведенческой модели ВИЧ-инфицированных лиц, что является подтверждением незавершенности процесса выработки системы знаний.

На сегодняшний день в условиях доктринальной действительности проблемы социальной ответственности приобретают все большее теоретическое и практическое значение. Преобразования в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в медицине, социально-психологической отрасли, происходящие более десяти лет, безусловно, затрагивают и систему отношений между людьми.

Кардинально изменился подход к пониманию социальной ответственности в целом, включавший в себя ранее сферы социальной, политической и иной жизни общества.

Таким образом, вышеуказанные преобразования оказали свое воздействие в том числе на фундаментальные личностные основы, регулирующие самоопределение человека и его внутреннюю детерминацию.

Методика

В основе любой системы доктринальных и эмпирических аспектов идентификации поведенческой модели лежит соответствующее научное знание.

Полагаем, что именно данный ракурс исследования проблемы имеет особое значение для качественного и полноценного раскрытия тематики настоящего исследования.

Однако при построении доктринальной характеристики исследуемой группы, мы столкнулись с серьезной проблемой, связанной с нехваткой исследовательского материала.

Познание социальной ответственности ВИЧ-инфицированных и доказывание, каких-либо обстоятельств в рамках межличностных отношений, – это разные процессы, отождествление которых, является ошибкой.

Обращение к философскому определению (конечно же, не единственному) понятия «познание», вызвано тем, что описание этого процесса, как и само определение, существует только на уровне доктрины.

Г.А. Гаджиев, пишет о влиянии философии вообще в частности на социально-психологическую действительность так: «...философские знания являются действительным основанием психологии, а все более или менее значимые шаги вперед в этой сфере являются

результатом приложения философского знания к психологической действительности [Кольцова, 2013].

Разрыв между общей философией и психологией устраняет философия, являющаяся философской теорией среднего уровня [Муздыбаев, 1983].

Но между философией и психологией разрывы есть, и чтобы их не было, необходима практически ориентированная система научных знаний» [Гаврилов, 2019].

Мыслительная деятельность в процессе познания осуществляется в таких логических формах, как суждение, умозаключение, индукция и дедукция, анализ и синтез, создание версий и их проверка.

Благодаря этим логическим конструкциям, субъект познания, рассматривая проблемную ситуацию в качестве объекта познания, выстраивает свое гносеологическое отношение, что-либо утверждая относительно объекта или отрицания [Алексеев, Панин, 2019].

Познание – процесс творческой деятельности людей, формирующих из знания, на основе которых возникают цели и мотивы человеческих действий.

Результатом использования методов моделирования, эвристики, фактологического анализа, а также приемов, составляющих метод фактологического анализа, таких как: анализ негативных обстоятельств, проверка релевантной информации – является формирование фактологической информационной модели, которую В.Я. Колдин именуется информационной матрицей [Гаврилов, 2019].

Методологической основой для рассматриваемого исследования, послужили следующие теории и модели:

- Психология здоровья (Никифоров Г.С., 2006)
- Девиантность и теория отклоняющегося поведения (Змановская Е.В., Рыбников В.Ю., 2010)
- Модель убеждений в отношении здоровья (Розеншток И., 1974)
- Теория социального обучения (Бандура А., 1977)
- Теория обоснованного действия (Фишбейн М., Айзен И., 1975)
- Транстеоретическая модель изменения поведения (Прочаска Дж., 1992)

Целью данного исследования стало изучение особенностей эмпирического исследования социальной ответственности ВИЧ-инфицированных [там же].

Исследование проводилось в контексте поведенческой модели социальной ответственности ВИЧ-инфицированных. Автором была предпринята попытка проведения пилотного исследования социальной ответственности ВИЧ-инфицированных на разных этапах личностного развития. Общий объем выборки исследования составил 78 участников.

Результаты

ВИЧ-инфекция представляет собой социально значимое заболевание в России, по данным Росстата и Министерства Здравоохранения Российской Федерации (2022). Таким образом, изучение закономерностей развития эпидемии, оценка эффективности мер медицинской и социально-психологической профилактики новых случаев ВИЧ-инфекции в период увеличения показателей передачи инфекции имеют решающее значение для сдерживания распространения ВИЧ в России. Кроме того, в рамках исследования подчеркивается необходимость широкого тестирования на ВИЧ и консультирования по вопросам ВИЧ-инфекции, а также разработки новых подходов к сдерживанию дальнейшего распространения заболевания.

В целом, социально-психологическая модель социальной ответственности ВИЧ-инфицированных коррелируется с важностью комплексного и скоординированного подхода к борьбе с распространением ВИЧ в России, включая меры профилактики, тестирования и лечения. Это говорит о том, что усилия по профилактике ВИЧ должны быть нацелены на наиболее уязвимые группы населения, обладающих низкой социальной ответственностью.

Изучение закономерностей развития эпидемии ВИЧ и разработка мер профилактики являются одними из основных направлений повышения общественной и инфекционной безопасности в обществе, при этом необходимо изучение социальных и психологических характеристик пациентов, включая их отношение к лечению и поведение в процессе лечения, которые определяют специфику психологических вмешательств в профилактике распространения болезни является областью внимания и проблемой медицинской психологии.

Борьба с эпидемией ВИЧ требует не только медицинских вмешательств, но и психологических вмешательств, адаптированных к конкретным потребностям и настроениям пациентов. Это также подчеркивает важность изучения отношения пациентов к лечению и их поведения в процессе лечения для обеспечения эффективных профилактических мер.

Согласно эмпирическим исследованиям, женщины, живущие с ВИЧ, могут чаще быть склонны к модели в поведении, способствующей распространению ВИЧ, по сравнению с мужчинами, живущими с ВИЧ.

Такое поведение включает незащищенный секс, плохую приверженность лечению и употребление психоактивных веществ. В частности, проведенные исследования свидетельствуют о том, что 37% женщин с ВИЧ чаще занимаются незащищенным сексом, имеют худшую приверженность лечению (15%) и употребляют психоактивные вещества и алкоголь (10%).

Многие женщины сообщали, что употребление алкоголя происходило во время социализации с иными людьми. Большинство из них (7%) описывали употребление алкоголя как нормальную часть общения, например, во время семейных посиделок, торжеств или прогулок с друзьями.

Большинство женщин обычно выпивали и употребляли психоактивные вещества с друзьями (73,3%), супругами или интимными партнерами (56,7%), другими родственниками (36,7%) и коллегами по работе (36,7%).

Меньшая часть женщин (30,0%) сообщили о том, что употребляли алкоголь в одиночку. Среди женщин, которых побуждали пить других ли, 76,5% сообщили, что их побуждали пить друзья и коллеги по работе, 47,1% супруги или сексуальные партнеры и 29,4% другие родственники.

Родственники и друзья поощряли женщин употреблять алкоголь, и заниматься незащищенным сексом несмотря на тот факт, что во всех случаях, кроме одного, они были осведомлены о статусе ВИЧ-инфицированного партнера, и что употребление алкоголя противопоказано лицам, инфицированным ВИЧ.

В рассматриваемой выборке преобладали негативные мотивы социального поведения.

Для 40% респондентов употребление алкоголя было связано с личными, рабочими или финансовыми проблемами и стрессовыми факторами, такими как «семейные ссоры» и «недоразумения с мужем».

Ряд респондентов (35%) пили из-за плохого настроения и симптомов тревоги. Участники сказали, что пили, ввиду ощущения «гнева», «негодования», «усталости», «страха», «стресса», «беспокойства» и «тревожности».

Ряд респондентов говорили, что пили, потому что чувствовали себя «неудачниками» или

«подавленными» и «пытались заглушить смятение ума» алкоголем.

Некоторые женщины также упоминали конкретные события, предопределяющие модель в поведении, способствующей распространению ВИЧ в качестве факторов, провоцирующих употребление алкоголя, такие как недавний развод или смерть в семье вследствие ВИЧ инфекции (6%).

Исследование вопроса смысловой сферы человека определяет процесс саморегуляции, который основан на системе ценностей и значимых отношениях, сложившихся на протяжении всей его жизни [Алексеев, Панин, 2019].

Это означает, что ценности и взаимоотношения человека в социуме играют решающую роль в том, как он регулирует свое поведение и принимает решения. Необходимо отметить, что эти ценности и отношения не являются статичными и могут меняться с течением времени, что может повлиять на саморегуляцию человека.

Понимание этого процесса может быть полезно для содействия позитивному изменению поведения и личностному росту.

Поведенческие исследования, проведенные среди группы ВИЧ-инфицированных людей, выявили несколько типов рискованного поведения, которые способствуют понижению социальной ответственности лиц, живущими с ВИЧ и дальнейшему распространению ВИЧ-инфекции.

К ним относится рискованное сексуальное поведение, такое как незащищенный секс и наличие нескольких сексуальных партнеров употребление инъекционных наркотиков и других психоактивных веществ, таких как алкоголь, позволяющий увеличивает вероятность совершения рискованных действий, а также плохая приверженность лечению среди людей, живущих с ВИЧ.

Результаты данного исследования помогут выявить основные типы и факторы, влияющие на рискованное социальное поведение, способствующее распространению ВИЧ-инфекции. Понимание данных факторов необходимо для разработки эффективных мероприятий по предотвращению распространения ВИЧ-инфекции.

Обсуждение

Обобщая исследование доктринального и эмпирического опыта, хочется отметить, что такое разнообразие форм социальной ответственности ВИЧ-инфицированных обусловлено сложностью и неоднозначностью самого феномена. Каждая из конструкций имеет свои достоинства и недостатки.

Так, общая конструкция социальной ответственности ВИЧ-инфицированных и поведенческих моделей позволяет охватить все случаи рискованного поведения ВИЧ-инфицированных. В то же время, она не дает четких критериев [Сафонова, 2014].

Большинство таких критериев имеют оценочный характер. Это, в свою очередь, дает возможность для различного толкования терминов, а следовательно, создает возможности для новых неоднозначностей.

Заключение

Исследование эмпирических особенностей социальной ответственности ВИЧ-инфицированных, позволило прийти к следующим умозаключениям.

Феномен социальной ответственности ВИЧ-инфицированных является крайне сложным и

противоречивым институтом, уникальным в плане рассмотрения системы социально-психологического регулирования в обществе.

Для сходных сфер человеческой активности нехарактерно применение конструкций, которыми допускаются вышерассмотренные явления [там же].

Реализацию социальной ответственности ВИЧ-инфицированных сопровождают спорные ситуации ввиду разнообразия понимания социально-психологического поведения личности и неоднозначности выбранных критериев для оценки.

Таким образом, феномену социальной ответственности ВИЧ-инфицированных, согласно эмпирической практике, необходима определенная реформация относительно содержащихся в них системе знаний.

Необходимо воссоздать реальную картину, при которой будут сведены к минимуму многозначность и двусмысленность понимания явления социальной ответственности ВИЧ-инфицированных.

Итак, в результате проведенного анализа научной литературы мы пришли к следующим выводам.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что, это фундаментальная характеристика социально-психологической модели поведения, без которой основные начала внутренней детерминации и самоопределения не могут выглядеть завершенными.

Существующие проблемы психологической идентификации социальной ответственности ВИЧ-инфицированных являются многогранными и требуют дальнейшего глубокого изучения.

Библиография

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. М.: Высшая школа, 2019. 383 с.
2. Гаврилов Д.А. Искусство сильного мышления. Эвристика – наука будущего. М.: Вече, 2019. 320 с.
3. Ильин В.В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М.: Проспект, 2018. 176 с.
4. Кольцова О.В. Личностные особенности и поддержание непрерывности лечения у ВИЧ-инфицированных пациентов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16. 2013. Вып. 4. С. 4-14.
5. Кузнецова Л.П. Основные технологии социальной работы. Владивосток, 2020. 92 с.
6. Лекторский В.А. и др. Диалектика. Познание. Наука. М.: Наука, 2020. 286 с.
7. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983. 240 с.
8. Петровский А.В. (ред.) Психология. Словарь. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
9. Сафонова П.В. Опыт употребления психоактивных веществ в прошлом и рискованное поведение в настоящем у ВИЧ-инфицированных женщин // ВИЧ-инфекция и иммуносупрессии. 2014. Т. 6. № 4. С. 24-34.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. 126 с.

The experience of empirical research on the social responsibility of HIV-infected people

Elena V. Shilova

Medical psychologist,
Moscow Scientific and Practical Center of Narcology
of the Department of Health of the City of Moscow;
Russian State Social University,
129226, 4, Vilge'l'ma Pika str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 266alena@mail.ru

Abstract

The social responsibility shown by an individual in all spheres of life is a criterion for evaluating his relationships and interactions with other members of society, as well as the consequences of his activities for society and an important factor in assessing how his actions affect others. The purpose of the work: to analyze the problems of empirical research of social responsibility of HIV-infected people. Methodology of the work: a search was conducted among scientific papers in the databases Cochrane Library, Science Direct, PubMed, Library by keywords. The research used methods of analysis, synthesis, analogies and comparisons. Results of the work: focusing on the social responsibility of HIV-infected people. Scope of the results: the identified results allow psychologists to provide scientific information about the problems and opportunities of social responsibility of HIV-infected people. The scientific novelty of the study lies in the fact that the basics of social responsibility of HIV-infected people and risky behavior of HIV-infected people are revealed. Conclusions: 1) The fundamental characteristic of the socio-psychological model of behavior, without which the basic principles of internal determination and self-determination cannot look complete. 2) The existing problems of psychological identification of social responsibility of HIV-infected people are multifaceted and require further in-depth study.

For citation

Shilova E.V. (2024) Opyt empiricheskogo issledovaniya sotsial'noi otvetstvennosti VICH-infitsirovannykh [The experience of empirical research on the social responsibility of HIV-infected people]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 150-156.

Keywords

HIV, behavior, social responsibility, psychological identification, self-determination.

References

1. Alekseev P.V., Panin A.V. (2019) *Teoriya poznaniya i dialektika* [Theory of knowledge and dialectics]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.
2. Frankl V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow.
3. Gavrilov D.A. (2019) *Iskusstvo sil'nogo myshleniya. Evristika – nauka budushchego* [The art of strong thinking. Heuristics is the science of the future]. Moscow: Veche Publ.
4. Il'in V.V. (2018) *Teoriya poznaniya. Evristika. Kreatologiya* [Theory of knowledge. Heuristic. Creatology]. Moscow: Prospekt Publ.
5. Kol'tsova O.V. (2013) Lichnostnye osobennosti i podderzhanie nepreryvnosti lecheniya u VICH-infitsirovannykh patsientov [Personal characteristics and maintaining continuity of treatment in HIV-infected patients]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 16* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 16], 4, pp. 4-14.
6. Kuznetsova L.P. (2020) *Osnovnye tekhnologii sotsial'noi raboty* [Basic technologies of social work]. Vladivostok.
7. Lektorskii V.A. et al. (2020) *Dialektika. Poznanie. Nauka* [Dialectics. Cognition. Science]. Moscow: Nauka Publ.
8. Muzdybaev K. (1983) *Psikhologiya otvetstvennosti* [Psychology of responsibility]. Leningrad.
9. Petrovskii A.V. (ed.) (1990) *Psikhologiya. Slovar'* [Psychology. Dictionary]. Moscow: Politizdat Publ.
10. Safonova P.V. (2014) Opyt upotrebleniya psikoaktivnykh veshchestv v proshlom i riskovannoe povedenie v nastoyashchemu VICH-infitsirovannykh zhenshchin [Experience of using psychoactive substances in the past and risky behavior in the present among HIV-infected women]. *VICH-infektsiya i immunosupressii* [HIV infection and immunosuppression], 6, 4, pp. 24-34.

УДК 37.013.3

Общие характеристики компетентности психологов в структурной маргинализации осужденных за терроризм

Казберов Павел Николаевич

Кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

Аннотация

Актуальность вопроса общих характеристик компетентности психологов в структурной маргинализации осужденных за терроризм очевидна. Двадцать первый век является временем значительной социальной мобильности значительной части населения страны. Большое количество населения деревень и сел ежегодно покидают свои населенные пункты и уезжают в крупные районные центры, города, мегаполисы отрываясь тем самым не только от родных мест, но и от традиционного образа жизни с его установившимися социальными отношениями. Многих из этих людей ждет новое место проживания (условия), новая работа и социальные отношения. Но не у всех мигрантов процесс миграции заканчивается позитивно. В ряде случаев проявляет себя феномен маргинализации, формируя у личности состояние неопределенности в целом и общекультурной дезориентации, в частности. Эти неопределенность и дезориентация приводят к дифференциации общественной системы, ее разрушению и разбалансированности, диктуя актуальность изменений социальных парадигм. Для человека маргинализация чревата крайне негативными последствиями, включая возможность социальной депривации в виде лишения свободы. В указанной выше ситуации для пенитенциарного психолога важна компетентность в аспектах структурной маргинализации лиц, осужденных за терроризм.

Для цитирования в научных исследованиях

Казберов П.Н. Общие характеристики компетентности психологов в структурной маргинализации осужденных за терроризм // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 157-162.

Ключевые слова

Компетентность, психологи, осужденные, структурная маргинализация, личность маргинала, социум, миграция.

Введение

Понятие маргинальность, являясь характеристикой структуры общественных взаимоотношений и общества в целом, определяет устойчивые социальные явления, которые возникают для определения устойчивых социальных явлений, проявляющихся при взаимопроникновении разных этносов, культур и цивилизаций по итогам которых часть их представителей оказывается вне их пределов, часто в местах социальной изоляции [Римашевская, 2004, с. 34]. Необходимость знаний в области маргинальности, как социального явления, продиктована актуальностью осмысления процессов социального характера, происходящих в пенитенциарной системе Российской Федерации.

Политические, экономические, демографические и иные процессы, происходящие в рамках новейшей истории России, обусловили интенсивную трансформацию социальной структуры общества, которая в свою очередь обеспечила множественность критериев интерпретации актуальной социальной дифференциации. Многочисленные волны реформирований современного российского социума (перестройка, парад суверенитетов, строительство правового государства и пр.) обусловили проявление значимую социальную мобильность, а также многообразие форм и проявлений духовной жизни общества. В таких условиях формируется состояние неопределенности в целом и общекультурной дезориентации, в частности. Указанные неопределенность и дезориентация приводят к дифференциации общественной системы, ее разрушению и разбалансированности, диктуя актуальность изменений социальных парадигм.

Основная часть

Необходимо отметить, что социальная разбалансированность, то есть по сути социокультурная энтропия, вызвана динамикой темпов маргинализации общества: деятельность деструктивных эзотерических сект, негативное воздействие миграционных процессов (преступность беженцев, гастарбайтеров и т.д.), проявление криминальной субкультуры, этнические конфликты, экспансия идеологии терроризма и экстремизма, проявление воздействия элементов маргинальной культуры.

Быстро протекающие процессы преобразования социального общества трансформируют не только социальную структуру, но и обеспечивают проявление понимания групповой и индивидуальной идентичности, включая аспекты систем ценностей личности и коллективов, присущих советскому человеку, например.

Примечательно, что в социальной психологии именно состояние неопределенности и вопрос идентичности определяются как важнейшие элементы формирования приверженности индивида (групп) к радикализации, а в последующем и к распространению идеологии терроризма [Бовин, 2020, с. 228]. При этом состояние неопределенности, вызывающее актуализацию дистресса, как правило, характерно для общества и его субъектов на этапе серьезных общественных изменений [Моросанова, 2022, с. 78].

В рамках обозначенных нами процессов происходит «размывание» ранее существовавших границ социальных групп и слоев, пополнение общности общественных аутсайдеров, недовольных таким положением вещей и легко вербуемых в адепты деструктивных организаций радикального толка.

Исследователем рассматриваемого вопроса маргинализации Римашевской Н.М. [Римашевская, 2004, с. 35] указывается, что «именно маргиналами переживаются наиболее

глубокие, принципиальные изменения в социальном статусе, характеризующиеся неопределенностью, потенциальной многонаправленностью социальной траектории, вызванной статусной несовместимостью и социокультурной переориентацией».

В отечественной социологии актуальность изучения проблемного вопроса структурной маргинальности проявляется в начале 2000-ых годов посредством изучения его отдельных аспектов: маргинализация [Стариков, 1991, с. 32] и демаргинализация [Атоян, 1993, с. 29], образование и структура маргинальных групп [Попова, 1999, с. 63], феномен «социального дна» [Римашевская, 2004, с. 34], факторы, способствующие возникновению и формы проявления маргинализации [Батуренко, 2011, с. 46].

Структурная маргинальность находит свое проявление посредством выведения индивидов (их групп) из сферы общественных связей (отношений) из-за происходящих структурных изменений общественных отношений, вызванных войнами, кризисами в экономике, демографическими деструктивными проявлениями и т.д.

Проблемный вопрос маргинальности первоначально рассматривался в рамках культурологического подхода Р.Э. Парка [Park, 1928, с. 881; Park, 1950, с. 355], исследовавшего кросс-культурное взаимодействие и межкультурные контакты среди жителей городов США. В итоге Р.Э. Парк вводит такое определение как «учет типа пограничной личности». Это определение характеризует часть лиц, участвующих в мощных миграционных процессах, происходящих в США. Р.Э. Парк успешно применяет ряд психологических категорий и характеристик при интерпретации проявлений маргинальности.

Комплекс личностных характеристик маргинала, определенный Р.Э. Парком использовался в дальнейшем Т. Шибутани [Шибутани, 2002, с. 248]. Определенный Т. Шибутани итоговый вариант комплекса индивидуальных характеристик личности маргинала представлен следующим образом – человек постоянно переживает ситуацию собственной незначимости (его личность незначима) и низкий социальный статус в глазах социального окружения (отверженность). Такой обладатель комплекса индивидуальных характеристик личности маргинала всячески избегает неопределенных и неясных для него социальных ситуаций с целью недопущения несправедливого обращения с ним (унижения) со стороны социального окружения [Шибутани, 2002, с. 317].

Тем не менее, по вопросу причин маргинализации личности Р.Э. Парк в отличие от Т. Шибутани определял концепцию маргинального индивида исходя из обстановочных факторов социальной среды, а не только из личностных характеристик, обуславливающих маргинализацию. Р.Э. Парк определял маргинала как «побочный продукт» в результате «процесса аккультурации в ситуациях, когда люди различных культур и различных рас сходятся, чтобы продолжать общую жизнь».

Следующим представителем культурологического подхода в исследовании феномена маргинальности личности является Э.В. Стоунквист [Stonequist, 1961, с. 48], автор теории маргинальности на основе распознавания «культурных гибридов», изучая маргинала как «ключевую личность в контактах культур, то есть неадаптированного мигранта, как продукт расовой и этнической "гибридизации"». В социологическом аспекте подобное понимание маргинальности исследователями (Т. Шибутани, Р.Э. Парк и Э.В. Стоунквист) сходно с определением аномии, то есть последствий потери социальной интеграции между людьми и человека с обществом, описанных в трудах Э. Дюркгейма [Дюркгейм, 1991, с. 372].

С позиций категории социальной мобильности рассматривал причины и сущность маргинальности Е. Хьюз, определяя, что «вызвана маргинальность не только результатами культурных смещений, но и в том числе различными видами социальной мобильности» [Hughes,

1945, с. 61]. Социальная мобильность традиционно рассматривается с позиций социально-стратификационного подхода, то есть «любой вариант перехода индивида от одной социальной позиции к другой» [Сорокин, 1992, с. 33].

Исследователями вопроса маргинальности обращается внимание на необходимость междисциплинарной интеграции теоретических и эмпирических данных о маргинальности по ряду научных дисциплин: педагогики, психологии, политологии, экономики, культурологии и т.д. [Смирнов, 2004, с. 14].

В определенной мере неожиданные результаты, в контексте проявления характеристик социальной (структурной) маргинальности, были получены при изучении лиц, осужденных за террористические преступления. Для изучения общих характеристик лиц, осужденных за террористические преступления, включая их социологические характеристики, авторским коллективом ФКУ НИИ ФСИН России в течение восьми лет проведена научно-исследовательская работа по сбору и интерпретации эмпирического материала в отношении одной тысячи семи осужденных, отбывающих уголовное наказание за террористические преступления.

В состав указанного эмпирического материала вошли: характеризующие материалы осужденных; их судебные приговоры; авторские анкеты, направленные на раскрытие общих характеристик осужденных; результаты психологического тестирования рассматриваемой категории лиц по методикам: LSI «Индекс жизненного стиля Р. Плутчика», «Стандартизированный метод исследования личности» (СМИЛ) Л.Н. Собчик, «Временная перспектива осужденного» (ВПО) Ф. Зимбардо, исследование самоотношения Р.С. Пантелеева (МИС), личностный опросник Басса-Дарки (БД), «Комплексное исследование личности осужденного» (КИЛО) Е.А. Чебаловой, «Смыслжизненные ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева.

Заключение

В заключение отметим, что в свою очередь результаты нашего психодиагностического исследования личностных характеристик осужденных за террористические преступления позволили не только во многом выявить их соответствие комплексу личностных характеристик маргинала, разработанному Т. Шибутани [Шибутани, 2002, с. 114], но и несколько дополнить данный комплекс. Как и маргиналы у Т. Шибутани, лица, осужденные за терроризм, испытывают сложности в адекватной самооценке, постоянно подвергают сомнению свою социальную значимость, испытывают неопределенность в социальных отношениях, боятся быть отвергнутыми. Эти лица также чрезмерно мечтательны и живут в мире фантазий, часто мистического, религиозного характера.

Пожалуй, все основные социологические характеристики, состояния и ситуации, присущие лицам, подвергшимся структурной маргинализации, определенные в исследованиях ведущих социологов, присутствуют в структуре личности террористов.

Библиография

1. Атоян А.И. Социальная маргиналистика // Полис. Политические исследования. 1993. № 6. С. 29–39.
2. Батуренко С.А. Исследования андеркласса в современном российском обществе: основные методологические подходы // Вестник Московского университета. 2011. № 1. С. 44–51.
3. Бовин Б.Г. Вовлеченность в террористическую деятельность в России и мире: от психологических к социально-психологическим факторам // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17, № 2. С. 227–246. DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-2-227-246.

4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
5. Маргинальность в современной России / Коллективная монография. Балабанова Е.С., Бурлуцкая М.Г., Демин А.Н., Климов И.А., Петрова Л.Е., Попова И.П. М.: МОНФ, 2000.
6. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс преодоления различных ситуаций неопределенности. История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН, 16–18 ноября 2022 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. С 62-78.
7. Попова И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе (теоретические аспекты исследования) // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 62–72.
8. Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 33–44
9. Смирнов П.И. О социологическом моделировании общественной эволюции // Социологические исследования. 2004. № 8. С. 12–22.
10. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред, сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.
11. Стариков Е. Маргиналы // В человеческом измерении. М., 1991.
12. Шибутани Т. Социальная психология: Пер. с англ.- Ростов - на - Дону: Феникс, 2002.
13. Hughes E.C. Social change and status protest: An essay on the marginal man // *PhylonAtlanta*, 1945. Vol. 10. No 1. P. 59–65.
14. Park R.E. Human migration & the marginal man // *American Journal of Sociology*. - Chicago, 1928. Vol.33. No 6. P. 881-893.
15. Park Robert E. Race and culture. Glencoe: Free Press. 1950. Part 26. Marginal Man. Chapt 26. Human Migration and Marginal Man. P. 355-356.
16. Stonequist E.V. The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict. - New York, Russell & Russell 1961, P. 45-48.

General characteristics of the competence of psychologists in the structural marginalization of those convicted of terrorism

Pavel N. Kazberov

PhD in Psychology, Leading Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

Abstract

The relevance of the issue of general characteristics of the competence of psychologists in the structural marginalization of those convicted of terrorism is obvious. The twenty-first century is a time of significant social mobility for a significant part of the country's population. A large number of the population of villages and villages annually leave their settlements and go to large regional centers, cities, and megacities, thereby breaking away not only from their native places, but also from the traditional way of life with its established social relations. Many of these people are waiting for a new place of residence (conditions), new work and social relationships. But not all migrants have a positive ending to the migration process. In a number of cases, the phenomenon of marginalization manifests itself, creating a state of uncertainty in the individual in general and general cultural disorientation in particular. This uncertainty and disorientation lead to differentiation of the social system, its destruction and imbalance, dictating the relevance of changes in social paradigms. For a person, marginalization is fraught with extremely negative consequences, including the possibility of social deprivation in the form of imprisonment. In the above situation,

competence in aspects of the structural marginalization of persons convicted of terrorism is essential for a penitentiary psychologist.

For citation

Kazberov P.N. (2024) Obshchie kharakteristiki kompetentnosti psikhologov v strukturnoi marginalizatsii osuzhdennykh za terrorizm [General characteristics of the competence of psychologists in the structural marginalization of those convicted of terrorism]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 157-162.

Keywords

Competence, psychologists, convicts, structural marginalization, marginalized personality, society, migration.

References

1. Atoyan A.I. Social marginalism // Polis. Political studies. 1993. No. 6. pp. 29–39.
2. Baturenko S.A. Research of the underclass in modern Russian society: basic methodological approaches // Bulletin of Moscow University. 2011. No. 1. P. 44–51.
3. Bovin B.G. Involvement in terrorist activities in Russia and the world: from psychological to socio-psychological factors // Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Psychology and pedagogy. 2020. Vol. 17, No. 2. pp. 227-246. DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-2-227-246.
4. Durkheim E. On the division of social labor. Method of sociology. M.: Nauka, 1991.
5. Marginality in modern Russia / Collective monograph. Balabanova E.S., Burlutskaya M.G., Demin A.N., Klimov I.A., Petrova L.E., Popova I.P. M.: MONF, 2000.
6. Morosanova V.I. Conscious self-regulation as a meta-resource for overcoming various situations of uncertainty. History, modernity and prospects for the development of psychology in the system of the Russian Academy of Sciences: Materials of the International Anniversary Scientific Conference dedicated to the 50th anniversary of the creation of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, November 16–18, 2022. M.: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2022. With 62-78.
7. Popova I.P. New marginal groups in Russian society (theoretical aspects of research) // Sociological Research. 1999. No. 7. pp. 62–72.
8. Rimashevskaya N.M. Poverty and marginalization of the population // Sociological studies. 2004. No. 4. P. 33–44
9. Smirnov P.I. On sociological modeling of social evolution // Sociological Research. 2004. No. 8. pp. 12–22.
10. Sorokin P.A. Human. Civilization. Society / General ed., comp. and preface A.Yu. Sogomonov; lane from English M.: Politizdat, 1992.
11. Starikov E. Marginals // In the human dimension. M., 1991.
12. Shibutani T. Social psychology: Transl. from English - Rostov-on-Don: Phoenix, 2002.
13. Hughes E.C. Social change and status protest: An essay on the marginal man // PhylonAtlanta, 1945. Vol. 10. No. 1. P. 59–65.
14. Park R.E. Human migration & the marginal man // American Journal of Sociology. - Chicago, 1928. Vol.33. No. 6. P. 881-893.
15. Park Robert E. Race and culture. Glencoe: Free Press. 1950. Part 26. Marginal Man. Chapter 26. Human Migration and Marginal Man. P. 355-356.
16. Stonequist E.V. The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict. - New York, Russell & Russell 1961, P. 45-48.

УДК 316.6

Социально-психологические особенности наставничества в контексте геронтообразования: традиции и вызовы современности

Коржова Елена Юрьевна

Доктор психологических наук, профессор,
Завкафедрой общей и социальной психологии
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48;
e-mail: elenakorjova@gmail.com

Сидорчук Татьяна Александровна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры социальной работы,
директор Социально-психологического центра,
Смоленский государственный университет,
214000, Российская Федерация, Смоленск, ул. Пржевальского, 4;
e-mail: Week24@mail.ru

Аннотация

В современном мире повышается роль наставничества и потребность возрождения института наставничества с учетом современных вызовов. При создании российского института наставничества XXI века необходимо учитывать историческую ретроспективу с учетом современных особенностей непрерывного образования. В условиях современных вызовов реформирование геронтообразования невозможно без встраивания его в систему современного наставничества. Современный вектор развития наставничества нацелен на укрепление межпоколенного взаимодействия и опирается на лучшие практики историко-педагогического наследия России.

Проведен анализ основных проблем наставничества в геронтообразовании и перспективы развития в условиях современных вызовов.

В заключении показано, что проведенный нами краткий анализ особенностей динамики и перспективы развития института наставничества в рамках геронтообразования позволяет сделать вывод, что современный вектор развития наставничества нацелен на укрепление межпоколенного взаимодействия и опирается на лучшие практики историко-педагогического наследия России. В условиях экономической и политической нестабильности необходимо реформирование геронтообразования и встраивание его в систему современного наставничества с учетом современных образовательных потребностей и укрепления семейных ценностей. Поэтому наставничество в рамках геронтообразования предоставляет возможность профессионального и личностного развития не только наставляемого, но и наставника.

Для цитирования в научных исследованиях

Коржова Е.Ю., Сидорчук Т.А. Социально-психологические особенности наставничества в контексте геронтообразования: традиции и вызовы современности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 163-173.

Ключевые слова

Пожилой человек, геронтообразование, институт наставничества, наставник; образовательная сфера; межпоколенное взаимодействие, цифровая неграмотность, современные вызовы.

Введение

2023 год по указу президента РФ был объявлен Годом педагога и наставника, что связано с признанием прошлых заслуг сотрудников образовательного пространства и стратегически социальной значимости профессии педагога в условиях современных вызовов. Особую значимость приобретает наставничество в контексте геронтообразования и здесь можно выделить несколько важных моментов.

С одной стороны, сегодня мы имеем постарение населения в РФ, которое характеризуется целым комплексом демографических проблем, требующих улучшения медицинского и социального обслуживания пожилых людей [Кучмаева, 2018]. И включение людей старших возрастов в образовательную деятельность позволяет им более успешно пройти этот процесс адаптации, решая задачи сохранения социальной и трудовой активности и профилактики одиночества.

При этом неразвитость геронтообразования, особенно в условиях экономической и военной нестабильности, приводят к ухудшению саморазвития и социальной адаптации пожилых людей. По мнению Г.Г.Сорокина, «в современном обществе отсутствуют структуры, способные предоставить пожилым людям образовательные услуги в масштабе и качестве, адекватных сложившейся ситуации» [Касьянова, Воронина, Резер, 2020]. При отсутствии кадровой базы педагогов-геронтологов именно молодое поколение позволяет старшему освоить новые компетенции, особенно в области цифровых технологий. Поэтому обучение пожилых на современном этапе в краткосрочной перспективе невозможно без межпоколенного взаимодействия и, волонтерской деятельности [Грохотова, 2019; Сидорчук, 2022].

С другой стороны, включение пожилых в образовательный процесс имеет двоякую роль, рассматривая их не только в качестве обучаемых, но и обучающихся. Геронтообразование решает задачи не только развития и саморазвития пожилых людей и их социальной адаптации, но и обладает потенциалом наставничества. Сегодня резко увеличивается роль межпоколенного наставничества в образовательном пространстве как «перспективной образовательной технологии, которая позволяет передавать знания, формировать необходимые навыки и, которая, не только ретранслирует знания, но и отвечает на вызовы времени» [Нацпроект «Образование»: организация наставничества в школе, www...].

В «Стратегии действий в интересах старшего поколения в Российской Федерации до 25 года» подчеркивается необходимость слияния этих двух тенденций. При этом необходимо «улучшить качество жизни граждан старшего поколения, обеспечивая более эффективное

использование их потенциала и участия в жизни общества» [Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 N 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года», www..., с. 3].

Сегодня в переломный исторический период как никогда возрастает роль старшего поколения как наставника в укреплении семейных традиций, исторической правды, патриотическом воспитании. Создание системы патриотического воспитания в стране происходит в период экономических и политических кризисов, среди которых можно выделить навязывание обществу западных ценностей, эгоцентризм вместо коллективизма, культ насилия и наживы, обесценивание идеи патриотизма и приравнивание его к национализму, усиление инфляции на фоне социального расслоения, снижение международного авторитета страны в условиях санкций [Распоряжение Минпросвещения России от 25.12.2019 N P-145 «Об утверждении методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися», www...]. В условиях новой экономической и военно-политической ситуации именно старшее поколение может стать той цементирующей силой, которая доносит историческую правду до молодого поколения и укрепляет их духовно-нравственные позиции.

Поэтому так важно сегодня, в условиях современных вызовов, к которым можно отнести пандемию коронавируса и ситуацию СВО, необходимо рассмотреть проблемы и направления развития образования старшего поколения.

В 2019-2024 годах в РФ стал воплощаться в жизнь национальный проект «Образование» [Нацпроект «Образование»: организация наставничества в школе, www...], согласно которому Россия должна войти в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования и воспитанию гармонично развитой и социально ответственной личности. Проектом предусмотрено, что к 2024 году не менее 70% педагогических работников образовательных организаций будут вовлечены в различные формы наставничества.

История российского наставничества

Система наставничества в России имеет долгий путь развития. Институт российского наставничества на разных этапах развития имел свои психолого-педагогические особенности развития. Сегодня наша отечественная система образования возвращается к национальным традиционным аспектам воспитания, которые имеют особую роль в условиях современных вызовов. В связи с этим возникает потребность кратко охарактеризовать историческую ретроспективу и дать прогноз перспектив развития института российского наставничества. Это станет основанием для поиска потенциальных путей оптимизации системы наставничества в рамках реформирования образования XXI века.

Цель статьи является попытка раскрыть особенности исторической ретроспективы развития института наставничества в образовательной сфере высшей школы, а также провести анализ опыта лучших наставнических практик геронтологических подразделений [Сидорчук, 2018, С. 116].

Сегодня учеными рассмотрены различные направления, связанные с содержанием и своеобразием наставничества в условиях реформирования современного образования. Так, эволюцию наставничества изучали С.Г. Антипин, А. В. Бабаян, А.Н. Ганичева, А.Т. Гаспарисвили, О. Е. Кошелева, О. В. Крухмалева, С.В. Сергеева, О. Ю. Солодянкина, А. А.

Толмачева и многие другие. Различные аспекты наставничества рассматривались в трудах О. С. Газман, И. С. Гичан, Л. Митиной, Е. М. Павлютенкова, Н. М. Таланчук, В. М. Шепель. По мнению ученых, наставничество всегда является фактором социализации и связано с историческими периодами развития государства, что определяет формы преемственности и виды усвоения культурного опыта.

Однако, до сих пор не дана характеристика феномена геронтообразования в структуре российской наставнической деятельности, а также не определены перспективные формы развития системы наставничества с использованием потенциала студентов старшего поколения.

Впервые статус «наставника» в отечественном образовании был законодательно закреплён Министерством Народного Просвещения в 1834 году в «Положении о домашних наставниках, учителях и учительницах» [Онищенко, Сидорчук, 2023].

Современное понятие «наставничество» - это многовекторное понятие, которое можно рассматривать как процесс «помощи», «воспитания», «коучинга» или «преподавания-обучения» [Челнокова, Тюмасева, 2018]. Сегодня в международной практике наставнической деятельности пользуются такими альтернативными понятиями как [Сидорчук, 2018]: менторинг (целенаправленная передача опыта), коучинг (раскрытие потенциала личности обучаемого), e-coaching (коучинг онлайн), тьюторинг (сопровождение процесса обучения), шэдоуинг (наблюдение за процессом работы), супервизия (наблюдение за профессиональной деятельностью подопечного). А в России наряду с классическим понятием «наставник» использовались такие понятия как пестун, фасилитатор и гувернер, причем российские ученые отмечают, что домашнее обучение имело черты собственно русского национального менталитета [Онищенко, Сидорчук, 2023]. Можно выделить несколько основных этапов развития и становления наставничества в Европе и России [Онищенко, Сидорчук, 2023]:

- первый этап (с 5 века до н.э. до 17 века) характеризовался общей нестабильностью и неравномерностью в организации деятельности наставников, как менторов и мастеров в определенной профессиональной сфере или ремесле.
- второй этап (с 18 века по 20 век) характеризовался появлением первого комплекса нормативных требований к организации наставничества, прежде всего, в системе профессиональной подготовки. Были предприняты первые альтернативные подходы оформления наставничества как определенного социального института.

Перестройка конца XX века привела к тому, что наставничество в нашей стране утратило, стало точечным явлением, держащемся на чьем-то энтузиазме.

Конец 20 – начало 21 веков связано с реформированием всей образовательной системы, что потребовало воссоздания института наставничества уже на новом уровне в рамках концепции непрерывного образования. Теперь возрождение наставничества становится государственной задачей и в этом смысле наставничество в рамках геронтообразования приобретает особый смысл.

Современный период развития наставничества в образовании

Современная классификация включает такие варианты наставничества, которые зависят от цели и индивидуальных подходов: «традиционное наставничество» с передачей культуры и ценностей, «переходное наставничество», включающий дополнительно и рост личности подопечного и «преобразующее наставничество», которое подразумевает также постоянное развитие как наставника, так и подопечного [Онищенко, Сидорчук, 2023]. Но во всех вариантах

наставники выступают в роли «связующих звеньев», выполняя роль социального регулятора и передачи опыта в профессиональной сфере. Социальная функция наставничества заключается в том, что «за каждым успешным человеком в любой сфере всегда стоит наставник».

Национальный проект «Образование» [Нацпроект «Образование»: организация наставничества в школе, [www...](#)] предусматривает вовлечение большинства педагогов в различные формы наставничества, а также создание Целевой модели наставничества, которая позволила бы раскрыть личностный, творческий и профессиональный потенциал каждого обучающегося независимо от возраста. Кроме того, был разработан современный кодекс наставника [Онищенко, Сидорчук, 2023].

В 2018 году Агентство стратегических инициатив России провело первый всероссийский форум «Наставник», целью которого стало тиражирование лучших практик наставничества и менторинга в Российской Федерации и повышение социального статуса наставника.

Обсуждение наставничества в образовательной сфере затронуло множество *проблем*.

Во-первых, было отмечено, что необходим законодательный стандарт, регламентирующий деятельность наставника. Сегодня педагоги на федеральном уровне ориентируются на нормативную базу, которую закрепили распоряжением Минпросвещения России от 25.12.2019 N P-145 [Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 N 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года», [www...](#)].

Важнейшей проблемой является сегодня подготовки наставников, где была особо выделена роль тьюторства как одного из видов современного наставничества [Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю., Полякова, 2023]. Это напрямую касается геронтообразования, где в силу ухудшения физического и психического здоровья для развития индивидуальной образовательной траектории пожилого обучающегося необходимо постоянное сопровождение. Особенно актуальна проблема межпоколенного наставничества для вузов, на базе которых расположены институты третьего возраста и другие геронтологические подразделения. Уже сейчас такие вузы располагают подготовленной кадровой базой для работы с пожилыми студентами. В едином образовательном пространстве вуза молодые и пожилые студенты в течение круглого года передают друг другу свои знания и навыки, при этом происходит передача профессионального и жизненного опыта, а также семейных и нравственно-духовных ценностей. Таким образом, в рамках единого образовательного пространства учебных заведений межпоколенное наставничество приобретает новый статус.

Кроме того, следует особо отметить, что за последние 20 лет в области образования стало развиваться международное наставничество. Поэтому сегодня следует решать проблему развития интернационализации наставничества, что приблизит нас к созданию мирового Института наставничества XXI века. Такой институт будет тиражировать лучшие международные практики в области образования, «демонстрировать выдающиеся результаты в области исследований, генерировать передовые инновации и развивать всемирный талант» [Сидорчук, 2018], но с обязательным учетом национальных особенностей региональных образовательных организаций.

Важно отметить, что современные вызовы формируют целый ряд угроз в развитии современной системы наставничества. Сюда мы можем отнести пандемию коронавируса и ситуации военных конфликтов.

Анализ ситуации образовательного пространства в период пандемии показал, что актуальным становится цифровое и виртуальное образование. Но так как в России люди

старшего возраста не обладают необходимым уровнем цифровой грамотности, то в условиях самоизоляции цифровой разрыв еще более усугубил социальный и информационный вакуум, привел к «нарастанию непонимания и неприятия современных изменений, что еще более блокировало процесс самореализации пожилых и становится причиной социальной эксклюзии». И именно цифровое волонтерство со стороны молодого поколения позволило в краткосрочной перспективе частично решить проблему цифровых некомпетентности и социальной изоляции людей старшего возраста. Кроме того, в условиях специальной военной операции именно студенты вузов и колледжей могут обучить пожилых основам безопасности и начальной военной подготовки. Необходимо также давать компетенции по защите их интересов в сфере информационной безопасности [Сидорчук, 2022].

С другой стороны, необходимо пересмотреть систему наставничества, усилив ее государственно-патриотическим воспитанием. Именно старшее поколение как свидетели героического исторического прошлого России может помочь в сложных условиях СВО решить задачи военно-патриотического воспитания по формированию у граждан РФ патриотических ценностей; воспитанию верности героическим традициям Российской армии; фальсификации истории Отечества.

Традиционным становится проведение 9 декабря – в День Героев Отечества, Всероссийского патриотического форума, который становится площадкой для развития системы патриотического воспитания детей и молодежи. Тематика панельных сессий многообразна и может быть использована в межпоколенном образовательном пространстве: «История моей семьи – история моей страны»; развитие патриотического туризма («маршрутов Победы», «маршрутов памяти», маршрутов «Без срока давности»); «Любовь к Родине: как развивать патриотизм через волонтерство»; «Защита Отечества: обязанность или призвание»; роль образования в патриотическом воспитании; «Прививка от беспамятства- борьба с фальсификацией истории или как противостоять фейкам» и др.

При этом надо проводить совместные культурно-досуговые мероприятия, ориентироваться на такие направления патриотического воспитания как воспитание на положительном примере старшего поколения и изучения военной истории.

Таким образом, сегодня современная система наставничества находится в постоянном развитии, а современные вызовы формируют целый ряд угроз. При этом система военно-патриотического воспитания, с одной стороны, и основы безопасности (цифровой, информационной, военной), с другой стороны, может и должна быть вписана в систему наставничества в рамках геронтообразования.

Исследование особенностей межпоколенного взаимодействия в едином образовательном пространстве в условиях современных вызовов

Среди таких распространенных основных форм наставничества как: студент-студент, работодатель-студент, студент-ученик, педагог-педагог, педагог-студент все большую актуальность приобретает форма студент-ретро-студент (пожилой обучающийся).

На базе Смоленского государственного университета (СмолГУ) было проведено исследование особенностей межпоколенческого взаимодействия студент-ретро-студент в едином образовательном пространстве. Ретро-студенты - это пожилые студенты Института третьего возраста, который является подразделением государственного университета. В исследовании принимали участие 50 пожилых слушателей ИТВ в возрасте 60-80 лет и 100 молодых студентов университета разных факультетов. Для исследования были использованы анкеты «Сравнительный анализ обучения пожилых до и в период пандемии коронавируса» и

«Уровень общей жизненной удовлетворённости».

Результаты исследования межпоколенного взаимодействия в едином образовательном пространстве показали:

1. Анализ представлений студентов и ретро-студентов о нравственном и профессиональном потенциале каждого поколения показал, что все 100% молодых студентов и ретро-студентов высказались положительно за дальнейшее взаимодействие и сотрудничество в едином образовательном пространстве. 78% ретро-студентов готовы стать наставниками для молодых студентов, 94% студентов готовы поделиться со старшим поколением своими знаниями и навыками. Причем 76% пожилых людей и 45% молодых выделяют в качестве основной проблемы отсутствие взаимопонимания между поколениями.

2. У 6% студентов, которые не готовы взаимодействовать со старшим поколением, отсутствовали семейные традиции. Отсутствие опыта и моделей поведения родителей и бабушек мешает молодежи полноценно социализироваться в современном обществе, поэтому так важно развивать диалог поколений в семье.

3. Пожилые наставники могут передать молодым: опыт дошкольного и школьного воспитания - 48%, вообще профессиональный и жизненный опыт – 52%. Ответы ретро-студентов: молодежь помогает эмоционально (зарядка энергией; жизненный тонус; оптимизм), так и профессиональные (передать опыт, получить помощь). Все пожилые люди делятся полученными знаниями со своими знакомыми (65%), родственниками (60%), детьми (35%) и внуками (20%). Таким образом, одновременно идет процесс передачи знаний из поколения в поколение.

Исследование показало, что чем больше семейных традиций, чем они сильнее, чем чаще проводят время старшее поколение с молодежью, тем лучше уровень отношений старшего и младшего поколений, тем теснее и гармоничнее сплоченность в семьях, тем более положительные эмоции получают как молодые студенты, так и ретро-студенты при общении друг с другом, и все это в итоге приводит к лучшему взаимопониманию между поколениями.

4. В периоды глобальных вызовов современности, таких как пандемия коронавируса, обучение пожилых на современном этапе в краткосрочной перспективе невозможно без межпоколенческого взаимодействия, волонтерской деятельности и семейного сопровождения. В новых условиях пандемии именно «цифровое волонтерство» становится кадровой альтернативой цифровых педагогов, ведь на создание кадровой инфраструктуры педагогов-герагов могут понадобиться годы, в то время как темпы цифровизации современного общества стремительно опережают создание базы подготовки преподавателей, что еще больше усиливает цифровой разрыв. В условиях СВО именно личностный и профессиональный потенциал старшего поколения должен лежать в основе современного государственно-патриотического воспитания как важнейшей составляющей образовательной системы.

Таким образом, именно межпоколенное наставничество в краткосрочной перспективе позволит на современном этапе продолжить непрерывное обучение пожилых и усиление государственно-патриотического воспитания молодого поколения.

Заключение

Проведенный нами краткий анализ особенностей динамики и перспективы развития института наставничества в рамках геронтообразования позволяет сделать вывод, что современный вектор развития наставничества нацелен на укрепление межпоколенного

взаимодействия и опирается на лучшие практики историко-педагогического наследия России. В условиях экономической и политической нестабильности необходимо реформирование геронтообразования и встраивание его в систему современного наставничества с учетом современных образовательных потребностей и укрепления семейных ценностей. Поэтому наставничество в рамках геронтообразования предоставляет возможность профессионального и личностного развития не только наставляемого, но и наставника.

Таким образом, геронтообразование выполняет функцию социального регулятора, отвечающего за жизненную позицию личности как молодежи, так и старшего поколения в социуме. Межпоколенное наставничество является сегодня фактором успешности непрерывного геронтообразования.

Библиография

1. Всероссийский форум «Наставник-2018», 12-15 февраля 2018г. г.Москва. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://adm-elanm.ru/tinybrowser/files/komitety/predprinimatelstvo/2018/01-jan/2/nastavnik-prezentaciya-o-meropriyatiyah.pdf> (Дата обращения:12.02.2024).
2. Грохотова Е.В. Сложности образования людей третьего возраста в России и за рубежом // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. № 1. С. 81—84.
3. Закон об образовании в Российской Федерации «№273-ФЗ» от 29.12.2012 г. [Электронный ресурс]//Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Дата обращения:29.01.2024).
4. Касьянова Т. И., Воронина Л. И., Резер Т. М. Образовательный потенциал российских граждан пожилого возраста // Образование и наука. Том 22, № 2. 2020. С.120-140.
5. Канунникова Н.Г. Современные вызовы и угрозы международной безопасности//Социально-политические науки. №5. 2018. С. 230-232.
6. Кучмаева О.В. Социальная активность пожилых россиян и перспективы реализации политики «активного старения» //Население и экономика. 2018. Т. 2. № 4. С. 47-84.
7. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю., Полякова Л. В. Тьюторское сопровождение: учебное пособие / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров, Л. В. Полякова – М.: КНОРУС. 2023– 408 с.
8. Нацпроект «Образование»: организация наставничества в школе [Электронный ресурс]//Режим доступа: <https://school-prs.edu.yar.ru/nastavnichestvo/nastavnichestvo.html> (Дата обращения:12.02.2024).
9. Онищенко Э.В., Сидорчук Т.А. К вопросу о развитии российского института наставничества в контексте геронтообразования в высшей школе // Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с м/н участием «Социально-психологические проблемы просоциального поведения современного поколения детей и молодежи». г.Севастополь, СГУ, 28-30 сентября 2023. С. 145-153. <https://elibrary.ru/item.asp?id=54784322>
10. Распоряжение Минпросвещения России от 25.12.2019 N P-145 «Об утверждении методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися» [Электронный ресурс]//Режим доступа: <https://vcht.center/wp-content/uploads/2020/02/Rasporyazhenie-Minprosveshheniya-Rossii-ot-25.12.2019-N-R-145-Ob.pdf> (Дата обращения:12.02.2024).
11. Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 N 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» [Электронный ресурс]//Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/2> (Дата обращения:10.02.2024).
12. Роббинс. П., «Работа с наставником, Jomal of Staff devorment 20 (3) лето, 1999 г.
13. Современная цифровая образовательная среда в РФ. Приоритетный проект в области образования жизни [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/projects/selection/643/> (дата обращения: 04.02.2024).
14. Сидорчук Т.А. Социально-психологические аспекты трансформации геронтообразования в условиях современных вызовов// Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия "Познание" №12, 2022.С.78-81. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50310202>
15. Сидорчук Т.А. Наставничество в образовании: возвращение к традициям / В сборнике: SOCIAL INCLUSION IN THE SPECIAL EDUCATION. STIDENT-TEACHER-ENVIRONEMENT. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach Wydział Humanistyczny. Siedlce, 2018. С. 115-120. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48257727>
16. Сорокин Г.Г. Образование пожилых граждан как ответ на актуальные вызовы современности //Социология и социальная работа. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки.

№ 3 (23), 2011.С. 42-47.

17. Сташкевич И.Р., Афанасьева С.А. Современные формы наставничества // Инновационное развитие профессионального образования. № 1 (29). 2021. С.147-171.
18. Челнокова Е. А., Тюмасева З. И. Эволюция системы наставничества в педагогической практике // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6, № 4. С.11.
19. Peiser G., Ambrose J., Burke B., Davenport J. The role of the mentor in professional knowledge development across four professions / International Journal of Mentoring and Coaching in Education .Vol. 7 No. 1, 2018.
20. Smantser P., Sidorchuk T., Sidorchuk M. Psychological and pedagogical aspects of interaction between students and retro-students in the educational process at the Institute of the third age. SHS Web of Conferences 70, 06011 (2019) ICTDPP-2019 <https://doi.org/10.1051/shsconf/20197006011>

Socio-psychological features of mentoring in the context of gerontological education: traditions and modern challenges

Elena Yu. Korzhova

Doctor of Psychology, Professor,
Head of General and social psychology Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moika emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: elenakorjova@gmail.com

Tat'yana A. Sidorchuk

PhD in Psychology,
Associate Professor of the Department of Social Work,
Director of the Social and Psychological Center,
Smolensk State University,
214000, 4, Przheval'skogo str., Smolensk, Russian Federation;
e-mail: Week24@mail.ru

Abstract

In the modern world, the role of mentoring and the need to revive the institution of mentoring are increasing, taking into account modern challenges. When creating a Russian mentoring institute of the 21st century, it is necessary to take into account the historical retrospective, taking into account the modern features of lifelong education. In the context of modern challenges, reforming gerontological education is impossible without integrating it into the system of modern mentoring. The modern vector of development of mentoring is aimed at strengthening intergenerational interaction and is based on the best practices of the historical and pedagogical heritage of Russia. An analysis of the main problems of mentoring in gerontological education and development prospects in the context of modern challenges is carried out. In conclusion, it is shown that our brief analysis of the dynamics and prospects for the development of the mentoring institution within the framework of gerontological education allows us to conclude that the modern vector of mentoring development is aimed at strengthening intergenerational interaction and is based on the best practices of the historical and pedagogical heritage of Russia. In conditions of economic and political instability, it is necessary to reform gerontological education and integrate it into the system of

modern mentoring, taking into account modern educational needs and strengthening family values. Therefore, mentoring within the framework of gerontological education provides an opportunity for professional and personal development not only of the mentee, but also of the mentor.

For citation

Korzhova E.Yu., Sidorchuk T.A. (2024) Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti nastavnichestva v kontekste gerontobrazovaniya: traditsii i vyzovy sovremennosti [Socio-psychological features of mentoring in the context of gerontological education: traditions and modern challenges]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 163-173.

Keywords

Elderly person, gerontological education, mentoring institute, mentor; educational sphere; intergenerational interaction, digital illiteracy, modern challenges.

References

- All-Russian Forum "Mentor-2018", February 12-15, 2018. Moscow city. [Electronic resource] // Access mode: <http://adm-elanm.ru/tinybrowser/files/komitety/predprinimatelstvo/2018/01-jan/2/nastavnik-prezentaciya-omeropriyatiyah.pdf> (Access date: 12.02. 2024).
- Grokhotova E.V. Difficulties in the education of people of the third age in Russia and abroad // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2019. No. 1. P. 81-84.
- Law on education in the Russian Federation "No. 273-FZ" dated December 29, 2012 [Electronic resource]//Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Date of access:01/29/2024).
- Kasyanova T.I., Voronina L.I., Rezer T.M. Educational potential of Russian elderly citizens // Education and Science. Volume 22, No. 2. 2020. P. 120-140.
- Kanunnikova N.G. Modern challenges and threats to international security // Socio-political sciences. No. 5. 2018. pp. 230-232.
- Kuchmaeva O.V. Social activity of older Russians and prospects for the implementation of the "active aging" policy // Population and Economics. 2018. T. 2. No. 4. P. 47-84.
- Kodzhaspirova G. M., Kodzhaspirov A. Yu., Polyakova L. V. Tutor support: textbook / G. M. Kodzhaspirova, A. Yu. Kodzhaspirov, L. V. Polyakova - M.: KNORUS. – 408 p.
- National project "Education": organizing mentoring at school [Electronic resource]//Access mode: <https://school-prs.edu.yar.ru/nastavnichestvo/nastavnichestvo.html> (Access date:01/1202/2024).
- Onishchenko E.V., Sidorchuk T.A. On the issue of the development of the Russian institute of mentoring in the context of gerontological education in higher education // Collection of materials of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation "Social and psychological problems of prosocial behavior of the modern generation of children and youth." Sevastopol, SSU, September 28-30, 2023. pp. 145-153. <https://elibrary.ru/item.asp?id=54784322>
- Order of the Ministry of Education of Russia dated December 25, 2019 N R-145 "On approval of the methodology (target model) of student mentoring for organizations engaged in educational activities, including the use of best practices for exchanging experiences between students" [Electronic resource]//Access mode: <https://vcht.center/wp-content/uploads/2020/02/Rasporyazhenie-Minprosveshheniya-Rossii-ot-12/25/2019-N-R-145-Ob.pdf> (Date of access: 02/12/2024).
- Order of the Government of the Russian Federation dated 02/05/2016 N 164-r "On approval of the Strategy of Action in the interests of older citizens in the Russian Federation until 2025" [Electronic resource]//Access mode: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/2> (Date of access:02/10/2024).
- Robbins. P., "Working with a mentor," Jomal of Staff development 20 (3) summer, 1999
- Modern digital educational environment in the Russian Federation. Priority project in the field of life education [Electronic resource] URL: <http://government.ru/projects/selection/643/> (access date: 02/04/2024).
- Sidorchuk T.A. Socio-psychological aspects of the transformation of gerontogenesis in the context of modern challenges // Modern science: current problems of theory and practice. Series "Cognition" No. 12, 2022. P.78-81. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50310202>
- Sidorchuk T.A. Mentoring in education: a return to traditions / In the collection: SOCIAL INCLUSION IN THE SPECIAL EDUCATION. STIDENT-TEACHER-ENVIRONATION. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w

-
- Siedlcach Wydział Humanistyczny. Siedlce, 2018. pp. 115-120. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48257727>
16. Sorokin G.G. Education of older citizens as a response to current challenges of our time // Sociology and social work. Bulletin of Nizhny Novgorod University named after. N.I. Lobachevsky. Series Social Sciences. No. 3 (23), 2011.P. 42-47.
 17. Stashkevich I.R., Afanasyeva S.A. Modern forms of mentoring // Innovative development of professional education. No. 1 (29). 2021. pp. 147-171.
 18. Chelnokova E. A., Tyumaseva Z. I. Evolution of the mentoring system in pedagogical practice // Bulletin of Minin University. 2018. T. 6, No. 4. P.11.
 19. Peiser G., Ambrose J., Burke B., Davenport J. The role of the mentor in professional knowledge development across four professions / International Journal of Mentoring and Coaching in Education .Vol. 7 No. 1, 2018.
 20. Smantser P., Sidorchuk T., Sidorchuk M. Psychological and pedagogical aspects of interaction between students and retro-students in the educational process at the Institute of the third age. SHS Web of Conferences 70, 06011 (2019) ICTDPP-2019 <https://doi.org/10.1051/shsconf/20197006011>

УКД 159.9**Социально-психологические характеристики индивида,
вовлеченного в непрерывное образование****Новиков Алексей Валерьевич**

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

профессор кафедры уголовного права,

Астраханский государственный университет,

414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;

профессор кафедры частного права,

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,

614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;

e-mail: novikov.pra vo@mail.ru

Аннотация

Представленный материал посвящен социально-психологическим характеристикам индивида, который активно участвует в процессе непрерывного образования. Непрерывное образование играет ключевую роль в современном обществе, формируя не только профессиональные навыки, но и личностные качества. Проанализированы факторы, влияющие на вовлеченность индивида в образовательный процесс, такие как социальный статус, образование, мотивация, личностные особенности и т.д. Особое внимание уделяется взаимосвязи между социальными ролями индивида и его вовлеченностью в образовательный процесс. Также рассматривается роль образовательных организаций и технологий обучения в формировании исследуемой вовлеченности. Результаты исследования позволяют лучше понять динамику вовлеченности и те психологические механизмы, которые могут способствовать или, наоборот, препятствовать успешному освоению новых знаний и навыков взрослыми людьми. Полученные выводы являются актуальными для практического применения в области образования и позволяют разработать эффективные стратегии по мотивации взрослых к обучению и повышению их образовательного уровня.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Социально-психологические характеристики индивида, вовлеченного в непрерывное образование // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 174-181.

Ключевые слова

Социально-психологические характеристики, вовлеченность индивида, непрерывное образование, саморазвитие, личность.

Введение

В современном информационном обществе непрерывное образование, в том числе дополнительное профессиональное образование / повышение квалификации, становится все более важным и актуальным. Быстрый темп развития технологий, изменение требований рынка труда и перманентная необходимость обновления знаний делают процесс обучения непрерывным и неотъемлемым компонентом нашей жизни. В этой связи требует разрешения вопрос о вовлеченности субъектов в процесс непрерывного образования и о различных факторах, определяющих мотивацию вовлеченности.

Одной из ключевых характеристик, определяющих уровень вовлеченности индивида в непрерывное образование, является социально-психологический аспект. Социальные факторы, такие как поддержка со стороны окружающих, доступность образовательных ресурсов и культурные особенности среды, могут оказывать значительное влияние на желание и способность людей продолжать свою образовательную траекторию даже после завершения основного образования. Психологические факторы, такие как мотивация, самоэффективность и уверенность в своих способностях, также имеют решающее значение для того, чтобы человек ощущал себя участником образовательного процесса и стремился к его продолжению. Рассмотрим различные аспекты социально-психологической характеристики вовлеченности в непрерывное образование и предложим на обсуждение основные факторы, которые могут способствовать или препятствовать этому процессу.

Основное содержание

Вовлеченность в непрерывное образование является важным аспектом развития современного общества. Это понятие описывает степень заинтересованности и активного участия субъекта в образовательном процессе на протяжении всей жизни [Кузнецова, 2018]. Вовлеченность в непрерывное образование предполагает стремление к саморазвитию, приобретению новых знаний и навыков, повышению квалификации [Новиков, 2023].

Значимость вовлеченности личности в непрерывное образование проявляется в нескольких аспектах.

Во-первых, перманентное образование позволяет человеку быть конкурентоспособным на изменяющемся рынке труда. Быстрый рост технологий и научных открытий требует от людей постоянного совершенствования и адаптации к новым условиям. Вовлеченность в непрерывное образование помогает сохранить актуальность и востребованность профессиональных навыков и умений.

Во-вторых, вовлеченность в непрерывное образование способствует развитию личности. Человек, который уделяет время саморазвитию, становится более независимым и уверенным в своих силах. Он приобретает дополнительные знания, которые могут быть полезны не только в профессиональной карьере, но и в личной жизни.

В-третьих, вовлеченность в непрерывное образование способствует созданию консолидированного и развитого общества. Активное участие граждан в образовательном процессе приводит к повышению знаниевого уровня в целом. Люди, имеющие доступ к знаниям и возможность их совершенствования, как правило вносят значительный вклад в развитие социума и общества.

В целом, вовлеченность в непрерывное образование имеет положительное влияние на развитие личности и общества в целом. В этой связи стимулирование и поддержка данного процесса являются актуальными задачами федеральных органов исполнительной власти.

Факторы, влияющие на уровень вовлеченности личности в непрерывное образование, являются важным объектом изучения социальной и психологической наук. Они определяют уровень мотивации и интереса субъектов обучения, а также влияют на эффективность и результативность процесса постдипломного образования.

Одним из основных факторов, оказывающих влияние на вовлеченность в непрерывное образование, является личностный фактор. Личностные особенности, такие как самодисциплина, саморазвитие, целеустремленность и наличие мотивации играют основную роль в формировании позитивного интереса к обучению и сохранении его на протяжении всего процесса.

Также среди факторов, влияющих на уровень вовлеченности личности, можно отдельно выделить социальный фактор. Социум индивида и общение с окружающими людьми имеют большое значение для формирования и поддержания интереса к обучению. Поддержка и поощрение со стороны друзей, коллег и семьи могут стать сильными мотиваторами для продолжения образования.

Экономическая составляющая также оказывает влияние на вовлеченность личности в непрерывное образование. Доступность образовательных программ, стоимость обучения, возможность получения финансовой помощи или скидок при оплате (либо получение социального налогового вычета по расходам на обучение, в соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 219 НК РФ), все это значимые компоненты при принятии решения о продолжении образования.

Возраст субъекта и опыт также могут влиять на уровень вовлеченности в получении постдипломного образования. Не вызывает сомнения, что чем моложе участник, тем выше вероятность принятия решения о продолжении образования. Хотя и из этого правила, бывают исключения. Опыт работы, навыки и профессиональные цели также определяют потребность в получении дополнительного образования, что существенно влияет на уровень вовлеченности.

Таким образом, факторы, влияющие на уровень вовлеченности в непрерывное образование, являются многообразными и взаимосвязанными. Они определяют мотивацию, интерес и, в итоге, успех обучения.

Как уже отметили, вовлеченность в непрерывное образование является многофакторным явлением, которое обусловлено как социальными, так и психологическими аспектами. Психологические аспекты вовлеченности играют важную роль в формировании мотивации и валидности интереса к получению новых знаний и навыков на протяжении всего процесса обучения [Абитов, 2022].

Одним из ключевых психологических аспектов является самоэффективность. Люди, которые верят в свои возможности и уверены в том, что могут успешно справиться с трудностями обучения, более склонны к вовлеченности в непрерывное образование. Имея высокую самоэффективность, они ставят перед собой высокие цели и активно работают над их достижением [Гордиенко, 2019].

Стоит указать, что еще одним важным психологическим аспектом является мотивация. Люди, которые имеют внутреннюю мотивацию к обучению, т.е. считают его интересным и важным для своего личностного и профессионального роста, часто более вовлечены в непрерывное образование [Брускова, 2022]. Внутренняя мотивация индивида поддерживает интерес к обучению в долгосрочной перспективе и способствует преодолению трудностей.

Кроме того, психологическую вовлеченность в непрерывное образование определяет самопознание. Люди, которые знают свои сильные и слабые стороны, свои интересы и потребности, более осознанно выбирают образовательные программы, которые соответствуют их личностным и профессиональным целям. Все обозначенные выше психологические аспекты безусловно взаимосвязаны, а в совокупности определяют уровень вовлеченности личности в непрерывное образование

Социальные аспекты вовлеченности в непрерывное образование включают в себя факторы, связанные с ролью социума и его влиянием на индивида. Один из важных социальных детерминант является социальное одобрение. Многие люди стремятся получить не только признание своей семьи, друзей и коллег, но и стремятся соответствовать уровню компетенций, установленному социумом и поэтому напрямую заинтересованы в непрерывном образовании. Социальная поддержка помогает им преодолеть возможные трудности на пути к получению дополнительного образования, а также обеспечивает легитимность их усилий.

Другим важным социальным аспектом является доступность образовательных ресурсов и возможностей. Люди из разных социальных групп могут иметь различные ресурсы к получению образования, что может влиять на их вовлеченность. Неравенство в доступе к образованию может способствовать недостаточной вовлеченности определенных групп населения.

Кроме того, социальные нормы и ценности также оказывают влияние на вовлеченность в непрерывное образование. В обществах, где образование ценится и считается важным, люди более вероятно будут вовлечены в него. Социальное признание образования и его роль в обществе мотивирует индивидов продолжать обучение и стремиться к постоянному развитию.

Следовательно, социальные аспекты играют значительную роль в вовлеченности в непрерывное образование. Социальная поддержка, доступность образовательных ресурсов и социальные нормы и ценности являются важными составляющими элементами, определяющими степень вовлеченности в процесс обучения [Кропачев, 2023]. Использование этих социальных аспектов может способствовать созданию благоприятной образовательной среды и повышению мотивации индивидов для обучения на протяжении всей жизни.

Необходимо выделить, что существенной задачей современного образования является развитие потенциальной вовлеченности обучающихся высших образовательных организаций в непрерывное образование [Кошкин, 2017]. Вовлеченность в образовательный процесс означает активное участие индивида, его заинтересованность и мотивацию к обучению. Чем выше уровень вовлеченности, тем успешнее и продуктивнее будет проходить освоение образовательных программ.

Выделим ряд практических рекомендаций, которые по нашему частно-научному мнению могут способствовать развитию вовлеченности личности в непрерывное образование.

Во-первых, необходимо создавать стимулирующую образовательную среду, на базе актуальных и востребованных программ обучения, доступные и комфортные условия, а также применять инновационные методики обучения, расширять вариативную часть образовательных программ.

Во-вторых, следует учитывать индивидуальные предпочтения и потребности индивида. Потенциальные обучающиеся по существу градируются по своим интересам, приоритетам и уровню подготовки. Поэтому необходимо предоставлять разнообразные образовательные программы (ДПО), позволяющие каждому найти то, что ему актуально и интересно. Кроме того, важно создать условия для активного взаимодействия между участниками образовательного процесса. Интерактивность может осуществляться через дискуссии, совместные проекты, консультации,

рефлексию и наставничество, что способствует лучшему усвоению образовательного контента, развитию критического мышления и повышению мотивационной составляющей.

Сублимируя вышесказанное, подведем итог. Непрерывное образование играет важную роль в развитии личности, обогащая ее знаниями, умениями и навыками. Индивид, вовлеченный в процесс непрерывного образования, может быть охарактеризован с точки зрения социальной и психологической перспективы.

Социально, такой человек может быть описан как активный участник образовательного процесса, стремящийся к саморазвитию и повышению своей квалификации. Он может быть человеком, который осознает важность образования для своего личностного и профессионального роста, и поэтому постоянно стремится к новым знаниям и навыкам.

С психологической точки зрения, индивид, вовлеченный в непрерывное образование, часто обладает высоким уровнем мотивации и самодисциплины. Такой человек может быть уверен в себе, целеустремленным и амбициозным, стремясь к достижению поставленных образовательных целей. Он может быть творческим и открытым к новым знаниям и идеям, готовым меняться и развиваться.

Заключение

Таким образом, индивид, вовлеченный в непрерывное образование, представляет собой активного и целеустремленного человека, стремящегося к профессиональному и личностному росту. Его социально-психологическая характеристика отражает его высокий уровень мотивации, уверенности в себе и готовности к постоянному самосовершенствованию.

Библиография

1. Абитов, И. Р. Вовлеченность в учебную деятельность как познавательное психическое состояние: опыт исследования / И. Р. Абитов, П. Н. Устин, Л. В. Артищева // Казанский педагогический журнал. – 2022. – № 3(152). – С. 218-225. – DOI 10.51379/KPJ.2022.153.3.028. – EDN HOUITJ.
2. Абрамова, М. А. Образование как фактор социокультурной адаптации учащейся молодежи к условиям современных трансформаций / М. А. Абрамова // Вопросы образования. – 2010. – № 3. – С. 195-213. – EDN MVJHJB.
3. Брускова, Э. В. Мотивация достижения успеха и мотивация избегание неудач как важный фактор успешной учебно-профессиональной деятельности студентов / Э. В. Брускова // Человеческий капитал. – 2022. – № 9(165). – С. 166-177. – DOI 10.25629/HC.2022.09.21. – EDN KTA YZE.
4. Бувина, В. В. Мотивационные стратегии участников регионального рынка образовательных услуг / В. В. Бувина, И. Г. Ершова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2019. – Т. 9, № 1(30). – С. 168-176. – EDN LEBIFX.
5. Гордиенко Г.С. К вопросу о самоэффективности личности в контексте профессиональной деятельности // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2019/04/89145>
6. Горобинский, М. А. Самооценка: особенности ее формирования и значение в жизни человека / М. А. Горобинский, С. М. Ветвицкая // Международный студенческий научный вестник. – 2017. – № 6. – С. 116. – EDN YNPOQJ.
7. Киселева, Н. В. Социально-психологические характеристики вовлеченности в непрерывное образование : специальность 19.00.05 "Социальная психология" : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Киселева Надежда Владимировна, 2019. – 232 с. – EDN AKGRKO.
8. Киселева, Н. В. Социально-психологические характеристики вовлеченности обучающихся в непрерывное образование на разных этапах процесса обучения / Н. В. Киселева // Психолого-педагогические исследования. – 2018. – Т. 10, № 3. – С. 37-45. – DOI 10.17759/psyedu.2018100304. – EDN YLUVJZ.
9. Кропачев Н. М., Шмонин Д. В. Ценности в образовании и современный университет // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 2. С. 208–223. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.201>

10. Кошкин, А. П. Роль социальных представлений в мотивации студентов к получению дополнительного образования / А. П. Кошкин, А. В. Новиков // Современное образование. – 2017. – № 4. – С. 48-75. – EDN VTCLON.
11. Кузнецова О.З. Учебные стратегии как психолого-педагогический феномен // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. - 2018. -№2 (13) апрель - июнь. - URL <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/2/00579.pdf>. - ISSN 2413-4066
12. Литвинова, Е. Ю. Вовлеченность в профессиональную среду и ее значение для непрерывного образования / Е. Ю. Литвинова, Н. В. Киселева // Социальная психология и общество. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 5-20. – DOI 10.17759/sps.2017080201. – EDN ZCNCRF.
13. Новиков А.В. Психолого-педагогические характеристики вовлеченности в процесс непрерывного образования // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 10А. С. 385-392. DOI: 10.34670/AR.2023.84.43.042
14. Предеина М.В., Жукова М.В. Непрерывное образование в зарубежном и российском контексте как условие формирования субъективной карьеры // Педагогика и психология образования. 2023. № 2. С. 108–125. DOI: 10.31862/2500-297X-2023-2-108-125
15. Светличный, Е. Г. Влияние социального окружения на образовательные успехи и планы современных подростков / Е. Г. Светличный, Е. В. Везетиу // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 2(99). – С. 309-311. – DOI 10.24412/1991-5497-2023-299-309-311. – EDN FSHSYU.
16. Тимохина, Г. С. Исследование вовлеченности взрослого населения России в непрерывное образование / Г. С. Тимохина, Л. М. Капустина, Е. А. Жадько // Бизнес. Образование. Право. – 2017. – № 4(41). – С. 76-82. – EDN ZVKEOZ.

Socio-psychological characteristics of an individual involved in lifelong education

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law,
Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The presented material is devoted to the socio-psychological characteristics of an individual who actively participates in the process of lifelong education. Continuing education plays a key role in modern society, developing not only professional skills, but also personal qualities. Factors influencing an individual's involvement in the educational process, such as social status, education, motivation, personal characteristics, etc., are analyzed. Particular attention is paid to the relationship between the social roles of the individual and his involvement in the educational process. The role of educational organizations and learning technologies in the formation of the studied involvement is also considered. The results of the study will allow us to better understand the dynamics of involvement and those psychological mechanisms that can promote or, conversely, hinder the

successful acquisition of new knowledge and skills by adults. The findings are relevant for practical application in the field of education and will allow us to develop effective strategies to motivate adults to learn and improve their educational level.

For citation

Novikov A.V. (2024) Sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki individa, vovlechenogo v nepreryvnoe obrazovanie [Socio-psychological characteristics of an individual involved in lifelong education]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 174-181.

Keywords

Socio-psychological characteristics, individual involvement, lifelong education, self-development, personality.

References

1. Abitov, I. R. Vovlechennost' v uchebnuyu deyatelnost' kak poznavatel'noye psikhicheskoye sostoyaniye: opyt issledovaniya / I. R. Abitov, P. N. Ustin, L. V. Artishcheva // *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*. – 2022. – № 3(152). – S. 218-225. – DOI 10.51379/KPJ.2022.153.3.028. – EDN HOUTJ.
2. Abramova, M. A. Obrazovaniye kak faktor sotsiokul'turnoy adaptatsii uchashcheyasya molodezhi k usloviyam sovremennykh transformatsiy / M. A. Abramova // *Voprosy obrazovaniya*. – 2010. – № 3. – S. 195-213. – EDN MVJHJB.
3. Brusikova, E. V. Motivatsiya dostizheniya uspekha i motivatsiya izbeganiya neudach kak vazhnyy faktor uspekhov uchebno-professional'noy deyatelnosti studentov / E. V. Brusikova // *Chelovecheskiy kapital*. – 2022. – № 9(165). – S. 166-177. – DOI 10.25629/HC.2022.09.21. – EDN KTAYZE.
4. Buvina, V. V. Motivatsionnyye strategii uchastnikov regional'nogo rynka obrazovatel'nykh uslug / V. V. Buvina, I. G. Yershova // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*. – 2019. – T. 9, № 1(30). – S. 168-176. – EDN LEBIFX.
5. Gordiyenko G.S. K voprosu o sameffektivnosti lichnosti v kontekste professional'noy deyatelnosti // *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii*. 2019. № 4 [Elektronnyy resurs]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2019/04/89145>
6. Gorobinskiy, M. A. Samootsenka: osobennosti yeye formirovaniya i znachenie v zhizni cheloveka / M. A. Gorobinskiy, S. M. Vetvitskaya // *Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik*. – 2017. – № 6. – S. 116. – EDN YNPOQJ.
7. Kisileva, N. V. Sotsial'no-psikhologicheskiye kharakteristiki vovlechennosti v nepreryvnoye obrazovaniye : spetsial'nost' 19.00.05 "Sotsial'naya psikhologiya" : dissertatsiya na soiskaniye uchenoy s tepeni kandidata psikhologicheskikh nauk / Kisileva Nadezhda Vladimirovna, 2019. – 232 s. – EDN AKGRKO.
8. Kiseleva, N. V. Sotsial'no-psikhologicheskiye kharakteristiki vovlechennosti obuchayushchikhsya v nepreryvnoye obrazovaniye na raznykh etapakh protsessa obucheniya / N. V. Kiseleva // *Psikhologo-pedagogicheskiye issledovaniya*. – 2018. – T. 10, № 3. – S. 37-45. – DOI 10.17759/psedu.2018100304. – EDN YLUVJZ.
9. Kropachev N. M., Shmonin D. V. Tsennosti v obrazovanii i sovremennyy universitet // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 2023. T. 39. Vyp. 2. S. 208–223. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.201>
10. Koshkin, A. P. Rol' sotsial'nykh predstavleniy v motivatsii studentov k polucheniyu dopolnitel'nogo obrazovaniya / A. P. Koshkin, A. V. Novikov // *Sovremennoye obrazovaniye*. – 2017. – № 4. – S. 48-75. – EDN VTCLOH.
11. Kuznetsova O.Z. Uchebnyye strategii kak psikhologo-pedagogicheskiy fenomen // *Elektronnyy nauchno-metodicheskiy zhurnal Omskogo GAU*. – 2018. – № 2 (13) aprel' – iyun'. – URL <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/2/00579.pdf>. – ISSN 2413-4066
12. Litvinova, Ye. YU. Vovlechennost' v professional'nuyu sredu i yeye znachenie dlya nepreryvnogo obrazovaniya / Ye. YU. Litvinova, N. V. Kiseleva // *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. – 2017. – T. 8, № 2. – S. 5-20. – DOI 10.17759/sps.2017080201. – EDN ZCNCRF.
13. Novikov A.V. Psikhologo-pedagogicheskiye kharakteristiki vovlechennosti v protsess nepreryvnogo obrazovaniya // *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya*. 2023. T. 12. № 10A. S. 385-392. DOI: 10.34670/AR.2023.84.43.042
14. Predeina M.V., Zhukova M.V. Nepreryvnoye obrazovaniye v zarubezhnom i rossiyskom kontekste kak usloviye formirovaniya sub'yektivnoy kar'yery // *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya*. 2023. № 2. S. 108–125. DOI: 10.31862/2500-297X-2023-2-108-125

-
15. Svetlichnyy, Ye. G. Vliyaniye sotsial'nogo okruzheniya na obrazovatel'nyye uspekhi i plany sovremennykh podrostkov / Ye. G. Svetlichnyy, Ye. V. Vezetiu // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2023. – № 2(99). – S. 309-311. – DOI 10.24412/1991-5497-2023-299-309-311. – EDN FSHSYU.
 16. Timokhina, G. S. Issledovaniye vovlechenosti vzroslogo naseleniya Rossii v nepreryvnoye obrazovaniye / G. S. Timokhina, L. M. Kapustina, Ye. A. Zhad'ko // Biznes. Obrazovaniye. Pravo. – 2017. – № 4(41). – S. 76-82. – EDN ZVKEOZ

УДК 159.9

Психосоциальная работа в уголовно-исполнительной системе

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

В представленном материале рассмотрены современные подходы к психосоциальной работе в уголовно-исполнительной системе России. Освещена роль персонала исправительных учреждений в организации и проведении психосоциальной работы. Миссия психосоциальной работы в уголовно-исполнительной системе. Психосоциальная работа в уголовно-исполнительной системе России является важным аспектом реабилитации и социализации осужденных. Она направлена на психологическую поддержку, адаптацию индивида к жизни внутри и за пределами учреждения, а также на предотвращение рецидива преступлений. Основными задачами психосоциальной работы являются создание условий для изменения антиобщественного поведения, а также формирование положительных навыков и духовно-моральных ценностей у осужденных. Важную роль играет также помощь в разрешении конфликтов, улучшении межличностных отношений и развитии социальных компетенций. В России психосоциальная работа в уголовно-исполнительной системе осуществляется как в рамках психологической службы, так и при участии социальных работников.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Психосоциальная работа в уголовно-исполнительной системе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 182-188.

Ключевые слова

Уголовно-исполнительная система, психосоциальная работа, психологическая служба, социальное развитие личности, коммуникативная компетентность.

Введение

Уголовно-исполнительная система России сталкивается с рядом проблем, связанных с социальной адаптацией осужденных, контролем за их поведением и преодолением социальной изоляции, в этой связи психосоциальная работа является важным и сложным аспектом пенитенциарного взаимодействия. Ключевую роль в решении этих проблем играет предоставление осужденным психологической поддержки, содействие в улучшении социальных навыков, в том числе оказание помощи при адаптации в обществе после отбытия наказания, установленного судом.

Основное содержание

Для более полного представления об исследуемом феномене приведем несколько авторских определений понятия «психосоциальная работа».

Так по мнению исследователей Д.А. Донцова, О.А. Москвитиной, И.Н. Орловой: «Психосоциальная работа в узком смысле – это практическая профессионально осуществляемая общественно полезная деятельность, производящаяся в разных сферах жизнедеятельности личности и общества, которая состоит в оказании психологической помощи, социальной поддержки людям, в социальной защите народонаселения, проводится с личностью, группой, общиной, слоем населения с целью разрешения и профилактики возникающих социальных проблем...» [Донцов, 2010, 192].

В свою очередь, С.В. Щенникова и Е.Е. Алешенькина, психосоциальную работу обозначают: «...как психологическую помощь клиенту с целью преодоления социальной дезадаптации и социально-психологического неблагополучия, которое может проявиться как в системе профессиональных, так и семейно-бытовых отношений и привести к различным формам социальной дезадаптации...» [Щенникова, 2013].

Ученые – пениологи А.В. Новиков, В.В. Виноградов и А.В. Ильин отмечают: «Основная цель психосоциальной работы в исправительном учреждении заключается в преодолении осужденными социально-психологического неблагополучия, посредством оказания им социально-педагогической поддержки и психологической помощи. Объектом внимания со стороны сотрудников, организующих психосоциальную работу, является психика осужденного и оказание на нее целенаправленного воздействия для развития у осужденного умения так организовать жизнедеятельность, чтобы эффективно управлять своим поведением» [Новиков, 2017, 56].

Исходя из вышесказанного резюмируем, что психосоциальный подход в условиях исправительных учреждений требует от сотрудников, осуществляющих данную работу наличие глубоких знаний в области психологии, социологии и права, а также умения, эмпатии, терпимости и профессионализма.

Следует обратить внимание, что отечественная уголовно-исполнительная система (далее – УИС) сталкивается с некоторым недостатком квалифицированных специалистов в области психосоциальной работы, данное обстоятельство затрудняет эффективную реализацию программ реабилитации осужденных. В этой связи, чтобы обеспечить качественное оказание помощи осужденным и снизить рецидив преступлений, необходимо уделить особое внимание профессиональной подготовке и повышению квалификации сотрудников УИС [Гусаров, 2018].

Еще раз отметим, что психосоциальная работа в УИС играет важную роль в процессе

реабилитации осужденных и их последующей социальной реинтеграции. Отметим, что в Российской Федерации создано значительное количество организаций постпенитенциарного сопровождения, сюда можно отнести:

- реабилитационные центры и службы социальной помощи (Центры реабилитации для бывших осужденных оказывают, как правило, юридическую, социальную и медицинскую помощь; также возможно восстановление документов, регистрация, трудоустройство, бесплатное проживание);
- правозащитные организации;
- центра духовной поддержки заключенных [www].

Психосоциальная работа в уголовно-исполнительной системе России играет ключевую роль в процессе реабилитации и социализации осужденных лиц. Стремительное развитие общества, изменение социально-экономической ситуации в стране, а также геополитической обстановке в мире приводят к появлению новых вызовов и проблем, которые затрагивают как контингент, отбывающий наказание, так и персонал исправительных учреждений. В связи с этим востребована разработка и внедрение инновационных методик работы.

Одной из первостепенных задач психосоциальной работы является поддержка осужденных в процессе адаптации к жизни после отбытия наказания. Результаты многочисленных исследований показывают, что успешная реабилитация осужденных значительно снижает риск повторного совершения преступлений. В связи с этим, специалисты выделяют несколько направлений психосоциальной работы: социализация, трудоустройство, а также медицинская и психологическая помощь осужденным [Сухов и др., 2019; Майстренко, 2023].

Напомним, что в соответствии со ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, в числе прочего, осужденные имеют право ... на вежливое обращение со стороны персонала учреждения, исполняющего наказания, ... на охрану здоровья, ... психологическую помощь, ... социальное обеспечение, ... юридическую помощь [УИК РФ].

Основные принципы и подходы к психосоциальной работе с осужденными к лишению свободы изучены и описаны в исследованиях и публикациях как отечественных специалистов, так и зарубежных исследователей [Щербаков, 2009; Лаврентьева, 2015; Сухов, 2019, 16; Sreekanth Nair Thekkumkara, 2022].

Психологическая помощь осужденным направлена на предотвращение психического дискомфорта и развитие здоровых механизмов борьбы со стрессом [Ощепкова, 2016].

Психологи проводят групповые и индивидуальные сеансы, помогают осужденным осознать и понять причины и последствия их преступного поведения [Черехович, 2020].

Ключевым в психосоциальном подходе являются индивидуальные и групповые консультации, психотерапия, тренинги и различные формы психологической поддержки. Основными задачами которых является помощь осужденным в понимании причин совершения преступления, развитии навыков социальной адаптации и осознанности своей ответственности. Для достижения этих целей востребовано проведение тренингов по развитию коммуникативных навыков, решению конфликтных ситуаций и психологической коррекции.

Целеполагание организации психосоциальной работы с осужденными заключается в следующем: одновременно с психокоррекционным воздействием на личность отдельного осужденного осуществляется психологическая коррекция существующей системы его ценностей и отношений с ближайшим окружением.

Важным аспектом психосоциальной работы является соблюдение этических принципов, таких как конфиденциальность, неприкосновенность личности, уважение и ненасилие. Это

позволяет установить доверительные отношения с осужденными и создать атмосферу, благоприятную для позитивных изменений. Одним из основополагающих принципов психосоциальной работы с осужденными является индивидуальный подход к каждому субъекту. Это подразумевает учет его психологических особенностей, индивидуальных потребностей и проблем. Предоставление персонализированных программ помогает осужденным в понимании и преодолении причин их поведенческих проблем, снижению уровня тревожности, улучшению навыков коммуникации, а также содействует повышению их самооценки и самосознания.

Базовый принцип ресоциализации заключенных, направлен на восстановление их социальных функций и способности адаптироваться в обществе после отбытия наказания, который включает в себя образовательные программы, трудоустройство, помощь в получении профессионального образования, содействие в освоении навыков социализации. Однако стоит отметить, что отношение общества к осужденным и их предвзятость могут создавать преграды для успешной ресоциализации

Взаимодействие семьи и психосоциальных служб также является неотъемлемым постулатом. Укрепление семейных связей и содействие осужденным в поддержании социальной связи с близкими помогает им в восстановлении своего места в обществе и в последующем предотвращает рецидив преступности.

Заключение

Подводя итог, констатируем что психосоциальная работа представляет особый вид деятельности направленный на достижение определенных общественно-значимых целей, и применимо к осужденным, отбывающим наказание в УИС приводит к ряду положительных результатов и эффективным изменениям в их жизни, кроме того способствует формированию позитивного воспитательного климата в пенитенциарной системе, а также способствует повышению уровня доверия и взаиморасположения между спецконтингентом и сотрудниками исправительного учреждения.

Психосоциальный подход, используемый в работе с осужденными является действенным инструментом для снижения рецидива преступлений, улучшения психического состояния и социальной адаптации. Важным элементом развития этого направления является привлечение специалистов в сфере психологии, социальной работы и психотерапии для взаимодействия с осужденными. Востребовано продолжить мероприятия по привлечению и обучению квалифицированных специалистов, а также разработке планов развития кадрового потенциала для улучшения психосоциальной работы в системе.

Библиография

1. Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 04.08.2023) "Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации"
2. Федеральный закон "О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы" от 19.07.2018 № 197-ФЗ
3. "Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации" от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.12.2023)
4. Гусаров, П. Н. Ресоциализация и адаптация осужденных: проблемы и перспективы пенитенциарной системы в России / П. Н. Гусаров. // Молодой ученый. - 2018. - № 22 (208). - С. 270-273. - URL: <https://moluch.ru/archive/208/51126/>

5. Донцов, Д. А. Технологии психосоциальной работы и психологической помощи в кризисных и экстремальных ситуациях / Д. А. Донцов, О. А. Москвитина, И. Н. Орлова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2010. – № 1. – С. 192-197. – EDN MVUBPF.
6. Зязин, С. Ю. Специфика социальной ресоциализации осужденных к лишению свободы / С. Ю. Зязин // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13. – № 3. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/58SCSK322.pdf> DOI: 10.15862/58SCSK322
7. Интернет-источник: <https://matushkideti.ru/centry-podderzhki-i-reabilitacii-zaklyuchennykh/>
8. Лаврентьева, И. В. Зарубежные психокоррекционные программы в ресоциализации осужденных (на примере Великобритании) / И. В. Лаврентьева // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 2(89). – С. 48-53. – EDN UDWEJY.
9. Майстренко, Г. А. Профилактика рецидивной преступности и воспитательная работы с осужденными / Г. А. Майстренко // Образование и право. – 2023. – № 5. – С. 339-343. – DOI 10.24412/2076-1503-2023-5-339-343. – EDN MWLSXB.
10. Новиков, А. В. Концептуальные основы педагогизации исправительной среды мест лишения свободы в процессе пенитенциарной социальной работы / А. В. Новиков, В. В. Виноградов, А. В. Ильин // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 2, № 3. – С. 56-59. – EDN YGXHRТ.
11. Ощепкова, О. В. Психологическая помощь осужденным при переживании стресса в условиях изоляции / О. В. Ощепкова, А. Д. Михеев // Вестник Самарского юридического института. – 2016. – № 3(21). – С. 124-128. – EDN WVPTJD.
12. Психосоциальная работа в уголовно-исполнительной системе с осужденными, освобождаемыми из исправительных учреждений / А. Н. Сухов, В. Н. Казанцев, Н. А. Полянин [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2019. – 152 с. – ISBN 978-5-9765-4027-9. – EDN NFPKNZ.
13. Содержание и методика психосоциальной работы в системе социальной работы, Щенникова С.В., Алешенькина Е.Е.: Учебное пособие. - Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ. – 2013. - 106 с.
14. Слабкая Д.Н., Новиков А.В. Психолого-педагогическое сопровождение осужденных без лишения свободы, поднадзорных зарубежной службе пробации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 1А. С. 234-240. DOI: 10.34670/AR.2022.22.49.027
15. Щербаков, Г. В. Психосоциальный подход в ресоциализации и социальной реабилитации осужденных, освобождающихся из исправительного учреждения / Г. В. Щербаков // Прикладная юридическая психология. – 2009. – № 1. – С. 39-44. – EDN KFPXMT.
16. Черехович М. М. Роль психологической работы в системе средств исправления осужденных. Пенитенциарная наука. 2020; 14(3):337–342. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-337-342.
17. Sreekanth Nair Thekkumkara, Aarti Jagannathan, Krishna Prasad Muliya, Pratima Murthy. Psychosocial Interventions for Prisoners with Mental and Substance Use Disorders: A Systematic Review // Indian J Psychol Med. 2022 May; 44 (3) : 211-217. doi: 10.1177/02537176211061655. Epub 2022 Jan 31.

Psychosocial work in the penitentiary system

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The presented material examines modern approaches to psychosocial work in the Russian penal system. The role of correctional facility staff in organizing and conducting psychosocial work is covered. The mission of psychosocial work in the penal system. Psychosocial work in the Russian penal system is an important aspect of the rehabilitation and socialization of convicts. It is aimed at psychological support, adaptation of the individual to life inside and outside the institution, as well as preventing relapse of crimes. The main objectives of psychosocial work are to create conditions

Diana N. Slabkaya

for changing antisocial behavior, as well as the formation of positive skills and spiritual and moral values among convicts. Helping to resolve conflicts, improve interpersonal relationships and develop social competencies also plays an important role. In Russia, psychosocial work in the penal system is carried out both within the framework of psychological services and with the participation of social workers.

For citation

Slabkaya D.N. (2024) Psikhosotsial'naya rabota v ugovovno-ispolnitel'noi sisteme [Psychosocial work in the penitentiary system]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 182-188.

Keywords

Penal system, psychosocial work, psychological service, social development of personality, communicative competence.

References

1. Zakon RF ot 21.07.1993 № 5473-1 (red. ot 04.08.2023) "Ob uchrezhdeniyakh i organakh ugovovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii"
2. Federal'nyy zakon "O sluzhbe v ugovovno-ispolnitel'noy sisteme Rossiyskoy Federatsii i o vnesenii izmeneniy v Zakon Rossiyskoy Federatsii "Ob uchrezhdeniyakh i organakh, ispolnyayushchikh ugovovnyye nakazaniya v vide lisheniya svobody" ot 19.07.2018 № 197-FZ
3. "Ugovovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" ot 08.01.1997 № 1-FZ (red. ot 24.06.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 11.12.2023)
4. Gusarov, P. N. Resotsializatsiya i adaptatsiya osuzhdennykh: problemy i perspektivy penitentsiamoy sistemy v Rossii / P. N. Gusarov. // Molodoy uchenyy. - 2018. - № 22 (208). - S. 270-273. - URL: <https://moluch.ru/archive/208/51126/>
5. Dontsov, D. A. Tekhnologii psikhosotsial'noy raboty i psikhologicheskoy pomoshchi v krizisnykh i ekstremal'nykh situatsiyakh / D. A. Dontsov, O. A. Moskvitina, I. N. Orlova // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika. - 2010. - № 1. - S. 192-197. - EDN MVUBPF.
6. Zyazin, S. YU. Spetsifika sotsial'noy resotsializatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody / S. YU. Zyazin // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya. - 2022. - T. 13. - № 3. - URL: <https://sfk-mm.ru/PDF/58SCSK322.pdf> DOI: 10.15862/58SCSK322
7. Internet-istochnik: <https://matushkideti.ru/centry-podderzhki-i-reabilitacii-zaklyuchennyx/>
8. Lavrent'yeva, I. V. Zarubezhnyye psikhokorreksionnyye programmy v resotsializatsii osuzhdennykh (na primere Velikobritanii) / I. V. Lavrent'yeva // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. - 2015. - № 2(89). - S. 48-53. - EDN UDWEJV.
9. Maystrenko, G. A. Profilaktika retsidivnoy prestupnosti i vospitatel'naya rabota s osuzhdennymi / G. A. Maystrenko // Obrazovaniye i pravo. - 2023. - № 5. - S. 339-343. - DOI 10.24412/2076-1503-2023-5-339-343. - EDN MWLSXB.
10. Novikov, A. V. Kontseptual'nyye osnovy pedagogizatsii ispravitel'noy sredy mest lisheniya svobody v protsesse penitentsiamoy sotsial'noy raboty / A. V. Novikov, V. V. Vinogradov, A. V. Il'in // Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya. - 2017. - T. 2, № 3. - S. 56-59. - EDN YGXHPT.
11. Oshchepkova, O. V. Psikhologicheskaya pomoshch' osuzhdennym pri perezhivanii stressa v usloviyakh izolyatsii / O. V. Oshchepkova, A. D. Mikheyev // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. - 2016. - № 3(21). - S. 124-128. - EDN WVPTJD.
12. Psikhosotsial'naya rabota v ugovovno-ispolnitel'noy sisteme s osuzhdennymi, osvobodivshimi iz ispravitel'nykh uchrezhdeniy / A. N. Sukhov, V. N. Kazantsev, N. A. Polyaniy [i dr.]. - Moskva : Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "FLINTA", 2019. - 152 s. - ISBN 978-5-9765-4027-9. - EDN NFPKNZ.
13. Soderzhaniye i metodika psikhosotsial'noy raboty v sisteme sotsial'noy raboty, Shchennikova S.V., Aleshen'kina Ye.Ye.: Uchebnoye posobiye. - Arzamas: Arzamasskiy filial NNGU. - 2013. - 106 s.
14. Slabkaya D.N., Novikov A.V. Psikhologo-pedagogicheskoye soprovozhdeniye osuzhdennykh bez lisheniya svobody, podnadzornykh zarubezhnoy sluzhbe probatsii // Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya. 2022. T. 11. № 1A. S. 234-240. DOI: 10.34670/A.R.2022.22.49.027
15. Shcherbakov, G. V. Psikhosotsial'nyy podkhod v resotsializatsii i sotsial'noy reabilitatsii osuzhdennykh,

osvobozhdayushchikhsya iz ispravitelnogo uchrezhdeniya / G. V. Shcherbakov // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2009. – № 1. – S. 39-44. – EDN KFPXMT.

16. Cherekhovich M. M. Rol' psikhologicheskoy raboty v sisteme sredstv ispravleniya osuzhdennykh. Penitentsiarnaya nauka. 2020; 14(3):337–342. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-337-342.
17. Sreekanth Nair Thekkumkara, Aarti Jagannathan, Krishna Prasad Mulyala, Pratima Murthy. Psychosocial Interventions for Prisoners with Mental and Substance Use Disorders: A Systematic Review // Indian J PsycholMed. 2022 May; 44 (3) : 211-217. doi: 10.1177/02537176211061655. Epub 2022 Jan 31

УДК 159.9

Соотношение психологического благополучия и социально-психологических характеристик личности

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Соотношение психологического благополучия и социально-психологических характеристик личности является одним из перспективных направлений в современной науке. Исследования в области психологии показывают, что существует тесная взаимосвязь между психологическим благополучием и социально-психологическими характеристиками личности. Отмечено, что психологическое благополучие определяется не только внутренними факторами, такими как уровень самооценки и удовлетворенность жизнью, но и внешними, включая социальную поддержку, качество межличностных отношений и уровень адаптивности в обществе. Исследования в рассматриваемой сфере показывают, что существует взаимосвязь между психологическим благополучием и социально-психологическими характеристиками личности. Люди, обладающие высоким уровнем психологического благополучия, как правило, имеют более адаптивные социальные навыки, стабильные коммуникативные отношения с окружающими и более устойчивое мировоззрение. В то же время, люди с низким уровнем психологического благополучия могут испытывать трудности в налаживании взаимодействия с другими субъектами социума, чувствовать себя неудовлетворенными своим статусом и своими достижениями. Совершен вывод, что развитие «фьюжн» психологического благополучия и социально-психологических характеристик личности является важной задачей как для индивида, так и для общества в целом. Исследования в этой области позволяют лучше понять, какие факторы влияют на эти аспекты и как можно содействовать формированию полноценной и счастливой личности.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н. Соотношение психологического благополучия и социально-психологических характеристик личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 189-196.

Ключевые слова

Психологическое благополучие, межличностные отношения, адаптивные социальные навыки, устойчивая самооценка, индивид, психосоциальный дистресс.

Введение

Психологическое благополучие является центральной темой в исследованиях социальной психологии и психологии личности. В контексте современной российской науки, значительный вклад в изучение этой проблематики внесли такие ученые, как А.М. Прихожан, Л.Н. Собчик, Н.Е. Водопьянова, чьи работы затрагивают вопросы самосознания, стресса и адаптации личности [Прихожан А.М. «Психологическое благополучие личности», 2015; Л.Н. Собчик «Психология индивидуальности: теория и практика психодиагностики», 2005, Водопьянова Н.Е. «Стресс-менеджмент», 2019]. Эти работы предоставляют основу для анализа связи между социально-психологическими характеристиками личности и ее благополучием, раскрывая механизмы воздействия психологических факторов на общее состояние человека.

Основное содержание

В настоящий момент нет общепринятого определения психологического благополучия, а также четких критериев для его оценки.

По мнению А.А. Скорынина; «...психологическое благополучие может пониматься как целостное психическое состояние личности, в котором можно выделять осознаваемый и неосознаваемый уровни [Скорынин, 2020].

Психологическое благополучие определяется как состояние психического комфорта, удовлетворенности собой, своей жизнью и включает в себя такие аспекты, как позитивные эмоции, чувство счастья, уверенность в себе (ассертивность) и своих способностях [Асадуллин, 2022].

Социально-психологические характеристики личности, с другой стороны, связаны с взаимодействием индивида с окружающим миром, его отношениями с другими людьми в социуме, социальными ролями и стереотипами, т.е. социальная адаптация, межличностные отношения, самооценка, самопринятие и т.п. Личностные характеристики, такие как эмоциональная стабильность, экстраверсия (коммуникабельность и общительность) и саморегуляция, оказывают значительное влияние на формирование психологического благополучия. В свою очередь, психологическое благополучие может влиять на социально-психологические характеристики личности, способствуя лучшей адаптации к социальной среде и повышению уровня удовлетворенности жизнью. Таким образом, понимание взаимосвязи между психологическим благополучием и социально-психологическими характеристиками личности имеет важное значение для разработки эффективных стратегий поддержки психологического здоровья и повышения качества жизни.

Нужно указать на два актуальных направления исследований:

- первое: как социально-психологические характеристики, такие как уровень притязаний, самооценка и уровень приспособленности, влияют на ощущение благополучия личности;
- второе: взаимосвязь личностных особенностей и социального окружения с уровнем психологического благополучия, что является ключевым для понимания процессов адаптации и развития личности в современном обществе.

Социально-психологические характеристики личности, такие как чувство собственного достоинства, морально-нравственные установки, ценности и коммуникативные навыки, оказывают заметное влияние на психологическое благополучие человека. Исследования

российских ученых в области психологии подтверждают, что высокий уровень самооценки и развитие социальных умений способствуют формированию устойчивости к стрессу, адаптивности к изменениям и общему ощущению удовлетворенности жизнью [Ларионова, 2021]. Кроме того, позитивное отношение к самому себе и способность к эффективному взаимодействию с другими значительно улучшают качество жизни и способствуют достижению личных целей.

В работе Е.А. Васиной «Социальные умения личности: диагностика и подходы к анализу» подчеркивается, что именно социальные навыки являются ключевыми в процессе социализации и важны для чувства собственной значимости и внутренней гармонии. Также акцентируется внимание на важности конструктивной системы ценностей, которая позволяет индивиду ориентироваться в социальном пространстве и сохранять психологическую стабильность [Васина, 2021].

Таким образом, социально-психологические характеристики играют значительную роль в обеспечении психологического благополучия. Они выступают в качестве фундамента для формирования личностной устойчивости и психологической зрелости, что позволяет личности адекватно воспринимать и конструктивно реагировать на сложности жизненных ситуаций.

Психологическое благополучие тесно связано с широким спектром социальных факторов, которые, как показывают исследования, оказывают значительное влияние на индивидуальные особенности личности. Российские исследователи внесли значительный вклад в изучение этой тематики. Так, Е.Б. Жаворонкова рассматривает взаимосвязь уровня общественного доверия, социальной поддержки и индивидуальных стратегий поведения с психологическим благополучием человека. Авторы отмечают, что уверенность в надежности социальной сети и эффективность применяемых тактик и стратегий адаптации способствуют формированию высокого уровня благополучия у индивидов.

Другое значимое исследование, проведенное И.А. Дементьевым, подчеркивает влияние социального капитала, который включает в себя уровень доверия, взаимопомощи и социальной активности, на психологическое состояние индивида. Результаты показали, что инвестиции в социальные связи способствуют не только улучшению социального функционирования, но и повышению общего ощущения счастья и удовлетворенности жизнью [Дементьев, 2011].

Обобщая выше вышесказанное, можно заключить, что психологическое благополучие личности является многоуровневым феноменом, в основе которого лежит комплекс взаимодействий между индивидуальными характеристиками личности и разнообразными социальными факторами. Подтверждение этой связи указывает на необходимость интегративного подхода к изучению данной проблематики.

Роль социально-психологических характеристик личности в достижении психологического благополучия. Социально-психологические характеристики личности, такие как уровень адаптации, самооценка, коммуникативные способности и эмоциональная устойчивость, играют важную роль в достижении психологического благополучия. Российские ученые уделяют пристальное внимание взаимосвязи этих факторов, подчеркивают значимость социальной поддержки и качества межличностных отношений для субъекта и наличие персонифицированной удовлетворенности.

Акцент на влияние самооценки и самоэффективности на психологическое благополучие делает А.А. Погорелов, указывая на то, что положительное восприятие себя способствует формированию устойчивости к стрессам и повышению контроля над собственной жизнью

[Погорелов, 2012]. Кроме того, эмоциональная устойчивость, как отмечает А.О. Широкоступова, помогает индивиду справляться с трудностями, воспринимая их как временные и преодолимые [Широкоступова, 2016].

Таким образом, учет социально-психологических характеристик личности в российских исследованиях продемонстрировал тесную связь с психологическим благополучием. Этот постулат подтверждает необходимость комплексного подхода к изучению и развитию личностных качеств с целью повышения уровня общего благополучия индивида.

Факторы, влияющие на соотношение психологического благополучия и социально-психологических характеристик личности

В контексте исследования взаимосвязей между психологическим благополучием и социально-психологическими характеристиками личности важно обратить внимание на работы российских ученых. В частности, Н.Ю. Литвинова уделяют особое внимание стабильности самооценки и уровню притязаний как ведущим факторам психической устойчивости и субъективного благополучия [Литвинова, 2015]. Другая работа, авторства Ю.В. Кобазовой, акцентирует внимание на том, что наличие положительных межличностных связей, уровень социальной поддержки и эмоциональной открытости значительно коррелирует с общим уровнем жизненного удовлетворения [Кобазова, 2022].

Более того, исследования Н. Г. Кондратюк и В. И. Моросановой свидетельствуют о том, что способность к саморегуляции, а также наличие жизненных целей и смысложизненных ориентаций способствуют повышению уровня психологического благополучия [Кондратюк, Моросанова, 2020]. Такие психологические ресурсы, как устойчивость к стрессу и гибкость мышления, также играют важную роль в формировании благополучия личности [Соловьев, 2019].

Обобщающие выводы указывают на многоаспектность исследуемого феномена, таким образом психологическое благополучие личности не является статичным состоянием, а формируется на пересечении множества социально-психологических характеристик, где важна не только индивидуальная устойчивость, но и социально-культурный контекст.

Осознанное развитие социально-психологических аспектов личности может способствовать повышению уровня психологического благополучия.

В рамках практических рекомендаций значительное место занимают тренинги социальных навыков, направленные на улучшение коммуникативных способностей и профилактику психосоциального дистресса. Психологическое консультирование и терапия могут также содействовать индивидуальному прогрессу в понимании и преодолении проблем, связанных с социальным взаимодействием.

Существенно значимым элементом является развитие эмоционального интеллекта, который влияет как на умение управлять собственными эмоциями, так и на способность эффективно взаимодействовать с окружающим социумом. Понимание и реализация эмоциональной устойчивости в сложных социальных ситуациях является ключевым для снижения уровня стресса и повышения психологического благополучия.

Заключение

Обобщим вышесказанное, перманентная работа над социально-психологическими особенностями личности, такими как коммуникативные навыки, умение строить

межличностные отношения и эмоциональный интеллект, в перспективе даст положительную динамику в достижении психологического благополучия и качественного улучшения жизни человека.

Библиография

1. Асадуллин М.Р. Теоретический анализ понятия «психологическое благополучие» человека // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 228-240. DOI: 10.34670/AR.2023.78.44.025
2. Васина, Е. А. Социальные умения личности: диагностика и подходы к анализу / Е. А. Васина // Интерактивная наука. – 2021. – № 2(57). – С. 7-26. – DOI 10.21661/r-553223. – EDN SNFNУН.
3. Водопьянова, Н. Е. Стресс-менеджмент : Учебник / Н. Е. Водопьянова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 283 с. – (Бакалавр и магистр. Академический курс). – ISBN 978-5-534-06475-9. – EDN MMISDL.
4. Дементьев И.А. Доверие как индикатор социального капитала // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. С. 40-45
5. Кобазова Ю.В. Эмоциональный интеллект и психологическое благополучие студентов педагогических специальностей ТИ(Ф) СВФУ // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 5А. С. 47-55. DOI: 10.34670/AR.2022.13.65.008
6. Ковалев П.А. Психологическое и социальное самочувствие: анализ содержания понятий // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 6А. С. 146-156. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.168
7. Кондратюк, Н. Г. Осознанная саморегуляция и увлеченность работой как ресурсы психологического благополучия человека в рабочей среде / Н. Г. Кондратюк, В. И. Моросанова // Экопсихологические исследования-6: экология детства и психология устойчивого развития : сборник научных статей, Москва, 17–18 марта 2020 года. – Москва: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2020. – С. 210-214. – DOI 10.24411/9999-044А-2020-00048. – EDN KGSOFO.
8. Котлярова, В. В. Феномен социально-психологического благополучия: подходы к исследованию / В. В. Котлярова, И. В. Мудрик, О. М. Колгунова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 8-2(83). – С. 109-112. – DOI 10.24412/2500-1000-2023-8-2-109-112. – EDN TKXRKU.
9. Кулик, А. А. Взаимосвязь психологического благополучия и личностных ресурсов на разных возрастных этапах / А. А. Кулик, В. А. Наумова // Человеческий капитал. – 2021. – № 6(150). – С. 103-113. – DOI 10.25629/HC.2021.06.11. – EDN CUPITC.
10. Интернет-ресурс: Жаворонкова Е.Б., Взаимосвязь доверия и социальной поддержки, 26.05.2023, <https://www.b17.ru/article/437953/>
11. Ларионова М. А. (2021) Взаимосвязь самооценки психологического благополучия и мотивационного профиля личности в процессе профессионализации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Том 15. № 3. С. 120–127. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.3.14.
12. Литвинова, Н. Ю. Психологические факторы субъективного благополучия личности / Н. Ю. Литвинова // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 1(74). – С. 206-209. – EDN ZCBTIL.
13. Нилова, Л. А. Изучение психологических факторов профессиональной успешности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Экспертные оценки, выводы и заключение / Л. А. Нилова, А. В. Новиков, С. В. Кулакова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2017. – Т. 6, № 3А. – С. 59-68. – EDN ZDREXH.
14. Омарова М. К. Взаимосвязь психологического благополучия с механизмами психологической защиты личности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2023 Т. 17. № 1. С. 101-106. DOI: 10.31161/1995-0659-2023-17-1-101-106
15. Павлоцкая, Я. И. Психологическое благополучие и социально-психологические характеристики личности: монография / Я. И. Павлоцкая; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС. – Волгоград: Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: IBM PC с процессором 486; ОЗУ 64 Мб; CD-ROM дисковод; Adobe Reader 6.0. – Загл. с экрана.
16. Погорелов, А. А. Самоэффективность как предиктор эффективного и безопасного поведения личности / А. А. Погорелов // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2012. – № 4(129). – С. 140-145. – EDN OWYWTД.
17. Прихожан, А. М. Психологическая природа и возрастная динамика тревожности (Личност. аспект) : специальность 19.00.13 "Психология развития, акмеология" : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Прихожан Анна Михайловна. – Москва, 1996. – 307 с. – EDN NLHXXR.
18. Психологическое благополучие современного человека [Электронный ресурс] : материалы Международной

- заочной научно-практической конференции (20 марта 2019 г.) / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. С. А. Водяха. – Электрон. дан. – Екатеринбург: [б. и.], 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM)
19. Скорынин, А. А. К вопросу о структуре психологического благополучия личности / А. А. Скорынин // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. – 2020. – № 2. – С. 90-97. – DOI 10.24411/2712-827X-2020-10210. – EDN NEUYQO.
 20. Слабкая Д.Н. Психологические детерминанты асертивности личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 9А. С. 5-11. DOI: 10.34670/AR.2023.82.51.002
 21. Собчик, Л.Н. Психология индивидуальности: теория и практика психодиагностики / Людмила Собчик. - СПб. : Речь, 2005 (ГУП Тип. Наука). – 621 с. - (Мэтры мировой психологии); ISBN 5-9268-0195-8
 22. Соловьев, М. Н. Психологическая устойчивость личности как "инструмент" от стресса / М. Н. Соловьев // Вестник Курганского государственного университета. – 2019. – № 2(53). – С. 70-74. – EDN MLVBXU.
 23. Субъектные и межличностные характеристики работников с разным уровнем психологического благополучия / Д. М. Зиновьева, Н. Е. Водопьянова, А. Ю. Чернов, Е. В. Панкратова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7, № 6. – С. 23. – EDN STMWUP.
 24. Структура и виды когнитивных схем психологического благополучия / А. Ю. Чернов, Д. М. Зиновьева, Н. Е. Водопьянова, О. О. Фомина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2020. – Т. 9, № 1(33). – С. 33-43. – DOI 10.18500/2304-9790-2020-9-1-33-43. – EDN CRENEU.
 25. Широкоступова А.О. Эмоциональная устойчивость как психологический феномен // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. № 4. С. 45-52

The relationship between psychological well-being and socio-psychological characteristics of the individual

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The relationship between psychological well-being and socio-psychological characteristics of the individual is one of the promising areas in modern science. Research in psychology shows that there is a close relationship between psychological well-being and socio-psychological characteristics of the individual. It is noted that psychological well-being is determined not only by internal factors, such as the level of self-esteem and life satisfaction, but also by external ones, including social support, the quality of interpersonal relationships and the level of adaptability in society. Research in this area shows that there is a relationship between psychological well-being and socio-psychological characteristics of an individual. People with high levels of psychological well-being tend to have more adaptive social skills, stable communication relationships with others, and a more stable worldview. At the same time, people with a low level of psychological well-being may experience difficulties in establishing interaction with other subjects of society and feel dissatisfied with their status and their achievements. It is concluded that the development of a "fusion" of psychological well-being and socio-psychological characteristics of the individual is an important task for both the individual and society as a whole. Research in this area allows us to better understand what factors influence these aspects and how we can promote the formation of a fulfilling and happy personality.

For citation

Slabkaya D.N. (2024) Sootnoshenie psikhologicheskogo blagopoluchiya i sotsial'no-psikhologicheskikh kharakteristik lichnosti [The relationship between psychological well-being and socio-psychological characteristics of the individual]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 189-196.

Keywords

Psychological well-being, interpersonal relationships, adaptive social skills, stable self-esteem, individual, psychosocial distress.

References

1. Asadullin M.R. Theoretical analysis of the concept of "psychological well-being" of a person // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2022. Vol. 11. No. 6A. pp. 228-240. DOI: 10.34670/AR.2023.78.44.025
2. Vasina, E. A. Social skills of personality: diagnostics and approaches to analysis / E. A. Vasina // Interactive science. – 2021. – № 2(57). – Pp. 7-26. – DOI 10.21661/r-553223. – EDN SNFNYH.
3. Vodopyanova, N. E. Stress management : Textbook / N. E. Vodopyanova. – 2nd ed., ispr. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. – 283 p. – (Bachelor and Master. Academic course). – ISBN 978-5-534-06475-9. – EDN MMISDL.
4. Dementiev I.A. Trust as an indicator of social capital // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2011. pp. 40-45
5. Kobazova Yu.V. Emotional intelligence and psychological well-being of students of pedagogical specialties of TI(F) NEFU // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2022. Vol. 11. No. 5A. pp. 47-55. DOI: 10.34670/AR.2022.13.65.008
6. Kovalev P.A. Psychological and social well-being: analysis of the content of concepts // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2019. Vol. 8. No. 6A. pp. 146-156. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.168
7. Kondratyuk, N. G. Conscious self-regulation and dedication to work as resources of psychological well-being of a person in the working environment / N. G. Kondratyuk, V. I. Morosanova // Ecopsychological research-6: Ecology of childhood and psychology of sustainable development : collection of scientific articles, Moscow, March 17-18, 2020. – Moscow: Closed Joint Stock Company "University Book", 2020. – pp. 210-214. – DOI 10.24411/9999-044A-2020-00048. – EDN KGSOFO.
8. Kotlyarova, V. V. The phenomenon of socio-psychological well-being: approaches to research / V. V. Kotlyarova, I. V. Mudrik, O. M. Koltunova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – № 8-2(83). – Pp. 109-112. – DOI 10.24412/2500-1000-2023-8-2-109-112. – EDN TKXRKU.
9. Kulik, A. A. Interrelation of psychological well-being and personal resources at different age stages / A. A. Kulik, V. A. Naumova // Human capital. – 2021. – № 6(150). – Pp. 103-113. – DOI 10.25629/HC.2021.06.11. – EDN CUPITC.
10. Online resource: Zhavoronkova E.B., The relationship of trust and social support, 05/26/2023, <https://www.b17.ru/article/437953/>
11. Larionova M. A. (2021) The relationship between self-assessment of psychological well-being and the motivational profile of a personality in the process of professionalization // Science of man: humanitarian studies. Volume 15. No. 3. pp. 120-127. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.3.14.
12. Litvinova, N. Y. Psychological factors of subjective well-being of the individual / N. Y. Litvinova // The world of science, culture, and education. – 2019. – № 1(74). – Pp. 206-209. – EDN ZCBTIL.
13. Nilova, L. A. The study of psychological factors of professional success of employees of the penal system. Expert assessments, conclusions and conclusions / L. A. Nilova, A.V. Novikov, S. V. Kulakova // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. – 2017. – Vol. 6, No. 3A. – pp. 59-68. – EDN ZDREXH.
14. Omarova M. K. The relationship of psychological well-being with the mechanisms of psychological protection of personality // Proceedings of the Dagestan State Pedagogical University. Psychological and pedagogical sciences. 2023 t. 17. No. 1. pp. 101-106. DOI: 10.31161/1995-0659-2023-17-1-101-106
15. Pavlotskaya, Ya. I. Psychological well-being and socio-psychological characteristics of personality: a monograph / Ya. I. Pavlotskaya; Volgograd Institute of Management - branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of the Russian Academy of Sciences. – Volgograd: Publishing House of the Volgograd Institute of Management – branch of the RANEPa, 2016. – 1 electron. optical disc (CD-ROM). – Systems. Requirements: IBM PC with 486 processor; 64 MB RAM; CD-ROM drive; Adobe Reader 6.0. – Blank screen.

16. Pogorelov, A. A. Self-efficacy as a predictor of effective and safe personal behavior / A. A. Pogorelov // *Izvestiya SFU. Technical sciences.* – 2012. – № 4(129). – Pp. 140-145. – EDN OWYWTD.
17. Parishioners, A.M. The psychological nature and age dynamics of anxiety (Personality aspect): specialty 19.00.13 "Developmental Psychology, acmeology" : dissertation for the degree of Doctor of Psychological Sciences / Anna Mikhailovna Parishioners. – Moscow, 1996. – 307 p. – EDN NLHXXR.
18. Psychological well-being of a modern person [Electronic resource] : materials of the International Correspondence scientific and practical conference (March 20, 2019) / Ural State Pedagogical University. Univ.; ed. by S. A. Vodyakh. – Electron. dan. Yekaterinburg: [B. I.], 2019. – 1 electron. optical disc (CD-ROM)
19. Skorynin, A. A. On the question of the structure of psychological well-being of a person / A. A. Skorynin // *Humanitarian studies. Pedagogy and psychology.* - 2020. – No. 2. – pp. 90-97. – DOI 10.24411/2712-827X-2020-10210. – EDN NEUYQO.
20. Slabkaya D.N. Psychological determinants of personality assertiveness // *Psychology. Psychology. Historical and critical reviews and modern research.* 2023. Vol. 12. No. 9A. pp. 5-11. DOI: 10.34670/AR.2023.82.51.002
21. Sobchik, L.N. Psychology of individuality: theory and practice of psychodiagnostics / Lyudmila Sobchik. - St. Petersburg : Speech, 2005 (SUE Type. Science). - 621 p. - (Masters of World Psychology); ISBN 5-9268-0195-8
22. Solovyov, M. N. Psychological stability of personality as a "tool" for stress / M. N. Solovyov // *Bulletin of Kurgan State University.* – 2019. – № 2(53). – Pp. 70-74. – EDN MLVBXU.
23. Subjective and interpersonal characteristics of workers with different levels of psychological well-being / D. M. Zinovieva, N. E. Vodopyanova, A. Y. Chernov, E. V. Pankratova // *The world of science. Pedagogy and psychology.* – 2019. – Vol. 7, No. 6. – p. 23. – EDN CTMWUP.
24. The structure and types of cognitive schemes of psychological well-being / A. Y. Chernov, D. M. Zinovieva, N. E. Vodopyanova, O. O. Fomina // *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Acmeology of Education. Developmental psychology.* - 2020. – Vol. 9, No. 1(33). – pp. 33-43. – DOI 10.18500/2304-9790-2020-9-1-33-43. – EDN CRENEU.
25. Shirokostupova A.O. Emotional stability as a psychological phenomenon // *Psychology. Historical and critical reviews and modern research.* 2016. No. 4. pp. 45-52

УДК 614.8**Исследование психологических факторов, определяющих выживание медицинских работников в условиях военных действий****Карапетьян Сергей Рафикович**

Преподаватель,
кафедра физической подготовки,
Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова,
194044, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева лит. Ж;
e-mail: info@vmeda.org

Миколенко Вячеслав Владимирович

Кандидат педагогический наук
кафедра физической подготовки,
Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова,
194044, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева лит. Ж;
e-mail: info@vmeda.org

Козлов Владимир Васильевич

Преподаватель,
кафедра физической подготовки,
Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова,
194044, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева лит. Ж;
e-mail: info@vmeda.org

Аннотация

В статье представлены психологические факторы, определяющие выживание медицинских работников в условиях военных действий. К ним относятся: значимая роль взаимодействия между своей профессией и разумом в условиях военных действий; позитивное влияние смены врачебной деятельности и обстановки на выживание медицинских работников в условиях военных действий; особая роль применения полученного опыта на выживание медицинских работников в условиях военных действий; высокая эффективность использования боевого опыта на выживание медицинских работников в условиях военных действий; Применение практики осознанности нахождения в условиях военных действий и поддержка сослуживцев; Недостаточное количество методических рекомендаций по выживанию медицинских работников в условиях военных действий. В ходе исследования были использованы следующие методы исследования, такие как: аналитический обзор научной литературы, а также исследований российских ученых, проведен опрос научно-педагогических работников, врачей разных специальностей.

Для цитирования в научных исследованиях

Карапетьян С.Р., Миколенко В.В., Козлов В.В. Исследование психологических факторов, определяющих выживание медицинских работников в условиях военных действий // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 197-201.

Ключевые слова

Психологические факторы, выживание, методы, медицинские работники, условия военных действий.

Введение

Медицинский работник - это обширная и многогранная профессия, объединяющая в себе множество специализаций, начиная от врачей различных профилей и заканчивая медицинскими сестрами и другими специалистами здравоохранения [Гланц, 1998].

В настоящее время медицинские работники играют ключевую роль в поддержании здоровья военнослужащих, которые принимают участие в боевых действиях. Им приходится работать в условиях с определенным риском, взаимодействовать между своей профессией и разумом [Демченкова, 2009].

В ходе исследования мы изучим психологические факторы, определяющие выживание медицинских работников в условиях военных действий, а также определим их ранговую структуру, основываясь на результаты опроса 26 респондентов.

Основное содержание

В ходе исследования были использованы следующие методы исследования, такие как:

- аналитический обзор научной литературы, а также исследований российских ученых, компетентных в данном вопросе [Казакова, 2011, Каленов, 2015, Митрофанова, 2023, Захарова, 2006, Панкратова, 2012, Погосова, 2007, Чурилов, 2007, Трухан, 2022];
- проведен опрос научно-педагогических работников, врачей разных специальностей военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, г. Санкт-Петербург.

Аналитический обзор научной литературы, исследований и опрос респондентов проводился с целью выявления психологических факторов выживания медицинских работников в условиях военных действий, а также определения их значимости [Агаджанян, 2000].

Исследования, проведенные в последние годы по изучению выживания медицинских работников в условиях военных действий, показывают высокую значимость выявления факторов, определяющих выживание медицинских работников в условиях военных действий. Для решения этой задачи проводился опрос научно-педагогических работников, врачей разных специальностей. В опросе приняло участие 26 специалистов. Результаты этого исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Психологические факторы, определяющие выживание медицинских работников в условиях военных действий

Место	Факторы
1	Значимая роль взаимодействия между своей профессией и разумом в условиях военных действий

Место	Факторы
2	Позитивное влияние смены врачебной деятельности и обстановки на выживание медицинских работников в условиях военных действий
3	Особая роль применения полученного опыта на выживание медицинских работников в условиях военных действий
4	Высокая эффективность использования боевого опыта на выживание медицинских работников в условиях военных действий
5	Применение практики осознанности нахождения в условиях военных действий и поддержка сослуживцев
6	Недостаточное количество методических рекомендаций по выживанию медицинских работников в условиях военных действий

В ходе исследования были установлены психологические факторы, определяющие определяющих выживание медицинских работников в условиях военных действий. К ним относятся: значимая роль взаимодействия между своей профессией и разумом в условиях военных действий; позитивное влияние смены врачебной деятельности и обстановки на выживание медицинских работников в условиях военных действий; особая роль применения полученного опыта на выживание медицинских работников в условиях военных действий; высокая эффективность использования боевого опыта на выживание медицинских работников в условиях военных действий; Применение практики осознанности нахождения в условиях военных действий и поддержка сослуживцев; Недостаточное количество методических рекомендаций по выживанию медицинских работников в условиях военных действий.

Заключение

Исследование психологических факторов, определяющих выживание медицинских работников в условиях военных действий - это многогранный процесс, требующий тонкого понимания.

В ходе исследований были установлены психологические факторы, определяющие выживание медицинских работников в условиях военных действий, важнейшим из которых является значимая роль взаимодействия между своей профессией и разумом в условиях военных действий.

Библиография

1. Агаджанян, Н.А. Учение о здоровье и проблемы адаптации / Н.А. Агаджанян, Р.М. Баевский, А.П. Берсенева. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. – 204 с.
2. Архипов, А.А. Организационные аспекты лечебно-профилактической и медико-социальной помощи участникам боевых действий и контртеррористических операций: автореф. дис. ... канд. мед.наук: 14.00.33 / Архипов Алексей Артемович - Рязань, 2005. - 23 с.
3. Гланц, С. Медико-биологическая статистика / С. Гланц. Пер. с англ. - М., Практика, 1998. – 459 с.
4. Гусев, Е.И. Дисрегуляторная патология нервной системы / Е.И. Гусев, Г.Н. Крыжановский. - М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2009. - 512 с.
5. Демченкова, Г.З. О ходе реализации «Концепции развития социальных и медицинских основ улучшения качества жизни и профилактики потери трудоспособности ветеранов войн, участников локальных конфликтов, миротворческих операций и жертв терроризма в государствах-участниках СНГ на 2006-2010 годы» / Г.З. Демченкова // Материалы второй Всероссийской научнопракт. конференции «Посттравматический синдром. Пути реабилитации». – Казань, 2009. - С.31-44.
6. Букалерева Л.А., Муратханова М.Б., Остроушко А.В., Симонова М.А. Охрана интересов несовершеннолетних в условиях цифровой экономики в Российской Федерации и республике Казахстан // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 149 – 165.

7. Симонова М.А. Социальная деятельность русской православной церкви в 1990-2000-е гг.: концептуальные основания и опыт реализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. No 4. С. 157 – 165.
8. Симонова М.А. Государственная политика в сфере школьного образования в 2000-х гг.: взаимодействие власти и церкви // Теория и практика общественного развития. 2014. No 2. С. 283 – 285.
9. Иванова С.А., Левчук Л.А., Гуткевич Е.В., Семке В.Я. Стероидные и тиреоидные гормоны: возможности применения в прогнозировании течения невротических расстройств // Психиатрия. 2010. No 3 (45). С. 18 – 22.
10. Аксенов М.М., Семке В.Я., Ветлугина Т.П., Белокрылова М.Ф., Гуткевич Е.В., Иванова С.А., Никитина В.Б., Епанчинцева Е.М. Клиническая динамика пограничных нервно-психических расстройств // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2006. No 3 (42). С. 13 – 16.

Study of psychological factors that determine the survival of medical workers in war conditions

Sergei R. Karapet'yan

Lecturer at the Department of Physical Training,
Military Medical Academy named after S.M. Kirov,
194044, Academician Lebedev lit. J, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: info@vmeda.org

Vyacheslav V. Mikolenko

PhD in Pedagogy,
Lecturer at the Department of Physical Training,
Military Medical Academy named after S.M. Kirov,
194044, Academician Lebedev lit. J, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: info@vmeda.org

Vladimir V. Kozlov

Lecturer at the Department of Physical Training,
Military Medical Academy named after S.M. Kirov,
194044, Academician Lebedev lit. J, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: info@vmeda.org

Abstract

The article presents the psychological factors determining the survival of medical workers in the conditions of military operations. These include: the significant role of the survival of medical workers in the conditions of hostilities; the positive impact of the change of medical activity and the situation on the survival of medical workers in the conditions of hostilities; the special role of applying the experience gained for the survival of medical workers in the conditions of hostilities; the high efficiency of using combat experience for the survival of medical workers in the conditions of military operations actions; The application of the practice of mindfulness in the conditions of military operations and the support of colleagues; An insufficient number of methodological recommendations for the survival of medical workers in the conditions of military operations. In the

course of the study, the following research methods were used, such as: an analytical review of scientific literature, as well as research by Russian scientists, a survey of scientific and pedagogical workers, doctors of various specialties was conducted.

For citation

Karapet'yan S.R., Mikolenko V.V., Kozlov V.V. (2024) Issledovanie psikhologicheskikh faktorov, opredelyayushchikh vyzhivanie meditsinskikh rabotnikov v usloviyakh voennykh deistvii [Study of psychological factors that determine the survival of medical workers in war conditions]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 197-201.

Keywords

Psychological factors, survival, methods, medical workers, conditions of military operations.

References

1. Agadzhanian, N.A. The doctrine of health and problems of adaptation / N.A. Agadzhanian, R.M. Baevsky, A.P. Berseneva. – Stavropol: SSU Publishing House, 2000. – 204 p.
2. Arkhipov, A.A. Organizational aspects of treatment, preventive and medical-social assistance to participants in combat operations and counter-terrorism operations: abstract of thesis. dis. ...cand. medical sciences: 14.00.33 / Arkhipov Aleksei Artemovich - Ryazan, 2005. - 23 p.
3. Glanz, S. Medical and biological statistics / S. Glanz. Per. from English - M., Praktika, 1998. – 459 p.
4. Gusev, E.I. Dysregulation pathology of the nervous system / E.I. Gusev, G.N. Kryzhanovskiy. - M.: Medical Information Agency LLC, 2009. - 512 p.
5. Demchenkova, G.Z. On the progress of implementation of the “Concept for the development of social and medical foundations for improving the quality of life and preventing disability for war veterans, participants in local conflicts, peacekeeping operations and victims of terrorism in the CIS member states for 2006-2010” / G.Z. Demchenkova // Materials of the second All-Russian scientific practical work. conference “Post-traumatic syndrome. Ways of rehabilitation”. – Kazan, 2009. - P.31-44.
6. Bukalerova L.A., Muratkhanova M.B., Ostroushko A.V., Simonova M.A. Protecting the interests of minors in a digital environment economy in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan // Vestnik St. Petersburg University. Right. 2019. T. 10. No. 1. P. 149 – 165.
7. Simonova M.A. Social activities of the Russian Orthodox Church in the 1990-2000s: conceptual foundations and implementation experience // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History Russia. 2014. No. 4. pp. 157 – 165.
8. Simonova M.A. State policy in the field of school education in the 2000s: interaction between government and church // Theory and social development practice. 2014. No. 2. pp. 283 – 285.
9. Ivanova S.A., Levchuk L.A., Gutkevich E.V., Semke V.Ya. Steroid and thyroid hormones: possibilities for use in prognosis course of neurotic disorders // Psychiatry. 2010. No. 3 (45). P. 18 – 22.
10. Aksenov M.M., Semke V.Ya., Vetlugina T.P., Belokrylova M.F., Gutkevich E.V., Ivanova S.A., Nikitina V.B., Epanchintseva E.M. Clinical dynamics of borderline neuropsychiatric disorders // Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology. 2006. No 3 (42). pp. 13 – 16.

УДК 159.9

Конкурентоспособность в современных социально-психологических условиях

Виноградов Алексей Сергеевич

Соискатель кафедры психологии
Института социальной инженерии
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство),
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 33;
e-mail: epyfis@mail.ru

Аннотация

В статье обозначены представления современных научных подходов к пониманию дефиниции «конкурентоспособность» и авторская установка на исследование социально-психологических условий деятельности личности и группового субъекта деятельности в современной действительности. Анализ актуальных социально-психологических условий демонстрирует, что социально-психологические условия для их детального рассмотрения можно типологизировать и разделить на три уровня с обозначением критериев и показателей, к которым для изучения подбираются исследователями определённого содержания тестовые методики. В заключении показано, что проблемное поле современных социально-психологических условий на современном российском фоне определило подходы к исследованию феномена конкуренции и конкурентоспособности. Исследование социально-психологических условий показало, что результативным для изучения является предварительное деление социально-психологических условий на три уровня: макро-, мезо- и микроуровни, поуровневое социальное изучение по выявленным критериям доказательно представляет отличия между социально-психологическими условиями - большими, средними, малыми социальными группами и личностью как субъектом деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Виноградов А.С. Конкурентоспособность в современных социально-психологических условиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 202-210.

Ключевые слова

Конкуренция, конкурентоспособность, социально-психологические условия.

Введение

Изучение социально-психологических условий как таковых на современном российском фоне является очевидно актуальной задачей, поскольку произошли радикальные перемены в укладе жизни населения нашей страны, в образовательном пространстве, сфере управления и профессиональной деятельности, появились новые формы взаимодействия между субъектами профессиональной деятельности и, что более значимо, новые модели деятельности в условиях санкционного давления со стороны так называемых зарубежных партнёров. Актуальные социально-психологические условия отражают наличие противоречий, которые порождают новые социально-психологические феномены, такие, как конкуренция. Противоречия определены между предлагаемыми рыночными условиями деятельности и отсутствием модели изучения социально-психологических условий конкуренции; между сложившимися международными предпочтениями долгое время существующих субъектов производственной деятельности (производящими товары и услуги) и практическим отсутствием опыта конкуренции между российскими субъектами профессиональной деятельности внутри страны; между запросом предприятий в новых российских условиях на обеспечение собственной конкурентоспособности и отсутствием психологической готовности работать в новых условиях, обеспечивающих успех в конкурентной борьбе.

Основное содержание

Конкуренция детерминирует формирование и обязывает развивать такие качества как на уровне личности, так и на уровне группы, как конкурентоспособность.

Целью настоящего исследования является изучение подходов современных учёных в понимании сложившихся социально-психологических условий реальной рыночной действительности и анализе социально-психологического феномена конкуренции и, как производного, - конкурентоспособности.

Объект исследования – социально-психологические условия конкуренции.

Предмет исследования – конкурентоспособность.

Социально-психологические условия предполагают запрос на исследование характеристик социума, характеристик социальных групп, характеристик социально-психологических групповых феноменов и других социально-психологических составляющих жизни общества.

Так, понимание социально-психологических условий конкуренции возможно при условном делении на социальные уровни, а именно: макросоциальный уровень, мезосоциальный уровень, микросоциальный уровень. Макроуровень нужно интерпретировать как уровень изучения социально-психологических условий больших социальных групп по критериям социальных условий – функционирование политической системы государства (все ветви власти); уровень развития экономики - показатели налогообложения и доступности кредитов; развитие технологического потенциала - показатели рынка товаров и услуг; развитие человеческого капитала - общественное мнение и социальные настроения, общие ценности и готовность к социальной мобилизации.

Макроуровень на текущий момент характеризует переход не только экономической деятельности, но и всех сфер жизни людей на условия компьютеризации и цифровизации. Этот фактор радикально меняет условия конкуренции и требует от больших социальных групп изменения моделей деятельности, которые объективно меняются в связи с изменением системы ценностей, изменением ключевых механизмов трансфера интеллектуальной собственности – модель соперничества перманентно охватывает в связи с компьютеризацией и цифровизацией

большие социальные группы [Анисимов, 2018]. Цифровизация объединяет ресурсы больших компаний в единые технологические платформы, - этот факт детерминирует ускорение социальных, экономических, управленческих и других процессов. – с одной стороны – это процесс кооперации и сотрудничества, но с другой – это возможность конкуренции на региональных уровнях благодаря возможности интеллектуальной узкой специализации, формирующей региональную конкурентоспособность как способность развития больших социальных групп. [Цариковский, Иванова, Войниканис, 2018]. Макросоциальный уровень предполагает наличие и формирование внешнего имиджа, который обеспечивает позитивный или негативный образ и репутационный ресурс, которые зависят от результативности рекламы и добросовестного взаимодействия с другими участниками рынка. Внешний имидж обеспечивается развитием известности и узнаваемости в СМИ и сети Интернет.

На мезосоциальном уровне критериями социально-психологических условий конкуренции являются условия, формирующие внутренний имидж, который составляют три компонента социально-психологического характера, а именно кадровая политика, корпоративная (организационная) культура и социально-психологический климат. Кадровая политика предполагает система групповых ожиданий по качеству труда субъекта профдеятельности – отбор, подбор, расстановку кадров и формирование кадрового резерва для формирования конкурентоспособности предприятий на основе человеческого капитала. Корпоративная (организационная) культура через институционализацию этических норм и правил внутреннего распорядка обеспечивает привитие общих ценностей и лояльность к предприятию и руководству. Социально-психологический климат служит созданию синергетического эффекта на предприятии для повышения конкурентоспособности.

Микросоциальный уровень отражается в индивидуальности каждого отдельного сотрудника – субъектно-деятельностной профессиональной и личностной парадигме реализации своих знаний и умений для повышения своей собственной конкурентоспособности и конкурентоспособности предприятия, на котором трудится человек.

Так, социально-психологические условия конкуренции – это условия жизни и деятельности больших, средних и малых социальных групп в условиях соперничества, состязательности, соревновательности (за лучшие ресурсы, потребителя, производство в рыночных отношениях с целью увеличения прибыли и коллективного доминирования.) А.С. Виноградов.

Социально-психологические условия современной действительности запрашивают и понимания семантики конкуренции, и представление о семантике конкурентоспособности – характеристики социально-психологической категории.

Отметим, что Андреева Ю.В., Душкина О.В., Зазыкин В.Г., Котикова Д.С., Ключева О.А., Митина Л.М., Посохова А.В., Сидорова Н.Н., Строилова А.С., Фомин Н.В. изучали конкуренцию и конкурентоспособность в русле следующих дисциплин: акмеология, психология труда, психология профессиональной деятельности. Психологический подход отражает понимание конкуренции в отражении конкуренции в профессиональной деятельности: в результативности и трудовых достижениях, в достижении «акме» в процессе самоактуализации личности и направленности результатов своей деятельности на «других». Например, Митина Л.М. [Миронов, 2010] определяется с конкурентоспособностью как с «интегральным свойством в реализации субъекта деятельности в профессии, в достижении вершин мастерства в профессиональной сфере и сфере личностного роста». Шаповалов В.И. [Шмелёв, 2014] понимает так: «конкурентоспособность - это социально ориентированная система способностей, свойств и качеств личности...это как потенциальные возможности в достижении успеха.». Исследований конкурентоспособности по социальной психологии практически нет, а недостаточная изученность конкурентоспособности с социально-

психологической точки зрения и функционирования социальных профессиональных групп запрашивает систематизации на основе социально-психологического подхода, и необходимость согласованности с инструментарием. Общеизвестного конкретизированного определения конкурентоспособности в психологии на текущий момент нет.

Так, трактовка термина «конкуренция» множество, А.Г. Шмелёв в своём исследовании приводит десять определений, а именно:

1. «Конкуренция (от лат. *concurrentia* – сталкиваться) – состязание между производителями (продавцами) товаров, а в общем случае – между любыми экономическими, рыночными субъектами; борьба за рынки сбыта товаров с целью получения более высоких доходов...» (Экономический словарь (2007))

2. «Конкуренция в биологии – антагонистические отношения, определяемые стремлением лучше и скорее достигнуть какойлибо цели по сравнению с другими членами сообщества» (Естественные науки, 2000).

3. «Конкуренция (*competition*) – деятельность, в которой человек (группа) соперничает с одним или большим числом других людей (групп) в достижении цели, особенно когда искомые результаты дефицитны и не все могут ими воспользоваться» (Большой толковый социологический словарь, 2001).

4. «Конкуренция (*competition*) [конкурентная ситуация] – это ситуация, при которой индивиды с различными или противоположными интересами стремятся к максимальному увеличению своих преимуществ или вознаграждений» (Социологический словарь, 2008).

5. «Конкуренция – состязательная деятельность хозяйствующих субъектов по извлечению прибыли, когда их самостоятельные действия эффективно ограничивают возможность друг друга односторонне повлиять на общие условия обращения товаров...» [Энциклопедия юриста, 2006].

6. «Конкуренция – тип биотических взаимоотношений, при котором организмы или виды соперничают между собой в потреблении одних и тех же, обычно ограниченных ресурсов. Ресурсы могут быть как пищевого, так и другого рода: наличие мест для выведения потомства...» [Экологический словарь, 2010].

7. «Конкуренция – в повседневном понимании – соперничество экономических субъектов за лучшие условия производства, купли и продажи товаров» (Экономика и финансы, 2000).

8. «Конкуренция (от лат. *concurro* – сбегаюсь, сталкиваюсь) – одна из основных форм организации межличностного взаимодействия, характеризующаяся достижением индивидуальных или групповых целей...» (Словарь по профориентации).

9. «Конкуренция – одна из основных форм организации взаимодействия межличностного, характерная достижением индивидуальных или групповых целей и интересов в условиях противоборства с добивающимися тех же целей и интересов другими индивидами или группами» [Национальная социологическая энциклопедия, Словарь практического психолога].

10. «Конкуренция [лат. *concurro* – сбегаюсь, сталкиваюсь] (в социальной психологии) – одна из основных форм организации межличностного и социального взаимодействия, характеризующаяся достижением индивидуальных или групповых целей...» (Социальная психология, 2005) [Шмелёв, 2014]

Не только отечественные учёные освещали свои научные интересы социально-психологическим явлением «конкуренция» и «конкурентоспособность». Зарубежные авторы, такие, как П. Дойль, Кейнс Дж., В.В. Леонтьев, А. Маршалл, М. Портер, А. Дж. Стрикленд, А.А. Томпсон и Ф. фон Хайек, Й. Шумпетер. Так, В.В. Леонтьевым был предложен метод экономического анализа "Затраты – выпуск" (Input – Output). Этот метод использован В. Леонтьевым при построении межотраслевых балансов экономики США. Произведенные по

этим балансам расчеты позволяют оценивать прямые и косвенные последствия изменений в масштабах, технологии и структуре производства, потребительском спросе, внешней торговле, инвестиционной сфере, соотношениях цен и доходов. П. Дойль считал, что высокая конкурентоспособность предприятий является необходимым условием обеспечения высокой прибыли в современных условиях. Кейнс Дж. создал «Общую теорию» и теорию конкуренции, она явилась поворотным пунктом в экономической науке XX в. и во многом определяет экономическую политику стран и в настоящее время. А. Маршалл создал теорию равновесия фирмы и отрасли, она широко используется в мировой практике для определения конкурентоспособности фирм. М. Портер считал, что конкурентоспособность — это свойство товара, услуги, субъекта рыночных отношений выступать на рынке наравне с присущими там аналогичными товарами, услугами или конкурирующими субъектами рыночных отношений. А. Дж. Стрикленд и А.А. Томпсон разработали пять стратегий конкурентоспособности предприятий. Ф. фон Хайек описывал смысл конкуренции. Й. Шумпетер определял две динамичные стороны конкуренции — конкуренцию организующую (или созидательную) и конкуренцию дезорганизующую (или разрушительную). Данные исследований конкуренции и конкурентоспособности зарубежными авторами проводились в русле экономических дисциплин.

Исследование значения и понимания дефиниции «конкурентоспособность» ознаменовано огромным количеством авторских определений отечественных учёных, которые излагаем в авторских редакциях. Дефиниция «конкурентоспособность» в трактовке российских учёных:

- Андреев В.А. определяет конкурентоспособность как личностную характеристику и выраженность лидерских качеств: «Конкурентоспособной считается личность, для которой характерно стремление и способность к высокому качеству и эффективности своей деятельности, а также к лидерству в условиях состязательности и напряженной борьбы со своими конкурентами.» [Андреев, 2004]
- Воронов А. трактует конкурентоспособность как функционал предприятия производить и реализовывать свою продукцию. «Конкурентоспособность – это способность выпускать и продавать конкурентоспособные товары» [Воронов, 2001]
- Взгляд на конкурентоспособность как на рыночную категорию и умение сохранять устойчивость в условиях конкуренции отражается в исследованиях Уткина Э.А.: «Конкурентоспособностью называется характеристика в контексте способности объекта сохранять свои позиции в рыночной борьбе относительно аналогичных конкурентов, в предлагаемых рамках изучаемого определённого рынка.» [Уткин, 2016]
- Понимание конкурентоспособности как экономической категории, то есть как возможности производства и оказания востребованных услуг определяет Селезнёв А.З.: «Конкурентоспособность - обусловленное суммой интегративных факторов состояние производителя товаров и услуг для внешнего и собственного рынка, эксплицитно представленное совокупностью индикаторов». [Селезнев, 1999]
- Горобец А.В. определяется с дефиницией «конкурентоспособность» с точки зрения функционирования высокотехнологичных предприятий как представление автора о деятельности высокотехнологичных предприятий в сложных конкурентных условиях: политических, экономических и социальных. Конкурентоспособность высокотехнологичных компаний понимается автором как «наличие подходящей организационно-управленческой структуры, способность производить и реализовывать конкурентоспособную продукцию, необходимого уровня качества менеджмента, соответствие основным критериям конкурентоспособности таких компаний: доступ к

- инвестиционному капиталу, квалифицированные и креативные сотрудники, рынки сбыта продукции, защита интеллектуальной собственности» [Горобец, 2014]
- Как производственную деятельность по выпуску востребованной конкурентоспособной продукции определяет конкурентоспособность Фатхутдинов Р.А.: «Конкурентоспособность – это способность фирмы выпускать конкурентоспособную продукцию, ее преимущество по отношению к другим фирмам данной отрасли внутри страны и за ее пределами» [Фатхутдинов, 2005]
 - Завьялов П.С. осуществляет утилитарный подход хозяйствующего субъекта как функционирование предприятия в русле ведущей деятельности предприятия по созданию прибавочной стоимости и увеличению прибыли в условиях конкуренции, а «конкурентоспособность (по Завьялову П.С.) – это возможность эффективной хозяйственной деятельности и ее практической прибыльной реализации в условиях конкурентного рынка» [Завьялов, 2005]
 - Конкурентоспособность как экономическую фьючерсную категорию предлагают понимать Фасхиев Х.А., Попов Е.В.: «Конкурентоспособность – это возможность производить и продавать конкурентоспособные товары (услуги) в будущем, без нанесения ущерба финансовому состоянию организации» [Фасхиев, 2003].
 - Как экономическую дефиницию - целью является извлечение прибыли в условиях конкуренции определяет Миронов М.Г.: «Конкурентоспособность – это экономическая категория, которая представляет собой эффективную хозяйственную деятельность предприятия, характеризующуюся прибыльностью реализации товаров и услуг в условиях конкурентного рынка» [Миронов, 2010]
 - В психологическом ключе как личностная характеристика целеполагания и алгоритм эффективной деятельности определяет Митина Л.М.: «Конкурентоспособность как комплекс индивидуально-психологических свойств личности, дающей возможность саморазвития в нестандартных условиях жизнедеятельности, находить оптимальные, гуманистические способы достижения поставленной цели и быть востребованной и успешной как личностно, так и профессионально» [Митина, 2003].
 - С точки зрения психологии труда и профессионального развития конкурентоспособность определяется как наличие профессионально важных качеств и адаптивное поведение Плугарева А.В.: «Конкурентоспособность определяется как социально ориентированная система способностей, свойств и качеств личности, характеризующая ее потенциальные возможности в достижении успеха (в учебе, профессиональной деятельности и др.), определяющее адекватное индивидуальное поведение в динамически изменяющихся условиях, обеспечивающая внутреннюю уверенность в себе, гармонию с собой и окружающим миром» [Плугарева, 2007].
 - Конкурентоспособность как личностные и субъектные качества в условиях конкуренции – психологическая основа (отношения, взаимодействия и поведение в социуме) определяет Посохова А.В.: «Конкурентоспособность – это личностное и профессиональное свойство предпринимателей, проявляющееся в деятельности, поведении и отношениях субъекта, которые осуществляются в условиях противоборства или состязательности, обуславливают преимущества и регулируются не только целями деятельности, но и личностными смыслами и нравственными нормами» [Посохова, 2014]
 - Как личностную характеристику в акмеологическом контексте в условиях соревновательности и возможности быть успешным рассматривает

- конкурентоспособность Токарева Е.В.: «Конкурентоспособность - комплекс индивидуально-психологических свойств личности, дающей возможность саморазвития в нестандартных условиях жизнедеятельности, находить оптимальные, гуманистические способы достижения поставленной цели и быть востребованной и успешной как личностно, так и профессионально» [Токарева, 2008]
- Комплексный подход в исследовании конкурентоспособности и определение её как интегративной характеристики – и социально-психологическая, управленческая и производственная - наблюдается у Царьковой С.В.: «Конкурентоспособность – это процесс осуществления управленческих, организационных, производственных и сбытовых функций.» [Царькова, 1999]
 - С точки зрения представления конкурентоспособности как феномена группового субъекта труда – это социально-психологическая характеристика конкурентного потенциала предприятия, которую Виноградов А.С. определяет так: «Конкурентоспособность предприятий - это конкурентоспособность профессиональной (социальной) группы, – интегративная характеристика, отражающая внутренний имидж предприятия: кадровую политику, организационную культуру, социально-психологический климат и комплекс личностных характеристик членов профессиональной группы» [Виноградов, 2021].

Заключение

Проблемное поле современных социально-психологических условий на современном российском фоне определило подходы к исследованию феномена конкуренции и конкурентоспособности. Исследование социально-психологических условий показало, что результативным для изучения является предварительное деление социально-психологических условий на три уровня: макро-, мезо- и микроуровни, поуровневое социальное изучение по выявленным критериям доказательно представляет отличия между социально-психологическими условиями - большими, средними, малыми социальными группами и личностью как субъектом деятельности. Современные представления о таком явлении, как конкуренция, позволили создать социально-психологическое представление о нём. Ознакомившись с существующими определениями такой исследуемой дефиниции, как конкурентоспособность, можно отметить интерес исследователей к этому явлению из различных областей научной деятельности – экономической, политической, социологической, психологической и других. Конкурентоспособность группового субъекта профессиональной деятельности подразумевает осуществление групповой профессиональной деятельности, определяющуюся выпуском и реализацией конкурентоспособной продукции (услуг), востребованных обществом в соответствии с социальным запросом.

Библиография

1. Анисимов А.В. Современная трансформация антимонопольная политика // Журнал экономической теории, 2018. Т.15. № 2. С.335-339.
2. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»; ФАС России; под ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова и Е. А. Войниканис. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 311 с.
3. Андреев В.А. Конкурентология. Казань: ЦИТ, 2004. 468 с.
4. Виноградов А.С. Социально-психологические и экономические аспекты конкурентоспособности предприятий. М.: Издательство «Перо», 2021. – 154 с.
5. Воронов А. Конкуренция в XXI веке / А. Воронов // Маркетинг. 2001. № 5. С. 16-24.
6. Горобец А.В. Организационные формы внедрения инноваций в крупных высокотехнологичных компаниях.

- Москва: «Перо» М., 2014.158с.
7. Завьялов П.С. Конкурентоспособность и маркетинг / П.С. Завьялов // Российский экономический журнал. 2005. № 12. С. 50-58
 8. Миронов М. Г. Ваша конкурентоспособность. Москва:«Альфа-Пресс», 2010. 160 с.
 9. Митина Л. М. Психология развития конкурентоспособной личности. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МО-ДЭК», 2003.400с.
 10. Плугарева А.В. Развитие конкурентоспособности личности студентов вузе// Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молода» наука - 2007». - Пятигорск: ПГЛУ, 2007.286с.
 11. Посохова А. В. Особенности предпринимательства как профессиональной деятельности//Акмеология. 2014. № S3-4. С. 145-146
 12. Селезнев А.З. Конкурентные позиции и инфраструктура рынка России. М.: Юристъ, 1999. - 139 с.
 13. Токарева Е.В. Конкурентоспособность личности - залог успешности в профессиональной деятельности // Психология и школа:2008. – №3 июль-сентябрь 2008. – с. 76-83
 14. Уткин Э.А. Курс менеджмента. Учебник для вузов. М.: Зерцало, 2016. 368с.
 15. Фасхиев Х.А. Как измерить конкурентоспособность предприятия?// Маркетинг в России и за рубежом. 2003. № 4. С. 53-58.
 16. Фатхудинов Р.А. Управление конкурентоспособностью организации. М.: Эксмо. 2005. 544с.
 17. Царькова С.В. Методологические аспекты исследования конкурентоспособности переходной экономики России / С.В. Царькова: Автореф. дис. М., 1999. 23 с.
 18. Шаповалов В.И. Конкурентоспособность учащегося в системе педагогического менеджмента Вестник СГУТиКД. 2012. № 2 (20). С.116-120
 19. Шмелёв А.Г. Конкуренция как метакатегория современной психологии. Сообщение1 //Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2014. Том7. №3. С.105-115.

Competitiveness in modern socio-psychological conditions

Aleksei S. Vinogradov

Applicant at the Department of Psychology
Institute of Social Engineering
Russian State University named after. A.N. Kosygin
(Technology. Design. Art),
115035, 33 Sadovnicheskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: epyfis@mail.ru

Abstract

The article outlines the ideas of modern scientific approaches to understanding the definition of "competitiveness" and the author's attitude to the study of the socio-psychological conditions of the individual and the group subject of activity in modern reality. The analysis of current socio-psychological conditions demonstrates that socio-psychological conditions for their detailed consideration can be typologized and divided into three levels with the designation of criteria and indicators, to which researchers select test methods of a certain content for study. In conclusion, it is shown that the problem field of modern socio-psychological conditions against the modern Russian background has determined approaches to the study of the phenomenon of competition and competitiveness. The study of socio-psychological conditions has shown that it is effective for the study to preliminary divide socio-psychological conditions into three levels: macro-, meso- and micro levels; level-by-level social study according to identified criteria conclusively represents the differences between socio-psychological conditions - large, medium, small social groups and the individual as a subject of activity.

For citation

Vinogradov A.S. (2024) Konkurentosposobnost' v sovremennykh sotsial'no-psikhologicheskikh usloviyakh [Competitiveness in modern socio-psychological conditions]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 202-210.

Keywords

Competition, competitiveness, socio-psychological conditions.

References

1. Anisimov A.V. Modern transformation of antimonopoly policy// Journal of Economic Theory, 2018. Vol. 15. No. 2. pp.335-339.
2. Antitrust regulation in the digital age: how to protect competition in the context of globalization and the Fourth Industrial Revolution / National research. Higher School of Economics University; FAS of Russia; edited by A. Y. Tsarikovsky, A. Y. Ivanov and E. A. Voynikanis. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. 311 p.
3. Andreev V.A. Competitiveness. Kazan: CIT, 2004. 468 p.
4. Vinogradov A.S. Socio-psychological and economic aspects of the competitiveness of enterprises. M.: Publishing house "Pero", 2021. – 154 p.
5. Voronov A. Competition in the XXI century / A. Voronov // Marketing. 2001. No. 5. pp. 16-24.
6. Gorobets A.V. Organizational forms of innovation implementation in large high-tech companies. Moscow: "Pero" M., 2014.158p.
7. Zavyalov P.S. Competitiveness and marketing / P.S. Zavyalov // Russian Economic Journal. 2005. № 12. C. 50-58
8. Mironov M. G. Your competitiveness. Moscow:Alfa-Press, 2010. 160 p.
9. Mitina L. M. Psychology of competitive personality development. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: Publishing house of NGO "MO-DEK", 2003.400p.
10. Plugareva A.B. Development of competitiveness of a student's personality at a university// Materials of the regional interuniversity scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists "Moloda nauka - 2007". - Pyatigorsk: PGLU, 2007.286p.
11. Posokhova A.V. Features of entrepreneurship as a professional activity//Acmeology. 2014. No. S3-4. pp. 145-146
12. Seleznev A.Z. Competitive positions and infrastructure of the Russian market. Moscow: Yurid, 1999. - 139 p.
13. Tokareva E.V. Competitiveness of personality - the key to success in professional activity // Psychology and school:2008. – No.3 July-September 2008. – pp. 76-83
14. Utkin E.A. Management course. Textbook for universities. Moscow: Zertsalo, 2016. 368s.
15. Fashiev H.A. How to measure the competitiveness of an enterprise?// Marketing in Russia and abroad. 2003. No. 4. pp. 53-58.
16. Fatkhutdinov R.A. Managing the competitiveness of an organization. Moscow: Eksmo. 2005. 544c.
17. Tsarkova S.V. Methodological aspects of the study of the competitiveness of the transitional economy of Russia / S.V. Tsarkova: Abstract. dis. M., 1999. 23 p.
18. Shapovalov V.I. Competitiveness of a student in the system of pedagogical management Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2012. No. 2 (20). pp.116-120
19. Shmelev A.G. Competition as a meta-category of modern psychology. Message 1 //Bulletin of SUSU. The series "Psychology". 2014. Volume 7. No. 3. pp.105-115.

УДК 159.9**Половозрастные особенности психологического здоровья современных подростков****Голованова Елена Геннадьевна**

Кандидат сельскохозяйственных наук,
старший преподаватель,
Оренбургский государственный педагогический университет,
460000, Российская Федерация, Оренбург, ул. Советская, 19;
e-mail: gole77@yandex.ru

Аннотация

Подростковый возраст сопровождается интенсивными физиологическими и психологическими изменениями, активным развитием всех психических структур и свойств, что делает его периодом особого внимания исследователей. В современном мире подростки сталкиваются с множеством сложных вызовов и стрессов, во многом отличных от тех, что существовали у предыдущих поколений их сверстников даже 10-15 лет назад. В числе таких вызовов и стрессов зачастую рассматриваются экологические, социально-экономические, культурные, информационные факторы, затрагивающие различные стороны развития подростка. Целью исследования стало выявление половозрастных особенностей психологического здоровья подростков. С применением опросного («Методика диагностики индивидуальной модели психологического здоровья» А.В. Козлова) и математико-статистического (непараметрический критерий различий U-Манна-Уитни) методов было выявлено, что в подростковом возрасте отдельные параметры психологического здоровья неодинаково проявляются у мальчиков и девочек. Психологическое здоровье девочек характеризуется наибольшей выраженностью просоциального, творческого, гуманистического векторов, а психологическое здоровье мальчиков – выраженными Я-вектором и интеллектуальным вектором. Полученные результаты, несомненно, не раскрывают всей специфики феномена психологического здоровья подростков, однако могут учитываться при оказании психологической помощи подросткам в поддержании их психологического здоровья, его укреплении. Перспективу исследования составляет необходимость рассмотрения различных факторов, влияющих на психологическое здоровье подростков, в том числе в половозрастном аспекте.

Для цитирования в научных исследованиях

Голованова Е.Г. Половозрастные особенности психологического здоровья современных подростков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 2А. С. 211-218.

Ключевые слова

Психологическое здоровье, подростковый возраст, половозрастные особенности подростков, психологическое здоровье подростков, психологическое здоровье мальчиков и девочек подросткового возраста.

Введение

Подростковый возраст сопровождается интенсивными физиологическими и психологическими изменениями, активным развитием всех психических структур и свойств, что делает его периодом особого внимания исследователей. В современном мире подростки сталкиваются с множеством сложных вызовов и стрессов, во многом отличных от тех, что существовали у предыдущих поколений их сверстников даже 10-15 лет назад. В числе таких вызовов и стрессов зачастую рассматриваются экологические, социально-экономические, культурные, информационные факторы, затрагивающие различные стороны развития подростка. В совокупности с пубертатным кризисом данные факторы могут во многом определять особенности психологического здоровья подростков. В свою очередь, психологическое здоровье подростков тесно связано с их способностью адаптироваться к быстро меняющемуся миру, влияет на степень самопонимания, развитие эмоционального и социального интеллекта и установление здоровых межличностных отношений. Понимание особенностей психологического здоровья современных подростков является важным элементом в организации психологической поддержки и помощи в успешном прохождении подросткового кризиса на пути к становлению зрелой и устойчивой личности.

Целью данного исследования стало выявление половозрастных особенностей психологического здоровья подростков.

В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что в подростковом возрасте отдельные параметры психологического здоровья могут неодинаково проявляться у мальчиков и девочек, что связано с половозрастными особенностями взросления.

Основная часть

В психологических исследованиях понятие психологического здоровья рассматривается как комплексный аспект человеческого благополучия, характеризующий не только отсутствие психических расстройств, но и позитивные аспекты психического функционирования. Психологическое здоровье охватывает такие ключевые элементы, как эмоциональная стабильность, уровень стрессоустойчивости, способность к адаптации, качество межличностных отношений и общественная поддержка. В позитивной трактовке данная категория интегрирует такие параметры как чувство счастья, удовлетворенность жизнью, самоактуализация и развитие личностных ресурсов. Это понятие основывается на представлении о человеке как о целостной личности, включающей физическое, психическое и социальное измерения.

Психологическое здоровье трактуется неодинаково разными исследователями, например:

- как психологическое свойство развитой личности, сущность которого составляют такие взаимосвязанные и взаимообусловленные переменные как психологическая грамотность, психологическая культура, психическое здоровье и психологическое благополучие (И.В. Дубровина) [Дубровина, 2022];
- как динамическая совокупность психических свойств, обеспечивающих гармоничное развитие и характеризующихся по аксиологическому, инструментально-технологическому, потребностно-мотивационному, развивающему и социально-культурному компонентам (О.В. Хухлаева) [Хухлаева, 2007];
- как процесс и результат благополучного развития субъективной реальности индивида.

Норма рассматривается как наиболее оптимальный вариант развития личности с учетом индивидуальных и возрастных аспектов (А.В. Шувалов) [Шувалов, 2009];

- как системное свойство индивидуального развития личности в разные возрастные периоды, находящее отражение в особенностях индивидуально-психологических свойств субъекта (саморазвитие, саморегуляция, самореализация), взаимоотношений с окружающим миром (Н.Н. Колотий, С.Н. Цилюрик) [Колотий, Цилюрик, 2004];
- как интегральная характеристика личности, проявляющаяся в ряде сфер ее реализации: целеполагание, межличностные отношения, самоотношение и автономность, творческое самовыражение, духовность, интеллектуальное развитие и совершенствование, семейные отношения, гуманистическая позиция (А.В. Козлов) [Козлов, 2014].

Так, можно видеть, что категория психологического здоровья имеет множество различных трактовок, в зависимости от исследовательской позиции автора и акцентирования внимания на тех или иных составляющих и сферах проявления феномена. Обобщая различные точки зрения, под психологическим здоровьем мы будем понимать характеристику личности, интегрирующую различные аспекты ее функционирования и определяющую общее благополучие субъекта в отношениях с самим собой и с миром. Вслед за А.В. Козловым, нами будут рассмотрены 8 векторов проявления психологического здоровья, составляющие его профиль, т.к., на наш взгляд, данная концепция в наибольшей мере позволяет рассмотреть интересующий нас феномен в совокупности его различных проявлений.

Материалы и методы

В проведенном исследовании приняли участие 86 подростков в возрасте 12-15 лет, в числе которых 46 девочек и 40 мальчиков. Все испытуемые характеризуются нормативным развитием (не имеют выраженных особенностей психического и психологического развития), обучаются в общеобразовательных классах.

Для получения эмпирических данных об особенностях психологического здоровья подростков нами применялась «Методика диагностики индивидуальной модели психологического здоровья» А.В. Козлова [там же]. Применяемая методика позволяет диагностировать соотношение выраженности различных векторов проявления психологического здоровья (стратегический вектор (ориентация на цель, уравновешенность), просоциальный вектор, Я-вектор, творческий вектор, духовный вектор, интеллектуальный вектор, семейный вектор, гуманистический вектор), а также общий (интегральный) показатель психологического здоровья личности (по уровням на основании стэновых показателей).

Обработка данных осуществлялась с применением математико-статистического метода для проверки различий в показателях психологического здоровья мальчиков и девочек подросткового возраста и проверки гипотезы (непараметрический критерий различий U-Манна-Уитни).

Результаты

Анализ полученных эмпирических данных позволил построить следующие профили психологического здоровья мальчиков и девочек подросткового возраста (рис. 1).

По данным, представленным на рисунке 1, можно видеть, что у мальчиков и девочек подросткового возраста отдельные параметры проявления психологического здоровья

представлены неодинаково. В частности, у девочек можно видеть несколько более высокие показатели большинства векторов проявления психологического здоровья. Наиболее значимые различия отмечаются по просоциальному, творческому и гуманистическому векторам (с достоверностью при $p < 0,01$ и $p < 0,05$ по U-Манна-Уитни).

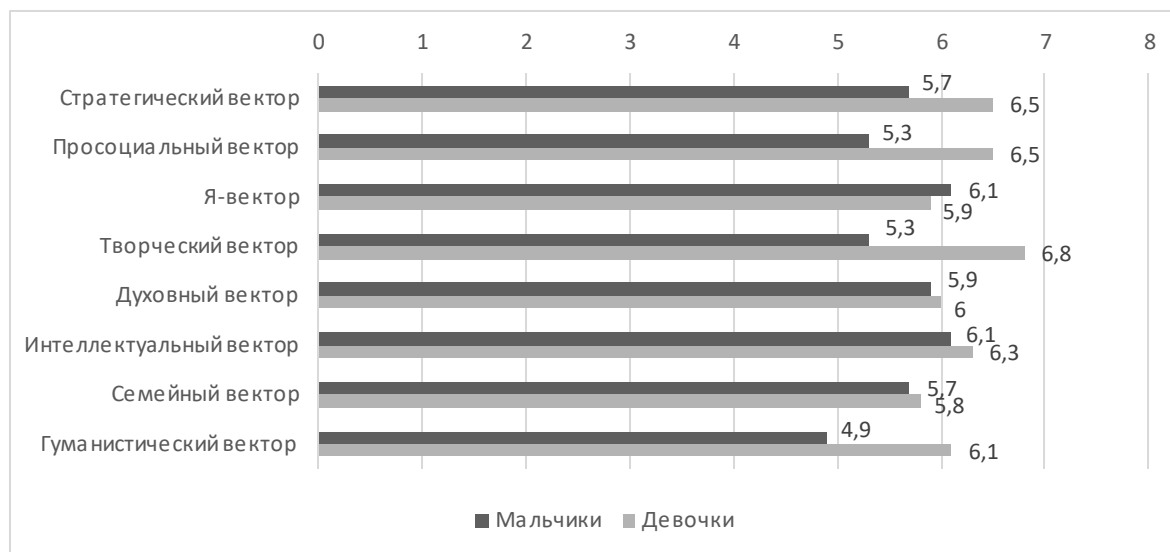

Рисунок 1 - Сравнительный профиль психологического здоровья мальчиков и девочек подросткового возраста

При этом Я-вектор – единственный параметр, более выраженный у мальчиков (с достоверностью при $p < 0,05$ по U-Манна-Уитни). Такие результаты свидетельствуют о том, что у девочек подросткового возраста психологическое здоровье чаще проявляется на близком к высокому уровню в большинстве сфер жизни (большинство средних показателей лежат в диапазоне 6-7 стэнов): оно способны ставить цель, удерживать ее, проявлять уравновешенность в достижении своих целей; способны выстраивать отношения с окружающими на основе общепринятых норм и правил, доброжелательно взаимодействовать с людьми; стремятся к творческим самопроявлениям, интеллектуальному развитию, реализации гуманистических принципов в отношениях с миром. У мальчиков большинство показателей лежит в диапазоне среднего уровня (до 6 стэнов), при этом они ориентированы на проявления своего Я, его отстаивание, приоритет собственного мнения, потребностей в отношениях с людьми (по выраженности Я-вектора выше среднего), а также на интеллектуальное развитие и совершенствование. Примечательно, что наименее выраженным в группе мальчиков оказывается гуманистический вектор (среднее – менее 5 стэнов, в сравнении с другими показателями), что может проявляться в некоторой «черствости», ситуативном отрицании гуманистических ценностей и принципов, эгоизме.

По общему уровню психологического здоровья у мальчиков и девочек подросткового возраста различия не столь очевидны (рис. 2).

По общему уровню психологического здоровья не выявляется статистически значимых различий в показателях, полученных в группах мальчиков и девочек подросткового возраста. Однако, как показано на рисунке 1, высокий уровень психологического здоровья несколько чаще проявляется у девочек, что свидетельствует о большем числе «здоровых» жизненных сфер. При этом у мальчиков можно видеть несколько большее число показателей низкого уровня.

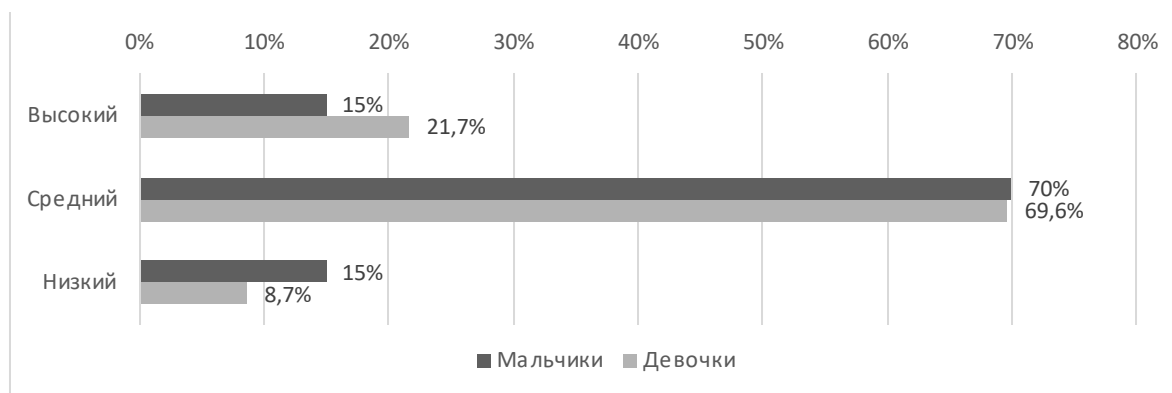

Рисунок 2 - Общий уровень психологического здоровья у мальчиков и девочек подросткового возраста

Обсуждение

Полученные результаты позволяют подтвердить предположение о том, что в подростковом возрасте отдельные параметры психологического здоровья могут неодинаково проявляться у мальчиков и девочек: нами обнаружено, что по просоциальному, творческому и гуманистическому векторам психологическое здоровье девочек подросткового возраста является более выраженным, а по Я-вектору обнаруживается большая выраженность психологического здоровья у мальчиков подросткового возраста. Такие результаты могут объясняться спецификой социокультурного влияния на развитие подростков разного пола. В частности, полученные в группе девочек-подростков данные указывают на то, что девочки более благополучны в отношениях с окружающими в силу их большей «нормативности», способности «сглаживать» противоречия. Они более ориентированы на творчество и созидательную деятельность, что может быть обусловлено широким разнообразием творческих видов деятельности, к которым чаще приобщают именно девочек, начиная с ранних возрастов (рисование, танцы, музыка и т.п.). Помимо этого, для девочек-подростков более характерно следование гуманистическим ценностям и принципам: они готовы прийти на помощь близким, выслушать и понять, прощать ошибки. В совокупности такие результаты девочек-подростков могут быть связаны с усвоением стереотипного женского образа, характеризующегося мягкостью, преобладанием творческого начала. У мальчиков можно видеть преимущественно средние показатели по векторам психологического здоровья. При этом наиболее выраженными оказываются Я-вектор и интеллектуальный вектор, что в совокупности дает представления о психологическом здоровье мальчиков в сфере отстаивания своего Я, понимания ценности собственной личности, ее автономности при значимости интеллектуального развития и совершенствования. Такие результаты также могут быть обусловлены особенностями гендерной социализации, стереотипов мужского образа с характеристиками независимости, сильного Я, интеллекта.

В целом, при отсутствии значимых различий в общем уровне психологического здоровья у мальчиков и девочек с преобладанием показателей среднего уровня в обеих группах, можно говорить о том, что, несмотря на выявленные различия, отдельные векторы психологического здоровья, являясь более выраженными, могут «компенсировать» менее выраженные векторы и обеспечивать некий условный баланс сфер жизни как основу общего психологического здоровья подростков.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить, что существуют половозрастные особенности психологического здоровья подростков: отдельные векторы психологического здоровья как жизненные сферы его проявления неодинаково представлены у мальчиков и девочек подросткового возраста. Психологическое здоровье девочек характеризуется наибольшей выраженностью просоциального, творческого, гуманистического векторов, а психологическое здоровье мальчиков – выраженными Я-вектором и интеллектуальным вектором. Полученные результаты, несомненно, не раскрывают всей специфики феномена психологического здоровья подростков, однако могут учитываться при оказании психологической помощи подросткам в поддержании их психологического здоровья, его укреплении. Перспективу исследования составляет необходимость рассмотрения различных факторов, влияющих на психологическое здоровье подростков, в том числе в половозрастном аспекте.

Библиография

1. Дубровина И.В. Психологическое здоровье личности как феномен // Гуманизация образования. 2022. № 4. С. 35-43.
2. Елагина А.С., Оздамирова Л.М. Концептуальные подходы к формированию когнитивной модели эмоционального интеллекта // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 3А. С. 274-279. DOI: 10.34670/AR.2022.85.75.035
3. Елагина А.С., Смирнова О.О. International experience in organizing psychological counseling for rural adolescents // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5В. С. 238-244.
4. Козлов А.В. Методика диагностики психологического здоровья // Перспективы науки и образования. 2014. № 6 (12). С. 110-117.
5. Колотий Н.Н., Цилюрик С.Н. Особенности социально-психологической адаптации первоклассников к условиям обучения в динамике года // Здоровье, обучение, воспитание детей и молодежи в XXI веке. М., 2004. С. 68-72.
6. Хухлаева О.В. Психологическое здоровье учащихся как цель работы школьной психологической службы // Школьный психолог. 2007. № 14. URL: <https://psy.lsept.ru/article.php?ID=200701402>
7. Шувалов А.В. Психологическое здоровье человека // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 4 (15). С. 87-101.
8. Brassai L., Piko B. F., Steger M. F. Meaning in life: Is it a protective factor for adolescents' psychological health? // International journal of behavioral medicine. – 2011. – Т. 18. – С. 44-51.
9. Goldfield G. S. et al. Physical activity and psychological adjustment in adolescents // Journal of Physical Activity and Health. – 2011. – Т. 8. – №. 2. – С. 157-163.
10. Greenleaf C., Petrie T. A., Martin S. B. Relationship of weight-based teasing and adolescents' psychological well-being and physical health // Journal of school health. – 2014. – Т. 84. – №. 1. – С. 49-55.

Gender and age characteristics of the psychological health of modern adolescents

Elena G. Golovanova

PhD in Agricultural Science, Senior Lecturer,
Orenburg State Pedagogical University,
460000, 19, Sovetskaya str., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: gole77@yandex.ru

Abstract

Adolescence is accompanied by intense physiological and psychological changes, the active development of all mental structures and properties, which makes it a period of special attention of researchers. In today's world, teenagers face many complex challenges and stresses, much different from those that existed for previous generations of their peers even 10-15 years ago. Among such challenges and stresses, environmental, socio-economic, cultural, and informational factors affecting various aspects of adolescent development are often considered. The purpose of the study was to identify gender and age characteristics of the psychological health of adolescents. Using a survey ("Methodology for diagnosing an individual model of psychological health" by A.V. Kozlov) and mathematical-statistical (nonparametric U-Mann-Whitney difference test) methods, it was revealed that in adolescence, certain parameters of psychological health manifest themselves differently in boys and girls. The psychological health of girls is characterized by the greatest expression of prosocial, creative, humanistic vectors, and the psychological health of boys is characterized by the most pronounced I-vector and intellectual vector. The results obtained, undoubtedly, do not reveal all the specifics of the phenomenon of psychological health of adolescents, however, they can be taken into account when providing psychological assistance to adolescents in maintaining their psychological health and strengthening it. The prospect of the study is the need to consider various factors influencing the psychological health of adolescents, including in the gender and age aspect.

For citation

Golovanova E.G. (2024) Polovozrastnye osobennosti psikhologicheskogo zdorov'ya sovremennykh podrostkov [Gender and age characteristics of the psychological health of modern adolescents]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (2A), pp. 211-218.

Keywords

Psychological health, adolescence, gender and age characteristics of adolescents, psychological health of adolescents, psychological health of teenage boys and girls.

References

1. Dubrovina I.V. (2022) Psikhologicheskoe zdorov'e lichnosti kak fenomen [Psychological health of the individual as a phenomenon]. *Gumanizatsiya obrazovaniya* [Humanization of education], 4, pp. 35-43.
2. Elagina A.S., Ozdamirova L.M. (2022) Kontseptual'nye podkhody k formirovaniyu kognitivnoi modeli emotsional'nogo intellekta [Conceptual approaches to the formation of a cognitive model of emotional intelligence]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (3A), pp. 274-279. DOI: 10.34670/AR.2022.85.75.035
3. Elagina A.S., Smirnova O.O. International experience in organizing psychological counseling for rural adolescents // *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5B), pp. 238-244.
4. Khukhlaeva O.V. (2007) Psikhologicheskoe zdorov'e uchashchikhsya kak tsel' raboty shkol'noi psikhologicheskoi sluzhby [Psychological health of students as the goal of the school psychological service]. *Shkol'nyi psikholog* [School psychologist.], 14. Available at: <https://psy.lsept.ru/article.php?ID=200701402> [Accessed 02/02/2024]
5. Kolotii N.N., Tsilyurik S.N. (2004) Osobennosti sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii per-voklassnikov k usloviyam obucheniya v dinamike goda [Features of socio-psychological adaptation of first-graders to learning conditions in the dynamics of the year]. In: *Zdorov'e, obuchenie, vospitanie detei i molodezhi v XXI veke* [Health, education, education of children and youth in the XXI century]. Moscow.
6. Kozlov A.V. (2014) Metodika diagnostiki psikhologicheskogo zdorov'ya [Methodology for diagnosing psychological health]. *Perspektivny nauki i obrazovaniya* [Perspectives of science and education], 6 (12), pp. 110-117.

7. Shuvalov A.V. (2009) Psikhologicheskoe zdorov'e cheloveka [Psychological health of a person]. *Vestnik PSTGU IV: Pedagogika. Psikhologiya* [Bulletin of PSTSU IV: Pedagogy. Psychology], 4 (15), pp. 87-101.
8. Brassai, L., Piko, B. F., & Steger, M. F. (2011). Meaning in life: Is it a protective factor for adolescents' psychological health?. *International journal of behavioral medicine*, 18, 44-51.
9. Goldfield, G. S., Henderson, K., Buchholz, A., Obeid, N., Nguyen, H., & Flament, M. F. (2011). Physical activity and psychological adjustment in adolescents. *Journal of Physical Activity and Health*, 8(2), 157-163.
10. Greenleaf, C., Petrie, T. A., & Martin, S. B. (2014). Relationship of weight-based teasing and adolescents' psychological well-being and physical health. *Journal of school health*, 84(1), 49-55.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница].
Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
 - substantive (to reflect the main content of an article and research results);
 - structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.